

ПРЕМ ЧАНД ТЮЛЕ БИТВЫ

ПРЕМ
ЧАНД

ТЮЛЕ БИТВЫ

ПРЕМ ЧАНД

ПОЛЕ ДИВ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958**

ПРЕМ
ЧАНД

ПОЛЕ БИТВЫ

РОМАН

*Перевод с хинди
Н. Рабиновича*

Послесловие
Ю. НАСЕНКО

Оформление художника
В. Сурикова

Почтительное обращение автора

Многие читатели романа пожелают увидеть в книге исторические события, то есть события достоверные. Именно к этим читателям и адресует автор свое почтительное обращение. Пусть они знают, что и герои этой книги, и места действия в ней — все это вымысел автора. Вполне возможно, что немало людей носят имена лалы¹ Самарканта и Амарканта, Сукхды и Найны, Салима и Сакины. Но надо помнить, что между вымышленными героями и реальными людьми существует такая же разница, как между творениями всевышнего и плодами рук человека, созданного всевышним.

Автор придумал и названия Каши и Харидвар, хотя вполне возможно, что в местах паломничества, известных под этими названиями в Соединенных провинциях, вы наблюдали сцены, описываемые в романе. Да автор и не мог придумать такие имена и названия, относительно которых был бы уверен, что они реально не существуют.

Впрочем, что же плохого в имени Амаркант или в названии Каши? Вместо Амарканта мог быть Тамаркант, а вместо Каши — Таси, Думдал или Дампу. Мы встречали немало странных имен и названий и не удивились бы, если бы и вам они были знакомы. Неред-

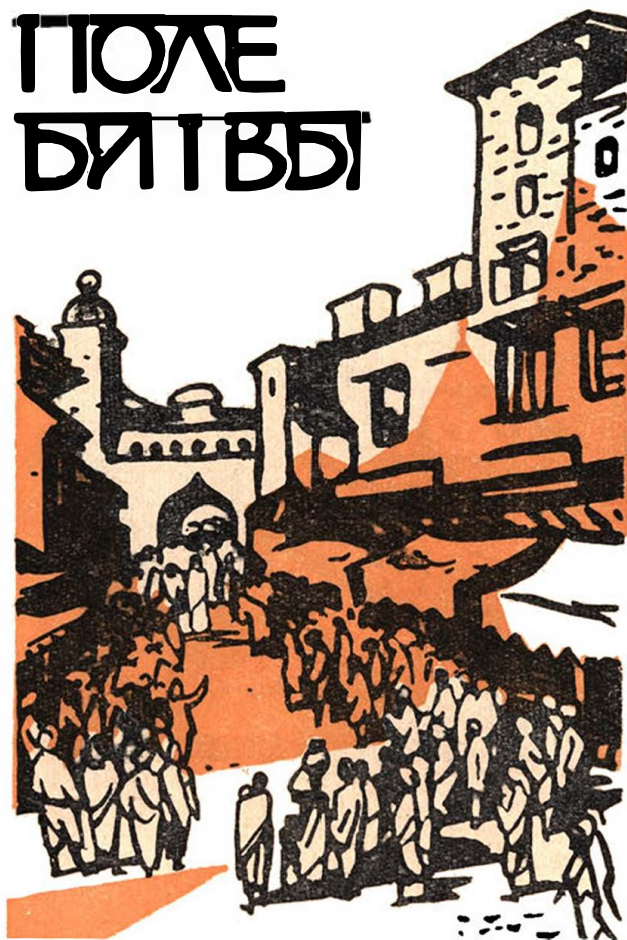
¹ Л а л а — купец.

ко мы называем свою жалкую лачугу «Обителью мира» или «Святым жилищем», а своему ничтожному сыну даем возвышенное имя Рамчандра или Харишчандра. Поэтому, выбирая красивейшие из красивых и чистейшие из чистых имен и названий, разве мы поступаем не так, как подобает?

Прем Чанд

5 сентября 1932 г.

ПОЛЕ БАТВО

Часть первая

1

Пожалуй, и налоги не взыскиваются у нас с таким рвением, с каким взимается плата за обучение в наших школах и колледжах. Устанавливают в месяце определенный день, и, будь добр, плати или уходи. Задержался со взносом — плати пеню за каждый просроченный день. Кое-где введено и такое правило:

не уплатил вовремя — сумма просроченного взноса увеличивается вдвое, а если и ко второму сроку не уплатишь, — имя твое вычеркивается из списков.

В Куинс-колледже в Каши¹ именно такой порядок. Если до седьмого числа ученик не внес плату за обучение, то двадцать первого он обязан уплатить двойную сумму, или его исключают.

Этот драконов закон преследует, безусловно, одну цель — заставить детей бедняков уйти из школы. В учебных заведениях царит то же бессердечие, тот же бюрократизм, что и в канцеляриях департаментов. Поблажек не существует ни для кого. Бери где хочешь: займи, заложь драгоценности матери, продай горшки и плюшки, укради, но обязательно внеси деньги, иначе придется платить двойную сумму или имя твое будет вычеркнуто из списка учащихся.

Даже при взыскании налога на землю и имущество предоставляются некоторые льготы. Но в учебных заведениях состраданию нет места. Там всегда «военное положение» — суровая, безжалостная власть денег. Опоздал — штраф, не пришел — штраф, не выучил урока — штраф, не купил учебника — штраф, совершил проступок — штраф. Разве это учебное заведение? Скорее, контора по взиманию штрафов. Таков наш сколок с прославляемой до небес системы западного обучения. Удивительно ли, что из подобной «колыбели наук» выходит человек, готовый за деньги перерезать глотку бедняку, продать свою совесть?

Сегодня — день внесения платы. На столах учителей — груды денег, со всех сторон доносится приглушенный звон монет. Даже в лавках мянял не услышишь подобной музыки. Учителя превращаются в чиновников по сбору налогов. Ученики один за другим подходят к столу, кладут деньги и возвращаются на место.

Сейчас март; следует внести плату за апрель, май, июнь, а также за экзамены. В десятом классе каждый ученик должен уплатить сорок рупий.

Учитель называет имя двадцатого:

— Амаркант!

Амаркант отсутствует. Учитель удивлен:

— Разве его сегодня не было?

¹ Каши — одно из названий г. Бенареса.

— Был. Наверное, вышел куда-нибудь, — отвечает один из мальчиков.

— Он что, не принес денег?

Молчание. На лице учителя мелькает сожаление. Амаркант — хороший ученик.

— Вероятно, пошел за деньгами, — говорит он. — Если не принесет сейчас, придется внести двойную плату. Ничего не поделаешь. Ну что ж, тогда следующий — Габардханлал!

Но тут поднимается один из учеников.

— Разрешите, я пойду посмотрю, где Амар.

— Верно, по дому соскучился? — улыбается учитель. — Хорошо, иди, но не больше чем на десять минут. Не мое дело — бегать за вами и заставлять вносить плату.

— Я сейчас же вернусь, — уверяет юноша. — Только загляну во двор.

Это был способный ученик и первый в школе заводи́ла. Он вечно то исчезал из школы, то снова появлялся с ворохом новостей; постоянные штрафы его не смущали. Светлолицый, высокий, ловкий и шеголеватый, он всегда был в движении, пенился весельем. Имя его было Мухаммад Салим.

Амаркант и Салим сидели за одной партой. Амаркант частенько помогал соседу решить задачу или перевести текст. Обычно Салим попросту списывал задание у Амарканта. Так зародилась их дружба. Другой нитью, связывавшей двух юношей, была поэзия: Салим писал стихи, Амаркант с удовольствием их слушал.

Выйдя во двор, Салим огляделся: друга нигде поблизости не было. Сделав несколько шагов, он увидел, что Амаркант притаился за стволом большого дерева. Салим окликнул его:

— Амар! Эй, чувак, иди скорее, плати деньги. Пандит-джи сердится.

Амаркант вытер глаза полкой куртки и, подойдя к Салиму, спросил:

— Моя очередь уже прошла?

Салим взглянул на покрасневшие глаза друга, и ему стало не по себе: ведь сам он, сколько себя помнит, едва ли хоть раз плакал.

— Э, да ты слезу пустил! В чем дело? — удивленно спросил Салим.

Амаркант был смуглый худощавый юноша небольшого роста. Несмотря на то что ему уже исполнилось двадцать лет, даже пушок не пробивался над его верхней губой. По виду ему можно было дать лет четырнадцать — пятнадцать. Лицо его выражало какую-то мучительную, почти отчаянную решимость, словно он переживал тяжелую утрату; но в то же время его взгляд был исполнен ума и доброты. Увидев такое лицо хоть раз, не забудешь до конца жизни.

Улыбнувшись, Амар сказал:

— Все хорошо, друг, никто не плачет.

— Как же никто? Ты плачешь. Скажи правду, что с тобой стряслось?

Глаза Амарканта вновь увлажнились. Несмотря на все усилия, он не мог сдержаться. Салим понял.

— Это все из-за взноса? — схватив друга за руку, спросил он. — Дурачина, что же ты раньше не сказал? Будто я тебе чужой! Ну и чудак же ты, клянусь аллахом! Бить тебя некому! Разве я тебе не друг? Идем в класс, у меня есть деньги. Из-за всякой ерунды реветь целый час! Скажи еще спасибо, что учитель разрешил мне выйти, иначе имя некоего господина уже вычеркнули бы из списков.

Амаркант немного успокоился, но буйная сердечность друга была ему тягостна.

— А пандит-джи согласится? — спросил он.

Салим вспылал.

— Подумаешь, пандит-джи! Это не им установлено. Но ты — ты сущий шайтан. Хорошо еще, что у меня оказались деньги, не то был бы тебе урок! Ладно, хватит об этом. Послушай лучше новую газель¹ да похвали меня.

Ты вспомнил о моей любви, ты не забыл меня,
И это — счастье, это свет сегодняшнего дня².

Амаркант в данный момент меньше всего был расположен воспринимать красоты поэзии. Но — что делать — приходилось слушать.

— Тонкая вещь! Здорово сказано! У тебя удивительный язык.

¹ Газель — поэтическая форма, небольшое лирическое, чаще всего любовного содержания, стихотворение.

² Стихи здесь и дальше в переводе Г. Ярославцева.

— Это особая вещица, братец! Ведь созвучье слов — еще не газель. Послушай-ка дальше:

Боль тупая грудь сдавила вновь:
Снова вспомнил я твою любовь.

Амаркант снова выразил свое восхищение:

— Бесподобно! Как тебе удастся сочинять такие стихи?

Салим рассмеялся.

— Так же точно, как тебе решать задачи, писать статьи и произносить речи в ассоциации. Идем купим бетель.

Набивая рот бетелем, оба друга направились в класс.

— Ну и попадет нам от пандита-джи! — с тревогой заметил Амар.

— Но ведь мы принесем деньги.

— А если он спросит, где я был?

— Скажи, бегал домой за деньгами.

— Нет, я так не могу. Придется сказать правду.

— Попробуй только! Я тебе так всыплю!

Вечером, по окончании занятий, когда друзья шли домой, Амаркант заикнулся было:

— Ты сегодня так любезно пре...

Но Салим зажал ему рот рукой.

— Оставь! Ни слова об этом! И во сне не вспоминай.

Справившись с новым приступом смущения, Амар спросил:

— Пойдем сегодня на собрание?

— А какая повестка дня? Я что-то забыл.

— Все то же: западная цивилизация.

— Тогда расскажи что к чему, а то я понятия не имею, о чем говорить.

— Что же рассказывать? Мы все знаем пороки западной цивилизации. Об этом и говори.

— Ты, может, и знаешь, а я — нет.

— Да возьми хоть образование. Ведь у нас, куда ни глянешь, всюду торгашество. Торгуют правосудием, медицинской помощью, образованием. Тут можно многое сказать.

— Ну хорошо, приду.

Отец Амара, лала Самаркант, был предприимчивым человеком. В наследство от отца он получил лишь ветхую лачугу, но теперь ворочал немалыми деньгами. Начал с небольшого: был посредником в торговле куркумой¹, затем переключился на патоку и рис. В течение трех лет круг его деятельности постепенно расширялся, и вот с посредничеством, наконец, покончено: лала Самаркант занялся ростовщичеством. Он смело ссужал деньгами даже таких людей, перед которыми были закрыты двери всех других ростовщиков, и неизменно оставался в барышах. Лала Самаркант не понимал, как это у людей пропадают деньги. Упорный и неугомонный, еще затемно отправлялся он к Гангу для совершения омовения и, поклонившись Вишванатху², к восходу солнца был уже в лавке. Сделав необходимые распоряжения счетоводу, он уходил собирать долги и возвращался домой лишь после полудня. Поев, снова шел в лавку и оставался там до полуночи. Здоровый, крепкий мужчина, он ел только раз в день, но ел плотно. Несмотря на свой почтенный возраст, лала-джи все еще мог раз двести — двести пятьдесят сряду выжать мугдар³.

Мать Амарканта умерла, когда он был еще ребенком. По совету друзей отец его женился вторично. Семилетний мальчик всем сердцем потянулся к мачехе, но вскоре понял, что эта чужая женщина не станет смотреть сквозь пальцы на его капризы и шалости. У родной матери он был единственным сыном, баловнем и озорником, не знавшим никаких запретов. У новой жены отца не нашлось для пасынка душевного тепла, она не прощала ему даже пустяков. Постепенно мальчик возненавидел мачеху. Его всегда так и подмывало делать именно то, что она запрещала. Дерзил он и отцу. Узы любви не связывали их. Все в отце вызывало у сына глухой протест: отец любил сливки — сын их терпеть не мог, отец чтил богов — сын считал это ханжеством, отец выше всего на свете ставил деньги — сын плевал на них.

¹ Куркума — травянистое растение семейства имбирных.

² Вишванатх — эпитет бога Шивы.

³ Мугдар — спортивный снаряд.

Случается же так, что дурное порождает хорошее. Обычно дети — продолжатели дел отцов: ростовщик порождает ростовщика, пандит — пандита, адвокат — адвоката, крестьянин — крестьянина. Но здесь ненависть превратила сына ростовщика во врага стяжательства. То, против чего отец возражал, вызывало у сына горячее одобрение, что отца восхищало — сына отталкивало. Юноша ежедневно был свидетелем темных проделок, ростовщических уловок отца, и у него родилось отвращение к этому занятию. Если хотите, назовите это предопределением, но мы скажем, что взгляды Амарканта явились плодом его ненависти к отцу.

Счастье еще, что у лалы-джи не было других сыновей, иначе наверняка Амару пришлось бы уйти из дома. Самарканту деньги были дороже сына. И вот парадокс: сын не нуждался в богатстве, но богатство требовало сына. Мачеха втайне лелеяла мечту изгнать пасынка и этим очистить дорогу для своей ненаглядной Найны, однако здесь она натолкнулась на твердую волю мужа.

Но самое забавное заключалось в том, что Найна обожала брата, а если в сердце Амарканта и был теплый уголок для родных ему по крови людей, то уголок этот принадлежал именно Найне. Девочка так походила лицом на брата, словно у них была одна мать. Сходство это еще больше сближало их. Опьяненный любовью к сестре, мальчик забывал о семейном разладе. Матери хотелось держать дочь как можно дальше от Амарканта, внушить ей, что этот мальчишка — совсем неподходящая компания для девочки. Но детская натура Найны воспротивилась этим козням. В доме не было других детей, а девочке необходим был товарищ. Пылкая любовь брата и сестры в конце концов отравила в женщине чувство материнства, дочь потеряла цену в ее глазах, и она покинула этот мир, унеся с собой мечту о сыне.

Теперь Найна осталась в доме одна, и следовало что-то предпринять. Самаркант понимал всю порочность ранних браков: ¹ ведь он не сумел устроить даже

¹ В Индии были распространены детские браки. В настоящее время они запрещены законом.

свою личную жизнь. Понимал он также и то зло, которое влечет за собой брак в преклонном возрасте. Оставалось только женить Амарканта. Уж против этого-то возражать никто не станет!

Амарканту шел девятнадцатый год, но он выглядел совсем как мальчик, слабый телом, незрелый умом, словно деревце, выросшее без света. Его детство и отрочество прошли в тяжелой обстановке семейного разлада, в бесконечных столкновениях с мачехой. Он проучился десять лет, а дополз лишь до восьмого класса. Но для заключения брака все это несущественно: здесь важно другое — деньги, особенно в среде людей, построивших свое благополучие на торговле. Начались переговоры с богатой семьей из Лакнау. Тут даже у Самарканта потекли слюнки: у девушки, кроме матери-вдовы, не было ни одного родственника, а денег — хоть пруд пруди. Такая невеста — дар судьбы!

Воспитывая дочь, мать ее как бы осуществила свою несбывшуюся мечту о сыне: вместо отречения от жизни в девушке кипела жажда наслаждений, скромность нрава заменялась у нее пылкостью, мягкость — горячностью. Она не научилась уступать, поддаваться чужой воле. И эта-то девушка с мужским характером была отдана в жены юноше с женским характером, юноше, не обладавшему ни одним мужским качеством. Поменяйся они одеждами — и каждый из них оказался бы как раз на своем месте. Ведь женственность — всего лишь подавленное мужество.

Уже минуло два года со времени их свадьбы, но в жизни молодой четы так и не наступило гармонии. Каждый из них шел своим путем, по-своему мыслил и поступал, у каждого был свой особый духовный мир. Они жили, чуждые друг другу, словно два существа, выросшие на разных широтах, привыкшие к разным условиям, а теперь оказавшиеся в одной комнате. Но именно со времени женитьбы в характере Амарканта стали появляться новые черты: выдержка и упрямство. Своиственные ему ранее безволие и апатия сменились мягкой настойчивостью. Пробудился интерес к наукам. Лаладжи желал, чтобы сын стал продолжателем его дела; Амаркант считал, что для этого серьезные знания не нужны, и долгое время занимался через пень-колоду.

Теперь же он походил на путника, который позволил себе некоторый отдых и сейчас, полный сил, наверстывает упущенное время.

3

Вернувшись из школы, Амаркант, по обыкновению, отправился в свою комнатку и сел за прялку. В этом огромном доме, где хватило бы места для целого свадебного поезда, он облюбовал крошечную каморку. Вот уже несколько месяцев, как, несмотря на возражения отца, он, выполняя взятый на себя обет, ежедневно проводил здесь два часа за прялкой.

Дом был большой, но приспособлен он был не для жилья, а для хранения денег. Нижний этаж представлял собой обширное помещение, пригодное лишь под склад. Сюда не было доступа ни воздуху, ни свету: ведь вместе с ними мог проникнуть и вор. Каждый камень в стенах этого этажа дышал страхом перед грабителями. В двух верхних этажах комнаты были большие и светлые. Пища готовилась внизу, жизнь протекала наверху. Окна двух верхних комнат выходили на улицу: одна из них принадлежала лале-джи, другая — счетоводу. Перед этими окнами был устроен навес для коров: лала-джи их глубоко чтит¹.

Когда в комнату вошла Найна, Амаркант прят.

— Ну, как с уплатой взноса? — спросила она. — У меня есть двадцать рупий, возьми их. Завтра раздобуду остальные.

— Деньги нужно было внести сегодня, — ответил Амаркант, не переставая сучить нить. — Теперь они ни к чему: меня уже вычеркнули из списков.

Брат и сестра были так похожи, что, если бы Амаркант надел сари, трудно было бы отличить их друг от друга. Но разница все же была: худощавость брата смягчалась в сестре обаянием девичества и придавала ей особую прелесть.

Амар хотел подшутить над Найной. Девочка побледнела.

— И ты не попросил подождать вычеркивать тебя? Не обещал заплатить через день-другой?

¹ Коровы в Индии считаются священными животными.

Брат наслаждался ее тревогой.

— Говорить-то говорил, да никто и слушать не стал.

— Ведь я же давала тебе свои браслеты, почему ты их не взял? — гневно воскликнула Найна.

— А если бы отец поинтересовался, где они, что бы ты ответила? — смеясь, спросил Амар.

— Зачем мне говорить отцу?

Лицо Амара сразу стало серьезным.

— Я ничего не хочу делать тайком, сестричка. Не горюй, я уплатил взнос.

Но девочка не верила.

— Уплатил? А откуда же взял деньги?

— Я говорю тебе правду. Уплатил.

— Откуда взял деньги?

— Один друг одолжил мне.

— Как же ты попросил у него?

— Просить не пришлось, он сам предложил.

— Наверное, он очень хороший человек.

— Да, хороший. Знаешь, когда начался сбор взносов, я от стыда вышел из класса. Не знаю, что со мной случилось, но я заплакал. Почему-то так горько стало, что нет у меня этих сорока рупий! Немного погодя друг пошел искать меня, увидел мои заплаканные глаза, все понял и потащил платить деньги. А ты где достала двадцать рупий?

— Не скажу.

Найна хотела удрать. Эта застенчивая двенадцатилетняя девочка была одновременно и доверчива и проныцательна. Ее легко было обмануть, но совершенно невозможно было скрыть от нее свои мысли.

Изловчившись, Амар поймал сестру за руку.

— Не отпускай, пока не скажешь, откуда деньги. Даю слово, что никому не скажу об этом.

Найна смущенно прошептала:

— Взяла у отца.

Амаркант помрачнел.

— Напрасно ты просила у него, Найна. Раз он меня знать не желает, зачем я стану брать у него хоть пайсу? ¹ Я думал, они у тебя были где-нибудь припрятаны. Если бы я знал, что ты обратишься к отцу, то

¹ П а й с а — мелкая монета, около 1¼ копейки.

сразу сказал бы, что мне деньги не нужны. Ну, а как к этому отнесся отец?

Глаза Найны налились слезами.

— Да ничего особенного. Поворчал только: мол, делать ничего не делает, а каждый день подавай ему деньги — то на книги, то на взносы, то на подписку. А потом сказал счетоводу: «Выдай двадцать рупий, вот ведь опять расход!»

Амар возмутился:

— Верни деньги, мне они не нужны.

Он швырнул монеты на пол, и они раскатились по комнате. Ни Амаркант, ни Найна не стали собирать их. Найна разрыдалась. И в этот момент в дверях неожиданно показалась фигура лалы Самарканта. Всхлипывания девочки мгновенно затихли, а Амар внутренне подобрался, приготовившись к бою.

Лала-джи был купец с ног до головы, большой и толстый, с лысым черепом, лоснящимися щеками и круглым животом. Черты лица его выражали упорство и жестокость. Войдя, он сурово сказал:

— Все крутишь! Сколько напярл за все время? Рупии на три будет?

— Прядут не ради денег, — холодно ответил Амар.

— А для чего, скажи на милость?

— Это — средство душевного очищения.

Словно соли насыпали на рану Самарканта.

— Это уже что-то новое! — прорычал он. — Никто не сомневается, что ты готовишь себя в святые, но, занимаясь «душевным очищением», не грех было бы подумать и о домашних делах! Целый день торчишь в школе, затем — за прялкой, вечером мчишься в женскую школу на собрание. А домом кто заниматься будет? Я не бык. Мне тяжело, я не сведу такого груза. Ради вас я погряз в заботах. Не мешало бы тебе хоть немного помочь мне. Ты печешься о справедливости, но где же она, твоя справедливость, если отец надрывается на работе, а сын даже не поинтересуется, как идут дела?

Амаркант вспыхнул:

— Я вам много раз говорил: не беспокойтесь обо мне. Деньги ваши мне не нужны. А вы уже человек пожилой, могли бы и не работать. Поклонялись бы спокойно богам.

— Не будет денег, лала, — по миру пойдешь, — сухо сказал Самаркант. — Не станешь благодушеествовать за прялкой. Чтобы не дожить до такого срама, помоги мне. Не болтай попусту: «мне не нужны деньги!» Кому они не нужны? Даже святые — и те готовы душу отдать ради денег. А чтобы заработать их, много сил надо положить. У кого нет этих сил, к тому деньги сами не придут. И большие люди не презирают богатства, а ты, видно, забыл, какого ты поля ягода.

Юноша ответил с прежней запальчивостью:

— Пусть весь мир продаст себя за деньги, мне они не нужны. Даже поденщик может прожить, сохранив незапятнанными душу и веру. Я хочу испытать свою судьбу.

Лала-джи не располагал временем для споров.

— Хорошо, бабу¹, — сказал он, махнув рукой. — Испытай ~~ее~~ вдосталь, но не докучай мне ежедневными просьбами о деньгах. Свои денежки я заработал в поте лица и не намерен транжирить их на твои прихоти.

Лала-джи ушел. Найна хотела бы убежать и поплакать где-нибудь в укромном уголке, но была не в силах двинуться с места. Амаркант же чувствовал себя таким опустошенным, что жизнь стала ему немила.

Сверху спустилась служанка.

— Братец, тебя зовет жена, — проговорила она.

— Убирайся! — раздраженно крикнул Амар. — Скажи, что мне некогда. «Тебя зовет жена...» Подумаешь!

Но, когда служанка повернулась, чтобы выйти, Амарканту вдруг стало совестно за свою грубость. Он мягко остановил женщину:

— Я ничего не сказал тебе, Силло. Передай, что сейчас иду. Что делает твоя рани?²

Настоящее имя Силло было Каушалья. Муж и сын ее умерли от оспы, сама же она ослепла на один глаз и немного помешалась. То, над чем обычно плачут, вызывало у нее смех, а в минуты радости она заливалась слезами. В доме ею помыкали все, даже слуги, только Амаркант относился к ней по-человечески. На его вопрос она ответила совсем разумно:

¹ Бабу — господин.

² Рани — княгиня, царица; почтительное обращение к женщине.

— Что-то пишет, а лала-джи кричит, сердится. Поэтому за тобой и послали.

Амаркант подтянулся, словно стряхнул с себя пыль после падения, и бодро взбежал наверх.

Сукхда встретила его в дверях своей комнаты.

— Тебя совсем не видно стало, — сказала она. — Вернешься из школы — сразу за прялку. Почему ты не отошлешь меня домой? Когда буду нужна — позовешь. Прошло шесть месяцев, как я вернулась от матери. С меня довольно, я хочу быть свободной.

Говоря это, она накладывала на блюда соленья и сласти, потом усадила Амарканта за стол.

Ее комната была просторнее других и лучше обставлена. Пол был устлан ковром, вдоль стен стояли мягкие стулья, а середину комнаты занимал круглый резной стол. Сквозь стеклянные дверцы шкафов поблескивали золотом корешки книг, полки в нишах пестрели безделушками, в углу приютилась фисгармония. Стены украшали картины Дхурандхара, Равивармы, были полотна и других мастеров. Все здесь говорило о достатке и хорошем вкусе.

Уже два года Сукхда была женой Амарканта. За это время она дважды по месяцу гостила у матери; последний раз это было полгода назад. Однако привязанность ее к мужу была лишь показной: слишком далеки они были друг от друга в своих помыслах. Не привыкшая к трудностям и лишениям, Сукхда опасалась ступить на путь открывателя новых земель; она хотела идти по знакомой, проторенной дорожке. Больше всего на свете она ценила радости жизни и отдавалась им всей душой.

Несколько раз Сукхда делала попытки вовлечь Амарканта в круг домашних дел: убеждала его, сердилась, раздражалась. Свекрови в доме не было, и Сукхда чувствовала себя здесь полноправной хозяйкой. Внешне хозяином дома оставался лала Самаркант, на самом деле всем верховодила его невестка. Амаркант отшучивался. Он не стремился влиять на жену. Ее жадная тяга к наслаждениям страшила юношу, словно пугало. Поля манят зеленью, ароматом зреющих хлебов, но пугало, растопырив руки, злобно грозит... Амаркант скрывал от жены свои надежды и разочарования, свои поражения и победы.

Малейшее опоздание мужа вызывало язвительные замечания Сукхды:

— Конечно, кому охота сидеть дома! Здесь ведь нет тех удовольствий, которые можно получить на стороне!

Эти постоянные упреки еще более усиливали страх перед пугалом. Чтобы подделаться к Сукхде, Амаркант временами разматывал перед ней клубок своих идей, но она отменяла все эти попытки, считая их проявлением его слабости. Она с сожалением смотрела на мужа, не оскорбляя его склонности к самопожертвованию, но и не желая вникнуть в ее сущность. Если бы Амаркант нуждался в ее сострадании или помощи, она наверняка откликнулась бы. Но когда он, сжав кулаки, в одиночку ел свое лакомство, она рыдала от огорчения. И тогда она тоже сжимала кулаки и лакомилась в одиночку. Они смеялись, болтали, беседовали о литературе, об истории, но насущные жизненные вопросы каждый решал самостоятельно. Их жизни не сливались воедино, подобно воде и молоку, — нет, скорее это была вода и песок: соединившись на мгновение, они вновь расходились.

Сейчас Амар либо не почувствовал укора в словах жены, либо не захотел в него вдуматься. Его душа еще не оправилась от боли, причиненной отцом.

— Ты хочешь уехать? — сказал он. — Ну что ж, пожалуй так даже лучше будет. Ведь я не смогу продолжать учебу, придется подумать о работе.

Сукхда вспылила:

— Говорят, науки вредят здоровью!

Амар тотчас засучил рукава для битвы:

— Зря ты бросаешь мне подобные упреки. Я не боюсь учения, но в моем положении учиться невозможно. Я еще не забыл, как краснел сегодня в школе. Лучше голодать, чем учиться с истерзанной душой.

Сукхда в свою очередь взялась за оружие:

— А я считаю, что, посидев часок-другой в лавке, тоже многое можно узнать. Не беда, если на это уйдет время, которое ты тратишь на прялку и собрания. А кроме того, если человек скрытничает, трудно угадать, чем он дышит. У меня сейчас около тысячи рупий, это мои деньги, и я могу их истратить как мне угодно. А ты и словом не обмолвился о взносе. Пусть я, по-твоему, плохая, но не враг же я тебе! Сейчас лала-джи на-

говорил здесь такого, что во мне вся кровь кипит. Подумать только, такой скандал, и из-за чего? Из-за каких-то сорока рупий! Тебе нужны деньги — возьми у меня. А если твое самолюбие так уж от этого страдает, то возьми у мамы. Она будет только рада помочь тебе, за эти два года она так и не дождалась, чтобы ты попросил ее о чем-нибудь. Но лучше всего сделаем так: возьми у меня денег, поезжай в Лакнау и там спокойно учись. Мама пошлет тебя в Англию, и ты получишь хорошее образование.

Предложение Сукхды было сделано от всей души; кажется, впервые она открыла свои мысли мужу. Но Амаркант понял ее иначе.

— Я не так уж жажду диплома, чтобы ради него превратиться в нахлебника тещи, — возразил он. — Если мне удастся совместить работу с занятиями — буду учиться, если нет — придется бросить. До сих пор мое увлечение учебой было несколько сумбурным, но я знаю, что и без школы можно кое-чему научиться. Не хвалясь могу сказать, что за эти два-три года ни один ученик в нашем колледже не прочел столько книг по литературе и истории, сколько я.

Сукхда решила положить конец неприятному разговору:

— Ну, довольно, давай закусим. У вас ведь сегодня собрание, едва ли ты вернешься раньше девяти. Я собираюсь в кино, если хочешь, пойдем вместе.

— У меня нет времени ходить в кино, — сухо ответил Амар. — Иди одна.

— И в кино можно многому научиться.

— Да ведь я тебе не запрещаю.

— Почему же ты сам не идешь?

— Человек, который ничего не зарабатывает, не имеет права ходить в кино. Своими деньгами я считаю только те, которые заработал собственным трудом.

Оба замолчали. Когда, закончив трапезу, Амар поднялся, Сукхда мягко, но настойчиво сказала:

— С завтрашнего дня по вечерам изволь сидеть в лавке. Ведь сильный мужчина должен побеждать трудности. А чтобы самому создавать их, кидать себе же под ноги колючки, право, большого ума не требуется.

Амаркант понял смысл этого совета, но промолчал. Ох, как боится трудностей эта неженка! Она хочет,

чтобы и я рвал горло беднякам, сосал их кровь. Не будет этого!

Быть может, Сукхде удалось бы одержать над ним победу, встань она на его точку зрения. Но, упорствуя в стремлении заставить Амарканта изменить свои взгляды, она, сама того не зная, лишь укрепляла их. Да и Амаркант мог бы заронить ей в душу хоть искру своих убеждений, пойдя он навстречу желанию Сукхды помочь ему. Однако суровый отказ юноши только отпугивал ее.

4

Вступительные экзамены в университет Амаркант сдал блестяще — лучше всех в провинции, однако стипендии ему получить не удалось: он был старше, чем предусматривало положение о стипендиатах. Но Амаркант не огорчился, пожалуй, в глубине души он был даже рад этому — так он чувствовал себя свободнее. Он взялся вести переписку в нескольких больших торговых домах; сын богатого отца, Амар легко нашел такую работу. Друзья лалы Самарканта частенько исходили слюной, наблюдая ловкие финансовые комбинации удачливого сетха¹, и разлад отца с сыном доставлял им немалое удовольствие.

Лала-джи вначале расстроился: «Как! Его сын, его собственная плоть и кровь пойдет в услужение к людям его круга?!» Старый ростовщик воспринял это как личное оскорбление. Но Амару удалось убедить отца, что поступок этот вызван серьезной деловой целью — приобрести опыт в ведении коммерческих операций. Лала-джи подумал, что, пожалуй, и впрямь неплохо, если сын немного подучится, и перестал сердиться.

Сложнее было договориться с женой. Однажды Амарканту пришлось выдержать целую баталию по этому поводу.

— Стыда у тебя нет! Прислуживаешь чужим людям за пять—десять рупий! — разразилась Сукхда.

— Ну какой же тут стыд, если я зарабатываю деньги, — спокойно возразил Амар. — Гораздо хуже сидеть

¹ С е т х — купец, ростовщик.

сложив руки и глядеть в рот другим, ожидая милостыни.

— Что же, по-твоему, все дети богатых родителей бессовестные?

— А разве не так? Теперь, если лала-джи хоть на блюде поднесет мне деньги, — я не возьму их. Пока он не верил в мои способности, ему доставляло удовольствие изводить меня, зачем же теперь протягивать руку за подачкой, когда я и сам могу себя обеспечить?

Но Сукхда не знала снисхождения.

— Если ты считаешь оскорбительным брать деньги у собственного отца, то как же я после этого могу есть его хлеб? Значит, и мне нужно искать работу где-нибудь в школе или учиться шить?

Этот довод явно смутил Амарканта.

— Тебе совсем не обязательно... — неуверенно проговорил он.

— Почему? Ведь я ем, ношу одежду, покупаю украшения, книги, выписываю журналы, и все это на деньги, заработанные другими. Все твои слова и поступки доказывают, что и я не имею никакого права на твой заработок. Я должна жить на средства, заработанные собственным трудом.

Но Амаркант уже нашел выход из затруднительного положения.

— Ну, если отец или твоя матушка поссорятся с тобой, а я стану мучить тебя упреками, тогда, конечно, тебе самой придется зарабатывать на свои расходы.

— Вслух никто не скажет, но думать будут именно так. До сих пор я считала, что мы с тобой — одно целое. Ну, случится, что и поссоримся изредка, но я могу взять у тебя столько, сколько мне нужно. А сейчас выяснилось, что я не имею на тебя никакого права, ты всегда можешь сказать мне «нет». Так ведь обстоит дело?

Амаркант понял, что сражение проиграно.

— Что же, прикажешь каждый месяц скандалить с отцом из-за денег? — спросил он.

— Перестань работать на чужих, — твердо сказала Сукхда. — Занимайся делами своей семьи. Все то время, которое ты тратишь на чужих, отдавай дому.

* — Но я ненавижу все эти сделки, проценты и лихоимство!

— Хорош довод: «Не лечи больного — сам поправится», — усмехнулась Сукхда. — А если больной умрет, лучше будет? Чем больше времени ты отдашь лавке, тем скорее сможешь изменить ненавистные тебе порядки. Возможно, что отец, заметив твое старание, все дела в лавке передаст тебе. Тогда и веи их как считаешь нужным. Конечно, если ты не чувствуешь в себе сил, чтобы нести такой груз, то лучше не бери. Но одно я знаю твердо — только таким образом ты сможешь влиять на лалу-джи. Он позволяет себе лишь то, что делают, каждый по-своему, все люди. Отгораживаясь от его жизни, ты не изменишь ни его убеждений, ни моральных устоев. Но если ты по-прежнему будешь твердить свою старую песню, мне придется сказать тебе «прости» и уйти в дом матери. Меня не устраивает та жизнь, которую ты ведешь. Ты с детства привык к борьбе и лишениям, а для меня это новый и слишком трудный опыт.

Амаркант был сражен. Потом, спустя несколько дней, у него нашлись нужные аргументы, но в тот момент он не сумел ей возразить. Нет, доводы Сукхды показались ему вполне разумными. До сих пор семена его свободного мышления растила скудная почва отцовской скупости. Побег этого мышления вскормила нелюбовь мачехи. Логике и теории здесь пока не было места, и далек, еще очень далек был тот день, когда его идеи приняли четкую логическую форму.

Итак, с канцелярскими делами Амаркант решил покончить. Против работы в лавке у него не было веских возражений. Однако брать у отца деньги на учебу ему претило, и здесь нужно было изыскивать какие-то новые, скрытые пока источники. На несколько дней между Амаркантом и Сукхдой воцарился относительный мир.

К тому времени произошло событие, пробившее еще одну брешь в завоеванной им прежде внутренней свободе. Минул уже год с тех пор, как Сукхда ездила к матери в последний раз. Одинокая женщина не раз приглашала дочь погостить, лала Самаркант тоже уговаривал невестку съездить в Лакнау хоть на месяц-другой, но Сукхда и слышать об этом не хотела. Слишком беспокоил ее Амар. Она села на норовистого коня, которого приходилось держать в узде. Оставь его на

пять-шесть дней в стойле — он даже руку на круп не даст положить. Нет, уезжать сейчас было слишком опасно.

В конце концов мать решила сама переселиться в Каши. Целый месяц Амаркант готовился к встрече тещи. После упорных поисков удалось найти уютный дом на берегу Ганга, не слишком большой, но и не слишком маленький. Несколько дней ушло на его отделку и уборку. Пришлось позаботиться о множестве мелочей, необходимых в хозяйстве.

Теща прислала Амарканту тысячу рупий. Действуя расчетливо и экономно, он обставил дом, ухитрившись истратить при этом только половину присланной суммы. Он вел учет каждой паи¹.

В месяце магх² Ренука-деви³, совершив омовение в священных водах Ганга, в том месте, где он сливается с Джамной, прибыла, наконец, в Каши. Уютный, заботливо обставленный дом ей очень понравился. Когда же Амаркант положил перед ней оставшиеся пятьсот рупий, Ренука-деви даже растерялась.

— Неужели всё это обошлось только в пятьсот рупий? Мне просто не верится!

— Уверю вас, я истратил только пятьсот рупий.

— Ну, ты совершил дело, достойное награды. Пусть эти деньги останутся тебе.

Амаркант вспыхнул.

— Если мне понадобятся деньги, я обращусь к вам, — сказал он. — Сейчас такой нужды нет.

Ренука-деви была старой женщиной, старой не лицом и возрастом, а своей приверженностью к обычаям. В душе она не так уж твердо верила в необходимость самоограничения и суровости. Но общественное мнение — превыше всего! Жизнь вдовы — в отречении и покаянии. И общественное мнение не могло осудить Ренуку-деви. Волей или неволей — она вынуждена была разыгрывать комедию отречения, предусмотренную законом. Но, кроме внешней стороны, у жизни есть и своя внутренняя подоплека, скрытая от посторонних. Одни

¹ Паи — самая мелкая монета, около $\frac{1}{2}$ копейки.

² Магх — одиннадцатый месяц индийского календаря, соответствует январю—февралю европейского календаря.

³ Деви — богиня, госпожа, один из синонимов слова «женщина».

только развлечения и наслаждения, прогулки и зрелища не насытят душу, так же как соусы и острые приправы не утолят голода. В основе жизни должны лежать более реальные вещи. Такой основой для Ренуки-деви была любовь к животным. Она привезла с собой целый зверинец. Попугаи, скворцы, обезьяны, кошки, коровы, павлины, собаки — все были милы ее сердцу, согревали жизнь и наполняли ее содержанием. У каждого животного или птицы было свое имя, свое место в доме, своя посуда. Но это пристрастие совсем не походило на обычные увлечения знатных женщин. В привязанности Ренуки-деви к животным не было ни ханжества, ни погони за модой, ни стремления убить время. Всей душой эта старая женщина прилепилась к своим подопечным, с материнской заботой выхаживала их детенышей. И надо было видеть, какой любовью платила ей эта шумная орава, как понимала ее!

На следующий день между матерью и дочерью произошел серьезный разговор.

— Ты, видно, очень полюбила дом свекра, дочка, — сказала Ренука.

Сукхда смущенно опустила голову.

— Что мне делать, мама, я совсем запуталась! В доме разлад. Отец тянет Амарканта в лавку, к своим делам, а тот кричит, что ненавидит ростовщичество. Если бы я уехала, не знаю, что тут и было бы. Я все боюсь, как бы Амар совсем не ушел из дому. Ты сама столкнула меня в колодец, к чему же теперь сетовать?

— А я-то так старалась найти тебе хорошего жениха, порядочную семью, — сокрушенно вздохнула Ренука-деви. — Как теперь поправить твою судьбу? Но у вас-то с Амаром сейчас все хорошо, или так же, как и прежде?

Сукхда совсем смутилась, щеки ее запылали.

— У него так мало свободного времени. Все книги да собрания... — Она низко опустила голову.

— И такая красавица не может удержать возле себя простого парня! — возмутилась мать. — Послушай, дочка, не водятся ли за ним грешки?

Сукхда знала, — в чем в чем, а в дурных наклонностях Амарканта заподозрить нельзя. Однако сейчас она не могла защищать его — поведение мужа бросало тень на женское достоинство самой Сукхды.

— Разве я могу отвечать за чужое сердце? — сухо, не поднимая глаз, ответила она. — Я уже забыла день, когда он хоть чем-нибудь побаловал меня. Ни заботы, ни внимания — живи как знаешь.

— А ты не пробовала привлечь его сердце лаской? Не спрашивала, что бы он хотел поесть, не старалась приготовить его любимые блюда, услужить ему?

— Ну, если он не интересуется моими желаниями, и мне нечего напрашиваться. — Сукхда надменно вскинула голову. — Хочет он жить со мной в мире — пожалуйста, я ничего не имею против. А превращаться в его рабыню я не намерена!

Ренуке-деви все было ясно.

— Не обижайся на меня, дочка, но во многом виновата ты сама. Ты бы хотела, чтобы он потерял голову от твоей красоты и валялся у тебя в ногах. Я слышала, бывают и такие мужчины. Но это не любовь, девочка, это не такое чувство, на котором можно строить жизнь. Не знаю, почему ты так сторонись Амара. По-моему, он — скромный разумный юноша. Сказать по правде — мне даже жаль его: он, бедняга, еще ребенком лишился матери, а мачеха его была сродни ведьме. Родительский кров никогда не был ему настоящим домом. Так-то, дочка! Семена любви взойдут лишь в сердце, прирученном нежностью и заботой.

Сукхда вскипела:

— Но он требует от меня какого-то подвижничества! Ешь грубую пищу, одевайся в простое платье, а он где-то на стороне будет зарабатывать черной работой. Не будет этого! Лучше совсем расстаться. Если он не начнет заботиться о моем покое и удобствах, — нам не по пути.

В глазах Ренуки сверкнул укор.

— А если сегодня лала Самаркант разорится? — тихо спросила она.

— Все может быть.

Сукхда была слишком самолюбива, чтобы ухватиться за богатство матери. У нее язык не повернулся сказать «пока есть у тебя — есть и у меня». И, досадуя на трезвый вопрос Ренуки-деви, она бросила:

— Когда приходит смерть — человек умирает. Живым в костер никто не прыгает.

Продолжая осторожно расспрашивать дочь, Ренука-деви поняла, что скоро на свет появится новый человек — наследник ее богатств. Мысли о будущем Сукхды лишали покоя добрую женщину. Теперь забота спала с ее плеч — семья не распадется. В порыве радости Ренука-деви прижала дочь к груди.

5

Амаркант не помнил тепла материнской ласки: он был слишком мал, когда умерла его мать. Лишь где-то в тайниках души теплились обрывки воспоминаний — смутные, но бесконечно милые. И кто знает — может быть, мать услышала тихие всхлипывания заброшенного ребенка и, сойдя с небес, приняла образ Ренуки-деви... Кто знает? Только Ренука-деви широко раскрыла свои святые материнские объятия, приняла в них мятушуюся душу юноши и одарила ее райским блаженством. В улаждающем тепле этих объятий он успокоился и затих.

Ренука-деви готова была без конца баловать зятя. Несмотря на протесты, она, как ребенка, закармливала его сладостями и фруктами. Амаркант замечал, что для него готовятся самые лакомые блюда, что матери доставляет удовольствие угощать и ублажать его, и в сердце его поднималась горячая волна благодарности. Возвращаясь из университета, Амаркант сразу же отправлялся к Ренуке. Та уже поджидала его с обедом. Утром для него всегда был готов завтрак. Эта забота — такая простая, полная душевной теплоты — пробудила в Амарканте сыновнюю нежность, и он без конца готов был припадать к животворному источнику материнской любви. Все свободные дни Амаркант проводил у Ренуки. Иногда с ним приходила и Найна — девочку больше всего привлекали животные.

Когда сокровищница Амарканта обогатилась этой новой любовью, он стал более терпим к радостям жизни. Теперь и Сукхда стала ему ближе — Амарканта уже не так пугала ее приверженность к жизненному комфорту. Амар вместе с Ренукой и Сукхдой участвовал в небольших прогулках и развлечениях. Мать заботилась, чтобы у него всегда были деньги — каждые не-

сколько дней она пополняла его кошелек пятью — десятью рупиями. Отказаться Амаркант не имел сил: ласковая настойчивость матери всегда побеждала. У него появились элегантные костюмы, новые ботинки, мотоцикл и даже — драгоценности! Не прошло и полугода, как этот аскет, этот проповедник простой жизни превратился в настоящего аристократа, усвоил аристократические манеры и привычки, стал невозмутим и эгоистичен. В карманах Амарканта всегда звенели деньги. Он привык к хорошему столу, научился угощать друзей, приобрел вкус к беззаботной трате денег, полюбил легкое волнение азартных игр. Напряженная тяга к знаниям исчезла, занятия отошли на второй план. Правда, интерес к собраниям, к общественной жизни даже возрос, но здесь уже говорило тщеславие: Амаркант и раньше слыл неплохим оратором; частые упражнения все тоньше шлифовали его талант. С легкой руки Ренуки-деви, заставлявшей зятя читать ей вслух газеты и журналы, он пристрастился к периодическим изданиям. Благодаря этому политический кругозор Амарканта начал расширяться. При столкновении с какой-нибудь несправедливостью, проявляемой правительством в отношении его соотечественников, он кипел возмущением. Полный искреннего сочувствия к идеям национального возрождения страны, Амар вступил в партию «Национальный конгресс»¹ и горячо принялся за работу в ней.

Однажды группа студентов университета отправилась в деревню обследовать экономическое положение крестьян. В число этих студентов попали Салим и Амаркант. Руководил группой преподаватель университета доктор Шантикумар. Студенты побывали в нескольких деревнях и к вечеру возвращались в город мрачные и понурые.

— Нет, я и представить себе не мог такой безнадежной картины! — прервал молчание Амаркант.

— В рыбацких хижинах на берегу пруда нет ничего, абсолютно ничего, кроме нескольких жестяных плошек, — отозвался Салим. — Я всегда думал, что у

¹ Национальный конгресс — партия, основанная в 1885 году. Ныне правящая партия Республики Индии.

крестьян полны закрома хлеба, но здесь в некоторых домах и горстки зерна не найдешь.

— Ну, не все крестьяне так бедны, — заметил доктор Шантикумар. — У богачей действительно полны закрома, но таких на каждую деревню — два, максимум — четыре.

— Мы и одного не видели, — возразил Амаркант. — А ростовщики и чиновники еще дерут по три шкуры с них, с живого и мертвого без разбора! Да разве у этих хапуг найдется хоть капля милосердия к несчастным?

Доктор Шантикумар усмехнулся.

— Милосердие и религия в свое время не выдержали испытания. Сейчас наступила эра испытания справедливости.

Доктору Шантикумару было лет тридцать пять. Это был красивый мужчина. Русоволосый и голубоглазый, в европейском платье, внешне он очень походил на англичанина. Докторскую степень Шантикумар получил в Оксфорде. Этот веселый, сердечный, отзывчивый человек был ярким противником традиционного индийского брака и горячо проповедовал свободный выбор в любви. Шантикумар ценил острое слово, задорную шутку. Отношения его со студентами были самые дружеские. Во время политических кампаний он выступал, не скрывая своих убеждений. На широкую арену он не выходил, но в общественных кругах имя его было популярно.

— Никогда не забуду того человека, который проболел полгода и за все время пайсы не мог истратить на лекарство! — продолжал Амаркант, и лицо его искривилось, словно от боли. — Заминдар наложил на него такой штраф, что весь домашний скарб пошел в молоток. Продали даже единственного вола... Я перестаю верить, что у законодателей этого подлого мира есть разум! Ты заметил, Салим, — у бедняги не нашлось даже тряпки, чтобы прикрыть наготу. А как рыдала его старая мать!

Глаза Салима наполнились слезами.

— Когда ты дал им денег, старуха повалилась тебе в ноги! Я и то не выдержал — заревел.

Продолжая делиться мрачными впечатлениями, наши путники брели к станции. Началась мощеная доро-

га. Деревья по обе ее стороны отбрасывали длинные тени. Кругом расстилались поля сахарного тростника и архара¹. Иногда навстречу попадались небольшие группы рабочих и одинокие прохожие.

Неожиданно глазам юношей представилась странная картина: человек десять — двенадцать мужчин и женщин в испуге притаились под деревом. Они встревоженно о чем-то шептались и не сводили глаз с расположенного неподалеку поля архара. На меже этого поля, чванливо подбоченясь, с палками в руках, стояли два белых солдата. Студентов разобрало любопытство — что бы это могло быть?

— Что случилось? Кого вы там высматриваете? — обратился Салим к встревоженной толпе.

Вдруг со стороны поля раздался отчаянный вопль; несомненно, кричала женщина. Схватив палки, студенты ринулись к полю. Все было ясно без слов.

Белый солдат выпучил глаза и, потрясая палкой, гаркнул на ломаном хинди:

— Проваливай! А то мы вам даст хорошо...

Солдат не успел договорить: доктор Шантикумар ринулся вперед и обрушил кулак на его лицо. Солдат пошатнулся, на секунду в глазах у него потемнело. Но, видно, кулачные бои были для белого обычным делом; мгновенно оправившись, он так ответил на удар, что доктор-сахиб упал словно подкошенный. В тот же миг стек Салима мелькнул в воздухе и пришелся солдату по лицу. Ослепленный солдат рухнул на землю без сознания. Амар с другим товарищем бросились ко второму солдату, но тот оказался сильнее их. Тогда на помощь им подоспел Салим и сразил второго врага наповал. Между тем, ломая стебли архара, прибежал третий белый. Доктор Шантикумар, уже оправившийся от удара, бросился было к нему, но солдат внезапно выхватил револьвер и выстрелил. Доктор-сахиб упал. Дело сразу приняло серьезный оборот. Студенты сгрудились вокруг раненого, пытаясь помочь ему. Все порядком перетрусили, так как знали, что солдат в любую минуту снова может спустить курок.

Группа под деревом продолжала издали наблюдать за тем, что происходит. Но когда они увидели, что сахиб

¹ А р х а р — растение семейства бобовых.

упал, в их сердцах закипела ярость: мужество, как и страх, заразительно. Все поспешно вооружились палками и бросились на белого. Солдат снова выстрелил, но промахнулся. В третий раз взвести курок ему не удалось: град палочных ударов сбил солдата с ног, и он упал, обливаясь кровью.

По счастью, рана доктора Шантикумара оказалась не очень серьезной: пуля прошла через бедро. Все студенты умели оказывать первую помощь. Ногу стянули жгутом и наложили повязку.

И тут из зарослей архара вышла молодая женщина. Прикрывая лицо, поддерживая руками разорванное сари, она проковыляла мимо них и скрылась за деревьями. Несчастной хотелось как можно скорее унести свой позор от посторонних взглядов. Теперь уже никто не сможет ей помочь, никто не вернет ей то бесценное сокровище, которое у нее похитили. Убейте негодяя — и ваше чувство справедливости будет удовлетворено. Но того, что у нее отняли, — не вернешь. К чему теперь проливать слезы и жаловаться? К чему выслушивать слова сострадания?

Мгновение Салим смотрел вслед женщине. Затем, схватив стек, он снова принялся хлестать лежащих на земле солдат. Казалось, он лишился рассудка.

— Что вы делаете, Салим? — закричал доктор Шантикумар. — К чему это? Бить лежащих — бесчеловечно! Салим перевел дыхание.

— Ни одного шайтана не оставляю в живых, — прохрипел он. — Пусть меня повесят, я не боюсь! Нужно их так проучить, чтобы ни один мерзавец не посмел сделать что-нибудь подобное.

Взгляд Салима остановился на окружавшей его толпе.

— Эх вы! Сколько вас здесь стоит глазеет, и никто даже пальцем не шевельнул! Стыда у вас нет! Не можете защитить честь своих жен и дочерей! Поймите же, это наши матери, жены и дочери. На ваших глазах совершилось надругательство, а вы, как трусы, стояли в сторонке и смотрели! Вы должны были пойти на помощь несчастной женщине, а если надо — и умереть, но не допустить надругательства.

Однако тут же в голове Салима мелькнула мысль: «А кто я такой, чтобы ругать этих горемык? Зарвался, парень...» Ему стало стыдно, и он замолчал.

Тем временем из соседней деревни пригнали вола, запряженного в повозку. Шантикумара осторожно подняли и уложили на повозку. Все уже собрались тронуться в путь, когда доктор-сахиб тревожно спросил:

— А эти люди? Неужели мы оставим их здесь? — и указал на бесчувственные тела солдат.

Салим нахмурился.

— Мы не обязаны заботиться о них. Что до меня — я бы не поленился закопать их здесь.

Однако Шантикумар так твердо настаивал на своем, что Салиму пришлось, наконец, уступить. Всех троих солдат также погрузили на повозку, и процессия тронулась в путь. Сзади, понутив головы, словно осужденные, брели поденщики. Немного погодя доктор Шантикумар попросил остановить повозку, ласково поблагодарил своих спутников и распрощался.

До железнодорожной станции добрались уже часам к девяти вечера. Сдав солдат на попечение полиции, студенты, поддерживая доктора-сахиба, сели, наконец, в поезд.

Но и в поезде Салим с Шантикумаром вновь и вновь обсуждали неожиданное приключение. Они не уставали вспоминать отдельные эпизоды этого события, и вскоре не только начальник поезда, но и все пассажиры знали о происшествии во всех подробностях. Салим уже начал слегка приукрашивать свой героизм и расхвастался так, словно он захватил вражескую крепость и народу следует устроить ему пышную манифестацию по этому поводу.

Амаркант молча сидел возле доктора Шантикумара. Сегодняшние события нанесли его сердцу неизлечимую рану. Он мысленно вновь и вновь возвращался к пережитому. Откуда у этих проходимцев такая смелость? Он знал, что белые солдаты — как правило — выходцы из самых низких слоев населения Англии. Что же порождает в них эту наглую самоуверенность? То, что Индия — зависимая страна. Эти выродки держат индийский народ в страхе. Здесь можно позволить себе любую подлость — никто и пикнуть не посмеет. Надо покончить с этим страхом, разбить цепи рабства!

В голове Амарканта зароилось множество планов, полных сумасбродства и юношеской удалости, романтических и незрелых.

Доктор Шантикумар пролежал в больнице целый месяц. О судьбе трех английских солдат никто ничего не знал. Как только доктор-сахиб поправился, первой его заботой было съездить в лагерь и справиться о здоровье троих солдат. Выяснилось, что солдаты пробыли в больнице несколько дней, а затем были переведены в другую часть. Офицер просил у доктора-сахиба извинения за совершенный солдатами проступок и заверил его, что отныне за нижними чинами будет учрежден более строгий надзор.

Во время болезни доктора Шантикумара Амаркант не покидал его ни на минуту. Он забегал домой только поесть да повидаться с тещей, а потом снова возвращался к постели больного. Ренука-деви и сама несколько раз навещала доктора-сахиба. Но Шантикумар выздоровел, и Амаркант с еще большим рвением принялся за свои общественные дела. Даже в уплате членских взносов он славился необыкновенной аккуратностью.

Однажды на собрании Конгресса Амаркант выступил с такой резкой речью, что обратил на себя внимание полиции. Суперинтендант полиции вызвал лалу Самарканта и посоветовал ему постороже присматривать за сыном. Лала-джи вернулся домой туча тучей. Он не стал объясняться с Амаркантом, а напустился на обеих женщин — Сукхду и Ренуку. Хитрец великолепно понимал, за какую ниточку надо потянуть, чтобы привести к повиновению своего строптивого отпрыска. К тому же за последнее время он начал симпатизировать Амарканту. Прежде редкий месяц проходил без упреков: тогда приобщение сына к наукам отравляло отцу жизнь. Старик стремился пристроить юношу к делу и негодовал, когда все его попытки пропадали втуне. Теперь не нужно было вносить плату за учебу, и в доме наступил мир. Подчас, дабы не утруждать себя розысками ключа от сундука или не нагибаться, чтобы открыть этот сундук, лала-джи занимал деньги у Амарканта. А если тот не напоминал о долге, хитрец и не думал его возвращать.

Время родов Сукхды приближалось. Лицо ее пожелтело, покрылось коричневыми пятнами; она почти ничего не ела, стала молчаливой и сосредоточенной; ее беззаботный смех умолк. По ночам ее мучили кошмары, от этого на душе было еще беспокойнее. Ренука-деви при-

несла дочери несколько популярных медицинских книг, но почерпнутые в них сведения не успокоили молодую женщину. Мысли о будущем ребенке наполняли ее душу гордой радостью, предстоящие неизбежные страдания заставляли сердце трепетать от страха.

Когда вечером Амаркант поднялся к жене, она кипела от гнева. Метнув на него яростный взгляд, она спросила:

— Почему бы тебе не принести мне мышьяку? И у тебя руки будут развязаны, и я избавлюсь от мучений.

В последнее время Амар стал образцовым супругом. Прежде победно сиявшая красота Сукхды слепила его; теперь же, отягощенная бременем материнства, с желтым отечным лицом, она была для него источником мягкого, немеркнувшего света. Сидя рядом с женой, Амаркант любил играть ее сухими волосами, ласкать исхудавшие руки. Он был виновником ее страданий. Стремясь облегчить груз этих страданий, он пытливо вглядывался в ее лицо. В эти дни Амаркант был поглощен одним стремлением — исполнить любое желание, любой каприз жены. Попроси она — и он достал бы звезды с неба. Чтобы Сукхда не скучала, он выписывал интересные книги и целыми вечерами читал ей вслух. Мысль, что он скоро будет отцом, заставляла его трепетать от радости, но еще сильнее было беспокойство за Сукхду.

Слова жены встревожили Амарканта.

— Зачем ты так говоришь? — спросил он изменившимся от волнения голосом. — Разве я совершил какую-нибудь оплошность?

Сукхда повернулась к нему и приподнялась, опершись локтем о подушку.

— Ты позволяешь себе резкие высказывания на собраниях, — сказала она. — А чего ты этим добьешься, кроме того, что сам угодишь в тюрьму и всю семью погубишь? Отца уже вызывали в полицию. О чем ты только думаешь? Мало того что не помогаешь отцу, теперь ты хочешь, чтобы вообще все пошло прахом. Меня и так без конца преследует мысль о смерти, а ты взялся окончательно доконать меня. Целый месяц не знали покоя из-за доктора-сахиба, теперь — новая напасть! И что тебе не сидится? Пойми: ты уже не вольная птица, не можешь сказать: «Куда хочу — туда лечу». Ты связан по рукам и ногам. Пора бы взглянуть правде в глаза.

— Но я не говорил ничего такого, что можно было бы назвать резким,— оправдывался Амаркант.

— Значит, отец лжет?

— Значит, отныне я должен зашить себе рот? — задал встречный вопрос Амар.

— Да, рот тебе придется зашить.

На мгновение оба замолчали: один — уставясь глазами в землю, другая — подняв их к небу. Наконец Амаркант не выдержал.

— Хорошо, отныне я молчу. Если впредь до тебя дойдут подобные жалобы, можешь отодрать меня за уши.

Взгляд Сукхды смягчился.

— Может быть, ты даешь это обещание против своей воли? — спросила она. — Меня всегда в жар бросает, когда я вижу тебя хмурым. Мы — рабы... О, я прекрасно сознаю это. Поверь, мне так же трудно мириться с неволей, как и тебе. Мы скованы двойными цепями — старыми общественными традициями и законами чужеземцев. Но действовать надо с оглядкой. Служа родине, прежде всего не следует забывать своего сыновнего и родительского долга. Отдать все силы служению стране, оставив малютку сына беззащитным, старика отца с разбитым сердцем — все равно, по-моему, что поджечь собственный дом и остаться под открытым небом. Я хочу, чтобы ребенок, которому я отдаю свою кровь, был и для тебя единственным сокровищем. Один он имеет право на твою любовь, нежность и преданность.

Понуриив голову, молча внимал Амаркант этим наставлениям. Ему было стыдно. Как он мог проявить такую черствость, быть столь несправедливым к ним обоим — и к жене и к этому еще скрытому во тьме неизвестности новому существу?! Глазам будущего отца представилась трогательная картина: вот он, его крошка сын, нежный, как лепесток, возится у него на коленях. Амар весь ушел в созерцание этой воображаемой сцены. Сегодня он испытывал непередаваемое наслаждение, любясь висящим на стене изображением младенца Кришны¹. От умиления на глазах у него навернулись слезы.

Сукхда протянула Амарканту бетель.

¹ Кришна — одно из воплощений бога Вишну, один из главных богов индуистского пантеона.

— Мама заявила, что заберет малыша к себе в Лакнау. Я сказала: «Хочешь — сердись на меня, хочешь — нет, но ребенка я тебе не отдам».

Амар восторженно вскрикнул.

— Мама не обиделась? — спросил он.

— Да нет... Что ж тут обижаться? Ну, может быть, немного ее и задело. Но, право, я даже представить себе не могу, как это я расстанусь со своим сокровищем.

— Отец говорил маме о вызове в полицию?

— Говорил. Иди-ка теперь к ней, посмотрим, как-то она тебя встретит!

— Ох, нет! Сегодня не пойду.

— Иди, иди! Я буду твоим адвокатом.

— Нет уж, спасибо! Ты только заставишь меня еще больше краснеть.

— Да нет же, даю слово! Ну, ладно, тогда скажи, на кого будет похож малыш, на тебя или на меня? Я думаю, что на тебя.

— А я хочу, чтобы он пошел в тебя.

— Почему? Лучше в тебя.

— Если он будет похож на тебя, я еще больше буду любить его.

— Ну хорошо. Скажи, вы что-нибудь знаете о той несчастной, над которой надругались белые?

— Ничего.

— А почему бы вам не съездить и не разузнать о ней? Или ваш человеческий долг ограничивается произнесением речей?

Амаркант вскрикнул.

— Завтра же съезжу, — заверил он.

— Но смотри, расспрашивать надо осторожно, чтобы не подать повода к сплетням. Если беднягу выгнали из дому, — привези ее сюда. Думаю, мама не откажется приютить ее. А если она будет возражать, я поселю женщину у себя.

Взгляд Амарканта, устремленный на жену, выражал безграничное восхищение: он впервые увидел душу Сукхды, мужественную, исполненную чувства долга и сострадания.

— И ты ни капельки не будешь презирать эту женщину? — спросил он.

Сукхда смутилась.

— Если я скажу «нет», то солгу. Конечно, буду. Но

ведь надо же как-то ломать наши старые предрассудки. Женщина ни в чем не виновата; за что же ей терпеть мучения?

Амаркант был потрясен: освященная материнством, чистая женственность Сукхды расцвела и озарила ее светлым нимбом.

7

Итак, на собраниях Амаркант больше не выступал; более того, он перестал даже бывать на них. Но душа его томилась, и иногда он изливал свои чувства в статьях, появившихся время от времени на страницах газет и журналов. Теперь Амар много времени проводил в лавке отца. Особенно часто он бывал там во время каникул. В лавке ему открылась новая возможность для изучения человеческой натуры. Сердечная теплота и любовь обеих женщин — Сукхды и Ренуки — покорили его. То душевное горение, которое вспыхнуло в нем как протест против домашних устоев, а затем и как восстание против традиций общества, постепенно заглохло. Плачущий ребенок получил лакомство и успокоился.

Однажды Амаркант сидел в лавке, когда дверь неожиданно растворилась и вошел клиент.

— Бабу-джи здесь? У меня к нему важное дело.

Перед Амаром стоял мужчина средних лет, мускулистый, с темным, жестким лицом. Амаркант знал — человека этого звали Кале Хан. Молодой хозяин холодно ответил:

— Отец куда-то ушел.

— Дело очень спешное. Бабу-джи не сказал, когда вернется?

При этих словах Кале Хан придвинулся ближе, и в лицо Амару ударил такой омерзительный запах винного перегара, что юноша невольно поспешил зажать нос и отвернуться.

— Вы пьяны?!

Кале Хан хрипло рассмеялся.

— Где там, лала! Поверьте, сухую корку и то не каждый день вижу. Это так, зашел к родным, ну и угостили...

Кале Хан подошел еще ближе и таинственно зашептал:

— Тут у меня вещицы — верно, потянут тол¹ на десять! На базаре за них дадут сотни две с половиной. Да ведь я ваш старый клиент — возьму, сколько дадите.

С этими словами Кале Хан полез за пазуху и положил на прилавок два золотых браслета. Амаркант не прикоснулся к ним.

— Где вы взяли эти вещи? — спросил он.

Кале Хан цинично усмехнулся.

— Не спрашивай, раджа. Аллах дал.

— Украли? — презрительно бросил Амар.

Кале Хан вновь рассмеялся.

— А что такое кража, лала? Каждый возделывает свое поле как умеет. Аллах каждому дал свое. Кто служит, кто работает, а кое-кто иначе добывает себе на пропитание. И все это нам дает аллах! Ну, выкладывай деньги, лала, я тороплюсь. С краснотюрбанными² шутки плохи: не потрапишь им — и дня не продержишься.

Амарканту все это казалось столь омерзительным, что у него появилось желание немедленно выгнать Кале Хана. Как, значит, его отец, лала Самаркант, имеет дело с этим отребьем?! Амарканта в жар бросило. Юноше вновь стала противна и лавка, и родной дом, и самый воздух в этом доме. Даже к себе он почувствовал отвращение.

— Эти вещи мне не нужны. — Амар старался говорить как можно спокойнее. — Уберите их сейчас же, иначе я сообщу в полицию. Больше в эту лавку подобных вещей не приносите.

Но Кале Хана не так-то легко было смутить.

— Э, братец! Это что-то новенькое! Если бы бабуди шел таким путем, не выбиться бы ему в ростовщики. Да он у меня на тысячи рупий перебрал таких вещей. Бабуди не брезгует никем: ведет дела и с Ангнуповаром, и с Бхикхари, и с Хиганом. Если что перепадет, с закрытыми глазами идем сюда, получаем денежки и — домой! Эта лавка кормит моих малышей. Брось ломаться, клади побрякушки на весы! Верно, в них больше десяти тол. Ну, да я старый клиент — поладим на ста пятидесяти. Куда еще мне идти?

¹ Тола — около 12 граммов.

² Краснотюрбанные — полицейские.

Амар твердо повторил:

— Я уже сказал: эти вещи мне не нужны.

— Пожалеешь, лала! Тебе проще простого сбыть их за две с половиной сотни.

— Перестаньте болтать! Я не желаю их брать.

— Ладно, давай сотню! Аллах видит мой убыток. Что же делать, один раз и убыток потерпеть можно.

— Вы напрасно отнимаете у меня время. Я не возьму краденого, хотя бы вещь в сто тысяч досталась мне за дхелу¹. И не совестно вам воровать? Бог дал вам здоровье, силу. Почему вы не работаете? Занимаясь таким ремеслом, вы портите себе жизнь на том и на этом свете.

Кале Хан скорчил кислую мину, всем своим видом показывая, что слушать такие проповеди ему приходится не в первый раз.

— Так вы не берете? — Он звякнул браслетами о прилавок.

— Нет.

— А за пятьдесят?

— И каури² не дам.

Кале Хан сунул браслеты за пазуху и двинулся было к выходу, но тут же вернулся.

— Ладно, давайте тридцать рупий. Аллах свидетель, половина пойдет краснотюрбанным.

Амаркант яростно толкнул его к двери.

— Убирайся вон, свинья! Не выводите меня из терпения!

Кале Хан, наконец, ушел. Амар взял метлу, тщательно подмел пол в том месте, где стоял проходимец, и покурил в лавке агаром³, чтобы заглушить неприятный запах винного перегара.

Отец... Сегодня он, как никогда, был далек Амарканту. Даже воздух в родном доме сделался ему отвратителен. Конечно, Амар и раньше догадывался о темных делишках отца, но лишь теперь воочию убедился, как низко тот пал. Необходимо сегодня, сейчас же, ни на минуту не откладывая, поговорить с ним! Стоя в дверях, Амаркант поджидал, когда, наконец, в другом конце улицы покажется лала Самаркант; но его все не было

¹ Д х е л а — мелкая старинная монета, около 1/2 копейки.

² К а у р и — ракушка, употреблявшаяся вместо мелкой разменной монеты.

³ А г а р — ароматическое дерево.

и не было. Чувствуя, что ожидание становится невыносимым, Амаркант решил запереть лавку и уйти, а вечером, когда отец вернется домой, рассказать ему о случившемся и заявить о своем нежелании заниматься подобными мерзостями. Он совсем было собрался уйти, но неожиданно открылась дверь и на пороге появилась старуха, тяжело опиравшаяся на клюку.

— Лалы нет, сынок? — спросила она.

Волосы старухи свалиались, словно пакля. Казалось, даже кости бедняги иссушило губительное время. Она уже вступила в тот возраст, когда само существование становится каким-то призрачным: представляется, что пройдет мгновение-другое, и человек рассыплется в прах или растает в воздухе.

Амаркант собирался уже сказать, что отца нет, и предложить посетительнице прийти еще раз, но лицо старухи выражало такую отчаянную мольбу, такую безысходную тоску, что юноша не в силах был выпроводить ее.

— А какое у вас дело к лале-джи? — спросил Амар. — Он куда-то вышел.

— Не беда, сынок, я приду еще раз, — с тяжелым вздохом проговорила старуха.

— Он, верно, скоро придет, матушка, — мягко сказал Амаркант. — Подымайтесь-ка наверх.

Дом был построен на высоком фундаменте, и от двери внутрь лавки вела небольшая лесенка в три ступеньки. Но даже эти три ступеньки оказались для старухи непреодолимой преградой. Она ступила одной ногой на первую ступеньку и остановилась: перенести тяжесть на эту ногу и сделать второй шаг у нее уже не было сил. Амарканту пришлось помочь старой женщине войти в лавку.

— Живи долго, сынок! — поблагодарила юношу старуха. — Только боюсь я, как бы лала не задержался. Стемнеет — как мне тогда добраться до дому? Ночью-то я ничего не вижу.

— Где вы живете, матушка? — спросил Амар.

Глянув на него выцветшими глазами, она ответила:

— Возле Гобардхан-сарая, сынок.

— У вас есть родные?

— Все были: сыновья, невестки, жены внуков... Да что делать — аллах взял! Вот умру, так уж земля обо мне позаботится.

— И никто вам не помогает?

— Ни на кого я не надеюсь, был бы жив лала Самаркант — мой кормилец! — В ответе старухи звучала какая-то горделивая признательность. — Ты, сынок, еще под стол пешком ходил, когда мой муж служил у лалы посыльным. На этой работе бог дал мужу такую удачу, что мы смогли обзавестись своим домом, хозяйством, детей поженили, да и денежек скопили. Хозяин мой хоть и был пешкой — всего пять рупий получал, — но спины ни перед кем не гнул. Там, где лала проливал пот, он готов был пролить свою кровь. Позови его лала среди ночи — он всегда бежал. Хоть мой муж был ничтожным слугой, лала никогда не говорил ему «ты». Только «вы, хан-сахиб». Большие сетхи сманивали моего мужа к себе, обещали платить вдвое больше, но он всем отвечал: «У кого я работаю, у того и останусь. Пока лала меня не прогонит, я от него не уйду». И лала-джи так отблагодарил нас, как никто не сумел бы. Уже двадцатый год пошел, как муж мой оставил этот мир, а лала-джи по-прежнему каждый месяц платит мне его жалование. Сыновья стали чужими, внуки доброго слова не сказали, но — аллах, благослови жизнь моего лалы! — мне не пришлось идти с сумой.

Амаркант привык считать отца корыстным, черствым человеком. Сегодня он узнал, что в душе старого ростовщика нашлось место чувству сострадания и признательности. Сердце Амара преисполнилось гордости.

— Значит, вы получаете от отца по пять рупий? — переспросил он.

— Да, сынок, каждый месяц он дает мне пять рупий.

— Тогда возьмите деньги и идите домой. Отец ведь может где-нибудь задержаться.

— Нет, сынок, лучше я обожду самого лалу-джи. Уж как-нибудь потом доплетусь до дому с палкой. На нее только и надежда моя.

— Да берите, берите, чего там! Я передам лале, что приходила патханка¹ и взяла деньги. А то темно станет, — чего доброго, упадете да расшибетесь.

— Нет, сынок, не стоит; как бы чего не вышло. Лучше я в другой раз приду.

— Полно, матушка. Я не отпущу вас без денег.

¹ Патхан — индийское название афганца.

Старая женщина совсем растерялась.

— Ну хорошо, хорошо, давай, сынок. Только запиши там, в книге, что патханка взяла пять рупий.

Взяв деньги, старуха трясущимися руками завязала их в уголок платка и, благословляя Амарканта, кое-как сползла по ступенькам. Но не прошла она и пятидесяти шагов, как ее догнал Амаркант, уже успевший нанять повозку.

— Садитесь, матушка, я вас подвезу! — крикнул он.

— Что ты, что ты, сынок! Куда это ты меня подвезешь? Лучше я сама, с палочкой... Аллах да пошлет тебе счастья!

Амар велел вознице остановиться, посадил старую женщину на повозку и спросил:

— Куда ехать?

Крепко впевившись в края повозки, та запричитала:

— До Гобардхан-сарая, да продлит аллах твою жизнь! И что ты так стараешься для старухи, сынок? Поехал на край света! Ты, верно, учишься? Пусть же аллах пошлет тебе хорошую должность!

Минут через пятнадцать — двадцать повозка остановилась у Гобардхан-сарая. Справа на улицу выходил узкий проулок, в него повозка въехать не могла. Здесь старуха сошла. Непроглядная тьма, будто смола, заливала глаза.

Амаркант собрался было повернуть повозку, но старая патханка остановила его.

— Нет, дорогой, раз уж ты заехал в такую даль, так успокой мое сердце, зайди на минутку ко мне.

Над проулком нависло страшное зловоние. С обеих сторон под стенами расползались лужи нечистот. Все дома были слеplены из глины. Это был квартал бедняков. Сравните улицу и закоулок в большом городе — какая между ними разница! Улица — цветок, прекрасный, свежий, благоуханный; закоулок — корень, погруженный в грязь и зловоние, искривленный и темный. Но знает ли цветок, что своей красотой, да и всем своим существованием он обязан крню?

Остановившись перед какой-то лачужкой, старуха позвала:

— Сакина!

— Иду, бабушка! — донеслось изнутри. — Что это ты так поздно?

Спустя мгновение дверь отворилась, и на пороге показалась девушка с маленьким керосиновым светильником в руке. Амаркант стоял позади старухи, девушка вначале не заметила его. Но старуха вошла в дом, и девушка, увидев постороннего человека, отпрянула назад и прикрыла лицо платком.

— Кто это, бабушка? — спросила она тихо.

Старуха поставила свою палку в угол и сказала:

— Это сын лалы-джи, он проводил меня домой. Вот благородный юноша! Другого такого не сыщешь.

Она вкратце рассказала девушке, о событиях этого дня, пересыпая свою речь благословениями, и в заключение распорядилась:

— Вынеси-ка во двор кровать, дочка. Я приглашу туда гостя. Он, верно, устал.

Сакина вытащила во двор колченогую кровать и застелила ее ветхой простыней.

— Да как же вы его посадите на эту кровать, бабушка? — спросила она. — Я сгорю со стыда!..

Старуха сурово взглянула на Сакину.

— Чего же тут стыдиться?! — сказала она. — Не видит он, что ли, как мы живем?

Выйдя во двор, старая хозяйка позвала Амарканта. Дверь, пробитую в стене, прикрывала драная мешковина. Шаг, другой, и Амаркант очутился в крошечном дворике, в котором с трудом уместились бы две кровати. В глубине двора был низкий черепичный навес, а за ним комнатушка, которая сейчас казалась совсем темной. Сбоку под навесом приютилась печурка, возле нее — несколько оловянных и глиняных плошек, глиняный кувшин и большой тоже глиняный горшок. В печурке горел огонь, на конфорке стояла сковорода.

Амар присел на кровать.

— У вас такой крошечный домик, — заметил он. — Как вы тут помещаетесь?

Старуха примостилась на земле возле кровати.

— Э, сынок, сейчас нас здесь только двое, — сказала она. — А ведь прежде в этом доме жила большая семья. Два моих сына, две невестки, их дети — все помещались тут. Здесь и свадьбы играли, здесь все и умерли. Раньше тут словно цветник был, а нынче остались я да внучка. Что поделать — остальных призвал аллах.

Здесь мы готовим, здесь едим и спим. Умер муж, и дом опустел... Теперь мои молитвы лишь об одном — пока я жива, найти для внучки хорошего человека. Тогда я скажу аллаху: «Час пришел, возьми меня к себе». У тебя, верно, много друзей. Не сочти за стыд, замолви словечко за мою Сакину. Кто знает, может от тебя зависит ее судьба.

Сакина, в кофте и шальварах, с накинутым на лицо платком, стояла в тени навеса. Едва лишь старуха завела разговор о ней, девушка подсела к печурке и, склоняясь лицом как можно ниже, принялась старательно просеивать муку. Ей было досадно и неловко. «И что это бабушка выдумала — говорить о наших горестях с чужим человеком. Совсем перестала понимать, кому что можно сказать. Едва лишь заглянул к нам посторонний — а она уже заводит разговор про свадьбу. Все забыто, на уме одна свадьба!»

Откуда ей было знать, что самое заветное желание стариков — видеть своих детей устроенными.

Амаркант перебирал в памяти своих друзей-мусульман.

— У меня не так много приятелей среди мусульман, — сказал он, — но с двумя-тремя я обязательно поговорю.

— Они, верно, богатые? — озабоченно спросила старуха.

— Да, все из состоятельных семей.

— Ну, разве богатым людям нужны такие бедняки, как мы? Хотя наш пророк и учил при вступлении в брак не смотреть на богатство, но кто сейчас помнит его заветы? Только и остались названия «мусульмане» да «индусы», а настоящего мусульманина, как и настоящего индуса, теперь днем с огнем не сыщешь... Ох, сынок, ведь ты в моем доме и воду пить не станешь, что же мне для тебя сделать?.. Сакина! — окликнула она внучку. — Принеси-ка сюда платок, который ты вышила. Может, нашему гостю он придется по вкусу. На что еще создал нас аллах?

Сакина вышла из кухни, сняла с полки большую коробку из-под сигарет и вынула оттуда платок. Стыдливо потупившись, девушка подошла к старухе и, низко склонив голову, передала ей платок. Затем она поспешно удалилась.

Амаркант сидел, уставясь в землю, но когда Сакина приблизилась, он не мог сдержаться и поднял глаза. Если перед тобой красавица, отвернуться от нее — грех! Сакина была смугла и, на первый взгляд, не так чтобы очень красива. Ее фигура, стан не поражали царственной красотой, воспетой поэтами. Но в самом облике, походке, стыдливой застенчивости девушки было неизъяснимое очарование. Глаза, прикрытые густыми длинными ресницами, гибкое тело распространяли вокруг сияние и аромат красоты. Девушка исчезла, как исчезает видение, промелькнувшее во сне.

Амаркант взял платок и стал разглядывать его при тусклом мерцании светильника. Удивительно, как тонко сделан цветочный орнамент! А в середине великолепный павлин. В жалкой трущобе — и такой изысканный вкус!

— Какой красивый платок, матушка! — изумленно сказал Амар. — Ваша Сакина — большая мастерица.

— У нее золотые руки! — гордо отозвалась старуха. — Не знаю, где только она смогла научиться этому. Так, перенимала понемногу у соседских девушек, что учились в школе. Будь в доме мужчина, он бы уж нашел куда сбывать такие вещи: ведь в нашем бедняцком квартале некому оценить тонкую работу. Возьми этот платок, сынок, не побрезгуй подарком бедной, одинокой и довы.

Амаркант положил платок в карман. На глазах юноши выступили слезы. Если бы он только мог, он бы тут же заказал сто, нет, двести таких платков! Амар чувствовал, что эта встреча надолго останется в его памяти.

— Платок этот я всегда буду считать вашим благословением, матушка, — сказал он, поднимаясь. — Сейчас я ничего не обещаю, но уверен, что с помощью друзей смогу достать вам кое-какую работу.

С самого начала Амаркант обращался к старой патханке на «вы». Но постепенно «вы» превратилось в «Вы», полное глубокого уважения. Здесь, в этой хижине, он встретил искренние чувства, чистые помыслы, тонкий вкус. Все эти сокровища проступали сквозь жалкую оболочку нищеты. Вероятно, это «Вы» внушила Амарканту Сакина.

Гость собрался уходить. Старая женщина напутствовала его добрыми пожеланиями.

Амаркант вернулся домой часов в девять. Лала-джи тотчас принялся распекать сына:

— Ты почему рано закрыл лавку? Разве так работают?

Амар начал оправдываться:

— Старуха патханка пришла за деньгами. Стемнело, и я боялся отпустить ее одну — споткнулась бы еще где-нибудь и расшиблась. Пришлось проводить ее до дому. Она не хотела брать деньги, но когда стало совсем темно, я не мог больше ее задерживать.

— Сколько ты ей дал?

— Пять рупий.

Лала Самаркант промолчал, потом снова начал спрашивать:

— Кто еще приходил? Ты с кого-нибудь получал деньги?

— Нет.

— Странно.

— Никого больше не было. Да, приходил этот проходимец Кале Хан, принес золотые вещи. Я его выгнал. Старик нахмурился.

— Что за вещи?

— Золотые браслеты. Он говорил, тол десять потянут.

— А ты взвесил?

— Я к ним и не прикоснулся.

— Конечно, как можно к ним прикасаться! Еще ручки замараешь! Сколько он просил?

— Двести!

— Врешь!

— Сначала он просил двести, потом дошел до тридцати рупий.

Взгляд лалы-джи налился свинцом.

— И ты его выгнал?!

— А что было делать? Мне эти вещи и даром не нужны. Заниматься подобными делами — большой грех.

Лицо Самарканта перекошилось от бешенства.

— Молчать! Где у тебя совесть? Лишь бы языком болтать! Не пошевелив пальцем, мог получить сто пятьдесят рупий! Все болтаешь о добродетели, а денежки упустил! И еще бахвалится!.. Да знаешь ли ты, сжон-

тять, что такое добродетель? Ты хоть раз в году совершил омовение в Ганге? Хоть раз поднес воду божествам? Хоть раз в жизни помянул имя Рамы?¹ Хоть раз соблюдал экадаши² или какой-нибудь другой пост? Хоть когда-нибудь читал или слушал священные сказания и пураны?³ Что ты знаешь о добродетели? Добродетель — одно, жизнь — другое. Одним махом выбросил на ветер полторы сотни!

Смеясь в душе над таким своеобразным пониманием добродетели, Амар заметил:

— Ваши омовения в Ганге и поклонение богам — лишь дань установлениям религии. Добродетель тут ни при чем.

Лицо Самарканта скривилось.

— Вы правы, лала, совершенно правы! — сказал он. — Весь мир должен почитать вас за образец нравственности! Стань я на твой путь, у меня сейчас только и было бы, что пара дхоти⁴, да и ты не сидел бы в таком дворце и не наслаждался бы жизнью! Выучил четыре слова по-английски, и теперь павлиний хвост распускает! Но мне-то известны люди, — настоящие знатоки английского языка, которые, несмотря на свою ученость, не гнушаются верой предков. Подумать только, полторы сотни в воду бросил!

— Как вы не устанете без конца твердить одно и то же?! — с досадой сказал Амаркант. — Повторяю, нравится вам это или нет, но краденого я не коснусь. Мне противны такие сделки.

— А в моем деле не нужен такой губошлеп! Мне нужен человек, который бы постоянно заботился о прибыли и не пропускал ни одной возможности получить ее.

— Я не могу жертвовать своими убеждениями ради вашей прибыли.

Чем, как не оплеухой, можно выбить такую дурь из головы? Будь лала-джи помоложе, уж он бы сумел выколлотить из сына эти его «убеждения»! Теперь же ста-

¹ Р а м а — герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна», царевич, образ которого принял бог Вишну, чтобы избавить мир от демона Равана.

² Э к а д а ш и — пост, приходящийся на одиннадцатый день светлой и темной половины месяца.

³ П у р а н ы — древние эпические сказания.

⁴ Д х о т и — набедренная повязка.

рому ростовщику приходилось пить горькую чашу бес-
силия.

— Эге, видно, ты у нас единственный защитник доб-
родетели, а все остальные люди попросту мошенники! То,
что ты не пожелал взять из спеси, всякий другой уж на-
верное перехватил бы, заплатив на три-четыре рупии
больше. Он-то получит на этом деле кругленькую сумму,
будь уверен! А вот тебе солоно придется. Чтобы зарабо-
тать полторы сотни, надо продать полтораста кусков тка-
ни или сто пятьдесят мешков сахара. Сам-то ты пока
еще не зарабатываешь, отсиживаешься за чужой спиной,
вот тебе всякая блажь и лезет в голову. А попробуй-ка
погнуть горб, живо глаза раскроются!

Но Амар не сдавался.

— Подобными делами я заниматься не буду,— упря-
мо сказал он.

Лала-джи почувствовал, что в душе его гнев на су-
масброда сына уступает место сожалению.

— Но чем же ты будешь заниматься? — сокрушенно
спросил он.— Назови мне дело, которое пришлось бы
тебе по нраву. Всякая торговая операция — будь то рос-
товщичество и проценты, продажа зерна, ткани, рас-
тительного или топленого масла — все требует изворот-
ливости. Подвернулся удобный случай — не упусти его и
получишь барыш, а прозеваешь — останешься на бабах.
Назови мне такое дело, в котором не приходилось бы
жульничать и изворачиваться. Посмотри на больших
начальников — кто из них не берет взятки? Понадоби-
лось снять копию с документа — плати рупию. Даром
никакой тханедар¹ пера в руки не возьмет. Где ты най-
дешь адвоката, который не прибежал бы к лжесвидетель-
ствам? Укажи мне лидера, который не запускал бы руку
в общественную казну. Если в основе нашей жизни ле-
жат деньги, без них не проживешь.

Амар печально покачал головой.

— Если дела можно вести только таким образом,
я ими заниматься не буду.

— А как же хозяйство, дом? Если в колодец не по-
ступает вода, то пройдут дни — и он иссякнет.

Амарканту не терпелось положить конец этому раз-
говору.

¹ Т х а н е д а р — начальник полицейского участка.

— Умру с голоду, но совестью не поступлюсь, — коротко сказал он.

— Что же, пойдешь в рабочие?

— Рабочим быть не стыдно.

Видя, что один молот не помогает, Самаркант взялся за другой.

— Конечно, ничего постыдного в этом нет, да только ты не сумеешь. Болтать языком легко, а вот попробуй-ка поработать! Изойдешь потом, а заработаешь какие-нибудь четыре пайсы. Тоже выдумал — буду рабочим! Сам из колодца горшка воды не вытащит, если нужно купить на три пайсы овощей — берет с собой слугу, а говорит — буду работать! Да ты благодари судьбу, что я добытчик! Ничего-то ты не сумеешь. От твоих разговоров тошно становится. Вот возьму да пожертвую все свое состояние Кришне, тогда посмотрим, что ты запоешь.

Но все ухищрения отца не оказали никакого воздействия на Амарканта.

— Если вас это устраивает, жертвуйте свое состояние Кришне и не думайте обо мне. День, когда вы совершите это святое дело, будет самым счастливым в моей жизни. Богатство перестанет застилать мне свет, и я буду свободным человеком. А пока мои руки скованы цепями, о свободе нечего и думать.

Красноречие лалы Самарканта иссякло. На мгновение ярость затуманила его рассудок.

— Ах, цепи?! Да кто тебя держит в этих цепях? — загремел он. — Освободи свою душу, ступай в святые! Покажи нам всем, как это делается. Я вовсе не собираюсь навязывать тебе то, чего ты и оценить-то не можешь!

С этими словами лала-джи круто повернулся и вышел: он услышал удары гонга, возвещавшие о начале арти¹, и поспешил в тхакурдвару². Амар не успел ничего ответить отцу.

Итак, отец пригрозил ему лишением наследства. Старик гордится тем, что продает краденое, ссужает деньги игрокам, наживая четыре аны на рупии, грабит

¹ Арти — молитвенный обряд, обнесение светильника вокруг божества.

² Тхакурдвара — индуистский храм.

бедняков, рабочих и крестьян, и таким образом сумел сколотить огромное состояние. О! не дай бог стать рабом такого богатства!

Амаркант был поглощен этими размышлениями, когда в комнату вошла Найна.

— Дада рассердился, братец? — спросила она.

В одинокой жизни Амарканта Найна всегда служила, источником любви и утешения. С ней делился он своими радостями и печалью, победами и поражениями. И теперь, когда чувство отчужденности к Сукхде прошло и Амар даже полюбил ее, Найна по-прежнему оставалась самым близким ему существом. Сукхда и Найна были для него словно два прозрачных озера. Сукхда — далекий, труднодоступный; волны этого озера с трудом добивались до ног Амарканта. Другое озеро — Найна — было отрадно близким и чутким; малейшее дуновение ветерка — и теплые волны его омывали самое сердце Амара.

Старательно скрывая под легкой усмешкой душевную боль, Амар откликнулся:

— Ничего нового, сестричка, все та же песня. Твоя невестка внизу?

— Все время была там. Только что поднялась к себе.

— Верно, сейчас и оттуда загремят залпы. Сегодня дада окончательно предложил мне избрать определенный путь. Надо решать. У меня больше нет сил терпеть эти бесконечные упреки. Если бы я сделал что-нибудь дурное — тогда пусть он хлещет меня по щекам туфлей, я даже не пикну. Но совершать заведомо подлые поступки я не буду.

Найна в этот период увлекалась кулинарией: сладкое тесто, соленое тесто, кислое тесто и бог знает еще что! — занимало ее сейчас. Она с радостью отдавалась этому занятию. Споры о законе и беззаконии казались ей бесполезной тратой времени.

— Пойди-ка раньше попробуй мою стряпню, — затормошила она брата, — а потом будем говорить о делах.

— Я не хочу ужинать, — проворчал Амар. — Никакая еда не лезет в горло. Дада сегодня поставил точку.

— Э, оставь пожалуйста! Таких вкусных вещей ты в жизни не пробовал! Если ты не будешь есть, то и я не буду.

Заявление сестры смутило Амарканта.

— Не мучай меня, Найна. Право же, я не хочу ужинать!

— А ну, пойдем к столу! Сначала погляди, а потом будешь говорить: хочешь или не хочешь.

— Пойди и поешь сама. Право, я не умру, если однажды не поужинаю.

— А я разве умру, если не поем? Сейчас я все равно соблюдаю шивратри¹ и не притрагиваюсь к воде, а ведь ты никогда не постишься.

Противостоять такому натиску Амаркант не мог.

Лала-джи обычно не ужинал, поэтому по вечерам брат, сестра и невестка садились за стол втроем.

Когда Амар вышел во двор, Найна позвала Сукхду, но та сверху ответила, что ей не хочется есть. Теперь настала очередь Амарканта успокаивать жену. Тихо, стараясь не шуметь, он поднялся по лестнице. Он ожидал бурного объяснения, но своих позиций сдавать не собирался. Нет, здесь он будет тверд! В таких вещах невозможен никакой компромисс.

Шаги мужа на лестнице заставили Сукхду насторожиться. Заметив тень страдания на истомленном, пожелтевшем лице молодой женщины, Амаркант встревожился.

— Поздно уже, идем ужинать,— проговорил он, беря жену за руку.

— После поедим, сначала мне надо решить с тобой один вопрос. Ты сегодня снова поссорился с дадой-джи?

— Я с ним поссорился или он без всякой причины накинулся на меня с бранью?

С философской невозмутимостью Сукхда продолжала:

— А почему ты дал ему повод так с тобой разговаривать? Я понимаю, тебе его поведение не нравится. Я также не собираюсь защищать его. Но пора понять, что он уже стар, и ты его не переделаешь. А кроме того, он идет той дорожкой, которой идет весь мир. Твой долг — помогать ему всем, чем можешь. Не станет его — ну, тогда воюй за свои идеалы. Тогда тебе никто не будет мешать. А пока ничего не случится, если ты немного поступишься своими принципами. Успокой его хоть в том, что непустишь по ветру все состояние. Я слыша-

¹ Ш и в р а т р и — один из постов.

ла ваш сегодняшний разговор; мне кажется, ты пере-солил.

Амарканту меньше всего хотелось усугублять и без того мрачное настроение жены, однако вопрос был настолько серьезный, что юноша почувствовал необходимость доказать свою правоту.

— Сегодня отец мне прямо заявил, что я должен сам о себе заботиться. Богатство ему дороже, чем я.

Это была та самая заноза в сердце, которая причиняла Амаруболь. Но у Сукхды был уже заготовлен ответ.

— Но ведь и тебе твои принципы дороже отца. Ему я и не заикнусь об этом, а тебе скажу: шестидесятилетнему человеку не читают морали, ты, во всяком случае, не имеешь на это права. Ты хочешь отказаться от богатства, но умные, деятельные люди всегда почитали богиню богатства Лакшми. Только энергия дает возможность пользоваться всеми благами жизни. Отречение от жизни пристало не семейному человеку, а аскету. Если ты задумал принять обет отречения, к чему было обзаводиться семьей? Обрил бы голову и превратился в отшельника. И я бы тебя не грызла. Ну, а коли сунул голову в ступу — от песта не спрячешься. Семейная жизнь и не таких, как ты, обламывала. Даже Кришну и Арджуну¹ она вынудила идти по другой дорожке.

Отвечать на такие доводы Амаркант не считал нужным.

— Так ты советуешь мне податься в монахи? — шутливо спросил он.

Сукхда вспыхнула. Она не могла стерпеть такого легкомысленного отношения к своим словам.

— Что еще может придумать трус? — жестко отпарировала она. — Зарабатывать деньги — не легкое дело. Если бы монахам пришлось сталкиваться с трудностями, которые преодолевают деловые люди, куда бы девался весь их аскетизм! Чтобы обивать пороги у порядочных людей, не требуется ни сил, ни ума, ни знаний, ни мужества. А вот зарабатывать деньги — не легкое дело. Деньги не валяются под ногами на радость всякому, кому не лень нагнуться.

¹ Арджун — один из героев древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата».

Амаркант продолжал шутить.

— Что-то я не замечал, чтобы на благословенном троне, на котором восседает дада, люди занимались каким-нибудь трудом! Приходилось мне видеть на таких тронах больших сетхов-ростовщиков, раздувшихся, словно жирные курдюки. А вот рабочие — те действительно сжигают свою плоть и сушат кровь. На кого ни посмотришь — скелет скелетом.

Сукхда промолчала: что толку спорить с таким толстокожим человеком?

Снизу послышался голос Найны.

— Братец! Что же ты не идешь? Чем ты там занялся? Ужин остынет.

— Почему ты не идешь ужинать? — спросила Сукхда. — Бедняжка целый день парилась в кухне.

— Я пойду только вместе с тобой.

— Обещай мне, что больше никогда не будешь ссориться с отцом.

Лицо Амарканта стало серьезным.

— Сукхда, я говорю тебе правду: я сделал все, чтобы избежать этой ссоры. За последние два года я очень изменился — подчас я и сам сомневаюсь, глядя на себя, я ли это. Теперь я с радостью принимаю то, что раньше мне претило. Но сейчас — точно, я дошел до предела. Если я сделаю еще хоть один шаг по этому пути, то свалюсь в бездонную пропасть. Не толкай же меня в нее.

Сукхде почудилось, что в словах мужа было нечто, бросающее на нее тень. Могла ли она промолчать?

— Так, значит, я хочу твоей гибели? — возмутилась она. — Раз ты так понимаешь мои слова, тебе давно нужно было дать мне яду. Если ты считаешь, что я гонюсь за наслаждениями и убеждаю тебя только в расчете на свою личную выгоду, то ты ко мне так несправедлив, так... Да будет тебе известно, что неженка Сукхда, если придет нужда, сможет переносить такие лишения, которые тебе и не снились! Не дай мне бог увидеть тот день, когда бы я навлекла на тебя несчастье! Конечно, я не согласна раздувать пламя, которое станет моим погребальным костром¹. Но я уверена, что ты сам, если немного поразмыслишь, сможешь и защитить свои прин-

¹ Согласно законоположениям индуизма, вдову заживо сжигали на погребальном костре мужа.

ципы, и уберечь дом от разорения. Дада-джи — человек бывалый, он знает жизнь. Если в том, чем ты живешь, есть хоть доля правды, то дада-джи непременно поймет тебя. А этими ежедневными ссорами ты только ожесточаешь его. Даже дети от побоев озлобляются, а старики во многом походят на детей: и тех и других можно расположить к себе вниманием и любовью.

— Как ты считаешь, должен я покупать краденое? — спросил Амаркант.

— Никогда!

— А ведь ссора вышла как раз из-за этого.

— Ты мог сказать тому человеку, чтобы он пришел, когда вернется дада.

— А если он не соглашался? Ему нужны были деньги немедленно.

— Но ведь ты знаешь, что в исключительных случаях, — например, если произошло какое-нибудь несчастье, — человек имеет право обойти закон.

— Но ведь это жульничество!

— Если на то пошло, то твой неземной идеализм тоже жульничество!

Оба на минуту замолчали, чтобы перевести дыхание.

— Нас ждет Найна, — напомнил Амаркант.

— Я пойду лишь тогда, когда ты дашь мне обещание.

Амаркант твердо сказал:

— Ради тебя я могу дать это обещание, но я знаю, что не выполню его. Возможно, мне придется совсем порвать с домом.

— Правильно, это лучше, чем заводить ежедневные ссоры, — подхватила Сукхда. — Но пока ты здесь, тебе следует поступать так, как это выгодно для дома.

— Я сегодня же могу оставить этот дом. — Губы Амара упрямо сжались.

Сукхда взорвалась, словно бомба:

— А я?!

Амаркант недоуменно уставился на жену.

— С этим домом меня связываешь только ты, — гневно продолжала Сукхда. — Если ты уйдешь, мне тоже нечего здесь делать. Там, где будешь ты, найдется место и для меня.

— Ты можешь пока жить у матери, — нерешительно сказал Амар.

— А зачем мне жить у нее? Я не желаю быть хлебницей! Ты мой муж, и с тобой я должна делить все горести и радости. Тогда посмотрим, так ли уж твердо ты будешь следовать своим принципам. Даю слово, что не буду требовать от тебя ничего, тебе не придется терпеть из-за меня затруднений. Я тоже могу найти себе занятие. Будем жить только на свой заработок: сколько заработаем, столько и потратим. Если нужно самим вить свое гнездо — что же, руки у нас есть. Ты будешь носить воду из колодца, я — стряпать. Человек может жить не только во дворце, но и в каморке. Меня этим не запугаешь.

Амаркант был сражен. О себе он нимало не беспокоился, но Сукхда!.. Смеет ли он совершать такое насилие над ее жизнью?

— Нет, Сукхда, время еще не пришло, — смущенно сказал он.

— Ты испугался, что я потом пожалею о своем решении? — живо отозвалась Сукхда.

Амар вспыхнул.

— Нет, что ты! Даю тебе слово...

— Зачем ты говоришь неправду? Ты подумал именно так, и, поверь, с твоей стороны это очень несправедливо! Никогда женщина не уступит мужчине ни в способности переносить трудности, ни в верности принципам. Поскольку ты не предлагаешь мне другого выхода, то, чтобы избежать позора, мне придется попросить у дады-джи разрешения жить отдельно. Согласись, что я права.

Амаркант окончательно смутился.

— Прости меня, Сукхда! — виновато сказал он. — Обещаю тебе, что отныне мои поступки не вызовут неудовольствия дады-джи.

— Ты говоришь это потому, что сомневаешься во мне?

— Нет. Просто я понял, что сам еще слишком слаб.

В этот момент вошла Найна и потащила обоих отведать ее стряпни. Сукхда сияла от радости. Сегодня она одержала такую победу! Амаркант, напротив, кипел от гнева. Сегодня его вера, его идеалы прошли испытание, которое показало всю их несостоятельность. Верблюд, лишь спустившись к подножию горы, осознает свою истинную высоту.

Каждый этап жизни имеет свое содержание. В последнее время Амаркант особенно остро ощущал это. Он боялся произнести хоть одно слово, способное огорчить Сукхду, — потому что она ждала ребенка. Он старался во всем угодить ей, потому что она ждала ребенка! Он читал ей замечательные книги (особенно полюбились ему «Рамаяна»¹ «Махабхарата» и «Гита»²) — все потому, что Сукхда ждала ребенка. В его памяти возникало бесконечное количество обрядов, связанных с рождением ребенка, — и опять-таки все потому, что Сукхда готовилась стать матерью. Амаркант стремился сделать все, чтобы Сукхда была довольна. Теперь уже он не стеснялся ходить с женой в кино и в театр. Он приносил ей цветы и всевозможные безделушки. По утрам и вечером он сидел в лавке; на собрания его больше не тянуло. Амаркант тоже готовил себя к отцовству. Одна мысль об этом наполняла его таким восторгом, что иногда, когда дома никого больше не было, он подолгу простаивал в задумчивости перед изображением младенца Кришны. До сих пор он мог не смотреть себе под ноги — под ним была ровная, твердая земля. Теперь он поднялся на вершину, где каждое движение требовало напряженного внимания.

Лала Самаркант тоже был доволен. Он частенько заходил к невестке, интересовался, не нужно ли ей чего-нибудь. На Амара он поглядывал с сочувствием и начал терпимо относиться к его идеализму. Как-то раз он даже выгнал Кале Хана из лавки. Клиенты уже не вызывали у старика такого раздражения, как прежде, он перестал на них ворчать. Будущее рисовалось ему в радужных красках.

Однажды, беседуя с Ренукой, лала-джи начал расхваливать поведение Амара.

Ренука не была настроена столь благодушно. Предстоящие роды дочери пугали старую женщину.

— Когда всевышний дарит радость, — сказала

¹ «Р а м а я н а» — древнеиндийский эпос, повествующий о деяниях легендарного героя Рамы.

² «Г и т а» (или «Бхагавадгита») — философская глава из древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

она, — я прошу его лишь о том, чтобы затем он не послал горе. Дать жизнь первенцу — трудно, очень трудно. Для женщины это второе рождение.

Самарканта не мучили подобные опасения.

— Если это будет мальчик, я уже придумал ему имя, — объявил он. — Мы назовем его Ренукант.

— Полно, лала-джи, не стоит заранее придумывать имена, — опасливо остановила его старая женщина. — Когда все трудное останется позади, мы уж решим, как его назвать! Я думаю, нужно заказать молитву в честь Дурги¹. И еще: недалеко отсюда живет акушерка; неплохо бы договориться с ней уже сейчас. Ведь девочка многого еще не знает, а эта женщина будет смотреть за ней днем и ночью.

Лала-джи с удовольствием взялся уладить дело. Когда он вернулся в лавку, то застал там Амарканта, беседовавшего с какими-то посетителями. Новые клиенты — двое мужчин и женщина — были белые, англичане. Случалось, что белые из низших классов заходили сюда продавать драгоценности. Лала Самаркант нещадно надавал их. Он знал, что этот народ боится огласки и в другие лавки все равно не пойдет. Едва лишь войдя, старик поспешил отстранить сына и сам занялся переговорами: Амаркант всегда действовал честно, а сейчас требовался другой подход.

Поклонившись женщине, лала-джи спросил:

— Что прикажете, мем-сахиб?

Белые были сильно навеселе. Женщина протянула Самарканту золотую цепочку.

— Сетх-джи, мы хочет ее продавать, — с трудом подбирая слова, проговорила она. — Старик серьезно заболеть. На лекарство ушел много деньги.

Лала Самаркант осмотрел цепочку и прикинул ее на вес.

— Плохое золото, мем-сахиб, — он покачал головой. — Где вы это купили?

Женщина засмеялась.

— О! Вы всегда говорите одно и то же! Золото очень хорошо. Я покупал ее в английском магазине. Возьмите ее!

Лала Самаркант недовольно поморщился.

¹ Дурга — супруга бога Шивы.

— Большие магазины! Да они без ножа режут покупателей! На базаре ткань продают по шесть ан за ярд, а в английском магазине с вас сдерут за нее не меньше двенадцати ан. Десять рупий за толу — больше за эту вещьцу я не могу дать.

— Надо прибавлять немного!

— Какое там! И так уж ради вас терплю убыток!

Эти белые были из разряда проходимцев, пьянчужек и игроков, из тех, которые норовят прокатиться без билета в первом классе, удирают из гостиниц, не заплатив по счету, а в трудные минуты прикидываются попавшими в беду аристократами и выклянчивают подачки. Сделка состоялась. Получив деньги, посетители вышли на улицу и уже усаживались в тонгу¹, когда возле них очутилась нищенка. Белые были на седьмом небе: в карманах звенели деньги, жизнь улыбалась — но вдруг нищая выхватила нож и бросилась на одного из них. Удар пришелся по лицу. Белый в испуге отпрянул, но тут же напоролся на нож грудью. Послышался страшный вопль... и человек упал на дно повозки. Приятели пострадавшего соскочили с тонги, намереваясь укрыться в лавке, но в это время нож уже достиг другого мужчину. Удар в бок... и второй раненый, так и не добравшись до убежища, рухнул наземь. Нищенка рванулась к дверям лавки, пытаясь настичь женщину, но Амаркант уже преградил ей путь.

— Стой! Стой! — закричал он, пытаясь вырвать нож из рук нищенки.

Натолкнувшись на Амарканта, нищенка остановилась, уронила нож и застыла в оцепенении. На улице поднялась суматоха.

— Белый убил несколько человек! Лала Самаркант убит! Сын его ранен! — слышалось со всех сторон.

В минуту опасности человек начинает особенно ценить свою жизнь. Кому охота рисковать?! Люди закрывали лавки и прятались.

Оба раненых корчились на земле, у входа в лавку дрожала от страха перепуганная белая женщина, лала Самаркант пытался втащить сына в лавку. Внизу, на том самом месте, где ее остановили, склонив голову,

¹ Тонга — крытый двухколесный экипаж.

стояла нищенка, стояла так просто и спокойно, словно не она была виновницей только что разыгравшихся событий.

Она свободно могла скрыться — никто бы не осмелился преследовать ее, но она не побежала. Она могла бы покончить с собой — нож все еще валялся на земле возле нее, — но и этого она не сделала. Она стояла и смотрела прямо перед собой, словно удивляясь тому, что произошло.

В отдалении собралось несколько лавочников. Наконец явились и два полицейских.

— Вот она! Эта! Эта женщина! — слышалось вокруг.

Полицейские схватили ее.

Не прошло каких-нибудь десяти минут, как на месте происшествия собрался весь город, все большое начальство. Повсюду мелькали красные тюрбаны полицейских. Появившийся откуда-то врач распорядился поднять раненых и отправил их в госпиталь. Началось расследование. Нищенка призналась во всем.

Допрос на месте происшествия вел суперинтендант полиции.

— Что сделали тебе эти люди? — спросил суперинтендант.

Та не отвечала.

— Почему молчишь?! Убийца! — закричали вокруг сотни голосов.

— Я не убийца, — слышался ясный, твердый ответ.

— Разве не ты убила этих господ? — снова задал вопрос суперинтендант.

— Да, я.

— Как же ты говоришь, что ты не убийца?

— Я не убийца. Шесть месяцев назад вот такие же люди лишили меня чести. Домой я не вернулась. Никто из моих близких больше не видел меня. Не помню, где я бродила все это время, как жила, что делала... Когда я увидела этих белых, ко мне вернулась память, и я бросилась на них... Только после этого я поняла, что происходит... У меня ничего нет. Не помню, где я добыла нож, не знаю, откуда у меня появилась такая решимость... Не думайте, что я молчу, потому что боюсь виселицы. Я молю всевышнего лишь об одной мило-

сти — послать мне поскорее смерть. Если утрачена честь, жить нельзя...

Нищенка замолчала, и в настроении толпы вдруг почувствовалась перемена. Теперь на все вопросы полиции неизменно слышалось: «Она сумасшедшая!.. Бродит повсюду... Давали ей еду — она швыряла ее собакам, давали деньги — бросала и их».

Возница тонги показал:

— Она сидела на самой середине дороги. Уж я звонил, звонил — она с места не двинулась. Так и пришлось повернуть тонгу в сторону.

Продавец бетеля отвечал в том же духе:

— Однажды она остановилась возле моей лавки. Я дал ей бетель, но она швырнула его на землю и растоптала, а потом тихо запела и пошла дальше...

Дал свои показания и Амаркант. Лале-джи очень не хотелось, чтобы сын его ввязывался в эту историю, но тот был так возбужден, что у старика не хватило духу спорить. Амар рассказал все, что ему было известно. Желая как можно больше растрогать присутствующих, он даже чуть приукрасил свой рассказ.

— Можете ли вы свидетельствовать, что эта женщина не в своем уме? — задал ему вопрос суперинтендант.

— Конечно, она безумная, — убежденно ответил Амаркант. — Мне десятки раз доводилось видеть, как она разговаривала сама с собой, и при этом смеялась или плакала. Если же кто-нибудь из прохожих обращался к ней с расспросами, она убегала.

Все это Амаркант сочинил тут же, на ходу. На самом деле после того страшного дня в деревне он впервые увидел эту женщину. Может быть, он и встречал ее где-нибудь, но не узнавал.

Когда суперинтендант приказал вести женщину в полицию, следом за ней двинулась двухтысячная толпа. В глазах этих простых людей несчастная помешанная превратилась в богиню. Только божественная сила могла вдохнуть в нее такую решимость! Весь вечер на месте происшествия толпились люди. Здесь побывал весь город. Некоторые любители зрелищ не раз повторяли свой рассказ: «С этой стороны она подошла к тонге, вот так выхватила нож, так набросилась; те двое побежали вот сюда, к лавке; отсюда она кинулась

на другого белого. Если бы братец Амаркант хоть немного замешкался, она бы и мем-сахиб прикончила. Глаза у нее пылали как угли, а лицо-то, лицо — ну, словно твой светильник!»

Дома царило страшное смятение. Когда Амаркант вошел к жене, та молча сидела на кровати, а дрожащая, словно в лихорадке, Найна держала ее руку. Видно было, что Сукхда потрясена до глубины души; лицо у нее опухло от слез.

Увидав мужа, Сукхда бросилась к нему.

— Это она, да? Та женщина?.. Из деревни?..

— Да, видимо, она.

— Теперь ее повесят!..

— Наверное. На спасенье надежды мало.

— Если ее повесят, я буду кричать, что справедливость покинула мир. Разве эта несчастная виновата? Кара должна постичь негодяев, которые надругались над ней. Будь я судьей, я бы помиловала ее. Этой женщине надо поклоняться, как божеству: ее мужество озарило ясным светом всех нас — женщин.

— Но ведь справедливость вовсе не в том, чтобы за преступления одних расплачивались другие, — заметил Амаркант.

— Все они одинаковы! — гневно воскликнула Сукхда. — Нация, породившая этих мерзавцев, обречена на гибель. Если один человек совершает зло, — позор падает на все общество, и оно все, целиком, должно нести наказание. В Северо-Западной пограничной провинции один человек похитил белую женщину. В наказание за это правительство направило в провинцию карательную экспедицию. Правительство не поинтересовалось тем, кто виноват, оно решило расправиться с населением всей провинции. У несчастной женщины не нашлось защитников, и она сама отомстила за свою поруганную честь. Ты посоветуйся с адвокатами: может быть, несчастную удастся спасти от виселицы. Сколько бы это ни стоило — денег жалеть нельзя. Да и процесс этот адвокаты обязаны вести бесплатно. Тот не человек, кто будет требовать платы за такое дело! Собери сегодня членов твоего общества и организуй сбор средств. Даже я, в моем положении, сумею собрать тысячи рупий. Да разве найдется женщина, которая откажется помочь этой бедняге?!

— Я сделаю все, что ты сказала,— заверил Амаркант, стараясь успокоить жену.— Не знаю, каков будет результат, но мы примем все меры. Схожу-ка я к доктору Шантикумару. А ты пойдی отдохни.

— Нет, я поеду к маме. Проводи меня.

— Ты лежи, успокойся,— настаивал Амаркант.— Я сам к ней зайду.

Сукхда снова вскипела:

— Только мертвый может сейчас лежать! Ради этой богини я жизни не пожалею! То, что я хочу сказать маме, ты передать не сумеешь. Мужчине не понять тревоги, которую испытывает женщина из-за своей сестры. На этот процесс я возьму у мамы, по крайней мере, тысяч пять. Мне ~~ее~~ богатство не нужно. Удастся собрать деньги — хорошо, нет,— все равно их нужно достать. Найми, пожалуйста, тонгу.

И Амарканту снова открылась душа его неженки жены, исполненная сострадания к человеку, любви к своему народу.

Вскоре тонга остановилась у ворот дома, и молодая чета отправилась к Ренуке-деви.

10

Три месяца город бурлил, словно кипящий котел. Каждый день здание суда осаждали тысячи людей. Стремясь хоть одним глазом взглянуть на героиню происшествия, они оставляли работу, бросали дела. Особенным пылом отличались женщины. Стоило им увидеть несчастную арестованную, как воздух оглашался приветственными возгласами и сыпался дождь цветов. Ренука-деви и Сукхда целыми днями с утра до вечера пропадали в канцелярии суда.

Окружной судья начал процесс. Был назначен состав суда, подобрана армия адвокатов. Дело не представляло особой сложности — ведь обвиняемая признала свою вину. Следовало лишь установить, находилась ли подсудимая в сознании в момент совершения преступления. Свидетели утверждали, что она была безумна, врач же не находил у нее признаков душевного расстройства. В день, когда было оглашено медицинское заключение, в толпе поднялась такая буря возмущения, на доктора

посыпался такой град упреков, что он, бедняга, с трудом смог добраться до дому. В таких случаях малейшая обмолвка, неугодная народу, встречается градом проклятий и оскорбительных реплик. Появилось нечто единое — воля народа. Она никому не давала поблажек, не допускала произвола в решении суда.

Ренука-деви стала популярной личностью. Все заботы в связи с судебным процессом легли на ее плечи. Доктор Шантикумар и Амаркант были ее помощниками. Люди сами приходили и приносили деньги. Даже лала Самаркант и тот, правда тайно, пожертвовал крупную сумму.

Однажды в канцелярии суда Амаркант увидел патханку. Рядом с ней, прикрыв лицо платком, стояла Сакина.

— Не принести ли вам стул, матушка? — спросил Амаркант старуху. — И вы тоже не выдержали, пришли посмотреть?

— Да ведь я, что ни день, бываю здесь, сынок! — ответила старуха. — Только ты, видно, не замечал меня. Дочка, так та и верить не хотела!

Амарканту вспомнился подаренный платок и просьба старой патханки. Но сейчас он так закрутился в этом водовороте, что даже для университета не оставалось времени. Где уж тут думать о чем-нибудь другом!

— Как решит суд, сынок? — в голосе старой женщины слышалась тревога. — Отпустят эту горемычную или накажут?

Услышав, о чем идет речь, Сакина подошла поближе.

— Кто его знает, матушка, надежды на хороший исход мало, — ответил Амаркант. — Но мы сделаем все, дойдем хоть до Тайного совета.

— Будет несправедливо, если ее осудят. — Старуха горестно закачала головой.

— Осудят или нет, но она сказала свое слово! — с горячностью произнес Амаркант. — Она доказала, что даже бедная женщина Индии может постоять за свою честь!

Глядя на старуху, Сакина робко спросила:

— Нельзя ли нам взглянуть на нее, бабушка?

— Отчего же нельзя? — с готовностью отозвался

Амаркант.— Идемте, я посажу вас рядом с нашими женщинами. Вы познакомитесь с ними и поговорите обо всем, что вас интересует.

Патханка оживилась.

— Да, сынок,— заторопилась она.— С тех пор, как случилось это горе, девочка ест меня поедом. Но тебя я никак не могла встретить, а кто еще нам поможет? Сакина уже несколько платков вышила, заработала на них две рупии. Эти деньги она хочет отдать вам. Возьми их, сынок: такую малость стыдно давать чужим людям.

Щедрость этих бедняков смутила Амара. Он вдруг взглянул на себя со стороны: люди, с которыми ему доводилось встречаться, относились к нему с неизменным уважением, но чего стоила вся его деятельность в сравнении с жертвенностью этих полуголодных женщин?

— Теперь уже отпала нужда в деньгах, матушка,— успокоительно проговорил он.— Средств собрано достаточно. Истратьте лучше эти две рупии на себя. Ну, идите же, я вас провожу.

Сакина сразу как-то поникла.

— Там, где не нужны деньги бедняков, не нужны и они сами,— понутив голову, сказала девушка.— Что ты будешь там делать, бабушка? Когда бедняжку привезут, мы и отсюда ее увидим.

— Что вы, что вы, не в этом дело, матушка! — вспыхнул Амаркант.— Мы даже пайсу брали с благодарностью. Бедняк ли, богач — какое тут может быть различие! У меня у самого ничего нет. А сказал я так потому, что вам и без того трудно приходится.

Обе патханки последовали за Амаркантом в зал. По дороге старуха тихонько шепнула:

— Я кое о чем просила тебя, сынок. Ты, верно, забыл?

И снова Амарканту пришлось краснеть.

— Нет, нет, я помню! Сейчас я по горло занят всей этой историей. Как только хоть немного освобожусь, немедленно поговорю со своими друзьями.

Когда Амаркант, представив своих подопечных Ренуке-деви, вышел из зала, он столкнулся с доктором Шантикумаром.

— Что вы болтаетесь здесь, уважаемый? — раздраженно воскликнул доктор-сахиб.— Где адвокаты? Су-

дебное разбирательство вот-вот начнется. На сегодня назначен допрос обвиняемой, а куда запропалились адвокаты — одному богу известно! Покрутятся немного в суде и считают, что совершили героический подвиг! Ох, куда лучше было пригласить платных адвокатов! На бесплатные процессы они смотрят как на бегар¹. Тянут процесс, как тянучку — во мне кровь кипит от гнева! Все ищут славы, а работать не желают! Если удастся хорошо провести допрос, — все показания полиции пойдут насмарку. А кто этим будет заниматься? Они же прекрасно знали, что сегодня допрос обвиняемой, и вот, пожалуйста, — никому дела нет!

— Я всем разослал извещения, — заверил Амар. — Что же я могу поделать, если кто-нибудь из них не явится?

— Ну, пусть только кончится заседание, уж я им задам перцу!

В этот момент из-за угла показался грузовик с подсудимой. Амаркант бросился разыскивать адвокатов, публика хлынула в зал. Подсудимую ввели за барьер. Едва лишь она вошла, тысячи исполненных глубокого почтения взоров устремились в ее сторону. Желтое, поблекшее лицо нищенки светилось таким достоинством, что даже те немногие, которые вначале награждали ее презрительными взглядами, невольно прониклись к ней уважением.

Судья-сахиб был смуглый широкоплечий крепыш. Казалось, что длинный нос его и маленькие глазки все время силятся сдержать рвущуюся наружу улыбку. Некогда человек этот был ревностным поборником национальной независимости и даже возглавлял организацию Национального конгресса в этой провинции. Но последние три года он исполнял обязанности судьи и поэтому вынужден был отойти от национального движения. Однако сведущие люди говорили, что и сейчас на страницах газет он продолжает отстаивать свои идеалы (правда, под чужим именем). Даже враги не осмеливались сказать, что когда-нибудь — из страха ли, или под давлением какого-либо авторитета — он хоть на йоту отошел от справедливости. И именно эта привер-

¹ Бегар — барщина, одна из форм принудительного труда в колониальной Индии.

женность судьи к справедливости должна была служить препятствием к спасению несчастной женщины.

— Ваше имя? — начал допрос судья-сахиб.

— Нищая, — ответила женщина.

— Имя вашего отца?

— Я не хочу предавать поруганию имя моего отца.

— Где ваш дом?

— Для чего вам это? — печально спросила нищая. — Что пользы вам знать, где я жила?

— Вы обвиняетесь в том, что третьего числа смертельно ранили ножом двух англичан. Оба раненые скончались в тот же день. Признаете ли вы себя виновной в этом преступлении?

— Вы называете это преступлением? Я не согласна с вами. — Женщина сказала это, смело глядя в лицо судьи.

— Вы признаетесь в убийстве?

— Вряд ли свидетели сказали неправду!

— Расскажите, что побудило вас совершить преступление.

— Мне нечего рассказывать. — Голос нищенки звучал ясно, спокойно. — Я не хочу оправдываться, не хочу защищать свою жизнь. Я рада, что она скоро кончится. Я — бедная, несчастная женщина. Память моя хранит лишь одно событие из моей жизни: несколько месяцев тому назад меня ограбили, отняли то, без чего жить нельзя. И я действительно умерла в тот день. Сейчас я стою перед вами, говорю, тело мое еще живёт, но души в нем уже нет. Разве можно назвать живым человека, который боится чужого взгляда, стыдится своего лица? Напрасно братья и сестры так хлопочут за меня, тратят столько денег. Опозоренной лучше умереть. Я не требую ни справедливости, ни сострадания, я молю лишь об одном — возьмите мою жизнь. Моих дорогих братьев и сестер я прошу после смерти оградить от бесчестия мое тело. Не питайте к нему отвращения. Забудьте, что это труп несчастной, падшей женщины. Верните мне после смерти то, чего я лишилась при жизни. Нет, я не жалею о том, что сделала. Молю всевышнего, — да не допустит он, чтобы какая-нибудь из моих сестер погибла так же, как я. Но если это совершится — и у нее не будет другого пути, кроме моего...

Некоторые, наверное, думают: «Она говорит, что хочет умереть. Почему же она до сих пор не умерла?» Что я могу на это ответить? Когда сознание вернулось ко мне и я увидела возле себя двоих корчащихся людей,—я испугалась. Я не знала, что делать дальше. Потом горячее участие моих братьев и сестер породило во мне безумную надежду, что, может быть, с моего лица смоется мерзкое пятно позора и я снова сделаюсь достойной уважения и почитания. Но нет, воображаемые лакомства не насытят человека. Теперь, даже если меня освободят, если братья и сестры украсят меня гирляндами из цветов и осыплют дождем золотых монет,—я не смогу вернуться в свой дом! Там у меня муж и крошка сын. Посмею ли я считаться матерью своего ребенка? Смогу ли я продолжать жизнь с мужем? Никогда! Малыш будет тянуть ко мне свои ручки... Но я отстраню их и, глотая слезы, уйду прочь. Я знаю, муж простит меня: ведь я не изменила ему; душа моя и сейчас жаждет прильнуть к его стопам. Но взглянуть ему в глаза — нет, я не в силах! Потащи он меня хоть силком — я не осмелюсь ступить на порог моего прежнего дома. Смогу ли я утешить себя тем, что душа моя чиста? Это утешение только для тех, кого манит жизнь. А я не смогу забыть свое горе и позор. Каждый волен теперь сказать обо мне что захочет. Почему человек дорожит своей жизнью? Совсем не потому, что она дарит наслаждения. Тот, кто страдает, кто в поте лица добывает свой хлеб,—любит жизнь не меньше счастливых богачей. В нашей жизни есть два несравненных сокровища: любовь близких и уважение посторонних. С утратой хотя бы одного из этих сокровищ теряет цену и жизнь. Пусть мои близкие и сейчас горюют обо мне — но я знаю, сердца их полны жалости, а не любви. Пусть другие люди с сочувствием относятся к моему горю — но ведь это всего лишь сострадание, а не уважение. Только смерть вернет мне потерянное. Жизнь уже не принесет мне ничего, кроме презрения и позора. Моим братьям и сестрам, всем, кто сегодня слышит меня, я завещаю: молитесь всевышнему, чтобы он избавил нас от извергов!

Нищая умолкла. Тишину, царившую в большом судебном зале, нарушали лишь рыдания. Лица женщин светились гордостью. Лица мужчин горели от стыда.

В мозгу Амарканта снова промелькнула мысль: «Белые позволили себе такую наглость, потому что считают себя здесь хозяевами». Доктор Шантикумар обдумывал план лекции: «Насилие мужчины над женщиной». Сукхда решила: «Если бедняжку освободят, я возьму ее к себе и буду служить ей всю жизнь». Ренука-деви подумывала о том, чтобы основать женскую больницу и назвать ее именем этой женщины.

В зале рядом с Сукхдой сидела супруга судьи. Ей давно не терпелось поговорить об интересном процессе, но при виде недоверчивых взглядов, которые бросали на нее окружающие, язык у бедной женщины прилипал к гортани.

Наконец жена судьи не выдержала и обратилась к Сукхде:

— Право, эта женщина ни в чем не виновата.

Сукхда искоса взглянула на нее.

— Дай бог, чтобы судья-сахиб был одного с вами мнения!

— О, я сегодня же ему все выскажу! Я скажу: «Если ты вынесешь обвинительный приговор, я буду знать, что ты не судья, а английский прислужник!»

Судья-сахиб встал и попросил судебных заседателей высказать свое мнение. Присяжные удалились на совещание, а судья склонился над какими-то бумагами. Через несколько минут присяжные вернулись и объявили свое решение: они считали обвиняемую невиновной. Судья-сахиб чуть-чуть улыбнулся, затем снова встал и закрыл заседание.

Оглашение приговора было отложено до следующего дня.

11

Весь город с замиранием сердца ожидал этого дня. Плели цветочные гирлянды, но мастерили также и черные флажки¹. Однако оптимистов было мало — большинство людей ожидало печального исхода. Ведь были убиты белые. Может ли несчастная рассчитывать на сострадание? Тронет ли судью горькая участь женщины?

¹ Черный флажок — символ протеста или траура.

Доктор Шантикумар и Салим были уверены, что судья уже подписал смертный приговор. По городу прошел слух, что завтра к зданию суда будет вызван полк солдат. Кое-кто утверждал, что это будет лишь отряд вооруженной полиции. Амаркант был убежден, что вызовут именно солдат.

Часов в десять вечера Амаркант зашел к Салиму. Приход друга встревожил Салима — ведь они расстались всего какой-нибудь час назад!

— В чем дело, брат? Еще что-нибудь стряслось?

— Мне просто пришла в голову одна мысль, — ответил Амаркант. — И я хотел с тобой посоветоваться. Смертный приговор должен вызвать бурю протеста, иначе все — мы — просто трусы! Судью-сахиба следует проучить, чтобы он знал, что индийская молодежь не станет молчать, когда убивают справедливость. Надо объявить ему бойкот. Его повара я возьму на себя, кучера поручаю тебе. Устроим так, чтобы судье и стакана воды негде было взять. Куда бы он ни пошел, к кому бы ни обратился, везде его должны встречать только насмешки.

— Да, братец! Много ты думал, да ничего путного не придумал.

— Что же еще можно сделать?

— Что даст такой бойкот? Стоит судье-сахибу черкнуть записку начальнику городской полиции, и через час у него будет двадцать поваров и кучеров.

— Ну, два-три дня его милости придется поволноваться, — убежденно сказал Амар.

— Все это, братец, пустое! Если уж братья, то надо устроить такую штуку, чтобы его милости на всю жизнь запомнилось. Вот что: в тот момент, когда судья-сахиб объявит приговор, в физиономию ему надо запустить туфлей.

Амаркант расхохотался.

— Да ты весельчак, друг!

— Не понимаю, что тут смешного! — обиделся Салим.

— Ты что, действительно хочешь залепить ему туфлей по физиономии?

— Конечно! Стану я шутить?! Мне хочется так проучить его милость, чтобы он больше и носа не посмел сюда показать.

Амаркант задумался: «Конечно, это будет не слишком-то красиво, однако сейчас ничего лучшего не придумаешь. Того, кто слушается только пинка, словами не убедишь».

— Ну что ж, посмотрим,— сказал он.— Но где мы найдем такого человека?

Салим усмехнулся.

— Дорогой мой, в городе найдутся ловкачи, которые у человека на ходу голову снимут. Это не проблема. За двести рупий можно купить любого бандита. Я подумываю о Кале Хане.

— Да? Я его как-то выгнал из лавки...

— И глупо. С двумя-тремя такими молодчиками необходимо поддерживать связь. В нужный момент они могут оказаться очень полезными. Ладно, все переговоры я беру на себя, ты только раздобудь денег. Мои ресурсы окончательно истощились.

— Да ведь месяц еще только начался!

— Так-то так, но мои карманы абсолютно пусты. Уже кругом должен. У матери выпросил десять рупий, у отца, под предлогом покупки книг, тоже выудил около десятки. Набрать двести рупий для меня сейчас не легкое дело. Если ты не достанешь, снова придется навестить на матушку.

— О деньгах не тревожься,— успокоил его Амар.— Я сейчас пойду и принесу.

Однако Салим считал, что отправляться на поиски денег в такой поздний час неудобно. Решено было отложить это дело на завтра. Утром Амаркант достанет денег, а Салим договорится с Кале Ханом.

Домой Амаркант добрался только в половине одиннадцатого. Над входной дверью горела яркая электрическая лампочка. В гостиной лала-джи беседовал с какими-то пандитами. «О чем они могут совещаться так поздно? — неприязненно подумал Амаркант.— Верно, замышляют новые плутни».

Едва увидев сына, лала-джи сурово остановил его.

— Где тебя до сих пор носило? Ушел с утра, а возвращается в полночь! Сейчас же отправляйся в женскую больницу и привези доктора.

— Кто-нибудь заболел? — встревожился Амар.

— Не болтай лишнего! — резко оборвал его лала Самарканд.— Делай, что тебе говорят. Всех вас зря земля носит. Подумаешь — событие! Этот процесс все в доме вверх дном перевернул. Иди, иди!

Продолжать расспросы Амаркант не осмелился, даже во внутренние комнаты не заглянул. Он потихоньку вышел на улицу и уже собирался сесть на велосипед, когда на пороге появилась служанка Силло.

— Эй, братец, куда же ты? — окликнула она Амарканта.— Жене твоей нехорошо, она все время о тебе спрашивает. Лежит вся в поту, бедняжка. Смотри, за тобой золотое ожерелье! Чтобы уж без обмана!

Амаркант все понял. Будто ветром сорвало его с места и внесло в дом. Во внутреннем дворике тесным кружком сидели Ренука-деви, акушерка, соседка-брахманка и Найна. Перед ними стоял маленький барабан.

Из комнаты Сукхды доносились стоны. Найна, вся в слезах, побежала навстречу Амару и уцепилась за его руку.

— Где ты был, братец? Невестка уже давно мучается!

К горлу Амарканта подступила такая неудержимая волна слез, что он не мог совладать с собой. Подойдя к комнате Сукхды, он остановился на пороге — сделать еще хоть шаг он был не в силах. Сердце его рвалось на части.

Сукхда посмотрела на мужа взглядом, исполненным муки.

— Теперь мне конец... — прошептала она. — Ох! словно копьё вонзилось в живот!.. Прости, если я перед тобой виновата...

Подоспевшая Ренука погнала Амарканта прочь:

— Иди, иди отсюда! Не видишь — ей совсем худо... Пошли кого-нибудь за врачом. Крепись же! Разумный человек, а плачешь!

Сукхда встrepенулась:

— Нет, мама, позволь ему немного посидеть со мной. Мне уж, верно, не жить... О, боже!

— Тебе говорят — уходи, а ты стоишь здесь и слезы льешь! — рассердилась Ренука. — Ступай за доктором!

Амаркант выскочил из дома и помчался в женскую больницу.

Сердце его то и дело сжималось от острой боли. Перед глазами у него все время была Сукхда.

К мисс Хуппер, врачу по женским болезням, часто обращались в трудные минуты. За ночные визиты она брала двойной гонорар. Амаркант страшно боялся, что мисс Хуппер откажется от его приглашения — час был поздний, но та приветливо поздоровалась с ним, тут же распорядилась подать машину, а сама принялась задавать Амару интересовавшие ее вопросы.

— Это первый ребенок?

— Да, мисс.

— Перестаньте плакать! Для беспокойства, право же, нет никаких оснований. Первые роды всегда сопровождаются сильными болями. Ведь жена у вас не слабая?

— За последнее время она совсем извелась.

— Вам бы пораньше ко мне навеститься.

У Амара душа ушла в пятки. Откуда ему было знать, когда нагрянет беда? Если бы он знал, так из суда сразу же побежал бы домой.

— У вас не применяют лечебной гимнастики, — сказала мем-сахиб. — Поэтому ваши роженицы и страдают сильными болями. Слишком напряжены нервы.

— Теперь вся надежда только на вас, мем-сахиб, — всхлипнул Амаркант.

— Ну что ж, я готова. Но, может быть, следует вызвать и хирурга.

Амаркант испугался.

— Если это необходимо, я сейчас же еду за ним.

Мисс Хуппер поглядела на него с сочувственной улыбкой.

— Нет, пока не нужно. Сначала я осмотрю роженицу.

Но тревога Амара не унималась.

— Мем-сахиб, — сказал он испуганно, — если с Сукхдой что-нибудь случится, я тоже умру.

— Разве ей так уж плохо? — В тоне мисс Хуппер послышалось беспокойство.

— Очень мучается...

— Точнее. Ее состояние?

— Она пожелтела, пот...

— Я спрашиваю, каково ее состояние? Она умирает? Руки и ноги похолодели?

В этот момент слуга сообщил, что машина подана. Мем-сахиб распахнула дверцу.

— Садитесь со мной, — сказала она. — Мой слуга приведет ваш велосипед.

Но Амаркант отказался.

— Нет, мем-сахиб, поезжайте вперед, а я заеду за хирургом. Поезжайте до Буланале, спросите дом лалы Самарканта...

— Я знаю.

Время близилось к полуночи, улицы тонули в ночном мраке, а Амарканту предстояло проехать целых три мили. Хирург жил в военном городке, и Амар добрался туда только к двенадцати. Прошло более часа, пока он, наконец, добился разрешения войти на территорию городка и повидать доктора-сахиба. Доктора долго будили, и когда он, разъяренный от гнева, увидел Амарканта, то наотрез отказался ехать в такую даль.

— Требуйте сколько угодно за визит, — взмолился Амаркант.

— Наша ночной такса — сто рупий.

— Хорошо.

— Деньги с вами?

— Разве вы с каждого требуете задаток? — Голос Амара прозвучал резко. — Лала Самаркант не из тех, кому нельзя доверить сотню рупий. Он — самый крупный ростовщик в городе. Я его сын.

Доктор-сахиб сразу сбавил тон. Пока Амар рассказывал, зачем понадобилась помощь хирурга, тот уже успел собраться в путь. Амар оставил у него велосипед и сел в машину. Не прошло и получаса, как они уже были на Буланале. Еще издали Амаркант услышал звуки флейты и ружейную стрельбу. Сердце его дрогнуло в предчувствии радости. Машина остановилась у дома, и лала Самаркант сам вышел навстречу врачу.

— Все благополучно, хузур¹. Внук!

Доктор получил гонорар, поговорил с мисс Хуппер и отправился домой. Не успела его машина отъехать от ворот, как лала-джи взял в оборот сына: как же, выбросил на ветер сто рупий! Амаркант возмутился.

— Да отдам я вам эти деньги! Может же человек

¹ Хузу́р — ваша милость, господин (обращение).

ошибиться. В такой момент мне, право, было не до бережливости.

В другое время подобный нагоняй на долгие часы вверх бы Амарканта в состояние отчаяния, но сейчас душа его была слишком переполнена радостью. Что толку бить по мячу — ему все равно не больно.

Нет, теперь уж ничто не способно омрачить радость Амара! Отныне он — отец! У него есть сын. Кто посмеет теперь помыкать им? Это крошечное существо словно с небес принесло ему надежду, одарило счастьем бессмертия. Хоть одним глазком взглянуть на него! Ох! Он своими глазами увидит это божество!

Мисс Хуппер выжидающе смотрела на Амара.

— Бабу-джи, просто так вы не увидите ребенка. С вас причитается большой выкуп.

Голосом, исполненным признательности, Амаркант ответил:

— Да ведь ребенок ваш, мем-сахиб. Я только ваш слуга... Как чувствует себя мать?

— Хорошо. Теперь она уснула.

— А ребенок здоровый?

— Да, хорош! И красивый — словно розовая кукла!

Мисс Хуппер ушла в комнату роженицы. Кругом звучала музыка, пение. С полсотни женщин — соседок по кварталу — собрались во дворе, и голоса их, слившиеся в дружный хор, неудержимо влекли к себе Амара. В этот момент мисс Хуппер с ребенком на руках показалась в дверях и позвала молодого отца. Амар в восторге ринулся к ней, но неожиданно почувствовал непонятный страх. Нет, он не смеет приблизиться! Может ли он, грешник, принять такой дар? Достоин ли он его? Выстрадал ли он это счастье? Всевышний в безграничной своей милости подарил ему это сокровище. О, ты щедр, всевышний! Амаркант почувствовал, что в греховной тьме его души возникает яркий светоч, подобно тому как в чреве ночного неба зарождается огненное сияние зари. Светоч этот пронизывает его жизнь ярким сиянием. В мерцании светильников, в звуках песен, в ласковом свете звезд ему чудился трепет младенца, его нежность, прелесть его прикосновений.

К Амару подошла всхлипывающая Силло.

— Что с тобой! О чем ты плачешь? — встревожился Амаркант.

— Мем-сахиб... не дает мне посмотреть... На братца!.. Прогнала меня... Да разве я сглажу его? Я сама была матерью, растила детей. Что тут плохого, если я хоть одним глазком на него гляну?

— Ох и чудачка ты, Силло! — засмеялся Амаркант. — Она, верно, боится, чтобы малыш не простудился, поэтому и не показывает его. У этих английских врачей отговорки и те не как у людей. Ничего не объяснят толком, только рассуждают. Не горюй, скоро она уедет, останется одна акушерка. Кому придется нянчиться с мальчуганом? Ведь тебе же! А втораи нянька — я.

Силло улыбнулась сквозь слезы.

— Я поглядела издали — весь в тебя. А кожа нежная — как у матери. Помни же, за тобой ожерелье!

Два часа ночи. Лала Самаркант зовет сына.

— Разве сегодня уснешь? — говорит он. — Садись-ка набросай смету для завтрашнего праздника. Когда родился ты, оборот в лавке был еще невелик; Найна — девочка, ее рождение тоже справили скромно. Наконец-то всевышний подарил мне такой праздник! Некоторые люди — против таяцев и пемия, а я не вижу в них ничего дурного. Это создает веселое настроение. Придут родные, друзья, послушают пение и музыку, отведают угощения — то ли не радость?! Что еще осталось нам в этом мире?

— Но разве уместно на такой светлый праздник звать танцовщиц — публичных женщин? — возразил Амаркант.

— Ох, оставь ты, наконец, свои мудрствования! — отмахнулся отец. — Я у тебя совета не спрашиваю. Каждый обычай имеет свою основу. Когда родился шри Рамчандра¹, на празднике плясали апсары². У нас так принято.

— А у англичан не бывает таких вечеринок.

Лала-джи набросился на сына как кошка на мышь.

— У англичан танцуют не потаскушки, а семейные женщины, вроде как у наших чамаров³. Чем заставлять

¹ Шри — уважаемый, почтенный; Рамчандра — одно из имен Рамы.

² Апсара — небесная нимфа, куртизанка, танцовщица.

³ Чамары — члены одной из низших каст (кожевники, метельщики).

танцевать жен и дочерей, лучше уж нанять девок. Ни мне, да и никому из людей моего возраста не понравится, чтобы наши жены и дочери плясали!

На такой довод у Амарканта не нашлось ответа. Ну что ж, завтра придет Салим и другие друзья, будет весело. Он ведь пробовал возражать, и вот результат — лала-джи слушать не желает. Видно, обойтись без танцев не удастся.

Амаркант сел и принялся составлять смету.

12

Утром Салим поднялся несколько раньше, чем обычно, позвал к себе Кале Хана и рассказал ему, что было задумано накануне. Двести рупий — немалая сумма! Кале Хан расхрабрился.

— Братец, да пара ударов туплей — плевое дело! — выпятив грудь, бахвалился он. — Только скажи — пятьдесят раз залеплю! За это, пожалуй, присудят не больше шести месяцев, а для семьи двести рупий — большая подмога.

Салим ждал, что Амаркант с минуты на минуту доспеет с деньгами, однако пробило восемь, девять часов, а он все не появлялся. Что с ним? Уж не заболел ли? Если он здоров, то, конечно, раздобудет деньги. На отца надежда плоха, но уж теща-то расщедрится! Вот уже и десять. Салим собрался было сам идти к Амарканту, как вдруг на пороге показался доктор Шантикумар. Салим радушно приветствовал гостя. Доктор Шантикумар указал на стоявший на стуле вентилятор и сделал нетерпеливое движение рукой, видимо, прося включить его.

— Слыхали новость? У Амарканта сын! — озабоченно сообщил он. — Сегодня он не сможет прийти. И теща его занята. Ума не приложу, как нам все устроить?! Справимся ли мы одни с организацией шествия? Хотя бы Ренука-деви пришла — и то легче было бы, но ей теперь не до нас.

Салим взглянул на Кале Хана и покачал головой.

— Не важные вести вы принесли. И надо же, чтобы сын его родился именно сегодня! Как же теперь быть, Кале Хан?

— Не беда, братец! — невозмутимо отозвался Кале Хан. — Я сделаю дело, а потом разочтемся. Сейчас я пойду куплю что-нибудь для своих желторотых, отнесу домой, а потом сразу в суд. Как только подадите знак — все будет сделано.

Кале Хан ушел. Шантикумар проводил его подозрительным взглядом и спросил:

— Я что-то не понял, о чем он тут говорил?

Ответ Салима звучал так, точно речь идет о пустяке, о котором и упоминать-то не стоит.

— Да так, ерунда! Кале Хан сегодня продемонстрирует свою храбрость. Амарканту пришлось в голову немного проучить судью-сахиба, когда тот прочтет приговор.

Доктор Шантикумар подавил тяжелый вздох.

— Иными словами, вы собираетесь позволить себе хулиганскую выходку. Очень грустно, если это затея Амарканта. Правда, его сейчас здесь нет, но вы в равной степени ответственны за это. Я считаю это низким, вы не вправе думать, что господин судья поступит с справедливостью в угоду своему начальству. Он намного выше вас по уму, знаниям, опыту и положению, и все же относился к вам обоим с уважением.

Салим оторопел, раскрыв рот от удивления. Ого! Такой головоломкой он еще никогда не получал! Не находя слов для оправдания, он решил свалить всю вину на Амарканта.

— Я его отговаривал, да он и слушать не хотел. Что же мне было делать?

— Вы говорите неправду, — сурово оборвал его доктор-сахиб. — Не верю. Это ваша выдумка.

— Если не верите, то...

— Амаркант не способен на такие фокусы.

Салим почувствовал, что все его маневры не достигают цели, и умолк.

— Ну, хорошо, допустим, идея принадлежит Амарканту. Вы-то как могли пойти на это? — продолжал допрашивать доктор Шантикумар.

Салим молчал.

Доктор-сахиб бросил взгляд на часы.

— Ох, я так зол на этого шалопая, что полсотни палок на него не пожалел бы! — воскликнул он. — Все дни напролет сбивался с ног из-за процесса, а сегодня,

в день оглашения приговора, ему, видите ли, необходимо праздновать рождение сына! Когда только у нас появится чувство ответственности? И дался ему этот праздник! Дело мужчины — стойко бороться, а пирушки оставить праздным гулякам. Я принялся ругать его, а он хохочет. Настоящий человек должен поставить перед собой определенную цель и бороться за нее до конца жизни, никогда не забывая о своем долге, не то он уподобится бумажному змею, который оторвался от нитки и летит, куда ветер дует... Вы идете в суд? Сейчас это самое главное. Если женщину признают невиновной, то ее во главе процессии надо провести на берег Ганга. Там все совершат омовение, а затем разойдутся по домам. Если же несчастной вынесут обвинительный приговор, нам останется распрощаться с ней, воздав должное ее героизму. Сегодня же вечером состоится мой доклад о реформе просвещения, и в докладе я непременно упомяну о нашей героине. Вы тоже будете выступать?

— Что я могу сказать? — смущенно спросил Салим.

— Как что? Вам ведь известны мои взгляды. Платное обучение губит характер человека. Мы превратили просвещение в коммерцию, а, как вам известно, коммерция дает большие доходы. Люди рассуждают: «Затратишь много денег на образование — получишь высокий пост». Я считаю, что и высшее образование должно быть бесплатным, чтобы даже самый бедный человек, если он того достоин, мог занять этот высокий пост. Двери университета надо открыть для всех желающих. Расходы по образованию следует возложить на правительство. Стране гораздо важнее иметь армию интеллигентов, чем армию вооруженных солдат.

— Кто же защитит нашу родину, если у нас не будет армии? — с сомнением спросил Салим.

— Родину будем защищать мы с вами, — серьезно сказал доктор Шантикумар, — сто миллионов молодых людей, которые и сейчас не уступят в мужестве ни одной нации в мире. Будем защищаться так, как защищаем свой дом от ночного вора: не зовем полицию, а хватаем палку и гоним его на улицу.

Желая покончить с неприятным разговором, Салим пообещал:

— Выступать я не берусь, но на доклад обязательно приду.

Салим вызвал машину и вместе с доктором Шантикумаром отправился в суд.

Сегодня возле здания суда собралось еще больше народа, чем в предыдущие дни, но это была неорганизованная толпа, напоминавшая свадебный поезд без новобрачного. Люди собирались группами по пятьдесят — сто человек; одни сидели, другие стояли, глаза по сторонам. Стоило кому-нибудь заговорить, и его моментально окружали сотни добровольных слушателей. Не успел доктор Шантикумар выйти из машины, как навстречу ему устремились тысячи людей. Когда доктор-сахиб, дав кое-какие распоряжения подоспевшим активистам, пробрался в комнату адвокатов, он увидел перед собой сияющую физиономию лалы Самарканта, раздававшего приглашительные билеты на сегодняшнее торжество. Этот праздник, видимо, стал сенсацией дня. Отовсюду сыпались вопросы: «Какие танцовщицы приглашены? Будут ли на вечере комедианты? Будет ли угощение для тех, кто ест мясо?» Человек десять — двенадцать вели оживленный спор о танцах. Заметив доктора Шантикумара, один из споривших обратился к нему:

— Вы будете на празднике, доктор-сахиб? Надеюсь, вы не прочь повеселиться?

— Сегодня я занят более важными делами, — презрительно отрезал Шантикумар.

— Почему вы возражаете против танцев? — вмешался другой.

Как ни претило доктору-сахибу ввязываться в эту дискуссию, тем не менее пришлось ответить:

— Потому что мы с вами считаем такие танцы занятием, порочащим честь. Танец служит человеку не развлечением: с его помощью воздают хвалу богам, он — предмет эстетического наслаждения. А те танцы, которыми вы будете любоваться, только оскорбляют наших жен и сестер. Мы настолько отделились от правды, что забыли, какова она на самом деле. Чистота, которую несет танец...

В этот момент доктор Шантикумар заметил, что к не-

му пробирается какой-то мужчина, на ходу почтительно кланяясь. Это был совсем еще молодой долговязый человек, с осунувшимся, печальным лицом. Ветхая одежда его была покрыта грязью, волосы побелели от пыли. На руках он держал годовалого ребенка, здоровенького и живого, только, видно, слегка напуганного окружающей суматохой.

— Кто вы? У вас ко мне дело? — спросил его доктор Шантикумар, с удовольствием прерывая скучный разговор.

Мужчина опасливо посмотрел по сторонам, давая тем самым понять, что не хочет говорить о своих делах в присутствии этих людей.

— Я тхакур¹, — тихо сказал он. — Наша деревня Махули косах² в шести-семи отсюда.

Доктор Шантикумар на мгновение пристально взглянул в живые глаза пришельца — он все понял.

— А, это деревня, что на запад от дороги, — сказал он. — Пройдемте со мной.

Они зашли в разбитый неподалеку садик. Доктор-сахиб сел на скамью и устремил на молодого человека восторженный взгляд, полный напряженного внимания, а тот, с трудом преодолевая смущение, начал свой рассказ:

— Женщина, которую сейчас судят, — мать этого ребенка. Теперь в доме нас только двое — я да он. Я работал на поле, жена — дома, и лишь изредка ходила на базар. В тот день она вместе с другими жителями деревни отправилась на базар, чтобы купить себе сари. Когда она возвращалась обратно... и случилась эта беда... Соседки бросили ее, убежали. Домой она больше не вернулась. Где она бродила, я не знал, да и не пытался найти ее. Это хорошо, что она тогда не пришла домой, иначе кто-нибудь из нас, а может быть и оба мы ушли бы из этого мира. Поначалу трудненько пришлось с малышом: он все плакал, звал мать. Чего я только не делал, чтобы унять его! Ни на шаг от него не отходил. Сначала я думал, что мальчишка не выживет, но — бог милостив — обошлось: постепенно он забыл мать. Раньше я был только отцом, теперь — и отец и мать, больше даже

¹ Т х а к у р — землевладелец, помещик.

² К о с — мера длины (около 3,5 км).

мать, чем отец. Я думал, что она утопилась. В деревне поговаривали, что какая-то женщина, похожая на нее, бродит возле военного городка, да я не верил, все думал, что это пустая болтовня... Когда я услышал, что в городе судят женщину за то, что она убила двоих белых, я понял, что это моя жена. С тех пор я прихожу на каждое заседание. Стою позади всех и не смею ни с кем заговорить. Я знал, что сегодня увижу ее в последний раз, поэтому и принес сынишку: пусть хоть раз взглянет на него, горемычная! Вы тут все сильно потратились из-за нее; но разве можно удержать руку судьбы? О чем я хочу попросить вас: когда судья вынесет приговор, помогите мне хоть на минутку увидеться с ней. Верьте мне, бабу-джи: если ее освободят, я буду ей ноги мыть да эту воду пить! Приведу ее в свой дом и молиться на нее стану! Пусть семья воротит нос; если уж такие большие люди за нее — печалиться о родне нечего!

— Вы были в тот день, когда она выступала? — спросил Шантикумар.

— Да, бабу-джи. — Глаза молодого человека налились слезами. — Я стоял позади, у двери, и плакал. Так бы вот подбежал к ней, обнял бы ее ноги и сказал: «Мунни, я — твой слуга! До сих пор ты была мне женой, теперь ты — моя богиня!» Что еще сказать, бабу-джи? Мунни избавила от мук всех моих предков.

— Скажите, если вашу жену освободят, вы возьмете ее к себе в дом? — снова задал вопрос доктор-сахиб.

— К чему спрашивать, бабу-джи! — взволнованно воскликнул молодой человек. — Да я буду беречь ее как зеницу ока! До самой смерти буду служить ей и докажу, что не зря топтал землю.

На мгновение он умолк, затем голосом, прерывающимся от тревоги и нетерпения, спросил:

— Но есть ли надежда... надежда на ее освобождение, бабу-джи?

— У других ее нет, у меня есть.

Молодой человек упал к ногам доктора Шантнкумара и зарыдал. В течение стольких дней он слышал лишь речи, повергавшие в отчаяние, и лишь сегодня слова доктора-сахиба заронили в его душу семена надежды. Надежда! Окрыленное ею, сердце его запело ликующий гимн, а когда ликует сердце, можно ли сдерживать слезы?

Автомобильный гудок заставил их оглянуться на здание суда. Прибыл судья-сахиб. Безбрежный океан — человеческая толпа — со всех четырех сторон хлынул в зал.

Ввели подсудимую. И снова (в который уже раз!) раздались восторженные возгласы, посыпались цветы. Адвокаты, полицейские, служащие суда, чиновники — заняли свои места.

Быстрый взгляд судьи-сахиба охватил сразу весь зал. И сразу же воцарилась тишина. Глаза, глаза — бесчисленное множество глаз впились в судью, как бы говоря:

«Сейчас вы решаете нашу судьбу».

Судья достал из ящика отпечатанный на машинке текст приговора и приступил к оглашению его. Толпа сдвинулась плотнее и замерла. Большинство присутствующих не понимало ни слова из того, что читал судья, но напряженное внимание людей не становилось от этого меньше. Кто знает, когда в песке мелькнут крупинки золота!

Уже минут пятнадцать продолжалось чтение приговора. В зале суда царила мертвая тишина. Наконец судья-сахиб возгласил:

— Следствием установлено, что подсудимая Мунни совершила преступление, выразившееся в убийстве...

Сколько сердце тоскливо заныло! Люди переглядывались и скорбно опускали глаза.

Судья продолжал:

— Однако доказано, что убийство было совершено ею в состоянии тяжелого психического расстройства. Ввиду этого суд постановил: подсудимую Мунни из-под стражи освободить.

Последние слова судьи потонули в ликующих возгласах. Тревога, наконец, уступила место радости, которая, разорвав связывавшие ее оковы, вырвалась на простор и заплесала по залу подобно резвящемуся теленку. Захмелевшие от восторга незнакомые люди обнимались, друзья награждали друг друга подзатыльниками. В воздух взлетали головные уборы; а некоторые так развеселились, что стали подбрасывать вверх туфли.

И вдруг показалась Мунни. Озаренная улыбкой, шла она с доктором Шантикумаром, словно рани со своим министром. Толпа затихла, перестала выражать свой

бурный восторг: Можно ли позволить себе неучтивость в присутствии царицы?!

Программа дня была выработана заранее. Мунни забросали цветами и украсили гирляндой победы. Эта честь выпала на долю жены судьи-сахиба, которая после оглашения приговора сделалась весьма популярной особой. Грянула музыка. Двести молодых людей из «Общества служения народу» надели желтые маски и приготовились присоединиться к шествию; члены «Национального союза», все в костюмах цвета хаки, подняли вверх флажки. Женщин собралось не меньше тысячи. Решено было организовать шествие к Гангу и устроить там грандиозный митинг, который должен был завершиться сбором средств в пользу Мунни.

Мунни некоторое время довольно спокойно наблюдала все эти приготовления, потом обратилась к доктору Шантикумару:

— Бабу-джи, вы все оказали мне большие почести, которых я не заслуживаю. Прошу вас, помогите мне укрыться в Харидваре или в каком-нибудь другом месте. Там я буду жить, прося подаяния или прислуживая паломникам. Я, несчастная, недостойна идти во главе шествия. Попросите братьев и сестер — пусть они разойдутся. Я была втоптана в грязь — вы вознесли меня до небес. Идти еще выше у меня нет сил, кружится голова. Молю вас, припадаю к вашим стопам — отправьте меня сейчас же на станцию!

Шантикумар был потрясен таким глубоким самоотречением, но все же попытался возражать:

— Полно, как это можно, сестра! Сколько народу собралось, — заслуживает ли такой платы их преданность? Ваше решение огорчит их. Боюсь, что без вас и они не пойдут.

— Вы смеетесь надо мной, бабу-джи!

— Не говорите так, сестра! Они глубоко почитают вас. И для чего вам ехать в Харидвар? Здесь ваш муж, он пришел, чтобы взять вас домой.

Мунни изумленно взглянула на Шантикумара.

— Он пришел за мной? Откуда вы знаете?

— Я только что говорил с ним.

— Что он сказал?

— Сказал, что возьмет вас в свой дом и будет почитать, как богиню своего очага.

— А малыш... малыш был с ним?
— Да, ваш муж держал его на руках.
— Какой он? Худой, слабенький?
— По-моему, он крепыш.
— И веселый?
— О да! Он так смеялся.
— И не плакал, не звал меня?
— Я не заметил у него ни одной слезинки.
— Теперь он уже, верно, ходит!
— Ваш муж не спускал его с рук. Но, кажется, он ходит.

— Ну, а как его отец? Очень исхудал?
— Но послушайте, я же не знаю, каким он был прежде! Конечно, он очень опечален. Он, верно, где-нибудь тут, поблизости. Хотите, я разыщу его? Да он наверняка, не замедлит и сам вас найти.

Мунни подняла на доктора Шантикумара глаза, полные слез.

— Умоляю вас, бабу-джи, не позволяйте им подходить ко мне! А всех этих людей попросите разойтись по домам. Помогите мне добраться до станции, я сегодня же должна уехать отсюда! Я боюсь поддаться соблазну... Тогда я погублю обоих — и мужа, и сына... Видя, каких почестей меня удостоили, он — супруг мой, светлый, как бог, — стремится вернуть мне дом. Но я слишком хорошо знаю его душу — он не найдет со мной счастья. Единственное, чего я сейчас достойна, — это уйти туда, где меня никто не знает. Черная работа или нищенская су-ма — все равно, лишь бы не умереть с голоду.

Мунни умолкла, как бы ожидая возражений своего собеседника. Но так и не дождавшись ответа, она обернулась к собравшимся и заговорила звонким, слегка дрожащим голосом:

— Сестры и братья мои! Могу ли я отблагодарить вас за тот почет, которым вы окружили меня? Вы спасли горемыку. Теперь позвольте мне уйти. Не устраивайте шествия в мою честь. Мне подобает скрыть лицо и спрятаться в темном углу. Несчастье мое недостойно того, чтобы его возвеличивали.

В толпе поднялась сумятица. Все настаивали на необходимости организации шествия, но Мунни была непреклонна: шествие надо отменить, она должна уехать. «Проводите меня на станцию», — не переставая, твердила

она. Делать было нечего — доктору-сахибу пришлось оставить собравшихся и усадить Мунни в машину.

— Прошу вас, уедемте скорее! — молила она. — Отвезите меня куда-нибудь подальше, на такую станцию, где бы я не встретила ни одного из этих людей.

Но доктор Шантикумар медлил. Оглядывая толпу, как бы разыскивая кого-то, он проговорил:

— Не спешите так, сестра! Сейчас, наверное, подойдет ваш муж. Подождите немного, пока народ разойдется. Муж обязательно будет искать вас.

— Нет, нет, бабу-джи, я не хочу его видеть! — Голос Мунни был полон отчаяния. — Стоит мне взглянуть на него, и я умру от стыда. Верьте мне, я и вправду умру. Скорее, скорее увезите меня! Если я увижу ребенка, в моем сердце поднимется такая буря соблазнов, что она смоеет, словно пылинки, и совесть и разум. Поддавшись обольщению, я забуду, что своим позором погублю жизнь сына. Не знаю, как я еще жива! Увезите меня поскорее отсюда, бабу-джи, я не должна видеть малыша. Если я его увижу — он погиб!

Машина тронулась с места, но не проехала и двадцати ярдов, как сзади послышался вопль:

— Стойте! Стойте! Остановитесь!

Муж Мунни, прижимая к груди ребенка, бежал за машиной. Увидав погоню, женщина высунулась в окно и вытянула руки, как бы желая оттолкнуть дорогих ей людей.

— Остановись! Не беги за мной! — закричала она. — Богом тебя заклинаю — остановись!

Она простерла руки к ребенку, словно принимая его в объятия, и упала без чувств.

Машина уже набрала скорость; молодой тхакур отстал. Он остановился, еще крепче прижал к себе сына и зарыдал. Многотысячная толпа стояла вокруг и глядела вслед машине.

Весть об освобождении Мунни с быстротой ветра облетела весь город. Лишь немногие надеялись на такой исход. Кое-кто говорил, что это жена судьи-сахиба настояла на таком решении. Поговаривали, что она грозилась оставить дом судьи и уйти к родителям, если он не оправ-

дает несчастную женщину. Как же! Ведь если женщина вобьет себе что-нибудь в голову, у какого мужа хватит сил переспорить ее? Некоторые считали, что правительство дало указание судье-сахибу вынести такой приговор, потому что испугалось народных волнений.

Амаркант обедал, когда ему сообщили о решении суда. От радости он забыл все на свете и такой счастливый исход считал своей заслугой.

— Что я вам говорил, мама, — закричал он, врываясь в комнату, где сидела Ренука-деви. — Разве я не обещал, что добьюсь ее оправдания? Все вышло по-моему. А сколько хлопот, сколько хлопот! Адвокаты, свидетели и — бог знает, что еще!

На улице он не устал хвастаться друзьям и соседям-лавочникам.

— Однако и упорная же эта женщина! — заметил Амарканту один из приятелей. — В дом вернуться наотрез отказалась. Бедняга муж так и остался стоять на дороге, заливаясь слезами.

— Вот так-то оно всегда: нет своего глаза — и все дело насмарку, — философским тоном заявил Амар. — Я был занят здесь, а там уж, конечно, некому было внушить ей, что следует делать. Будь я на месте, уж я бы не дал ей уйти. Да если бы я знал, что так получится, я бросил бы все дела, помчался туда и нашел бы средство вернуть ее в дом мужа. Столько людей, сам доктор-сахиб — и ничего не сделали! Мог ли я знать, что из-за моего отсутствия выйдет такой конфуз? Но разве кто-нибудь из них по-настоящему беспокоился? Для них главное — слава, а как завершится дело — не важно.

При устройстве праздника лала Самаркант проявил невиданную, несвойственную ему ранее щедрость; заметно было, что он делает это от души. И тот самый Амар, который раньше не устал критиковать приверженность отца косным обычаям, теперь и рта не раскрыл. Наоборот, он еще подзадоривал старика: «Если уж сейчас не потратиться, то когда же еще? Тут-то и познаешь приятную сторону богатства. Однако, коли хочешь полюбоваться огнем, не стоит поджигать дом».

Домашние интересы становились Амару все ближе и ближе. Университет он посещал, но собраний и митингов избегал. И куда девалась его ненависть к коммерческим операциям?! Теперь утренние и вечерние часы он

посвящал лавке. В характере его появилась даже некоторая прижимистость. Он и сейчас чувствовал сострадание к обездоленным, но уже далеко не был так щедр и в лавке проявлял больше уважения к деньгам. Жизнь его уподобилась верблюду, в ноздри которого продели деревянную шпильку; поводок, привязанный к этой шпильке, находился в руках ребенка — его сына. Крошечный мотылек своими крылышками заслонил от Амарканта свет, излучаемый светильником.

Минуло три месяца. Однажды вечером Сукхда уложила сынишку спать, а сама пристроилась на скамеечке возле колыбели и тихо обмахивала его маленьким веером. Изможденная беременностью женщина теперь превратилась в сильную, цветущую красотой мать. На смену девичьей живости, а затем вялой робости беременной пришло спокойное счастье материнства.

Из университета Амаркант прибежал прямо домой. Уже с порога, тревожно вглядываясь в сына, он спросил:

— Ну, как, жар все еще держится?

Сукхда осторожно коснулась рукой лобика ребенка.

— Нет, кажется, прекратился. Я только недавно переложила его в колыбель — он уснул у меня на руках.

Расстегивая рубашку, Амаркант проговорил:

— Не понравилось мне что-то сегодня в университете! Ничего мне не нужно, ничего я не прошу у бога — был бы счастлив наш сын. Посмотри, как он улыбается во сне.

— Ты его сглазишь! — В словах Сукхды звучал мягкий укор.

— Я хочу его поцеловать.

— Нет, нет! Нельзя целовать детей, когда они спят.

В этот момент из прихожей донесся чей-то голос. Амаркант вышел на зов. Перед ним, опираясь на палку, стояла старая патханка.

— Входите, входите, патханка! — обрадованно пригласил Амаркант. — Вы, наверное, слышали — у меня сын.

— Да пошлет вам аллах такую же долгую жизнь, как моя! — пожелала старуха, входя в гостиную. — Что же ты, сынок, — весь город пригласил, а о нас и не вспомнил. Разве мы с тобой чужие? Аллах знает, как горячо молила я его о счастье для твоего сына!

Амару стало стыдно.

— Простите мою оплошность, матушка! Прошу вас, пойдемте к нему. Сегодня он что-то занемог.

Старая патханка, стараясь ступать как можно осторожнее, прошла через дворик, поднялась на веранду и вошла в комнату. Благословив жену молодого хозяина, она подошла к колыбели.

— Э, сынок, не беда! Дурной глаз — больше ничего. Я принесу тебе амулет, и, если аллаху будет угодно, малыш сразу засмеется и заплещет!

Сукхда с благодарностью склонилась перед гостьей и коснулась ее ног краем своего сари.

— Уже четвертый день ему нездоровится, матушка, — сказала она. — В доме нет сведущих женщин, а я подчас голову теряю, не знаю — что к чему. Моя мать — пожилой человек, не может то и дело бегать к нам, а мне тоже трудно урвать время, чтобы видиться с ней каждый день.

Снова пожелав благоденствия молодым людям, гостья предложила:

— А вы пошлите за мной, если что случится. Кое на что я еще гожусь. Пойдем-ка, сынок, со мной, я дам тебе амулет.

Она достала из кармана своей кофты крошечное шелковое платице, такую же шапочку и положила все это у изголовья ребенка.

— Прошу тебя, сынок, прими подарок для дорогого крошки. Что еще может поднести такая старуха, как я? Вот уже несколько дней, как Сакина приготовила эти вещишки. Я давно собиралась прийти, да все никак не решалась... Сегодня, наконец, осмелилась.

Родственники надарили сынишке Сукхды множество всевозможных дорогих вещей, но ни одна из них не доставила матери такой радости, как этот простой подарок. В нем не было ни кичливости богатства, ни сухости исполненного обряда, ни погони за внешним эффектом. Доброжелательность и любовь — вот что тайлось в этих маленьких, скромных вещицах.

Старая патханка заторопилась домой. Сукхда упростила ее принять пакетик со сладостями, угостила на порогу бетелем и проводила до прихожей. Амаркант вышел на улицу, позвонил двуколку и отправился вместе с гостьей за амулетом. В амулеты и ладанки он не верил, но глубоко чтит благословения людей почтенных. Этим и дорог был Амару амулет старой патханки.

По дороге старуха обратилась к спутнику:

— Я тебя кое о чем просила, сынок. Ты, верно, забыл?

Амаркант и в самом деле не мог припомнить ее просьбы.

— Простите, матушка, действительно запамятовал,— смущенно сказал он.

— Я о Сакине.

— Ох, у меня и из ума вон! — Амаркант крепко потер лоб ладонью.

— Ну, теперь уж помни, сынок. Кого еще я могу попросить о таком деле? Сакина опять несколько платков вышила. А сейчас шапочки вышивает. Но если их нельзя продать, они и сердца не радуют.

— Давайте мне эти платки, я сам их продам.

— К чему тебе так утруждать себя, сынок?!

— Что вы, какой же это труд?

Старуха не пригласила Амарканта войти. Чувствовалось, что в доме царит полное запустение. Здесь, видно, даже хлеб от рук отбился. Каждая пядь этой несчастной земли носила отпечаток нищеты. К чему было патханке вводить гостя в этот печальный дом? Хоть старость и откровенна, но тем не менее ей хочется как-то прикрыть свою нищету. Оставив Амарканта на улице, патханка вошла в дом и вскоре вернулась с амулетом и платками.

— Амулет наденешь мальчику на шею. А завтра заезжай ко мне и расскажи, лучше ли будет сыночку.

— Завтра я свободен, смогу повидаться с некоторыми друзьями. Если до вечера что-нибудь выяснится — обязательно забегу к вам и расскажу, если нет — зайду через несколько дней.

Вернувшись домой, Амаркант надел на ребенка амулет и отправился в лавку.

— Где ты был? — спросил его отец. — В рабочее время изволь сидеть в лавке.

— Нынче приходила патханка, — извиняющимся тоном объяснил Амаркант. — Обещала мне дать амулет для малыша. Вот я и ездил за ним.

— Я только что видел мальчишку; кажется, ему полегчало, — сказал лала-джи. — Злодей вцепился мне в усы и принялся теревить их. Пришлось угостить его подзатыльником. Это он запомнит! Посиди тут, пока я схо-

жу к шастри-джи¹ за гороскопом — он обещал сегодня составить.

Проводив отца, Амаркант забежал на минутку домой и подхватил сынишку на руки.

— Эй, дружище, ты что это поднимаешь руку на усы нашего дады? Смотри, не трогай его усов, не то я тебе задам.

Мальчик ухватил отцовский нос и попытался отправить его в рот, — эксперимент, который, как говорят, проделал некогда Хануман с Солнцем.

Сукхда рассмеялась.

— Ты сначала спасай свой нос, а потом уж заботься о дедушкиных усах.

Снаружи раздался призывный возглас Салима, такой зычный, что в окнах задрожали стекла. Амаркант выскочил на улицу.

— Фу, ну и шайтан ты, дружище! Так гаркнул, что я перепугался. Откуда ты? Заходи в дом.

Они прошли в боковую комнату. Ночью Салим написал газель и сейчас принес ее другу. Вечно он так, — не знает покоя, пока не прочтет Амарканту своего нового творения!

— Имей в виду — дифирамбов я тебе петь не намерен, — заявил Амар.

— И не захочешь, да похвалишь, — отпарировал Салим.

Если дружба возникла, так пусть расцветает!
Ведь такое на свете нередко бывает.

Рассмеется ль душа, иль расплчется — пусть!
Только б счастье несли тебе радость и грусть.

— В самом деле хорошо, хвала тебе!

Салим принялся за следующее стихотворение:

Клянусь, ты жалоб не услышишь
и будешь знать, что в тишине
Я о твоей измене плачу, —
дай волю выплакаться мне.

— Какие печальные стихи, — настроившись на грустный лад, заметил Амаркант. — Сердце щемит от боли, словно кто-то рассказывает о своей печальной судьбе...

¹ Ш а с т р и — знаток древних священных книг, знаток индуистских законов.

Наконец со стихами было покончено. Друзья заговорили о другом. Амаркант вынул платки патханки.

— Посмотри, мне их дала одна старуха. Такая нищета! Хочешь, возьми несколько.

Салим взглянул и ахнул:

— Какая прелесть! Ну-ка, дай мне дюжину. Кто их сделал?

— Внучка этой старухи.

— Не та ли, что заходила как-то в суд, когда случилось дело сумасшедшей? У тебя, дружок, губа не дура!

Амар принялся оправдываться:

— Да клянусь тебе, я и не взглянул на нее ни разу!

— К чему клятвы, друг. Ты — счастливчик, я не буду перебивать тебе дорогу. Сколько стоит дюжина платков?

— Давай столько, сколько сочтешь нужным.

— Смотря по тому, кто вышивал. Если та красавица, то цена им пять рупий, если старуха или еще кто-нибудь — четыре аны.

— Все шутишь! Ты не хочешь их брать?

— Говори, кто вышивал?

— Сакина.

— Вот как! Так ее зовут Сакиной! Тогда я плачу пять рупий. Но ставлю условие: ты мне покажешь, где она живет.

— С удовольствием. Только имей в виду: если ты там набедокуришь, мы с тобой враги на всю жизнь. Хочешь пойти к ним с открытым сердцем — пожалуйста, ничего не имею против. Надо помочь ей выйти замуж за хорошего парня. У тебя никого нет на примете? Только помни: тут решается человеческая судьба. Никогда еще я не встречал такой скромной, разумной девушки. В Сакине есть все, что привлекает мужчину к женщине.

— Сдается мне, ты сам попался на эту приманку! — усмехнулся Салим. — Что касается красоты, то тут Сакина и мизинца твоей жены не стоит.

— Для женщины внешняя красота далеко не все, — тоном знатока заметил Амар. — Откровенно признаюсь, если бы не Сукхда и не препятствия религиозного порядка, то я, не задумываясь, женился бы на Сакине и считал бы себя счастливейшим человеком.

— Да чем она тебя пленила, что ты так ее превозносишь?

— Сам не пойму. Может быть, ее простота так подку-

пает... А почему бы тебе не жениться на ней? Я убежден, что ваша жизнь была бы раем.

Салим с сомнением посмотрел на друга.

— Н-не знаю!.. Царица моих грез — не та. Возможно, все это — лишь пустая фантазия, такой девушки, наверно, и на свете-то не существует. Одним словом, если у меня появится подходящая кандидатура для Сакины, я тебе тут же сообщу. А пока я беру платки. Разве можно дать за них меньше пяти рупий? Думаю, девушка и шьет неплохо; у нас в доме для нее найдется порядочно работы. А тебе я хочу дать дружеский совет: я не намерен подозревать тебя в шалостях, но все же рекомендую не особенно часто наведываться к патханке. Ведь соседи невесть что наплести могут. Ты-то выйдешь сухим из воды, а у девушки будет испорчена жизнь. Разве мало языков, готовых перемыть косточки ближнему? Да еще придать делу религиозную окраску! Тогда уж Сакине ничто не по-может, да и на тебя будут указывать пальцами.

Амаркант был человек довольно миролюбивый, но тут он рассердился:

— Да наплевать мне на всяких подлецов! Была бы у меня совесть чиста, а болтуны пусть болтают.

— Уж больно ты прост, друг, а простота — большой порок, — ничуть не обижаясь, отвечал Салим. — Боюсь, как бы тебе не попасть в беду!

На следующий день Амаркант, сунув в карман пять рупий, запер лавку и отправился к патханке. Какой радостью вспыхнет лицо Сакины, когда он отдаст им день- ги! Подойдя к дому, он окликнул хозяек.

— Кто там? — послышалось изнутри.

— Это я, Амаркант.

Дверь сразу отворилась, и Амар шагнул через порог. В комнате было темно.

— Что это вы сидите без света, матушка? — спросил Амар.

— Бабушки нет, — отозвалась Сакина. — Она пошла к соседям.

— Но почему темно? Нет керосина?

— Керосин-то есть...

— Почему же не зажигаете свет? Может быть, нет спичек?

— И спички есть.

— Ну так зажги. Твоя бабушка дала мне вчера платки. Я продал их за пять рупий. Вот деньги. Да зажги же свет!

Сакина молчала. Амарканту почудилось, что она плачет. Он всполошился.

— Что с тобой, Сакина? О чем ты?

— Ничего... Вы идите... Я передам бабушке... деньги, — сквозь рыдания проговорила девушка.

— Пока ты не скажешь мне, в чем дело, я не уйду, — заявил Амаркант. — Если нет керосина, спичек — я принесу. Завтра достану тебе настоящую лампу со стеклом — ты ослепнешь, работая при светильнике. Ну что ты таишься от своего человека? Подумай сама: если бы я считал вас чужими, то не бывал бы у вас каждый день.

В темноте Амаркант услышал осторожные шаги — Сакина пробралась под навес.

— На мне... мокрое платье, — слышалось оттуда. — Я погасила свет, когда услышала ваш голос.

— Зачем же ты надела мокрое платье?

— Оно испачкалось... Я постирала его. Не надо, не спрашивайте больше! Если бы пришел кто другой, я бы не открыла.

У Амарканта сжалось сердце. Какая ужасная нищета! Нет даже платья, чтобы переодеться. Только сейчас понял он, чего стоил патханке ее вчерашний подарок — шелковое платье и шапочка! Материя обошлась ей не меньше чем в две рупии, а ведь на эти деньги можно сделать две пары женских шальвар. Сколько благородства у этих бедняков! Каким лишениям не подвергнут они себя ради того, чтобы выполнить свой долг.

— Зажги, пожалуйста, свет. Я скоро вернусь, — сказал он прерывающимся голосом и вышел.

От Гобардхан-сарая до базарной площади он домчался со скоростью ветра. Но торговля уже кончилась. Что делать? Сакина, верно, по-прежнему сидит в мокром платье. И почему все лавки закрылись сегодня так рано?! Через минуту он уже мчался домой. У Сукхды было множество платьев. Разве она откажет, если Амар попросит у нее несколько простых сари! Но она, очевидно, спросит, зачем ему понадобилась женская одежда. Что он тогда ответит? А если рассказать всю правду, она может заподозрить бог весть что. Нет, сейчас не время для таких

разговоров. Сакина все еще дрожит от холода в мокром платье. Она ждет его.

Когда Амаркант вошел в дом, Сукхда была внизу. Он незаметно проскользнул наверх, развязал какой-то узел, вытащил четыре сари и так же тихо спустился вниз.

— Куда ты? — окликнула его Сукхда. — Почему ты не идешь ужинать?

— Сейчас, — ответил он уже из прихожей.

Выйдя на улицу, он подумал: «Если завтра Сукхда обнаружит пропажу четырех сари, то в доме поднимется страшный переполох и достанется, конечно, слугам. Разве я посмею сказать, что отдал эти сари бедной женщине? Нет, конечно, нет! Тогда, может быть, положить их на место? Но Сакина сидит в мокром платье... Как обрадуется она этим сари!» Последняя мысль привела Амарканта в состояние какого-то радостного опьянения. Он ускорил шаг и не успел оглянуться, как очутился перед домом патханки. Сакина тотчас же открыла дверь и впустила Амарканта. Теперь в комнате горел свет. Девушка уже успела высушить над огнем свою одежду и стояла перед гостем в кофте и шальварах, стыдливо прикрывая лицо покрывалом. Амаркант положил сари на кровать.

— На базаре я не достал, пришлось взять дома, — объясняет он. — Не надо сторониться друзей!

Сакина развязала узелок и страшно смутилась.

— Напрасно вы это сделали, бабуди. Бабушка рассердится, и вам будет неловко. Она всегда превозносит ваше благородство, но даже она не знает, как оно велико! Только... не ходите к нам так часто. Люди подозрительны, а я не хочу, чтобы из-за меня ложилась тень на ваше доброе имя.

Какой милый голос, какая простота чувств, какое доверие!

Но все эти впечатления проходили стороной, не принося Амарканту радости. Если старуха заподозрит что-нибудь неладное, его посещения должны будут прекратиться. Он испытующе заглянул себе в душу: есть ли основания для подобных подозрений? Душа его была чиста, никакие низменные чувства не омрачали ее. Тем не менее мысль о прекращении встреч с Сакиной повергла Амара в отчаяние. Его мужество, подавляемое близкими, здесь обретало свою силу. Решительность и власть Сукхды угнетали его, при ней он чувствовал себя

каким-то приниженным. Стремление к самостоятельности, которое он ощущал в себе, всегда подавлялось Сукхдой. Она поработала его, Сакина возвеличивала. Сукхда олицетворяла для него деловой мир, Сакина — тихий семейный очаг. Там он был рабом, здесь — хозяином.

Амаркант снова завязал сари в узелок.

— Если так, я унесу их, Сакина. — В голосе его слышалась боль. — Но ты не можешь себе представить, как мне грустно! Если ты считаешь, что я не должен бывать у вас, не бойся, ноги моей здесь не будет. Что же касается соседей, то, право, мне до них нет никакого дела!

— Прошу вас, бабу-джи, не говорите так, — печально возразила Сакина. — С тех пор как вы впервые пришли в наш дом, мир для меня стал иным: я ощутила в себе столько сил, а в жизни столько радости, что голова кружится от счастья. Но злые языки есть повсюду...

— Да не боюсь я их, Сакина, ни вот на столечко не боюсь! — горячо ответил Амаркант, но сразу же спохватился: — Ты права, Сакина, на что-нибудь другое люди, может, и посягнутся, а вот на клевету — никогда.

Оба на мгновение умолкли.

— Ну, ладно, готовь еще платки, — снова заговорил Амар, — с одеждой как-нибудь уладится. Прощай, я пошел. Дай-ка мне сари.

Сакина подняла глаза на Амарканта и ужаснулась: ей показалось, еще секунда — и он зарыдает. Ей так хотелось прижать к груди эти злополучные сари... Но она пересилила себя и подала узелок Амару. Не глядя на нее, он взял сверток и неверной походкой пошел прочь.

14

Старая неприязнь Амарканта к родному дому ожила. В душе его поселился образ Сакины. Слова девушки «...мир для меня стал иным: я ощутила в себе столько сил, а в жизни столько радости...» без конца звучали в его ушах, будили мечты, в которых он забывал все на свете, даже себя. После того как юная красавица почтила Амара робким признанием, сверкающая красота Сукхды стала тяготить его. Там, в бедной хижине, его ждало простое, незамысловатое угощение на зеленых листьях, здесь — изысканные яства на золотых и сереб-

ряных блюдах; там была простодушная любовь, здесь — высокомерие богатства. Чистота этой простой любви манила его, чванливость богатства отталкивала. С детства лишенный материнской любви, Амаркант первые пятнадцать лет своей жизни провел в ненавистном повиновении. Грызла мачеха, сердился отец... Только нежность Найны целебной росой омывала его страждущее сердце. И вот в жизнь его вошла Сукхда, но она не принесла с собой облегчения; то же холодное высокомерие и властность продолжали тяготеть над ним. Она не способна была одарить его чистым и нежным чувством. И подобно жаждущей птице, которая с отчаянием устремляется от бесплодных берегов высохшего озера к зеленеющей вдаль роще, Амар, давно уже мучительного томившийся по настоящей любви, ринулся под ее манящую прохладную сень. Тут была не только прохлада, но и животворный источник. Удивительно ли, что птица надеялась обрести здесь счастье?

В тот день вопиющая бедность Сакины перевернула душу Амара. Прежний бунт, за последнее время несколько поутихший, вспыхнул в нем с новой, неистовой силой. И, схватив дубинку, Амар кинулся в бой с религией.

Роль денег он постиг еще в детстве. Узы религии были куда более жестокими, более невыносимыми и, главное — бессмысленными. Религия должна бы объединять людей, способствовать установлению гармонии в мире, а породила она разобщенность и ненависть. «Почему религия налагает запрет на еду и питье, устанавливает такие нелепые обычаи и традиции? Укради я, обмани, даже убей — религия не отринет меня. Но стоит мне принять стакан воды из рук неприкасаемого — и все будет кончено, я окажусь вне закона, вне веры. Хороша же она, эта вера! Мы не имеем права сближаться с людьми иного вероисповедания, религия наложила путы на наши души, заковала в цепи даже любовь. Нет, это не светлое начало — это мрачное пятно на нашей жизни!»

Амаркант подолгу размышлял об этом и окончательно потерял покой. Каждый месяц, а иногда и два-три раза в месяц старуха приносила ему стопочку новых платков. В уплату за них шли почти все карманные деньги, которыми ссужала зятя Ренука-деви. Не обходилось тут и без Салима: каждый его приятель обязан был обзавестись дюжиной или хотя бы полдюжиной таких плат-

ков. Мать Салима засыпала Сакину заказами. Старая патханка свела более тесное знакомство с Сукхдой и Ренукой; и здесь на долю Сакины перепадала работа: то простыни подшить, то вышить сари.

С того знаменательного дня Амаркант ни разу не был в доме патханки. Не раз выходил он на улицу с твердым намерением зайти в домик у Гобардхан-сарая, но всякий раз с полдороги поворачивал обратно.

Однажды в университете происходил диспут, посвященный вопросам религии. Амаркант выступил на нем с речью, о которой потом говорил весь город. Спасение родной страны он видел лишь в революции — в такой революции, которая коснется всех сторон народной жизни, разобьет порочные идеалы, отвергнет ложные теории, разрушит отжившие традиции. Революция эта ознаменует начало новой эры—творческой, созидательной, которая растопчет глиняных божков прошлого. Революция вырвет человека из паучьих лап государства, создавшего себе твердыню из золота и религии. Революция! Революция!

Индуистское либеральное общество весьма снисходительно относится к слову, но твердо и неусыпно стоит на страже традиций. Что такое разговоры о революции? Да будь ты хоть самым отцом революции—пожалуйста, проповедуй свои идеи сколько твоей душе угодно, — никто и слова не скажет. Но попробуй осуществить хоть одну из этих идей на практике — тебе не сносить головы! Бунтарские выпады Амара до сих пор ограничивались только речами и газетными статьями, но — скоро настанет час! — кончатся экзамены на соискание степени, и он захочет выйти на поле битвы как боец. Однако до экзаменов оставался еще целый месяц, когда произошло событие, которое заставило Амара вступить в бой раньше намеченного им срока. Таким событием явилась предполагаемая свадьба Сакины.

Однажды вечером в лавку к Амарканту вошла старая патханка и принесла сари, которое заказала ей Сукхда.

— Слава аллаху, сынок, — радостно сообщила она. — Свадьба моей девочки наладилась: восьмого будет бракосочетание. Все, что нужно, я уже припасла, а тебя прошу — помоги немного деньгами.

Амаркант вдруг почувствовал, что кровь застыла у него в жилах.

— Свадьба... Сакины? — переспросил он, заикаясь.—
Но к чему... такая спешка?

— Что же делать, сынок, жить-то ведь надо. Сакина — девушка молодая. Долго ли до греха?

— И она согласна?

— Да разве от девушки толку добьешься? — просто-душно посетовала старуха. — Она все твердит «нет» да «нет».

Амаркант вспыхнул:

— И вы все-таки готовите ее свадьбу?

Но тут же опомнился и взял себя в руки:

— Насчет денег обратитесь к отцу.

— Ты уж постарайся, замолви за меня словечко, сынок!

— Я не ходатай, да и отец знает вас лучше, чем я.

Оставив растерявшуюся старуху, Амаркант, словно в горячечном бреду, ринулся к Салиму. Бледное, искаженное гневной гримасой лицо Амара испугало Салима.

— Ты здоров? Голова в порядке?

С трудом сдерживая гнев, Амаркант процедил:

— Я совершенно нормален. Это у тебя, видно, ум за разум зашел.

— Ладно уж! Послушай-ка лучше мою новую газель! Такие стихи, что, клянусь, у тебя душа запоет!

У Амарканта было такое ощущение, будто шею его сдавливает невидимая петля. Слушать стихи? Сейчас? Подходящее занятие, нечего сказать! Но разве повернется язык сказать — «не хочу»? Салим прочел первое двустишие:

Предавался раздумьям над смыслом приятных вещей,
Что баюкают сердце ночами в период дождей.

— Хорошие стихи!—с вымученной улыбкой похвалил Амар.

Пыл Салима не угасал. За первым двустишием последовали другие:

Вот так один лишь мимолетный взгляд вдруг разрешил
На годы затянувшийся разлад ^{сомненья,} исчез в одно мгновенье!

Мой быстрый взор, сверкнув из-под бровей, нам объяснил не мало,
И от ее опущенных очей еще яснее стало.

— В самом деле — хорошо! У тебя золотое перо!
Салим читал дальше:

Оцепенела боль, едва надежда
окутала ее густым туманом...

Но сладостные речи оказались
обманом лишь, губительным обманом!

К этому времени Амару уже удалось взять себя в руки.

— Какая тоска, брат, — сердце разрывается, — сказал он.

— Да, как же, — насмешливо отозвался Салим. — Ведь Сакина уже больше месяца как не присылает платков!

— Ты все шутишь. — Амар мрачно взглянул на друга. — Сакина выходит замуж; через неделю свадьба.

— О, тогда тебе обязательно надо участвовать в свадебном поезде со стороны невесты, а я буду со стороны жениха!

— Пока я жив, этой свадьбе не бывать! — вспыхнул Амаркант. — Я умру у дверей Сакины, разобью голову и умру!..

— Опомнись, что ты говоришь, дорогой? — В голосе Салима звучала тревога. — Уж не влюбился ли ты в Сакину? Неужели я угадал?

— Не знаю... не знаю, как тебе объяснить, что со мной происходит. — Амар изо всех сил старался сдержать слезы. — Но с тех пор, как я узнал об этой свадьбе, я чувствую такую боль, словно пила вгрызается в сердце.

— Да чего ты в конце концов хочешь? Ведь жениться на ней ты не можешь?!

— Почему не могу?

— Да не говори глупостей! Подумай как следует.

— Ты хочешь сказать, что она мусульманка, а я индус? Но перед лицом настоящей любви религия бессильна.

Салим недоверчиво хмыкнул.

— Я знаю твои идеалы. Мне приходилось слышать твои речи, читать статьи. В них много возвышенного, чистого, они призывают к революции во всем мире. Немало людей обрело славу, провозглашая подобные идеи. Но одно дело — полемика на диспутах, другое — претворение этих идей в жизнь. Обсуждай проблему восстания на диспуте, и люди будут слушать тебя с удовольствием; попробуй обнажить меч, призывая к восстанию, — и ты станешь врагом общества. От рассуждений нет никакого

греха, в восстании же летят головы. Спроси-ка Сакину, согласится она выйти за тебя замуж или нет.

Амаркант опешил. Ему и в голову не приходило, что Сакина может воспротивиться этому. Он был убежден, что все зависит только от него. После признания девушки в тот достопамятный вечер Амару казалось, что и так все ясно.

— Да почему ты в этом уверен?

— Однажды она мне сказала такую фразу, которая яснее ясного говорит о ее чувствах.

— А ты спросил у нее, хочет ли она быть твоей женой?

— Я не считал нужным задавать ей такой вопрос.

— Эх ты! Выражение благодарности ты принял за обещание выйти за тебя замуж. Ну и голова! Да в своем ли ты уме? Или от усиленного чтения книг у тебя помутился рассудок? Готов расстаться со всем, что только может быть дорого человеку: с женой, прекрасной, как пари¹, с сыном — светлым месяцем! И все ради кого? Ради этой смазливой мусульманочки, слов нет, довольно смысленной девчонки. Видно, ты и тут вообразил, что говоришь речь или пишешь статью. Да в городе землетрясение будет, гром грянет! И не только в городе, во всей провинции, пожалуй, и во всей Северной Индии! О, какая ошибка! Пожалуй, и за жизнь поручиться нельзя будет — все может статься, ничего удивительного.

Амаркант мысленно уже представил себе, какая последует буря, и она не вызвала в нем страха. Что же, если общество покарает его за смелый поступок, — пусть. Лучше принять смерть, борясь за свои права, чем жить трусом, бежать от этой борьбы. Общество не вправе распоряжаться его судьбой.

— Все это я знаю, Салим, и готов ко всему, что бы ни принесло мне будущее. Но растоптать свою душу в угоду предрассудкам я не согласен. Это частное дело, оно касается только меня и Сакины. Никто не имеет права в него вмешиваться.

Салим с сомнением покачал головой.

— Если Сакина действительно любит тебя, она ни за что не согласится на такое. Хотя... кто их разберет, этих девиц? Возможно, ей захочется полюбоваться трагедией любви... Меня интересует другое: какие достоинства от-

¹ П а р и — пери, райская красавица.

крыл ты в ней, что с такой легкостью готов пожертвовать своей жизнью и растоптать жизнь близких тебе людей?

Подобные проповеди обычно не вызывают сочувствия у слушателей; Амар поморщился.

— И все-то ты выдумываешь! Никакой жертвы я не приношу, ничьей жизни не топчу. Я лишь следую велению своего сердца. Никакому родству и богатству я не позволю лечь цепью на мою душу! Я не принадлежу к разряду людей, которые принимают прозябание за жизнь. Для меня жизнь — в высоких душевных стремлениях, в полноте чувств. И спутником моим может быть лишь сердце, исполненное тех же стремлений, отзывчивости и самоотречения, сердце, которое отозвалось бы слезами на мои слезы, безумствовало и горело бы вместе со мной. Я чувствую, что день ото дня мою жизнь все больше разъедает ржавчина, вижу, в какую пропасть духовного оскудения катился все последние годы. Я закован в цепи, и только Сакина может избавить меня от них, только с ней я могу взлететь на настоящую высоту, обрести самого себя. Ты говоришь. «спроси у нее», считая, что она никогда не согласится на союз со мной. А я убежден, что любовь — такое неоценимое сокровище, которого никто не сможет отвергнуть.

— А если она предложит тебе принять ислам?

— Она этого не сделает!

— А все же, представь себе?

— Тогда я немедленно призову маулави¹ и приму ислам. Я не вижу в этом ничего страшного. В корне всех вероисповеданий заложена единая сущность, и, право, я без всякого ущемления своих религиозных чувств признаю Мухаммеда пророком аллаха. Служение, самоотречение, сострадание, душа и разум — все то, на чем зиждется индуизм, составляет и основу ислама. Ислам не заставит меня отказаться от благоговения перед Буддой, Кришной и Рамой. Сейчас я индус, но не потому, что я пожелал этого, нет, я индус, потому что родился в семье индуса. Также и мусульманином я буду не потому, что я пожелаю этого сам, а потому, что так захочет Сакина. Сам я убежден, что религия, какова бы она ни была, — темница для души. Моей религией будет та, которую изберет мой разум, все остальное — вздор!

¹ Маулави — мусульманский богослов.

Исповедь друга ошеломила Салима. Никогда еще не приходилось ему выслушивать подобные душевные излияния. Для него любовь всегда была лишь физическим влечением. Столь захватывающее чувство, готовое на жертвы, позор и изгнание из общества, казалось ему безумием.

— Нет, нет! — Салим упрямо покачал головой. — Сакина ни за что не согласится.

— Почему ты так думаешь? — Голос Амара звучал уже спокойно.

— Потому что, если у нее есть хоть капля разума, она не станет разрушать семью.

— В таком случае это будет означать лишь одно, — что она любит мою семью больше, чем меня. Кроме того, я никак не могу понять, почему моя семья обязательно должна погибнуть? Для отца и Сукхды богатство значит гораздо больше, чем я. Любовь моя к сыну ничуть не страдает. Все останется по-прежнему, изменится лишь одно — я перестану бывать дома и не буду прикасаться своими нечистыми руками к их плошкам и кувшинам.

— А с доктором Шантикумаром ты говорил об этом?

Амаркант с досадой взглянул на друга — ну и недогодлив же!

— Нет, я не считал нужным посвящать его в свои личные дела. Да и к тебе пришел не за советом, а просто излить душу. Итак, мое решение твердо: если Сакина мне откажет, я покончу счеты с жизнью, если же она согласится, мы с ней уедем куда-нибудь. Никто и знать ничего не будет. Месяца через три-четыре сообщим домой. Ни бури, ни сумятицы, — все обойдется спокойно. Вот тебе мой план: сейчас я иду к Сакине; если получу ее согласие — вернусь к тебе, если нет — ну, тогда прощай, больше не увидимся.

С этими словами Амаркант поднялся и решительно зашагал к Гобардхан-сараю. Салиму очень хотелось удержать друга, но он не посмел. Когда человеком овладел бес, дойдет ли до его слуха голос разума?

Стоял месяц магх. К вечеру стужа усилилась, небо плотно заволокло тучами. Амаркант, словно одержимый, шагал все вперед и вперед. В душе его закипала досада на Сакину: даже письма не написала. Хоть бы открытку черкнула! Но постепенно досада начала сменяться страхом: а что, если Сакина дурно истолкует его порыв? Ведь из ее признания вовсе не следовало, что она готова бро-

силье все и отправиться за ним на край света. Возможно, старуха подготавливала эту свадьбу с ее согласия. Может быть, этот человек бывает в их доме; наверное, он и сейчас там... Если так,—что же, тогда Амар постарается уйти незамеченным. А если старуха дома, то тем более девушка смутится. Ему хотелось поговорить с ней наедине.

Но вот и домик патханки. Сердце Амарканта тревожно стучало. На мгновение он остановился у порога, прислушался — ни звука; там, за дверью, мертвая тишина. Однако дворик освещен — видно, Сакина дома, и одна. Все складывалось именно так, как хотел Амар. Он тихонько побренчал дверной цепочкой. Изнутри послышался голос Сакины, и дверь тотчас же отворилась.

— А ведь бабушка пошла к вам!

— Я виделся с ней,— живо отозвался Амаркант, — и то, что она рассказала, поразило меня. Сакина, до сих пор я скрывал от тебя тайну своего сердца и думал, что до времени мне придется одному хранить ее. Но новость, которую сообщила матушка, заставляет меня открыться перед тобой. От твоего решения зависит теперь моя жизнь. Я припадаю к твоим стопам; хочешь — прогони, хочешь — подними и прижми к сердцу. Не знаю, как вспыхнул во мне этот пожар — искра запала в душу в тот день, когда мы впервые встретились с тобой, тлела все время, а теперь запылала ярким пламенем, и если огонь не унять, он сожжет меня дотла. Ты знаешь, я старался сдерживать себя: ты запретила мне приходить, и до сих пор я ни разу не переступил порога твоего дома. Сакина, к твоим ногам я слагаю все, что у меня есть в жизни. Родной дом для меня — тюрьма, красавица жена — мраморный идол без сердца, без сострадания... Только с тобой обрету я жизнь и мир.

Сакина пришла в замешательство. Она просила лишь горстку муки, а ей подали поднос, ломившийся от яств... Как же она может принять такое богатство, куда его денет? Если даже собирать в подол одежды, в покрывало — все равно невозможно унести все эти дары... Слезы хлынули у нее из глаз, сердце готово было вырваться из груди. Склонив голову, она смущенно прошептала:

— Бабу-джи, всевышний видит мое сердце, знает, сколько в нем любви и уважения к вам. И я стала жертвой одного вашего взгляда. Вы одарили нищую сокрови-

щами трех миров¹. Но что делать нищей с царскими сокровищами? Ведь ей нужен только кусок хлеба. Вы считаете меня достойной подобной роскоши — уже одного этого для меня слишком много. Я не заслужила такого счастья. Подумайте, кто я? Бедная мусульманка, которая зарабатывает на пропитание черным трудом. Ни изящества, ни воспитания, ни образования — ничего у меня нет. Куда мне до Сукхды-деви! Сколько ни прыгай лягушка, на высокое дерево ей не взобраться. И из-за такой девушки вы будете опозорены! Нет, нет! Прежде, чем это случится, я сама расстанусь с жизнью!.. Я не смею навлечь на вас позор!

Бывают такие положения, когда мысли наши выливаются в особую поэтическую форму. Глубины любви — область чистой поэзии, серый язык наших будней здесь неуместен.

Чуть передохнув, Сакина продолжала:

— Сироту, бедную девушку, вы вытащили из грязи и вознесли до небес — дали ей место в своем сердце. Пока жизнь не оставит меня, я буду оберегать этот светильник любви, зажженный вами, и не пожалею для его огня всей своей крови.

Из груди Амарканта вырвался горький вздох:

— И ты думаешь, что успокоила меня? Светильник, о котором ты говоришь, погаснет от дуновения первого ветра, и вместо него загорится новый. Вспомнишь ли ты меня тогда, Сакина? Нет, я не хочу, я не могу этого больше выносить! Брось думать, что я какой-то там большой человек, а ты — полное ничтожество. Я принес тебе всего себя, я твой почитатель. Несомненно, Сукхда красивее тебя, но в тебе есть какая-то сила, которая оторвала меня от нее и бросила к твоим ногам. Если тебя отдадут другому, мне конец. В тот день, когда состоится эта несчастная свадьба, ты услышишь, что Амаркант простился с жизнью. Клятву верности тебе я скрепляю своей кровью! -- и Амаркант вынул из кармана нож.

Сакина метнулась к нему и вырвала нож из его рук.

— Доказательства нужны тому, кто не верит и хочет получить закладную, — с мягким укором сказала она. — Мне не нужно ничего, я хочу только поклоняться тебе. Божество не обещает ничего, но разве от этого любовь

¹ Три мира — прошлое, настоящее и будущее.

верующего меньше? Сама любовь — награда ему. Не знаю, как сложится дальше жизнь, но кому бы ни досталось мое тело, сердце будет принадлежать только тебе. Эта любовь должна остаться чистой. Одно лишь сознание того, что сердце мое принадлежит тебе, будет мне утешением. Дорогой мой, верь — уже сейчас сознание это придает мне столько сил, что я с улыбкой вынесу любые муки. Когда я запретила тебе бывать здесь, мной руководила не только боязнь за тебя — я страшилась и своего позора. Теперь этот страх прошел. Не боюсь ничего, не боюсь ни за себя, ни за тебя! Разве может упасть хоть волос с твоей головы, пока я жива?

Амаркантом овладело бешеное желание заключить Сакину в объятия и выпить до дна пьянящий кубок страсти. Но высокий идеал любви, воздвигнутый девушкой, удержал его.

— Однако день твоей свадьбы уже назначен. — напомнил он.

— Теперь я откажусь!

— А как же старуха?

— Я пригрожу ей, что отравлюсь, если она хоть раз заикнется о свадьбе.

— Почему бы нам с тобой не уехать куда-нибудь?

— Ну, нет! Истинная любовь и в разлуке дает счастье. Да и не существует для нее разлуки. Если вправду любишь, любимый всегда с тобой; ты его видишь, обнимаешь, хотя, может быть, он от тебя за тысячу косов.

В это мгновение скрипнула дверь, и на пороге показалась старая патханка. Амар почувствовал, что надо как-то объяснить ей свое присутствие.

— Я думал, что вы давно уже дома, матушка. Вас что-нибудь задержало по пути?

— Ты так сухо говорил со мной сегодня — до слез огорчил меня! — захныкала старуха. — Вся моя надежда была на тебя, а ты мне так ответил... Но, слава аллаху, — жена твоя обещала покрыть все наши расходы. У нее я и задержалась. За что ты сердит на меня, сынок?

Амар поспешил успокоить ее:

— Что вы, матушка! С чего бы мне на вас сердиться? Как раз когда вы пришли, я поспорил с отцом из-за одного дела, — вот частица моего гнева и досталась вам. Потом мне самому стало совестно, и я прибежал просить у вас прощения. Извините меня, матушка.

Старуха прослезилась:

— Полно, сынок, ведь мы живем только вами! Посмею ли я обратить лицо к богу, если буду таить против тебя гнев? Ведь моя шкура тебе и на подметки не годится!

— Ну, довольно, довольно, матушка, вы меня успокоили. Ведь я только затем и пришел.

Закрывая за Амаром дверь, Сакина шепнула:

— Завтра приходи.

Амаркант почувствовал, что у него голова пошла кругом, будто от доброго галлона вина.

— Обязательно приду.

— Я буду ждать.

— Я хочу сделать тебе подарок. Ты не рассердишься?

— Разве может быть более дорогой подарок, чем сердце?

— Подарок должен принести радость.

— От тебя все приму с любовью.

Амаркант шагал по улицам, преисполненный такой важности, словно он был властелином мира.

Закрыв дверь, Сакина обратилась к старухе.

— Зря ты хлопочешь, бабушка! Я не выйду замуж.

— Что же, будешь здесь век вековать?

— Выйду, когда захочу.

— А мне что прикажешь делать? Сидеть сложа руки?

— Пока я не захочу выйти замуж, будешь сидеть сложа руки.

— Перестань смеяться! Я уже обо всем договорилась.

— Нет, бабушка, замуж я не выйду; а если ты будешь принуждать меня, я отравлюсь. От одной лишь мысли об этой свадьбе мне свет не мил делается.

— Что с тобой, Сакина?

— Я не хочу свадьбы, и все. Пока я не встречу человека, с которым смогу жить в радости, мне ни к чему забивать этим голову. Тебе бы только сбить меня с рук, а там — пусть моя жизнь превратится в ад. Право, цель брака вовсе не в том, чтобы человек проводил жизнь в слезах!

Старая патханка опустилась на пол перед печуркой и устало подперла голову руками. «Ну и бесстыдница девочка!» — с горечью подумала она.

Сакина поужинала чечевицей и просыным хлебом, легла на разбитую кровать и натянула на себя рваное одеяло. От холода она съежилась в комок, поджала ноги

к животу. Но сердце пело, сердце до краев было полно счастьем. Что такое все богатства мира по сравнению с тем алмазом, который подарила ей сегодня судьба? Пыль, просто пыль.

15

Амаркант ощущал в себе неизведанный ранее прилив жизненных сил. До сих пор близкие отвечали на каждое его начинание лишь пренебрежением и нередко уподобляли его коню: за уздечку мог дернуть всяк, кому не лень. У скакуна уже иссякло и дыхание и пыл. Но вот некое волшебное существо вдохнуло в него новую силу, и конь стал послушен легчайшему прикосновению.

Куда только делось пренебрежение или, по меньшей мере, холодное безразличие Амарканта к окружающему миру? На смену им пришло вдохновение, бурный прилив сил, когда человек, кажется, способен двигать горы, пробуждать ото сна мертвых. Его энергия, ранее скованная, а теперь согретая любовью, обрела силу и мощь. Никогда еще не переживал он ничего подобного. Маленькая Сакина силой своей любви, будто живой водой, вызвала к жизни эту энергию. Слабая девушка уподобилась бедному отшельнику, который сам питается подаянием, но способен пролить на верующего благодатный дождь богатства.

Теперь Амаркант бывал в доме Сакины только в случае крайней нужды. Безалаберность его уступила место подтянутости, он действовал, четко сообразуясь с временем и возможностями. Когда дерево окрепло и корни его ушли вглубь, уже нет нужды без конца орошать его — оно само добывает влагу из почвы. Любовь Сакины и Амара была похожа на такое дерево. Чтобы питать ее, не было необходимости в частых встречах.

Экзамены на соискание степеней прошли, но Амаркант не участвовал в них. Профессора были уверены, что кто-то, а уж он обязательно получит диплом; доктор Шантикумар не жалел красноречия, но не мог разубедить Амарканта, тот твердо стоял на своем: чтобы сделать жизнь счастливой, нужны знания, а не степень; если душа не пробудилась для жизненного подвига, что толку в какой-то бумажке?

К самим наукам, преподаваемым в университете, Амаркант воспылал ненавистью. При виде светил науки,

профессоров, рабски подражающих моде, пресмыкающихся в погоне за личной выгодой, избравших своим девизом — «работать поменьше, а получать побольше», душа его замирала от щемящей боли. И эти господа призваны вести за собой нацию! Это вершители ее судеб! Что им за дело до того, что народ перебивается с хлеба на воду, что простой человек не имеет и пятидесяти рупий в год! Нет, эти господа жаждут получать по пятидесяти рупий в день! И Амар вспоминал о далеком прошлом, когда учителя народа жили в бедных хижинах, чуждые алчности и расчету, исполненные светлых идеалов любви к людям и бескорыстного служения им. Беря у народа крохи, они воздавали ему сторицей. Да, эти люди поистине уподоблялись богам! А наши учителя ни в чем не уступят матерому дельцу или чиновнику. В них то же чванство, та же жадность к деньгам, то же стремление к власти. Что представляют собой наши учебные заведения? Государственные учреждения, казенные и бездушные, в которых как в зеркале отражается характер нашего государства. И учителя наши — тоже часть этого государства. Разве могут они нести свет, когда сами безнадежно погрязли в невежестве. Рабы своих страстей и вожделений, они и учеников влекут в то же рабство.

И снова воображение уносило Амара в мир прошлого. Он совершенно забывал о времени, в котором жил. В государстве его грез чиновники служили народу, учителя-аскеты обитали в хижинах, носили одежды из древесной коры, питались плодами и кореньями, народ не знал злобы и алчности, не ведал ссор и распрей. Не было там ни беспорядков, ни раздоров. Кому нужно столько судов? К чему эти огромные канцелярии, где обитают чиновники, напоминая собой стаю коршунов, слетевшихся к трупам бедняка. Чем солиднее диплом у такого коршуна, тем сильнее обуревают его алчность, словно она, как и эгоизм, — неотъемлемые атрибуты учености! У бедняка нет хлеба, ему нечем прикрыть наготу, а нашим образованным братьям нужны дачи, автомобили, толпы слуг. Если этот мир сотворил человек, — то он был несправедлив, а если бог... уж тут ничего не скажешь.

Подобные мысли и чувства, словно волны, подымались из самых глубин души Амарканта. Теперь с раннего утра и до полудня он учил детей в «Обители служения» — школе, которую доктор Шантикумар устроил на

своей даче. Сам доктор вел занятия в школе до девяти утра. Несмотря на то что обучение в школе было бесплатное, учеников нашлось немного. В правительственных учебных заведениях, взимавших плату за обучение, для учеников частенько не хватало мест, сюда же никто не заглядывал. Доктору Шантикумару с трудом удалось набрать в свою школу около двухсот пятидесяти человек. Воспитатели этой школы ставили перед собой благородную задачу: из непосредственных, простых ребятишек вырастить смелых, честных, готовых к служению родине граждан. Но как помочь сформироваться в этих еще не окрепших душах чувству прекрасного, столь важному для гармонического развития человеческой натуры; как оградить их от пагубного влияния дурной среды? Каким образом вместо присущего всякой неотшлифованной натуре эгоизма развить чувство сострадания к ближнему?

Оба друга — доктор Шантикумар и Амаркант — неустанно думали обо всем этом. Какой-нибудь готовой, сложившейся системы преподавания у них не было; они создавали ее на ходу, сообразуясь со своей целью. В основу воспитания они положили ознакомление детей с жизнью замечательных людей, с легендами о служении и самоотречении человека, приводили примеры самоотверженной любви к ближнему. Нашлись у них и соратники: аскет Атмананд, человек, отрешившийся от суетного мира и избравший путь служения людям, и Баджанатх, учитель музыки. С приходом этих двух помощников круг занятий в школе значительно расширился.

Однажды Амаркант спросил доктора Шантикумара:

— Когда же, наконец, вы оставите работу в университете? К лицу ли вам оставаться в том самом учреждении, которое мы стремимся стереть с лица земли?

Шантикумар улыбнулся.

— Я сам об этом подумываю. Только, знаете, ума не приложу, откуда мы будем брать деньги. Ведь, по самым скромным подсчетам, нам требуется не менее пятисот рупий.

— Ну, о деньгах беспокоиться не стоит, где-нибудь добудем. А на что они нам?

— Аренда дома, учебники, да и мало ли еще что. Разве все упомнишь?

— Мы можем взять двух учеников и заниматься с ними под деревом.

— Ох, фантазер! В вас нет ни грана практического ума. Чистый идеализм, воздушные замки!

Амар был поражен.

— А я-то всегда был убежден, что вы тоже идеалист! Доктор-сахиб отразил удар:

— В моем идеализме есть место и деловой трезвости.

— Значит, мед ешь — хоть давься, от печения воздержись?

— Но подумайте, как я могу оставить свою службу, пока не найду другого источника дохода? — принялся доказывать доктор-сахиб. — Я открыл школу, и ответственность за ее судьбу целиком лежит на мне. Если мы не выдержим и школу придется закрыть, виноват буду только я. Можете ли вы найти какую-нибудь солидную финансовую базу? Если да — я сегодня же подаю в университет прошение об отставке. Пока же этой базы нет, я ничего не могу поделать. Как видите, не такой уж я завязанный идеалист.

Идти на компромисс с собственными принципами — дело трудное. Амарканту еще не приходилось попадать в такие условия, когда горький опыт жизни вливает в нашу душу яд расслабленности. Как и все незфиты, он почитал принципы неизблемыми, и сейчас глубокая вера его в доктора-сахиба была поколеблена. Значит, доктор Шантикумар — герой только на словах, и слова эти прямо противоположны делам? Тогда он просто обманщик! Можно ли сотрудничать с таким человеком?

— Так вы не можете уйти в отставку? — Вопрос Амара звучал как угроза.

— До тех пор, пока не будет разрешен материальный вопрос, — нет.

— В таком случае нам придется расстаться. Я не могу работать у вас.

— Поверьте мне, Амаркант, — мягко сказал доктор-сахиб, — мой жизненный опыт пока больше вашего, на мою долю выпало много испытаний. И я пришел к убеждению, что подчас наша жизнь зависит от компромисса. Сейчас можете расценивать мое поведение как хотите, однако придет время, когда вы поймете, что реальные факты весят столько же, сколько и идеалы.

Но Амар не желал спускаться с заоблачных высот на землю.

— Предпочитаю умереть на поле битвы, но не показывать спину! — резко бросил он, уходя.

Раньше Амаркант спорил с Салимом: этот скептик говорил, что школа доктора-сахиба напоминает ему фокус уличного шарлатана, который уверяет, что с помощью волшебной палочки превратит глину в золото. В последнее время Салим с головой ушел в подготовку к экзаменам на степень магистра искусств. Пределом его желаний было получить солидную чиновничью должность и жить в свое удовольствие. Особого интереса к национальному движению, реформам и всевозможным организациям он не испытывал. Услыхав о разрыве Амарканта с доктором Шантикумаром, он обрадовался.

— Очень хорошо сделал, что ушел от него, — заметил он. — Я давно раскусил доктора-сахиба: он из породы людей, которые норовят поджечь чужой дом и погреться у огонька. А послушаешь их, так можно подумать, что они жизнь готовы отдать за народ.

Довольна была и Сукхда — наконец-то Амар бросит эти нелепые занятия! Она почти ненавидела доктора-сахиба: ведь это он заставил ее мужа плясать под свою дудку, он настраивает Амара против родного дома!

Но вечером настала очередь Сакины высказать свое мнение, и она целиком приняла сторону Шантикумара.

— Я считаю, что доктор-сахиб прав: голодный желудок и о боге не помнит. Когда человека не оставляет мысль о заработке, может ли он отдавать все силы служению народу? Если даже и попытается служить, все равно будет присваивать себе народные деньги! Нельзя же человеку оставаться голодным, а кроме того, потребуются расходы на школу. Допустим, школа будет под деревьями: но где найти такой сад? Ведь чтобы дети могли учиться, нужно выбрать подходящее для этого место. Ученикам потребуются книги, бумага, циновки, качели. Либо придется организовать сбор денежных средств, либо кто-то должен эти деньги заработать. Ведь доктор-сахиб закладывает фундамент большого дела и делает это не ради денег. Подумай, как велик его подвиг! Вы поступаете только временем, он приносит в жертву все. Я считаю, что такой человек достоин большего уважения.

— Брось ты, сынок, слушать эту девицу, — вставила патханка. — Стулай, занимайся делами своего дома, —

от них зависит покой семьи, а пустые забавы оставь нерадивым. Аллах наградил тебя уважением людей, высоким положением и потомством. Не следует тебе заниматься пустяками.

Прошли те времена, когда Амарканту приходилось продавать работы Сакины. Благодаря стараниям Ренуки-деви старухе теперь перепало столько заказов на вышивки, что Сакине уже было не до шапочек и платков. У родных Салима тоже то и дело находилась работа, а через них — и в других семьях. В маленьком домике у Гобардхан-сарая появились признаки относительного достатка: стены и потолок сверкали свежей побелкой, на двери висела занавеска, недавно приобретенные кровати были застланы белоснежными покрывалами, на полках сияла новая медная посуда. На одежду, видно, тоже жаловаться не приходилось. А на кровати каждый день можно было видеть свежую газету на урду. Такого благополучия патханка не знала даже в свои лучшие дни. Если что и доставляло ей огорчение, так это упорное нежелание внучки выходить замуж.

Амаркант покинул домик патханки в смущении: ему было стыдно за сегодняшний день. Слова, произнесенные девушкой в защиту его друга, рассеяли все сомнения Амара и укрепили уважение к доктору-сахибу. Мудрость Сакины, ее рассудительность, смелость и острота взгляда поразили и покорили Амара. Чем ближе он узнавал Сакину, тем сильнее чувствовал ее благотворное влияние. Сукхда, блестящая и великолепная, правила им твердой рукой, и власть эта тешила ее. Она рождена была повелевать, Сакина — жертвовать собой. Сукхда считала себя умнее Амара, Сакина почтительно склонялась перед ним.

Доктор-сахиб встретил Амарканта спокойной улыбкой.

— Так вы считаете, что я должен уйти в отставку? Что ж, прошение уже написано, завтра подам. Я не могу лишиться вашего сотрудничества: в одиночку ничего нельзя сделать. После вашего ухода я все обдумал и понял, что действительно ослеплен иллюзией. Помните, что было со Свами Даянандом, когда он заложил основы «Арьясамадж»? ¹

Амаркант тоже улыбнулся.

¹ А р ь я с а м а д ж — одно из религиозно-философских обществ.

— Нет, джи, я снова все обдумал и понял, что был неправ. До тех пор, пока денежный вопрос не будет урегулирован, ваша отставка невозможна.

Доктор-сахиб изумленно взглянул на Амара:

— Вы шутите?!

— Нисколько. Сегодня я был невежлив с вами; простите меня.

16

Вот уже несколько дней, как Амар избран в муниципальный совет. Лала Самаркант пользовался в городе таким влиянием, а сам Амар — такой любовью, что избирательная кампания не стоила им ни каури. Конкуренту Амарканта — известному адвокату — не удалось собрать и четверти всех голосов.

Сукхда и лала Самаркант взбунтовались: им обоим, как и раньше, хотелось вовлечь Амара в домашние дела. С университетом было покончено, и лала-джи уже предвкушал момент, когда свалит все заботы на сына, а сам уйдет на покой. Теперь же работа в муниципалитете снова не позволит Амару отдать себя дому и лавке. И вот в семье началась война: в одном лагере оказались Сукхда и лала-джи, в другом — Амаркант; Найна объявила нейтралитет.

Поглаживая рукой толстый живот, лала Самаркант повел атаку.

— Ну конечно, прачкин пес всю жизнь между домом и рекой носится. С утра у тебя школа, вечером — заседания Конгресса, а теперь еще эта напасть... Что ж, подожди дом!

— Подумай, что для тебя важнее: вести дом или с головой уйти в чужие заботы? — поддержала свекра Сукхда. — До сих пор ты учился, — но с этим покончено. Теперь твой долг — продолжать дело отца. Школа и прочие пустые занятия к лицу тому, на ком не лежит забота о семье. А если ты единственный работник в доме, откуда тебе взять время для посторонних дел?

Амаркант попытался обосновать свои действия.

— Меня нисколько не обижает, что вы называете мою работу «напастью», «пустыми занятиями» и «посторонними делами», — сказал он. — Но поймите — каждому свое! У меня душа не лежит к этим «домашним делам». Человек может добиться успеха только в той области,

которая его интересует. Мне противны торговые сделки. Я легко могу погубить все дело.

Лала-джи был убежден, что Амар мелет вздор. Чтобы его сын не знал толку в торговле и ростовщичестве? Чепуха!

— Все это твоя гордость, — заявил он, набивая беззубый рот бетелем. — А представь себе, что меня не станет, — так что же, ты откажешься заботиться о детях? Просто ты хочешь уморить меня. Есть же на свете счастливые отцы, которые могут переложить свои тяготы на плечи сыновей и отдохнуть! Не таков, видно, мой сын — до самой моей смерти собирается на мне ездить!

Ого! Это уже серьезное обвинение! Увидев, какой оборот принимает дело, Сукхда тут же умолкла. Бедняжка Найна не выдержала и, зажав обеими руками уши, выбежала из комнаты. Началось единоборство между двумя богатырями. На стороне молодого была ловкость, быстрота, на стороне старика — опыт, упорство. Не раз старый борец готов был прижать молодого к земле, но испытанные приемы не помогали — молодой изворачивался и ускользал.

Наконец лала Самаркант не выдержал:

— Вот что, дорогой мой, отделяйся-ка ты от меня вместе с женой и ребенком. Такое бремя мне не под силу. Если вы намерены жить здесь — платите за квартиру и несите половину домашних расходов. Я не нанялся тянуть тебя всю жизнь. Твой это дом, так и бери его на свои плечи, нет — ничего тебе здесь не будет. Вот умру — тогда забирай все.

Амаркант стоял точно громом пораженный. Пока не было ребенка и вся его жизнь протекала вне дома, он не раз был готов порвать отношения с отцом. Но после рождения малыша характер лалы-джи заметно изменился, в его обращении с сыном сквозила любовь, даже нежность. Тем больнее был нанесенный удар. Амарканту казалось, что, подарив отцу желанную игрушку — внука, он может некоторое время жить спокойно; но сейчас Амар понял, что и эта новая привязанность лалы-джи не смогла разорвать сковывавшие его золотые цепи.

Амар мог понять гнев и ворчливость лалы-джи, но чтобы родной отец потребовал с сына платы за собственный дом и хлеб — это уже предел скарденности! Ответ мог быть только один — немедленно уйти из этого дома,

уйти вместе с женой и сыном и навсегда порвать с отцом. Если Сукхда станет возражать — что ж, тогда и с ней придется расстаться.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — твердо сказал Амар.

— Сядешь на шею теще? — язвительно спросил лала-джи.

— Не сыпьте соль на рану, дада, — в голосе сына звучал упрек. — Если мне не нашлось места в доме отца, которому я обязан жизнью, неужели вы думаете, что я позволю себе сделаться нахлебником тещи? Нет, так низко я еще не пал. Я буду работать и жить на деньги, добытые трудом. Взывать к людской жалости и просить милостыню значит убивать в себе человеческое достоинство. С божьей помощью я докажу вам, что и тяжкий труд не помешает мне служить народу.

Лала-джи понял, что сын еще не отделался от своих иллюзий. Но пусть попробует, решил лала Самаркант, месяц-другой семейных неурядиц и придет в себя. Старик молча вышел из комнаты, а Амаркант бросился в город искать квартиру.

Когда Амар ушел, лала-джи вернулся на поле битвы: он надеялся, что невестка уврачит его душевные раны. Но Сукхда, хоть и видела, что свекор мнется у ее дверей, не вышла к нему. Она даже и предстать себе не могла, чтобы отец проявил такую жестокость. В конце концов к чему все это богатство в сотни тысяч рупий? Сукхде и самой не нравилось, что Амар сторонится домашних дел, и она считала, что претензии лалы-джи в этом отношении справедливы. Но требовать плату за квартиру и еду отцу не пристало, а уж если он посмел это сделать, так из-за куска хлеба она не станет лизать ему руки! Теперь хоть сгори тут все — она и пальцем не шевельнет. Она оставит здесь все свои украшения — в конце концов все это подарки лалы. Те вещи, что дала ей мать, она тоже швырнет ему: все они входили в приданое и уж наверное заприходованы в книгах лалы-джи! Из этого дома она уйдет как есть — в одном сари. О всевышний, дай только жизнь и здоровье ребенку! — больше ей ничего не надо. Кто посмеет посягнуть на ее самое бесценное сокровище? Постепенно Сукхда прониклась все большим сочувствием к мужу. Ну что плохого, если Амар выставил свою кандидатуру на выборах в

муниципалитет? Кто в наше время отказывается от почета и уважения? Ради этого поста люди не жалеют сотен тысяч. Разве все члены муниципалитета — бездельники у себя дома? Ведь каждый человек стремится чем-нибудь прославиться. Амар не заслуживает такого наказания, которому подверг его отец! Другой почитал бы себя счастливым, благословляя судьбу, если бы у его сына были такие стремления.

Внезапно в комнату вошел Амаркант.

— Ты слышала, что сказал отец? — спросил он. — Надо решать, как быть дальше.

— Я считаю, что нам надо немедленно убираться отсюда. После того что нам пришлось выслушать, я глотка воды здесь не выпью. Ты нашел какое-нибудь жилье?

— Нашел дом в Ничибате, правда, маленький, но чистый. Просят десять рупий.

— Я готова.

— Сейчас сбегаю за тонгой.

— Не нужно. Пойдем пешком.

— Но ведь придется тащить сундук, постели.

— В этом доме нам не принадлежит ни одна вещь. Я даже драгоценности сняла. Жены рабочих не носят украшений.

Вот самолюбие! Амар с изумлением взглянул на жену.

— Но ведь драгоценности твои, — заметил он. — На них никто не претендует. И, кроме того, большую часть их ты принесла с собой.

— То, что дала мама, входило в мое приданое, а ла-ла-джи делал свои подарки с расчетом, что они останутся в доме. Каждая вещь у него заприходована. При таких условиях даже драгоценности — подавание нищим. Мы имеем право только на то, что заработаем сами.

Амаркант задумался. Конечно, рвутся последние нити семейных отношений. Но он знал, какую роль в жизни женщины играют драгоценности. Самое дорогое, самое любимое для женщины после мужа и сына — ее драгоценности. Бывали случаи, когда ради драгоценностей женщина жертвовала и мужем и сыном. Сейчас рана свежа, она еще не успела наболеть. Пройдут дни — и отвращение к драгоценностям сменится сожалением о них и раздражением. Затем пойдут упреки, в каждом слове будет слышаться скорбь о загубленной жизни. Дом превратится в ад.

— Не советую тебе так поступать, Сукхда,—осторожно сказал Амар. — Я не вижу ничего плохого в том, что ты возьмешь с собой вещи, которые по праву принадлежат тебе.

Сукхда гордо посмотрела на мужа:

— Ты, верно, думаешь, что я буду сидеть в уголке, плакать о драгоценностях и проклинать свою судьбу? Не знаешь ты, видно, какие лишения способна перенести женщина. Да на эти драгоценности грех смотреть, не то что носить их. Я знаю, ты боишься, что завтра же я начну пилить тебя, но — вырви мне язык, если с него сорвется хоть один упрек! И на шее у тебя сидеть я тоже не собираюсь; я сама буду зарабатывать на жизнь. Ведь на еду нужно совсем немного денег, это тщеславие не позволяет обходиться малым. Забудь его — и с легким сердцем переживешь нужду.

Вошла Найна и тут же заметила, что на невестке нет ни одного украшения. Сердце у девушки сжалось: а как же она? Останется одна в этом доме? Ведь она и часа не проживет без малыша! В душе Найны закипел гнев на отца, брата, невестку. «И что это выдумал дада? Дом ломится от добра, а ему все мало! А если братец и посидит часок в лавке, с ним тоже ничего не случится! И невестка туда же — фокусничает. Останься она здесь, и, глядишь, братец денька через два-три вернулся бы... Ну, а если она, Найна, уйдет с ними, кто же будет заботиться об отце? Дада не станет есть пищу, приготовленную чужими руками. Может быть, попытаться уговорить невестку? Да разве она послушает! Ведь они даже не смотрят на нее... Братец так и отводит глаза... Но малыш... будет ли он счастлив в чужом доме?»

Горю Найны не было границ.

Она бросилась к отцу:

— Дада! Невестка сняла свои украшения!

Лала-джи сидел погруженный в мрачное раздумье. Он ничего не ответил, будто и не слышал голоса дочери.

Девушка повторила чуть громче:

— Невестка сняла свои украшения!

Лала Самаркант посмотрел на дочь отсутствующим взглядом.

— Что там с украшениями?

— Невестка сняла их.

— Ну, а что я должен делать?
— Почему вы с ней не поговорите?
— Что ж я поделаю, если она не хочет их носить?
— Вы, наверное, не велели ей брать с собой украшения. Неужели вы заберете и подарки ее матери?
— Да, я возьму все. В этом доме у нее нет ничего своего.

— Вы несправедливы!
— Не мели чепухи! Иди-ка к себе.
— Почему бы вам не пойти к ней, не поговорить?
— Если тебя это так печалит, иди и уговаривай ее.
— Кто я такая, чтобы давать советы? Если вы считаете ее драгоценности своими, вряд ли она когда-нибудь наденет их снова. Мои уговоры тут не помогут.

Оба с минуту помолчали, потом Найна снова кинулась в атаку:

— Свет не видал еще такой несправедливости! Драгоценности принадлежат невестке. Вы не смеете забирать ее свадебные украшения!

— Где это ты вычитала такой закон?

— Это и без законов ясно! Даже ребенок не станет молчать, если его накажут несправедливо.

— О! Слышу золотые слова твоего брата.

— А что дурного в том, что я научилась у брата отличать справедливые поступки от несправедливых?

— Ну ладно, не донимай меня пустыми разговорами, ступай к себе. Я никого не намерен убеждать и уговаривать. Это мой дом, и все добро в нем принадлежит мне. Я жизнь положил, собирая его по зернышку. Чего ради я позволю растаскивать мое достояние?

Найна гневно вскинула голову и заявила:

— Тогда и я уйду вместе с невесткой.

Лицо лалы-джи застыло в суровом упрямстве.

— Иди, я не держу тебя. Лучше вовсе не иметь детей, чем маяться с такими, как вы. Выметайтесь все из моего дома, сейчас же выметайтесь! Мне же спать спокойнее будет. Ни забот, ни тревог; не придется выслушивать постоянные жалобы: того нет, этого не хватает. То-то радости мне было, что вы тут околачивались!

Словно разъяренная кошка, Найна метнулась к Сукхде.

— Невестка, я тоже уйду с вами!

— С нами?..— с сомнением протянула Сукхда.— Но

у нас ведь нет ни кола ни двора... Ни денег, ни посуды, ни слуг... Как же ты пойдешь с нами? А кто будет жить в этом дворце?

Глаза Найны мгновенно налились слезами.

— Вы уходите, а мне оставаться здесь одной?!

Приплелась дурочка Силло.

— Уходите, уходите все, — смеялась она. — Уж я без вас поцарствую! Развалюсь тут, в комнате, на этой самой кровати. Постучит нищенка, — а я ее метлой, метлой!

Амару было понятно душевное волнение помешанной. Вещи! Но разве заберешь их с собой? В домике всего одна комната. Как же устроить там Найну? Да и эта половинная только мешаться будет!

Он попытался урезонить сестру:

— Если ты уйдешь с нами, кто же будет готовить пищу для отца? Мы ведь не на край света уезжаем. Даю тебе слово, что каждый день буду забегать к тебе. Оставайся пока здесь с Силло. Дайте нам уйти.

Найна расплакалась.

— Но подумай, братец, как же я буду тут жить одна? Что стану делать целыми днями? Я и минуты такой жизни не вынесу. Только и останется вспоминать о малышке Манну да лить слезы. Смотри, смотри, невестка, братец и глядеть на меня не хочет!

Стараясь успокоить рыдающую девушку, Амаркант предложил:

— Ну, хочешь, мы оставим здесь Манну? Пусть он пока поживет с тобой.

Но тут воспротивилась Сукхда:

— Как? Что ты говоришь! Да он тут без нас слезами изойдет, жизни лишится! Нет, об этом и речи быть не может.

В сумерки из дома лалы Самарканта тихо вышли трое и медленно направились куда-то. Сзади плелась Силло; она что-то бормотала себе под нос и хихикала. Вначале соседние лавочники подумали, что молодые, верно, отправились в гости. Однако — что за штука: на женщинах никаких украшений, даже кольца не видно. Без покрывал, одеты просто...

Лала Самаркант сидел у себя в комнате и курил трубку. Он даже не взглянул на уходивших. Спустя час он сошел вниз, запер дверь и, вернувшись к себе, улегся в постель.

Один из соседей-лавочников наведалься к нему.

— Лала-джи, куда это ваши молодые отправились?

— Не знаю,— буркнул старик.— Я их всех выгнал. Не для того я наживал добро, чтобы другие пускали его на ветер. Богатство надо уметь ценить! А тот, для кого деньги все равно что глина, пусть узнает, почем фунт лиха! Я старик, но работаю по восемнадцать часов в сутки. И не для того я убиваю свои силы, чтобы мои дети считали богатство глиной. Мои дети — и меня же осуждают! Давай деньги, да еще выслушивай поучения. Ладно, теперь слова не скажу, хоть сгори все! Но если тебе больше нравится на собраниях да на митингах — пусть собрания тебя и кормят. Я в своем доме таких не потерплю. Добрый сын тот, который слушается отцовского слова. А если он поступает, как ему вздумается,— что это за сын?!

Силло успела сообщить обо всем происшедшем Ренуке-деви, и та, словно львица, детенышам которой грозит опасность, помчалась отыскивать Сукхду. Дочь до сих пор не была такой, но с этим Амаром и она голову потеряла. Да разве она, мать, чужая? Разве она не родня? Шутка ли — не сказав ей ни слова, снять отдельный дом! Какое лёгкомыслие!

Было уже восемь часов, однако ночная свежесть еще не пришла на смену знойному дню. На небе загорались первые звезды. Когда Ренука-деви вошла в комнату, все трое уныло сидели на единственной кровати, растерянные и подавленные. Дом был погружен во мрак. На бедных переселенцев обрушилась новая напасть — необходимо было обзаводиться хозяйством. В доме не было ни пайсы, никто не знал, что предпринять. Увидев тещу, Амаркант всполошился:

— Аре! Как вы нашли нас, матушка? А, наверное, эта ведьма Силло все выболтала. А ну, где она там? Я ее проучу!

Темная лестница была крута — Ренука-деви, с трудом переводя дыхание, сбросила с себя покрывало.

— Да враг я вам, что ли? Ругаете Силло за то, что она сказала, где вы. Или в моем доме хлеба не стало? Я вам и минуты не позволю здесь оставаться! Такой большой дом пустует, а вы забились в какую-то конуру. Сейчас же отправляйтесь все ко мне. Малыш тут увянет

от одной духоты. У вас здесь даже постелей нет, как же вы спать будете? Ты раньше не была такой колючей, дочка, что это с тобой сделалось? Если старые люди и поучат вас немного, можно потерпеть, а не бежать из дому. Или у тебя тоже рассудок помутился?

Сукхда, не жалея красок, описала матери поведение лалы Самарканта, и Ренука-деви страшно возмутилась. Ну, если уж он так кичится своим богатством, то пусть и сидит на нем! Видно, он в могилу с собой собирается его взять!

Амаркант довольно миролюбиво заметил:

— Дада не предполагал, что все так обернется и мы уйдем из дому.

Но Сукхда была не из тех, кто легко прощает.

— Да ведь он ясно сказал, что у него в доме нашего ничего нет. Не спросил даже, куда мы идем! Мы уходили, а он забился, как крот в нору, в свою комнату. Даже ребенка не пожалел! Правду говорят — где богатство, там и спесь. Да разве это человек? Так пусть, пусть он нежится один в своем дворце — мы уж как-нибудь проживем на свои труды. Тебе, мама, хоть раз доводилось встречать такого скрягу? Найна попыталась было усовестить его — так он и на нее напустился. Бедняжка все глаза проплакала.

Ренука-деви ласково притянула к себе Найну.

— Ладно, что было, то прошло, — сказала она. — Собирайтесь-ка в путь, уже поздно. Я велела поварихе стряпать ужин, распорядилась, чтобы приготовили постели. Нет худа без добра: не опустей дом лалы-джи, разве мой дом наполнился бы?

Внизу засветился огонек — это Силло зажгла светильник с горчичным маслом. Направив Ренуку-деви по следам беглецов, Силло успела побывать на базаре и обзавестись там светильником, маслом и метелкой. Теперь в домике стало светло, и Силло принялась за уборку.

Сукхда посадила сынишку на колени к бабушке.

— Ты не сердись на нас, мама, но сегодня мы останемся здесь, а там видно будет. Ни к чему давать пищу для насмешек лалы-джи: вот, мол, убежал, да и сел на шею тещи. Такими разговорами он уже успел закрыть перед нами двери твоего дома. Дай нам денька два-три пожить здесь, а там уж мы переберемся к тебе. Надо же узнать, хватит ли у нас сил жить самостоятельно!

Нечего сказать, веселенький денек выпал на долю Амарканта! О себе он беспокоился меньше всего — ни Салим, ни доктор Шантикумар не отказали бы ему в приюте. Но как Сукхда и Найна будут ночевать в таком помещении, без кроватей? Кто прольет на них завтра золотой дождь рупий? Но разве можно советовать что-нибудь Сукхде, да еще в такую минуту?

Лаская ребенка, Ренука ответила:

— Вот умру, тогда и узнаешь, сможете ли вы жить одни. А пока я еще жива. Ребенок-то твой, или я тебе не мать? Идем, идем скорее!

Но Сукхда была тверда.

— Мама, пока мы сами не сумеем обеспечить себя, мы к тебе не пойдем. Нет, я не так сказала, мы, конечно, придем к тебе, но только в гости. Посидим часок-другой и уйдем.

Обиженная Ренука обратилась за помощью к зятю:

— Послушай, сынок, ты только послушай, что она говорит! Родную мать считает чужой!..

— Мама, не пойми меня плохо,— прервала ее Сукхда.— Сегодня, глядя на отца, я поняла, как дорого богачу его золото. Кто знает, может статься, когда-нибудь и в твоей душе зародится такое же чувство... Стоит ли давать повод для этого? Если же мы как гости...

Бедное сердце Ренуки-деви! Заслужило ли оно такой удар? Амаркант прервал жену:

— Если ты пойдешь к маме, Сукхда, большой беды не будет. Здесь тебе трудно придется.

— Ах так! Ты можешь переносить лишения, а я не могу?! — запальчиво воскликнула Сукхда.— Если ты боишься трудностей, ступай сам с мамой. Я никуда отсюда не двинусь.

В конце концов Ренука-деви послала Силло за постелями и ужином. Пока служанка ходила в дом Ренуки-деви, женщины подмели крышу, и наши новоселы провели ночь так, как проводят ее обычно путники в какой-нибудь придорожной гостинице. Долго не умолкали шутки. Не было подавленности, которая обычно сопутствует беде. Во мраке настоящего, казалось, уже занималась заря будущего. Беда была, но не над головой, а под ногами.

Наступило утро, и Ренука-деви ушла к себе. Новые попытки увести своих цыплят домой не увенчались успе-

хом,— Сукхда была непреклонна. Она не согласилась даже на то, чтобы оставить у себя постели, горшки и прочие мелочи, необходимые в хозяйстве. Ренука-деви обиделась, да и Амару это было неприятно. Но и в нужде Сукхда продолжала командовать мужем.

Ренука-деви, наконец, удалась, а Амар предался раздумью, где и как раздобыть необходимые рупии и пайсы. Пришло время собираться в школу — идти туда было необходимо. Сукхда прилегла досмотреть утренний сон, Найна, сидя в своем уголке, тревожно размышляла о хозяйственных делах.

Амаркант отправился в школу, но сегодня душа его не лежала к занятиям. В нем бушевала ярость — то против отца, то против самого себя. Доктору-сахибу он ничего не сказал о своем изгнании: сочувственных слов и утешений он просто не вынес бы. По той же причине ему не хотелось сегодня видеть никого из знакомых. Он боялся, что в его положении откровенность может быть истолкована как просьба о помощи.

Когда в десять часов утра Амаркант вернулся домой, его глазам представилась идиллическая картина: Силло старательно вымешивала тесто, а Найна, примостившись на чауке¹, резала овощи. У новоявленного главы семейства не хватило духу спросить, откуда взяли деньги.

На выручку, как всегда, подоспела Найна:

— Ты знаешь, братец, кто нас сегодня угощает? Силло! Дрова, топленое масло, муку, горох — все это она притащила с базара. Даже посудой разжилась у каких-то своих знакомых.

— И вовсе я не угощаю! — буркнула Силло. — Уж я получу с вас свои денежки!

Найна звонко рассмеялась:

— Мы тут с ней все утро воюем. Она грозит, что сумеет получить назад свои деньги, а я уверяю, что она нас угощает. Ведь правда же, братец, она угощает?

— Ну как же! Конечно, угощает!

Амаркант угадал душевное состояние Силло. Ей казалось, что не упомяни она о деньгах, эти люди отказались бы принять ее помощь.

Беззубый рот Силло расцвел. Видно было, что

¹ Чаука — четырехугольное возвышение на полу, на котором индийцы готовят пищу и едят.

несчастливая вдруг почувствовала себя вознесенной на небывалую высоту, ощутила глубокий смысл собственного существования. Высохшее, уродливое создание вдруг засветилось особой красотой. Когда, тщательно вымыв руки, Силло подала Амару котелок с чистой водой, она ног под собой не чуяла от радости.

Амаркант до последней минуты надеялся, что отец позовет обратно Сукхду и Найну. Но время шло, ни сам лала-джи, ни его посланные не являлись, и Амар не находил себе места от волнения.

Он быстро помылся и тут же вспомнил, что в доме нет даже лишнего дхоти. Возместив эту недостачу шарфом, Амаркант поел и собрался идти в город искать работу.

Сукхда принялась журить его:

— Тебе, я смотрю, и горя мало, будто в доме все в порядке. Притащить нас сюда ты сумел, а дальше что? С утра где-то пропадал, вернулся только к полудню. Побеспокойся о работе, ведь всевышний не станет ломать крышу, чтобы в это отверстие спустить тебе подарок. Надо все-таки соображать, что так у нас ничего не получится.

Заметив, как изменилось настроение Сукхды со вчерашнего дня, Амаркант еще более помрачнел. Какой героиней выглядела она вчера и как, верно, жалеет сейчас, что ушла из дому!

— Я еще ни с кем не говорил, — ответил он сухо. — Сейчас иду искать работу.

— Схожу-ка и я к жене судьи-сахиба, поговорю с ней о работе. Раньше она относилась ко мне с большим уважением. Надеюсь, она еще не успела узнать о наших делах.

Амаркант ничего не ответил. Он чувствовал — настали дни суровых испытаний.

На базаре Амарканта знали все. Он легко договорился с купцом, торговавшим домоткаными товарами, и взялся за продажу вразнос кхаддара¹ и всевозможных изделий из него — сари, джемперов, рубаш, простынь и прочего добра. Хозяин обещал платить ему комиссионные. Взяв полученный товар на спину, Амаркант двинулся в путь.

¹ К х а д д а р — грубая домотканая хлопчатобумажная материя.

Лавочник удивленно остановил Амара:

— Что это ты делаешь, бабу-джи?! Возьми носильщика. Что подумают люди? Им это не очень понравится.

В душе Амарканта бушевала буря. Будь его воля — он и дня не дал бы жить всем этим богачам, всем, кто сделал жизнь адом! Сгибаясь под тяжестью своего груза, он упорно шагал вперед, как бы стремясь и здесь доказать, что есть политый потом хлеб все же лучше, гораздо лучше, чем роскошествовать на несправедливо нажитые деньги. Все вы — толстобрюхие тунеядцы! Косные, равнодушные! Вы считаете меня ничтожеством, потому что спина моя гнется под тяжестью клади. Но разве моя ноша более постыдна, чем груз вашего беззакония, вашей безнравственности, с которым вы не расстаетесь никогда, нимало не стыдясь этого?! Более того, вы даже гордитесь своим бременем!

Если бы в этот момент случай столкнул Амара с каким-нибудь богачом на узкой дорожке. — ого! — солоно пришлось бы богачу! Порох, электрический заряд — вот что представлял собой сейчас Амаркант.

17

Амаркант торговал дмоткаными товарами. Было уже часа три пополудни, дул знойный ветер, поднимая вихри пыли; в лавках дремали торговцы, во дворцах почивали правители, рабочие устраивались поспать под деревьями, а Амаркант с красным от зноя и усталости лицом и налитыми кровью глазами брел по улицам и переулкам, изнывая под тяжестью кхаддара.

Один адвокат, приподняв штору из кхаса¹, окликнул Амара:

— Эй, друг! Кто же так делает? Зачем муниципалитет позорите? Почему не кликнете носильщика? Безобразие!

Задыхаясь под тяжестью ноши, Амаркант ответил:

— От моего труда муниципалитету позора не будет. Больше срама принесут ему те, кто получает прибыль с помощью обмана и махинаций.

— Полно вам! Кто у нас занимается махинациями?

¹ К х а с — ароматическая трава.

Разве адвокаты, врачи, профессора, почтенные купцы имеют какое-нибудь отношение к обману?

— Об этом надо их спросить. Я не хулю никого.

— Но ведь вы с умыслом бросили эту фразу.

— Если вам так хочется знать мое мнение — я отвечаю. Они имеют отношение к махинациям, да еще какое! Если один человек может прожить на десять рупий, почему другому требуется десять тысяч? Да, это жульничество, и оно будет продолжаться до тех пор, пока народ не прозреет. Простите за резкое слово, но если один человек нежится под ветерком вентилятора в тени штор из кхаса, а другой изнывает под полуденным солнцем, то это и несправедливо и противозаконно — это бесчестно!

— Ну, большие и малые всегда были в этом мире и всегда будут. Вам, брат-сахиб, не удастся установить всеобщее равенство.

— Я не подрядился сделать мир более совершенным, но если справедливость хороша, она не становится хуже оттого, что люди не следуют ей.

— Это значит, что вы не верите в силу индивидуума, в силу отдельной личности. Теперь я вижу — вы сторонник коллективизма!

— Я не сторонник никаких «измов», а только жрец справедливости.

— Вы теперь совсем ушли от отца? — полюбопытствовал адвокат.

— Не век же мне с ним жить!

— Ну, хорошо! Посмотрим, чем вы торгуете.

Амар продал этому господину товаров на целых десять рупий.

В последнее время Амаркант стал раздражительным, колючим, строптивым. В любую минуту он готов был ринуться в бой. Меч его никогда не покоился в ножнах. И все же торговал Амар хорошо. Каждый день приносил ему рупию и даже рупию с четвертью.

Аскеты обычно бывают двух родов. Одни находят в отречении наслаждение, душа их обретает таким образом радость и полноту жизни; их самопожертвование исполнено благородства и великодушия. Другие — это те, кому слова отречения продиктованы отчаянием; их отречение от земных благ — лишь бунт, протест против сложившихся обстоятельств. За свои страдания на тер-

нистом пути правды они требуют искупления у всего мира; они казнятся сами и готовы казнить других. К последнего рода подвижникам принадлежал и Амар.

Здоровый человек возьмет в рот лист нима¹ лишь для того, чтобы поддержать свое здоровье. Он спокойно перетрет листья, не поморщившись выпьет настой. Но дайте то же лекарство больному — и он примет его с гримасой отвращения, громко кляня судьбу.

Жена судьи-сахиба помогла Сукхде устроиться в женскую школу на жалованье в пятьдесят рупий. Амаркант не высказывал своих мыслей, но в душе кипел от злости. Все заботы о доме — уход за сыном, приготовление пищи, покупка продуктов — легли теперь на его плечи. В хозяйственные мелочи Сукхда не вникала, однако ссоры между ними возникали по малейшему поводу. Стоило Амару произнести «стрижено» — жена отзывалась «брито». Даже теперь, когда жизнь так осложнилась, Сукхда по-прежнему продолжала командовать мужем. Если он говорил, что достаточно взять полсера² молока, Сукхда немедленно поправляла его — «нет, нужен целый сер», и, будьте уверены, покупала сер. Амаркант не пил молока, и это была одна из постоянных причин для ссор. Он говорил: «Мы — бедняки, рабочие, и нам следует жить, как живут рабочие». Сукхда же возмущалась: «Нет, мы не рабочие и никогда не будем жить, как они!» Амарканту жена представлялась помехой на пути его становления, и он исходил бессильной злобой от невозможности устранить эту помеху.

Однажды заболел малыш — у него начался кашель. Амаркант собрался отправиться с ним к гомеопату, но Сукхда, конечно, воспротивилась:

— Не вздумай брать ребенка — ты его совсем проstudiшь. Позови врача сюда — ведь он получит гонорар!

И вновь Амарканту пришлось покориться. Через три дня сынишка выздоровел.

Вскоре после того захворал лала Самаркант. Вот уже месяц как Амар не переступал порога родного дома. Не пошел он и теперь, когда узнал о болезни отца. Зачем? Умрет лала-джи или выздоровеет — не все ли

¹ Ним — дерево, листья которого используются в медицине.

² Сер — мера веса, равна 600—1000 граммам (в различных частях Индии).

равно Амарканту? Отец больше всего на свете любит свое богатство — пусть и наслаждается им. Разве ему нужен кто-нибудь?

Но Сукхда не вытерпела: захватив сына и Найну, она побежала к старику. Злой на жену и на весь свет, Амар остался дома.

Лала-джи никогда не ел ничего, приготовленного чужими руками. Несколько дней после ухода родных он питался одним молоком, потом — одними фруктами. Однако долго ли так могло продолжаться? Организм его требовал горячей пищи. Базары полны различной снеди, но где достать хотя бы обыкновенную кашу? Однажды лала-джи не удержался: сам приготовил себе обед и, на радостях, поел больше, чем следовало. И вот — засорение желудка, несварение, температура... Питаясь одними фруктами, старик еще раньше порядком ослабел, теперь же два дня болезни окончательно сломили его.

Увидев Сукхду, лала-джи запричитал:

— Зачем поспешила прийти, невестка? Подождала бы еще денька два-три, может чудовище, стерегущее свое золото, перестало бы, наконец, коптить небо! Этот негодник думает, что богатство мне дороже, чем дети. А для кого я его копил? Для себя? И зачем я породил своих детей? Зачем, прижимая к груди сына, который теперь стал мне врагом, обивал я пороги знахарей и лекарей, вайдов и хакимов?¹ Никогда не позволял я себе сладко поесть, хорошо одеться, а все ради кого? Иссушил свою душу скупостью, опозорил бесчестьем, убил лестью и ложью — и все для кого? Тот, ради кого я воровал, сегодня называет меня вором.

Сукхда стояла молча, опустив голову, и не вытирала катившихся по щекам слез.

Лала-джи продолжал:

— Разве я не знаю, что тот, кому всевышний дал руки, не нуждается в посторонней помощи? Не настолько уж я глуп! Но ведь заветное желание родителей — оградить своего ребенка от лишений. Да минуют его страдания, которые выпали на долю родителей, да защитит его судьба от ударов, павших на их головы, да не узнает он обо всех тяготах, перенесенных ради него!

¹ В а й д — врач, лечащий методами индийской народной медицины. Х а к и м — врач-мусульманин.

Пусть называют таких отцов стяжателями, эгоистами — им это безразлично. Но когда собственный сын отказывает отцу в уважении, подумай, что должно испытывать родительское сердце?! Тогда кажется — вся жизнь прожита зря! Тот великолепный дом, который был сложен любовно, по кирпичику, ради которого приходилось изнывать от зноя и дрогнуть под дождем, — тот дом рухнул, и кирпичи его лежат бесформенной грудой. Нет, не дом — это жизнь рухнула, вся жизнь погибла!

Взяв у Найны малыша, Сукхда положила его на кровать рядом с дедом и включила вентилятор. Мальчик большими смышленными глазенками глядел на усы старого дады. Считая, видимо, совершенно излишним оставлять на месте эти пушистые диковинки, он вознамерился выдрать их с корнем. Вцепившись обеими ручонками в усы, он потянул их к себе. Напрасно лала-джи повторял «кыш-кыш» — внук и не думал выпускать добычу из рук. Пожалуй, сам Хануман не проявлял такого упорства, когда уничтожал сады Ланки¹. И все же лала-джи не спешил вызволить свои усы из рук ребенка. Его угасавшие надежды, казалось, снова начали оживать, будто окропленные живой водой. Какая удивительная освежающая сила заключается в прикосновении ребенка!

Два дня не возвращалась Сукхда в свой новый дом, но Амаркант так и не зашел навестить отца. Вслед за Сукхдой ушла и Силло. Амар приходил по вечерам домой, готовил себе что-нибудь поесть и отправлялся в местное правление Конгресса или в Союз молодежи. Там он выступал на собраниях либо собирал взносы.

На третий день лала-джи встал с постели. Весь день Сукхда провела с ним, а вечером начала прощаться.

Поглядев на невестку теплым, полным признательности взглядом, лала-джи сказал:

— Если бы я знал, что ты пришла только затем, чтобы ухаживать за мной, я бы еще дней десять провалялся. Я ведь не хотел вам ничего плохого. Если что вышло не так, ты прости меня!

Сукхде от души хотелось пойти на примирение. Однако там, в новом доме, пришлось пережить такие трудно-

¹ Хануман, Ланка — как повествует «Рамаяна», царь обезьян Хануман, помогая Раме в борьбе со злым демоном Раваной, произвел большие разрушения на Ланке (Цейлоне).

сти, налаживание собственного хозяйства потребовало такого напряжения сил, что бросить все это так легко было просто невозможно. Кроме того, там Сукхда чувствовала себя полновластной хозяйкой. Весь дом подчинялся ей. Каждая мелочь в нем была ею продумана, являлась предметом ее гордости. Здесь же вещи были безлики. И, несмотря на то что дом свекра был полной чашей, здесь ее чувство собственности не получало такого полного удовлетворения. Но разве скажешь все это даде-джи?

И Сукхда решила слукавить:

— Да что вы, дада-джи! Мы — ваши дети, если вы считаете нужным поучить нас или побранить — это нам же на пользу. Я бы сейчас ни за что не ушла, но если я вернусь одна, без Амара, подумайте сами, что скажут люди?! Как только смогу, я всех перетащу сюда. Ведь покуда человек не споткнется, у него глаза не откроются. А пока я каждый день буду приходить к вам и что-нибудь готовить. Когда Найна забежит, когда я...

С этого дня жизнь Сукхды вступила в новую колею: утром она бежала к лале Самарканту готовить, затем возвращалась домой, обедала и уходила к себе в школу. После полудня, когда Амаркант собирался в город продавать свой кхаддар, она, прихватив Найну, вновь отправлялась к старику и проводила с ним часа два-три. В те дни, когда необходимо было навестить Ренуку-деви, Сукхда посылала к лале-джи Найну. Заносчивость молодой женщины как рукой сняло, пламя гнева остыло. Она не могла видеть страданий старого отца.

Единственное, что приводило теперь Сукхду в состояние неистовства, была работа мужа. Торговать кхаддаром, таскать на голове тюки материи! Не однажды из-за этого между супругами возникали ссоры, но Амаркант всякий раз проявлял такое непоколебимое упорство, что Сукхда, наконец, отступилась. Но однажды на улице она увидела, как Амар, навьюченный кхаддаром, торговался с одной жительницей их квартала. От стыда Сукхда готова была провалиться сквозь землю.

Как только Амар явился домой, Сукхда набросилась на него:

— Говорят, ты заделался великим искателем истины. Ты как, думаешь другим что-нибудь оставить, или сам совершишь все подвиги? Люди давно поняли великое значение труда, ничего нового ты им не скажешь. Пре-

кратил бы ты, наконец, таскать на себе тюки. И как только не стыдно! Ведь от тебя зависит и мое доброе имя. Ты не имеешь права так позорить меня.

Амар сразу же бросился в битву:

— Что касается моих прав, я прекрасно знаю их границы. Расскажи лучше, где кончаются твои права!

— Я не делаю ничего такого, что могло бы навлечь на тебя позор.

— Ты, конечно, можешь мне не верить, но если моя работа бросает на тебя тень, то и твои занятия в школе порочат мою репутацию.

— Ну если у тебя какие-то особые веса для определения степени честности и бесчестья, то я бессильна.

— Я не желаю быть рабом общественного мнения. Если тебе так нравится это иго, наслаждайся им в свое удовольствие. Но меня принудить ты не можешь.

— Хорошо, представь, что я брошу работу. По-твоему, на ту рупию или двадцать ан, что ты приносишь, мы сможем вести хозяйство?

— Насколько мне известно, в нашей стране девяносто процентов людей вынуждены существовать на еще меньшую сумму.

— Ну, а я не принадлежу к этим девяноста процентам. Я из числа оставшихся десяти. Предупреждаю в последний раз: больше такого позора я терпеть не намерена. Если ты не прекратишь таскать на себе тюки, я своими руками сброшу твой товар на землю. Все, больше разговаривать на эту тему я не желаю.

Прошло уже целых полтора месяца с тех пор, как Амаркант в последний раз видел Сакину. Не проходило дня, чтобы он не думал о ней, но вырваться из водоворота повседневных дел не было возможности. После первых двух недель разлуки его стала мучить совесть — а что, если Сакина спросит: «Почему ты так долго не приходил?» Что он ответит? Стыд не позволял ему показываться на глаза Сакине, и так прошел еще месяц. Наконец он получил открытку: Сакина спрашивала о его здоровье, просила, если он не занят, зайти сегодня вечером хоть на десять минут — бабушка собирается в гости, и они смогут поговорить свободно.

Ох, как опостылела Амарканту жизнь в семье! События последних полутора месяцев убедили его, что с Сукхдой он никогда не будет счастлив. Он — человек сформир-

ровавшийся, ни о каких переменах в его характере не может быть и речи; Сукхду тоже не изменить. Откуда же им ждать счастья? Они — муж и жена, но пути у них разные, так же как и идеалы и чувства. Он не втопчет свою жизнь в грязь во имя соблюдения брачного договора, не может он поступиться из-за этого своим духовным ростом. Разве человек живет только для того, чтобы есть, работать ради денег и умирать?

В этот день Амаркант не пошел в правление Конгресса. Ему предстояло разрешить самый наболевший вопрос своей жизни — больше откладывать он не мог.

Чего бояться? Позора? Слепцы стремятся наградить зрячих своей слепотой, люди с ограниченным кругозором всегда рады осмеять того, кто пошел по новому пути, — это в порядке вещей. Амар выбрал для подарка два сари из кхаддара и помчался к Говардхан-сарая.

Сакина ждала его. Едва лишь Амар звякнул цепочкой, как дверь открылась и девушка схватила его руку.

— Совсем забыл меня! — взволнованно проговорила она. — И это, по-твоему, любовь?!

Амаркант смущенно оправдывался:

— Не сердись на меня, Сакина. Мысли о тебе ни на мгновение не покидали меня, но у меня были такие осложнения!

— Я знаю, бабушка рассказывала. Мне не верилось, что ты мог уйти от отца. А потом я услышала, что ты торгуешь кхаддаром, таскаешь на голове тюки. Я бы никогда не допустила такого! Лучше бы я сама носила за тобой этот груз. Подумай, я здесь бездельничаю, а ты маешься. У меня сердце обливается кровью.

Милые, душевные слова! Сколько в них нежности и любви! Слетали ли когда-нибудь такие слова с уст Сукхды? Нет, эта женщина умела только повелевать. Амаркант почувствовал, что ласковые речи Сакины вливают в него новые силы. Тяжесть? Да он мог сейчас взвалить на себя четыре таких тюка! Но смеет ли он причинять боль любящему сердцу Сакины? Отныне он не прикоснется к тюкам!

Амаркант приступил к исповеди:

— Отец — себялюбец; душа изныла от его попреков! Он, видно, думал, что я зарюсь на его богатство. Я должен был доказать ему и его братьям, что меня не испугает никакая тяжелая работа, а богатство его мне

не нужно. Сукхда вначале держала мою сторону — ушла из дому вместе со мной. Но тут недавно отец распустил слух о своей болезни, и она пошла проводить его. Теперь она по два раза в день бежит к нему стряпать.

— А разве это плохо? — просто спросила Сакина. — Старый человек остался совсем один; что дурного в том, что невестка заботится о нем? Я лично только больше уважаю ее за это.

Амар не мог скрыть своего раздражения.

— Ты думаешь, это благородство души? — саркастически сказал он. — Нет, дорогая, это — денежки! Да, да, можешь мне поверить! Откуда, скажи на милость, у человека, который даже из чувства приличия не спросит «как ты живешь», появилась вдруг такая чуткость? Богатство — вот что манит Сукхду в дом отца. Я устал от этой бесконечной лжи, Сакина. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Меня все время не оставляет навязчивая мысль — бросить все и бежать, бежать! Найти такое место, где люди не потеряли человеческого облика. Сакина, сегодня тебе придется принять решение. Прошу тебя, уйдем отсюда, подальше от этого эгоизма и себялюбия! Сложим где-нибудь хижину и будем жить там трудами своих рук. Быть всегда с тобой — вот все, что мне нужно. Душа моя жаждет любви, но не такой, которая заслонит собою жизнь и заставит застыть в уединении; нет, в любви, к которой я стремлюсь, само уединение должно сделать душу большой и широкой, как мир. Я хочу любви, полной желаний и наслаждений. Я должен сам чувствовать на губах пряный вкус вина, а не довольствоваться фантазиями поэтов.

Произнеся эту тираду, Амар привлек девушку в объятия, но... внезапно распахнулась дверь, и в комнату вошла старая патханка. Сакина мгновенно отпрянула в сторону, отступил и Амар.

И тут же в голове Амарканта блеснула спасительная идея.

— Куда это вы ходили, матушка? — спросил он. — А я принес вам сари. Вы, наверное, слышали — теперь я торгую кхаддаром.

Но патханка не протянула руки за свертком. Ее сухое, сморщенное лицо пылало. Казалось, каждая морщинка на нем дышала жаром. Бесцветные, давно угасшие глаза метали пламя.

Обратив к Амару этот горящий взгляд, она проговорила:

— Приди в себя, парень! Здесь нет охотников до твоих сари — отнеси их своей жене, одень в них сестру. Я сочла тебя благородным человеком с чистым сердцем и рассказала тебе о нашей горькой доле. Откуда мне было знать, что сын порядочного отца окажется подлецом? Не раскрывай рта, уйди молча, иначе я выцарапаю твои бесстыжие глаза! Где это ты набрался наглости? Да стоит мне крикнуть — и сюда сбежится весь квартал. Мы — бедняки, мы убиты горем, у нас иной день и сухой корки нет, а знаешь почему? Потому что превыше всего мы ставим честь. Бойся посягнуть на нее! А теперь убирайся вон!

Паралич, горный обвал, удар молнии — все возможные и невозможные беды разом навалились на Амара. Слова патханки отшибли у него и чувства и разум. Решение приходит на помощь тому, у кого ясна голова; Амаркант уподобился каменному истукану. С минуту простоял он так, без мысли, без движения. Затем взял сверток с сари и, понурив голову, словно раненое животное, неверной походкой направился к двери.

Сакина схватила его руку и заплакала.

— Бабу-джи, я тоже иду с вами! — проговорила она сквозь рыдания. — Пусть те, кому так мила их честь, сами нянчатся с ней... А я проживу и без чести.

Амаркант осторожно высвободил руку и тихо сказал:

— Будем живы, Сакина, встретимся. А пока — прощай. Сейчас я ничего не могу решить...

Он на мгновение задумался, затем сунул свой злополучный дар Сакине и вышел.

Задыхаясь от слез, девушка спросила:

— Когда же... придешь?..

Амар, обернувшись на ходу, бросил:

— Тогда, когда в этом доме перестанут считать меня подлецом и негодяем.

Амаркант ушел, а Сакина все продолжала стоять на пороге, со свертком в руках, пристально вглядываясь в темноту.

— Войди в дом! — зашипела старуха. — Что ты там застряла в дверях? Видно, мало тебе позора. Что дальше думаешь делать?

Сакина гневно взглянула на нее.

— Побойся греха, бабушка! Зачем чернишь хорошего человека? Не стыдно тебе осквернять свой рот подобными словами? Хорошо же ты платишь за его доброту! Поищи среди людей — днем с огнем не найдешь такого благородного человека!

— Молчи, срамница! — грозно прикрикнула старуха. — Стыда-то нет — только языком молотить умеешь! Будь у нас в доме мужчина — не сносить бы вам головы, уж ты мне поверь! Сейчас же иду, расскажу все лале. Пить-есть не буду, пока не выживу из города этого прохвоста. Всю жизнь ему сломаю!

Сакина твердо сказала:

— Сломаешь его жизнь — и моя рухнет. Пойми, наконец, это.

Но тут старуха схватила ее за руку и рванула с такой силой, что девушка чуть не упала. Воспользовавшись этой заминкой, старая патханка выскочила наружу и закрыла дверь на цепочку.

18

Амар миновал проулок и вышел на большую улицу. Куда теперь? Сейчас патханка пойдет к отцу. Сколько будет шуму! Какая сумятица поднимется! Одни будут вопить о вере, другие — скорбеть о чести. Обман, лукавство, предательство, лихоимство — все прощается; больше того, — все восхваляется! Господа, творящие все эти беззакония, ведут за собой общество. Перед развратниками и завсегдатаями публичных домов падают ниц, а любви от сердца, любви простодушной и не прикрытой лукавством они не простят, они ее растопчут! Нет, в семью Амару возврата нет. Отныне двери дома закрыты для него. Да и был ли когда-нибудь у него дом? Только место, где можно поесть, поспать... Разве кто-нибудь любил его там?

Вдруг Амаркант остановился. Сакина! Она хотела уйти с ним, почему же он не взял ее? Конечно, поднялся бы вопль, крики, люди рвали бы на себе волосы, проклинали... Но ведь он шел на это, он этого хотел! Да, то, что издали он принимал за холмик, оказалось горой, и Амар понял, что гору эту ему не одолеть. По всей

стране завоюют: «Член муниципалитета убежал с девушкой-мусульманкой!» Его имя будут трепать повсюду. Отец, наверное, отравится, а недруги будут ликовать и бить в ладоши. Ему вспомнился один герой Толстого, который осмелился бежать от общества со своей возлюбленной. Какой страшный конец постиг этих людей! Подобные истории всегда вызывали у Амарканта отвращение. Как прекрасен скелет, облаченный плотью, и как омерзителен он в обнаженном виде! Эти слухи, отменяя прочь все красивое и привлекательное, выпячивают лишь самое ужасное. Нет, путь домой Амарканту закрыт.

Неожиданно в памяти его мелькнул образ сына — яркий луч во мраке жизни... Душа Амара рванулась к этому лучу. Милое лицо, словно живое, встало перед ним.

— Амаркант, ты что здесь делаешь? — послышалось рядом.

Он обернулся. Салим!

— Откуда ты? — спросил Амар.

— Ходил на базар. Ты что тут торчишь? Верно, свидание?

— Нет, я уже оттуда. Беда стряслась, брат. Шайтан принес эту старуху, она такого мне наплела — язык не повернется повторить!

Друзья пошли вместе. Дорогой Амар посвятил Салима в подробности своих злоключений.

— И ты теперь не хочешь возвращаться домой? — удивился Салим. — Что за глупости! Пусть себе старуха бушует, мы все будем защищать тебя, как честного человека. Но все-таки ты дурак. Что я тебе говорил? Туда же — не умеет заговорить и скорпиона, а сует палец в рот змее! Предупреждал я тебя, чтобы ты не шатался туда? Вот и получилось по-моему. Счастье еще, что старуха не кликнула соседей, иначе тебе несдобровать бы.

— Ладно, все что ни делается — к лучшему, — философски заключил Амар. — Теперь я хочу одного — убраться как можно дальше отсюда, заползти в какую ни на есть дыру и пахать землю. Вот и все мои планы. Я познал людей, и на душе тошно стало.

— Но куда же ты пойдешь?

— Не знаю. Куда укажет судьба.

— Хочешь, я схожу к старухе, объясню ей?

— Не надо. Такова уж, видно, моя участь. Никогда

я не знал счастья и, наверное, теперь не узнаю. Если суждено умереть в слезах, то плакать везде можно.

— Идем сейчас ко мне, позовем доктора-сахиба и устроим совет. Подумаешь, обругала какая-то старуха, и теперь надо бежать из дому! Сколько я слушался такой брани, а я и внимания на нее не обращал!

— У меня из ума не идет Сакина. Теперь старуха загрызет ее насмерть.

— Далась тебе эта Сакина! Да что тебя так восхищает в ней?

Прижав руки к груди, Амар проговорил:

— Как тебе объяснить, брат? Эта девушка — сама богиня чистоты и верности. Одному богу известно, как мог в такой лачуге родиться алмаз. В моей горькой жизни были светлыми лишь те немногие мгновения, которые я провел с ней. Прошу тебя, позаботься о ней. Сейчас я еще сам не могу разобраться в себе. Не знаю, справлюсь ли со всем этим... Я словно в лодке, которая плывет неведомо куда, может быть, прибьется к какому-нибудь берегу, а нет — погибнет в пучине волн. Одно только я знаю твердо: наш мир — не царство праведного бога. Люди не получают от жизни всего, что им причитается. Наоборот, их обкрадывают. Мы — в цепях, не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой. Нам бросают подачку и говорят: «Довольствуйся ею, это тебе на всю жизнь». А вера существует для того, чтобы заставить нас смириться и не желать ничего другого, смириться даже в том случае, если мы ненавидим это «нечто», данное нам судьбой. Если же — упаси бог! — мы посмеем избрать себе иной путь, нас душат, нам сворачивают шею. И это называется справедливостью! Нет, я не в силах жить в этом мире!

Салим пожал плечами: •

— Зря ты придумываешь себе мучения! Ведь у тебя не две жизни. Дом ломится от денег, отец отдает вам душу, жена — сущая пари, а ты бросаешь все ради мусульманской девчонки. Безумие! Как бы мы ни бунтовали — конец-то один. Ты успокойся с именем Рамы, я — с именем аллаха.

— Если бы моя жизнь была хоть немного похожа на твою, я, верно, тоже держался бы твоих мыслей, — печально возразил Амар. — Но я — дерево, которому вечно недоставало влаги. В детстве, как никогда, чело-

веку нужна любовь. Орошай юное растение, и корни его укрепятся, оно станет жизнеспособным, лиши его заботы — и оно зачахнет. Моя мать умерла как раз тогда, когда мне была необходима ее любовь, и с тех пор душа моя вечно томится жаждой. Я без раздумья брошусь туда, где мне померещится хоть проблеск любви, — так диктует непреложный закон природы. Пусть меня обвиняют, пусть называют преступником, я обвиняю самого бога!

— Идем-ка перекусим, — прервал друга Салим. — Так на какой же срок ты обрекаешь себя на изгнание? Друзья уже входили в комнату Салима.

— А кому я здесь нужен? — ответил Амар. — Кто будет тосковать обо мне? Отец внимания на меня не обращает, верно, даже рад будет, — хорошо, мол, что пронесло беду! Сукхду передергивает от одного моего вида. Ты — единственный мой друг. Изредка буду заглядывать к тебе. Если бы была жива мать — меня держала бы ее любовь. Разве тогда жизнь так сложилась бы? Самый несчастный человек на свете тот, кто потерял мать.

Под наплывом этих скорбных мыслей Амар зарыдал. Ему вдруг вспомнилось давно забытое, ни с чем не сравнимое ощущение счастья, которое охватывало его некогда, давным-давно, когда мать, утешая своего плачущего сынишку, брала его на руки и он прижимался лицом к ее груди.

Салим вышел в другую комнату, потихоньку вызвал слугу и велел ему немедленно бежать к лале Самарканту.

— Скажи: «Амар собирается бежать, приходите скорее». Живо возвращайся вместе с ним. Если хоть на минуту замешкаешься — убью!

Затем, вернувшись к гостю, он снова завел разговор:

— Но подумал ли ты, что станется с Сукхдой-деви? Представь себе, что и она заведет дружка — тогда уже не обижайся!

Что за нелепое предположение! Амаркант решительно сказал:

— Индусская женщина не позволит себе такого бесстыдства!

Салим засмеялся:

— Ну вот, добрались и до индуизма! Полно, брат, в таких делах нечего делить людей на мусульман и ин-

дусов. У каждого человека своя натура; порядочные женщины, как и потаскушки, встречаются и у тех и у других. Да к тому же твоя жена — женщина нового склада, образованная, со свободными взглядами. Она бывает на людях, в кино, читает газеты и романы — спаси нас бог от таких женщин! Вот уж благословение Европы! Чего только не позволяют себе нынешние «порядочные» — всего-то им мало! Раньше инициатива была в руках мужчин — они вели осаду. Теперь времена переменялись — женщины пустились во все тяжкие.

— Об этом пусть беспокоятся те, чья жизнь изобилует радостями, — с холодным цинизмом заметил Амар. — Тем же, кого она обошла, беспокоиться нечего. Пусть всякий наслаждается как умеет. Я сам свободен и не желаю ввергать в рабство никого из своих ближних.

Салим почувствовал себя побежденным.

— Хватит, дошли до точки! — сказал он. — Тогда ни к чему превозносить женскую натуру. У меня кровь закипает при одном воспоминании обо всех этих словословиях!

— У женщин, верно, тоже закипает кровь при воспоминании о неверных мужчинах!

— Полегче, полегче, дорогой! Разница между женской и мужской натурой определяется различием в их физическом строении, в их душевных эмоциях. Женщина создана, чтобы принадлежать одному, мужчина — чтобы быть свободным.

— Эгоистическая теория мужчин!

— Нет, брат, это суровая правда жизни.

Спор разгорался, одна тема сменялась другой. Обсудили вопросы брака, проблему безработицы. Наконец подали ужин, и молодые люди сели за стол.

Не успели они проглотить и двух кусков, как вошел слуга и доложил, что лала Самарканд тотчас будет здесь.

Амар мгновенно вскочил, наскоро прополоскал рот и сунул под стол поднос с едой.

— Откуда отец узнал, что я у тебя? — тревожно спросил он. — Прошло еще так мало времени... Видно, старуха поспешила раздуть огонь!

Салим улыбался.

— Это, кажется, твои штуки! — нахмурился Амарканд. — И для этого ты привел меня сюда? Что из этого

получится? Меня только понапрасну опозорят. Но тебе-то от этого что за корысть? Так мог поступить только лютый враг!

Послышался стук подъезжающей тонги, и через минуту в комнату вошел лала Самаркант. Салим нерешительно взглянул на старика, как бы спрашивая «мне остаться или выйти?»

— Что ты всполошился, дружок? — поймав его взгляд, сказал лала-джи. — Садись. Ведь мы с твоим отцом, Хазифом-джи, старые приятели, такие же, как и вы с Амаркантом. Что нам от вас таиться? Я все знаю, лаллу¹, — обратился он к сыну. — Старуха притащилась ко мне вся в слезах. Я ее отругал, сказал, что не верю ей. Разве станет мужчина, у которого жена — сама Лакшми, гоняться очертя голову за ведьмами? Но если что и произошло, не нужно волноваться, сынок. Ошибка может случиться со всяким. Сунем старухе две-три сотни, пристроим девушку замуж в хороший дом — вот и вся недолга. Стоит ли бежать из дому и устраивать барабанный бой на весь город! Обо мне ты, конечно, можешь не думать, но всевышний наградил тебя потомством — подумай, скольких ты обездолишь, уйдя из дома! Ведь женщина — только женщина. У тебя есть сестра — она умрет с тоски; есть и Ренука-деви — только из любви к вам она покинула на старости лет насиженное гнездо и очутилась здесь. Если тебя не будет с нами, она заберет Сукхду и уедет — тогда мой дом совсем осиротеет, я останусь один. Салим, сынок, верно я говорю? Что было — то прошло, впредь будешь осторожнее. Ты сам — разумный человек, сын мой, что мне тебя учить? Душу надо привязать на веревочку долга. Дашь сердцу волю — заведет в неволю. Всевышний одарил тебя всем. Займись немного домом, немного — другими делами. Жизнь коротка, прожить ее надо шутя и играя. Что пользы погибать в скитаниях?

Амару казалось, что он слышит бред сумасшедшего: «Итак, сегодня ты пустился на новую хитрость — хочешь соблазнить меня сладкими речами? Ты, и только ты испортил мою жизнь! Именно тебе обязан я всеми горестями сегодняшнего дня. Ты никогда не позволял мне считать родной дом своим, а теперь хочешь превратить

¹ Л а л л у — мальчик, сынок.

меня в вола, который будет крутить жернова на твоей мельнице». Амаркант настолько не уважал отца, что, несмотря на всю свою подавленность, несколько раз даже пытался прервать его речь.

Едва лала-джи умолк, сын дерзко сказал:

— Дада, однажды в вашем доме жизнь моя уже была надломлена, сейчас я не хочу сломать ее окончательно. Человек создан не только для того, чтобы медленно идти к смерти, и стяжательство — не цель жизни. Положение, в котором я очутился, стало для меня невыносимым. Теперь я решил начать новую жизнь, жизнь, в которой труд не будет считаться постыдным, где жена не станет тащить мужа вспять к гибели, а наоборот, принесет ему радость и счастье. Я больше не хочу оставаться рабом традиций и условностей. У вас я всегда должен буду бороться с преградами, и на эту мелкую борьбу уйдет вся моя жизнь. Можете ли вы от чистого сердца обещать мне, что в вашем доме найдется место и для Сакины?

Лала-джи ошеломленно уставился на сына:

— Сакины... В качестве... кого?

— В качестве моей жены.

— Нет, и еще раз нет — сто раз нет!

— Что ж, значит, и для меня в вашем доме нет места.

— Больше тебе нечего сказать отцу?

— Нет.

Лала Самаркант встал и, опустив голову, побрел к дверям. На пороге он обернулся и спросил:

— Может быть, скажешь, куда думаешь направиться?

— Пока и сам не знаю.

— Ступай, всевышний да пошлет тебе счастье. Если когда-нибудь будешь терпеть нужду, не стесняйся — напиши.

— Постараюсь не доставлять вам хлопот.

На глаза старика навернулись слезы.

— Уходи, не сыпь соль на раны, лаллу! — горестно сказал он. — Не уважаешь ты отцовского сердца. Хоть бы писал мне изредка! Ладно, ты не хочешь сам прийти ко мне, не препятствуй хоть мне иногда навещать тебя. Там, где будешь жить, — живи счастливо, таково мое родительское благословение.

Часть вторая

1

На севере, среди горных кряжей, раскинулась прелестная деревушка. Перед ней, звеня и смеясь, бежит Ганг. Здесь река подобна юной девушке, которая скользит по жизни, танцуя и напевая. Сзади, будто ушедший в созерцание йог, высится гора темная, поросшая мхом. Деревушка — словно светлое воспоминание

горы о невозвратно ушедших веселых днях детства или о сладких грезах юности. И поныне память об этих днях живет в ее сердце.

В деревушке домов двадцать — двадцать пять. Стены домов сложены из камня, соломенные крыши на них еле держатся, двери завешены циновками. В этих голубятнях с незапамятных времен ютятся крестьяне под одной крышей со своей живностью — быками и коровами, овцами и козами.

Однажды вечером в деревне появился юноша — смуглый, худой, в грубой рубаше, дхоти и тяжелых кожаных башмаках. За спиной у него болталась кружка, под мышкой он держал какой-то сверток.

Юноша обратился к старой крестьянке:

— Скажи, бабушка, найдется ли здесь ночлег для путника?

Старуха, придерживая на голове вязанку дров, гнала из леса корову — как видно, свою ровесницу. Она приостановилась и окинула странника хмурым взглядом: лицо взмокло от пота, на волосах толстый слой пыли, в глазах голодный блеск — будто человек этот потерял судьбу.

— Да ведь зесь живут только райдасы¹, сынок, — сочувственно проговорила старуха.

Уже несколько месяцев бродил Амаркант от деревни к деревне. Позади осталось около пятидесяти селений и деревушек. За это время Амар перевидал много людей, немало появилось у него помощников и даже почитателей! Изнеженный горожанин превратился в высохшего под солнцем бродягу. Но зато он стал вынослив — зной и пекло, буря и дождь, голод и жажда были ему теперь нипочем. Это подвижничество закалило его силы для грядущих свершений.

Простота и сердечность крестьян, их любовь к людям, их простые радости восхищали Амара. Яростный протест вызывали в нем злодеяния, которые что ни день обрушивались на головы добрых и простодушных людей. Здесь и в помине не было того покоя, надежды на который всегда влекли Амара к сельской жизни. Душа юноши бунтовала против беззаконий, с которыми ему пришлось здесь столкнуться.

¹ Райдасы — член касты кожевников (одной из низших каст).

— Я знать не хочу все эти касты-масты, бабушка! — смиренно сказал Амар. — Справедливый человек, будь он хоть чамаром, всегда достоин уважения. А лгуна, обманщика, хитреца уважать не стоит, даже если он родился брахманом. Давайте-ка сюда дрова, я до-несу.

Он снял с головы своей спутницы вязанку и водружил ее на собственную голову. Благословив его, старуха спросила:

— Куда путь держишь, сынок?

— Да так — бреду куда глаза глядят, — питаюсь тем, что подадут. Так как же насчет ночлега, бабушка?

— Да разве жалко места, сынок? Переночевать можно и в храме — на полу. Тебя, верно, какой-нибудь святоша сбил с толку? Один из моих сыновей тоже попал в сети такого проходимца: как ушел, словно в воду канул. А зачем? Женился бы, детей растил...

Вот и деревня. Откинув циновку, прикрывавшую вход в одну из лачуг, старуха сказала:

— Дрова клади сюда. Устал? У меня есть немного молока, попей-ка. Весь скот передох, одна только эта корова и осталась. Толку от нее чуть — пао¹ с трудом на-даиваю. Да и откуда взяться молоку: бедняжка никогда не ест досыта!

Амар почувствовал, что не вправе отвергнуть дар, предложенный с таким радушием. Он последовал за старухой в лачугу, и вновь душа его заныла от щемящей боли: казалось, нищета вопила здесь во весь голос, бия себя в грудь. А высшее общество утопает в роскоши, оно может жить только в особняках, ездить лишь в автомобилях! Почему, почему этот мир до сих пор не разрушен?

Старуха подала гостю бронзовую чашку с молоком, а сама, подхватив кувшин, собралась по воду. Амар задержал ее:

— Я сам принесу воды, бабушка. Веревка у колодца?

— Что ты, сынок, куда ты пойдешь! Попросился ночевать, а я тебя погоню за водой?!

Не слушая протестов старой крестьянки, Амар отобрал у нее кувшин и отправился к колодцу. Старуха в смущении поплелась следом.

¹ Пао — мера веса, около 250 граммов.

У колодца толпились женщины. Одна из них, молодая, увидав Амара, спросила:

— У тебя гость, бабушка Салони?

Старуха рассмеялась:

— Не был бы гостем, так разве пошел бы за водой? У тебя часто бывают такие гости?

Молодая женщина искоса взглянула на Амарканта.

— Наши гости по воду не ходят, бабушка, — сказала она. — Такого славного гостя и я с удовольствием приютила бы.

У Амара захватило дух: в молодой женщине он узнал Мунни, ту самую Мунни, которую оправдали по делу об убийстве. Сейчас она уже не производила впечатления бессильной и затравленной. Тело ее округлилось и приобрело здоровую крепость, лицо сияло простодушной улыбкой.

Зерно жизни — радость; она не хочет помнить о прошлом. Мунни, видимо, не узнала Амара, слишком уж он изменился. Избалованный городской юнец превратился в деревенского поденщика.

Амар смущенно сказал:

— Я не гость, деви, я странник. Сегодня забрел к вам. Пожалуй, я гость всей деревни.

Мунни улыбнулась:

— Ну, тогда тебе легко не отделаться: придется на-таскать кувшинов двести! А пока — давай-ка сюда кувшин. Верно, бабушка?

Мунни взяла из рук Амарканта кувшин, ловко затянула его веревкой и мгновенно наполнила водой.

Когда Амаркант отошел со своей ношей, Мунни обратилась к Салони:

— Этот парень из порядочной семьи, бабушка. Заметила, как он застеснялся? Возьми у меня маринованных овощей. А мука и другие припасы у тебя найдутся?

— Баджра¹-то есть, а пшеничную откуда взять?

— Я принесу. Хотя лучше пойдем со мной сейчас, а то закручусь с хозяйством и забуду.

Прошло три года с того дня как сын старосты принес бездыханную Мунни в дом своего отца. Юноша нашел ее на отмели, у излучины реки. Бедная женщина с неделю лежала без памяти. Староста на чем свет ругал сы-

¹ Б а д ж р а — сорт проса, мука из этого проса.

на — зачем он притащил в дом эту падаль? Юноша всеми силами старался вернуть женщину к жизни. Мунни стали лечить. Докторов и вайдов здесь и в помине не было, люди обычно надеялись на судьбу да на милость всевышнего. Прослышали о каком-то знахаре — большой знаток врачевания, покойников оживляет! Решили пригласить его. Близился вечер, но юноше не терпелось пуститься в путь за знахарем. Отец советовал отложить до утра. «Не горит ведь, и завтра поспеешь». Сын, конечно, не послушал отца и отправился в тот же вечер. Нужно было переправиться через Ганг. Река вздулась, вышла из берегов, однако юношу это не смутило: «Эко горе, — переплыву, не впервой ведь. Да и не так уж тут широко!» Он смело бросился в воду, но не рассчитал сил, не смог противостоять быстрому течению, и на другой день труп юноши нашли на камнях в двух косах от деревни. Сын старосты погиб, а Мунни выжила. Она осталась жить в деревне, в доме старосты. Здесь ее уважали, любили. Женщина из высокой касты тхакуров забыла про все запреты и среди неприкасаемых, сама обратившись в неприкасаемую, нашла счастье и радость. Она сделалась хозяйкой в доме. Вся женская работа вне дома легла на ее плечи, с домашними делами управлялись обе невестки. Дом этот стал для Мунни родным. Староста почитал ее за старшую невестку.

Мунни привела Салони к себе в дом, подала ей поднос и принялась заполнять его всевозможной снедью: мукой, маринованными овощами и фруктами, кислым молоком. Старуха была в замешательстве: как же ей возвращаться домой с этим подносом? Ведь гость сидит у двери. Что он подумает? «Вот, — скажет, — в доме и муки нет». Надо бы подождать, пока станет совсем темно, тогда уж и идти.

— О чем задумалась, бабушка? — спросила Мунни.

— Да вот хочу обождать, пока еще малость стемнеет, тогда и пойду. А то — что гость-то скажет?

— Иди, иди, я провожу тебя. Что подумает, то и скажет, не к богачам пришел. Увидишь — он и хлебу из баджры рад будет, к пшеничному и не притронется.

Подойдя к домику Салони, женщины увидели, что гость подметает мусор перед дверью. Много месяцев, видно, не наведывалась сюда метла. Сейчас площадка перед домом имела такой вид, словно по давно не чсан-

ной голове нежданно-негаданно основательно прошлись гребнем.

Старуха, взяв у своей спутницы поднос, юркнула за циновку. Мунни остановилась подле Амарканта.

— Если ты и дальше собираешься так гостить, то, пожалуй, никогда не уйдешь от нас, — сказала она и отобрала у него метлу.

— А ведь верно, хорошо стало, как подмели? — заметил Амаркант, старательно сгребая мусор ногой.

— Завтра уйдешь и не вспомнишь о нас, — печально проговорила Мунни. — Можно ли верить пришельцу. Больше небось и не заглянешь сюда?

— Если доведется когда-нибудь быть в этих краях, обязательно навещу вас. Такой красивой деревни мне никогда не приходилось видеть. Река, горы, лес — во всем какая-то особая прелесть. Душой бы рад остаться здесь, не тащиться дальше.

— Так почему бы не остаться? — Мунни с любопытством глянула на собеседника.

Затем, немного поразмыслив, она сказала:

— У тебя, наверное, есть родные, разве они позволяют тебе жить с нами?

— У меня нет никого, кто бы тревожился обо мне. Я один на свете.

— Так оставайся, — повторила Мунни уже более настойчиво. — Кто твои родные?

— Я забыл об этом, невестка. Кто приветит, кто накормит — тот и брат.

— Завтра загляни к нам. А не хочешь — можешь уйти и так...

Когда Амаркант вошел в лачугу, он увидел, что старуха растапливает печь. Сырые дрова никак не хотели разгораться, и Салони тщетно пыталась раздуть пламя своим беззубым ртом.

— Куда идешь, здесь дымно! — крикнула она Амарканту. — Возьми циновку и посиди на воле.

Амар подошел к печке.

— Отойди-ка, бабушка, я сам растоплю.

Салони напустила на себя материнскую строгость:

— Ну что ты здесь торчишь? Ни к чему мужчине околачиваться в кухне.

Старая женщина боялась, как бы гость не разглядел баджру. Ей так хотелось не ударить в грязь лицом, по-

казать: «И я, мол, ем пшеничный хлеб!» Но как Амар мог разгадать эти тайные мысли?

— Тогда давай мне муку, я замешу тесто,— предложил он.

— Да что ты за парень? — возмутилась старуха. — Никак тебя не выгонишь!

Старой крестьянке вспомнилось, как когда-то она плакала на ораву ребятишек — ее собственных детей, которые без конца вертелись под ногами, пищали. Сегодня опустевший дом озарен светом молодости, завтра здесь снова воцарится тьма и безмолвие. Откуда же эта материнская нежность к чужому парню? Старуха не забывала, что он чужой, что никто не знает, откуда он пришел, куда уйдет завтра. Но простое, бесхитростное, будто сыновнее отношение Амара, его желание помочь ей, стремление исполнить любую работу — все это вдруг оживило угасшие материнские чувства, словно голоса давно утраченных детей каким-то чудом коснулись ее слуха.

В лачугу вошел мальчик — он поставил на пол фонарь, сбросил с плеча свернутый коврик и присел у порога.

— Откуда ты принес коврик? — спросил его Амар.

— Это тетя вам прислала. Та тётя, которая только что была здесь.

Амар ласково погладил его по голове.

— Так ты ее племянник? Признайся, твоя тетя полагивает тебя?

Мальчик замотал головой:

— Никогда! Она со мной играет. А Дурджана она и знать не хочет — он такой озорник!

Амаркант засмеялся.

— Куда же вы ходите учиться? — спросил он.

— А куда мы пойдем, кто нас будет учить? — нижняя губа у мальчика угрюмо выпятилась. — В школу не пускают. Как-то дада повел нас туда: пандит-джи записал нас, но посадил отдельно. А мальчишки стали дразниться: «Чамар, чамар!» Ну, дада и забрал нас домой.

Амарканту захотелось познакомиться со старостой: видно, человек этот не лишен чувства собственного достоинства.

— Что делает сейчас твой дада? — спросил он у мальчика.

— Потягивает из бутылки, грызет жареный горьх, — отвечал мальчик, играя с фонарем. — Теперь пойдет бушевать — кого обругает, а кого и отлупит! То все молчит, слова от него не добьешься, а как дорвется до бутылки — ну и начнет!

Амарконт понял, что для встречи со старостой сейчас не слишком подходящий момент.

— Сынок, ужин готов! Иди-ка, покушай горячего! — позвала Салони.

Амарконт умылся и вошел в дом. На бронзовом подносе аппетитно румянились лепешки, в каменной чашке белело кислое молоко, маринованные овощи и фрукты лежали на зеленых листьях, рядом стояла кружка со свежей водой. Амар с удовольствием принялся за еду.

— А ты почему не ужинаешь, бабушка? — спросил он старуху.

— Кушай, сынок, кушай, я потом.

— Нет, так не пойдет! Садись со мной.

— Что ты, сынок! Пища осквернится.

— Полно, бабушка! Я один не стану есть.

— В пище обитает всевышний, — его нельзя бесчестить.

— Ну что ж, тогда и я не буду ужинать.

— Ну и негодник же ты!

Но разве найдешь в лачуге второй поднос? Салони набрала в пригоршню хлебцев из баджры и хотела выйти. Амар заметил ее маневр.

— Стой, бабушка, на что же это похоже? Подсунула мне какие-то лепешки, а вкусные хлебцы утащила?

— Разве ты станешь есть хлебцы из баджры, сынок? Заглянул на один день, а я буду кормить тебя баджрой?

— Да я ведь не гость. Считаю, что в дом зашел родной сын.

— В первый день и сын — гость. И так ли встречают гостя? Простой хлеб — не угощение. Нет ни вина, ни дичи.

— Да я к вину и дичи не притронусь.

О хлебцах из баджры Амарконт больше не заикался: уж очень огорчилась Салони. Принялись за ужин.

— В твоём возрасте не годится быть таким набож-

ным, сынок, — сказала старуха. — Только в молодости и поешь всласть. Для поста существует старость.

— Я не аскет, бабушка. Просто душа не лежит к лакомствам.

— Отец-то с матерью, видно, аскеты?

— Да, оба жили в строгости.

— А живы они?

— Мать умерла, отец жив. Я с ним не в ладах.

— Ты что же, повздорил и ушел из дому?

— Да, пришлось уйти. С отцом крепко поссорился.

— А хозяйка-то у тебя есть?

— Есть и хозяйка.

— Бедняжка, верно, плачет, убивается. Ты ей письма-то пишешь?

— Ей до меня и дела нет, бабушка. Балованная дочка из богатого дома — одни удовольствия на уме. Я предлагал: «Давай уедем, будем жить в деревне». Куда там! Ей нравится город.

Амаркант поел, взял свой поднос и, выйдя за дверь, принялся его чистить. Старуха выбежала следом за ним.

— Убудет меня, что ли, если я почищу твой поднос? — возмутилась она.

Амар засмеялся.

— И меня не убудет, если я сам это сделаю.

— Куда же это годится! Пришел на один день, да еще сам взялся поднос чистить! А потом будет думать: «Вот, мол, у какой нищенки пришлось заночевать».

Но и эти сетования не образумили гостя. Старухе осталось только улыбаться да качать головой.

Амаркант вымыл поднос, отнес его в дом, захватил коврик и снова вышел, чтобы расположиться на покой прямо на земле. Но не успел он лечь, как его обступили пятнадцать — двадцать мальчишек. Почти все они, за небольшим исключением, были голы. Амаркант, заинтересовавшись дальнейшим развитием событий, с любопытством приподнялся на своем ложе.

Один из мальчиков, тот самый, что недавно принес коврик, выступил вперед.

— Вот сколько у нас ребят — все из нашей деревни. Не пришли только двое, боялись — вы уши надерете.

Амар встал, построил ребятшек в ряд и каждого спросил, как его зовут. Потом обратился ко всем:

— Кто умывается каждый день — поднимите руки!

Ни одна рука не поднялась. Мальчики не могли понять, о чем их спрашивают.

— Эге! Значит, никто не умывается? — удивленно спросил Амар.

Ребята переглянулись. Тот, который принес коврик, первый потянул руку вверх; глядя на него, подняли руки и другие.

— А теперь пусть поднимут руки те, кто каждый день купается, — снова предложил Амаркант.

Вначале опять никто не шевельнулся. Потом, постепенно, подняли руки все, но совсем не потому, что на самом деле купались, просто не хотелось отстать от товарищей.

Салони, заинтересовавшись шумом, выглянула из дома.

— Эй ты, дикарь! — окликнула она одного из мальчишек. — Ты зачем руку поднял? Небось и раз в месяце не моешься!

Пристыженный «дикарь» принялся защищаться:

— Да, не моюсь! А Гудар моется? И Бхулаи, и Пунну, и Гхасита? Никто не моется!

Начались взаимные разоблачения.

— Перестаньте ссориться! — прикрикнул Амар. — Сейчас я задам вам один вопрос, а вы ответьте, только, чур, по совести. Как, по-вашему, умываться каждый день хорошо или нет?

— Хорошо! — откликнулся разноголосый хор.

— А купаться?

— Хорошо, хорошо!

— Это вы только говорите, или в самом деле так думаете?

— На самом деле!

— Хорошо, я проверю. Деньков через пять—десять я снова зайду к вам в деревню и посмотрю, кто из ребят сказал правду, а кто солгал.

Мальчики разбежались по домам, и Амаркант снова растянулся на коврике. Как надоели ему эти бесконечные скитания! Всей душой он тянулся к покою. Почему бы не остаться жить в этой деревне? Никто его тут не знает. У него может быть что-то вроде родного дома. Он закрыл глаза, и тотчас же перед ним предстала Сакина. Затем почему-то промелькнула корова, бык, и, наконец, пришел сон.

Встав поутру, Амаркант умылся, затем совершил омовение в Ганге и отправился к старосте. Гудар — так звали старосту — был главным лицом в деревне: помещик здесь не жил. Двор Гудара был местом крестьянских сходок. Подойдя к дому старосты, Амаркант увидел положенную под деревом доску, и возле нее — несколько соломенных подушек. На одной из подушек сидел сам Гудар — мужчина лет шестидесяти, но, видимо, еще крепкий. Его старший сын Паяг, устроившись напротив, тачал башмак, второй сын, Каши, задавал корм быкам, Мунни убирала навоз. Мальчики — Теджа и Дурджан — то и дело бегали к колодцу и обратно — таскали воду. Немного в стороне две женщины — невестки старосты — чистили посуду.

— Рам, Рам!¹ — приветствовал Амар хозяина и уселся на одну из подушек.

Староста встретил его ласково, по-отечески.

— Устраивайся поудобнее, брат! Мунни еще вчера рассказывала о тебе. Ты ведь еще не сегодня уходишь? Поживи у нас, осмотришься, а потом, коли надо, можно и в путь. Мунни сказала — если тебе здесь найдется работа, ты не прочь остаться?

— Да разве дело только в работе? — В тоне Амара звучало явное замешательство. — Пойди на прополку — каждый день будешь с деньгами. Тачай башмаки, режь подошвы, дуби кожи — трудовой человек нигде с голоду не пропадет. Хоть немного, а зарабатывает.

Видя, что у пришельца не очень-то лежит сердце к перечисленным работам, Гудар решил помочь ему:

— А хлеборобом стать не хочешь? Салоны своей земли не пашет — вот бы тебе ею заняться.

Паяг, не переставая орудовать иглой, посоветовал:

— Не ввязывайся ты в крестьянские дела, брат! Поле-то еще уродит или нет, а налог плати! Тут тебе и град, и засухи, и заморозки... Беда за бедой на голову валятся. А если еще бык подохнет или дом сгорит — все прахом пойдет. Самое верное дело — прополка! Не слуга, не прислужник, ни в долги залезать, ни отдавать, утром взял мотыгу, а к обеду — свободный человек.

¹ Р а м, Р а м! — приветствие.

Каши тоже не преминул вставить словечко:

— Нет, брат, поденщик это только поденщик, а крестьянин — совсем другое дело. Поденщиков — сотни тысяч, и имя им такое дано — поденщики. С утра до ночи таскать траву на голове — это не дело. Все над поденщиками хозяева. Только и слышит целый день: «Эй, беги туда! Эй, иди сюда!» Скосил у кого-нибудь траву на меже — ругани не оберешься. А крестьянин — тот всегда в почете.

Паяг с досады даже иглу бросил:

— Ну и лижись со своим почетом! Сколько ни заработаешь — все поле высосет.

Староста попытался разрешить спор:

— В каждом деле человек получает прибыли и терпит убытки. Больших сетхов — и то не минует беда. Но нет ремесла лучше, чем земледелие. А у вас как с налогами, брат?

— Да так же, как и повсюду, дада. Где побольше, где поменьше. Все сосут кровь бедняков.

— И к чему было всевышнему делить людей на больших и маленьких? — недоуменно проговорил староста. — Ведь все мы — его дети. Почему он не относится к нам одинаково?

— Все беды от прошлых рождений, — уверенно заявил Паяг. — Прежде нагрешил — в этой жизни пожинай плоды.

— Э, сынок! — возразил староста. — Это все говорится для того, чтобы бедняки довольствовались тем, что имеют, и не мешали богачам наслаждаться жизнью. Пусть, мол, думают, что людей разделил всевышний, а не человеческая неправда. Но где же справедливость, если даже дети наши надрываются на работе и не едят досыта, а чиновники получают по десять тысяч! Это же десять мешков денег! Такую гору и на осле не свезешь.

— А ты, дада, — безбожник, как я посмотрю, — засмеялся Амар.

— Называй как хочешь, сынок, — печально сказал староста, — хоть безбожником, хоть дураком, но, если на душе у человека тяжело, он поневоле вздохнет. Ты, верно, грамотный?

— Да, кое-чему учился.

— По-английски знаешь?

— И английский немного знаю.

Староста просиял:

— Тогда, братец, мы тебя не отпустим! Тащи сюда своих детишек и устраивайся у нас. Глядишь — и наши парнишки, бог даст, чему-нибудь у тебя научатся. Потом пошлем их в город — кто там спрашивает о касте и родне? И будут наши ребята чхаттри¹.

Амар усмехнулся:

— А если обман откроется?

— Тогда мы скажем, что наши предки были чхаттри, а мы так унизились, что стыдимся говорить о своей высшей касте. Говорят, в свое время чхаттри выдавали дочерей за мусульманских бадшахов!² Да ты, верно, еще не завтракал? Ну-ка, Теджа! Сбегай к невестке, принеси чего-нибудь поесть. А ты, брат, благословясь, оставайся здесь. У Салони три или четыре бигха³ земли. Возьмешь два бигха в пае с нами, — тебе и хватит. Если господь поможет, всегда найдется что поесть.

Но, когда позвали Салони и Гудар изложил ей свое предложение, старуха заупрямилась.

— Ты это что выдумал? Хочешь, чтобы я записала свою землю на него, а сама была сыта воздухом? Так, что ли? — жестко спросила она.

Староста рассмеялся:

— Да нет же, нет! Земля как была твоя, так твоей и останется. Он только работать на ней будет. Считай, что отдаешь ее исполу.

— Свою землю я ни на кого не запишу! — заявила Салони. — Наш гость проживет здесь дня три-четыре, может, и десять. Я не отказываюсь — услужу ему, чем могу. Хочешь сам взять мою землю исполу — бери. А чужому, неизвестному — как я отдам?

Паяг бросил на отца укоризненный взгляд.

— Ну что, доволен? — спросил он. — А еще говорят, что женщины глупы. Да бабушка Салони кого хочешь вокруг пальца обведет. Она только на вид проста.

Салони не на шутку рассердилась:

— Как же, стоит вам моргнуть, и я брошу мою землю, мое кровное добро! Ведь мне ее родной сын оставил.

Каши поддержал старуху:

¹ Ч х а т т р и — каста воинов, то же, что кшатри.

² Б а д ш а х — император.

³ Б и г х — 1/4 гектара.

— Да что там — она верно говорит. Как отдать землю неизвестному человеку?

Амаркант с философской невозмутимостью следил за спором и испытывал истинное наслаждение.

— Ты права, бабушка, — улыбаясь сказал он. — Разве можно доверять чужаку?

Мунни, стоя в дверях, также прислушивалась к разговору. Не выдержав наконец, она вмешалась:

— Ты, бабушка, с ума, верно, сошла! Что, он твое поле на голове утащит? Да и мы разве не люди? Если тебя обманут, неужели мы не вступимся?

Когда пугливое животное видит себя окруженным толпой охотников, оно теряется. Салони представилось, что все эти люди задались целью ее обобрать. Сказавши один раз «нет», она уже не могла и не хотела сказать «да». Поэтому она поспешила уйти.

— Ведьма! Сушая ведьма! — проворчал ей вслед Паяг.

— Зря вы с ней говорили, дада, — недовольно заметил Амар. — Мне-то ведь все равно: эта деревня не приютит — другая найдется.

Мунни даже в лице переменялась от таких слов.

Гудар поспешил сгладить неприятное впечатление:

— Что ты, что ты, брат! Оставайся и входи в пай с мной. Поговорю с махантом¹-джи, попрошу прирезать мне еще несколько бигхов. Сложим тебе хижину, о еде-питье беспокоиться не придется, а у нас в деревне поселится толковый человек. А то случится завернуть к нам какому-нибудь полицейскому — у нас уж и душа в пятки!

Спустя полчаса снова явилась Салони.

— Почему ты сам не берешь мою землю исполу? — спросила она старосту.

Тот угрюмо ответил:

— Мне она не нужна. Держись зубами за свое поле.

Старуха обратилась за помощью к Амару:

— Ответь хоть ты, сынок, разве я что-нибудь не так сказала? Кто же отдает свое добро первому встречному?

— Нет, бабушка, ты все верно говорила, — утешал ее Амар. — Если доверяться чужим, долго ли до беды?

¹ Ма х а н т — священнослужитель, настоятель монастыря, помещик.

Ободренная его словами, Салони продолжала:

— Да ведь я тебя, сынок, почти не знаю. Человек, который сейчас пашет мое поле, мне сродни. Коли я отберу у него поле и передам тебе, что он подумает? А если я тебя чем обидела, ты уж лучше побей меня. Человек-то этот, правда, поступает со мной не по-родственному, но что уж тут поделывать — все своя плоть и кровь. Скажи по совести, тебе самому понравится, если я у него изо рта кусок вырву да тебе отдам?

Сама ли придумала этот довод Салони, или ей подсказали — кто знает. Но Гудар был обезоружен.

3

Прошло два месяца. Студеная ночь месяца пус¹ натянула над миром черный полог. Гора, как заносчивый честолюбец, вздымала ввысь голову, украшенную звездной короной, и попирала, словно низменные желания, маленькие лачуги, прилепившиеся к ее подножию.

В хижине Амарканта, которая одновременно служила и школой, горел огонек. Человек пятнадцать — двадцать ребятишек слушали, а Амар, стоя перед ними, рассказывал историю Абхиманью². Как были счастливы его маленькие слушатели! Смуглые лица их разгорелись, глаза сияли. Видно, в мечтах они сами были героями, такими же стойкими, преданными долгу, как и Абхиманью. Откуда им было знать, что наступит день, когда они будут повержены в прах дурьодханами и джарасандхами³, будут пытаться бежать от их сокрушительных боевых когорт, будут пытаться, но не сумеют...

Почтенный староста поставил перед собой бутылку, достал было штопор и в задумчивости сел. Потом вдруг резко поднялся, отшвырнул штопор, вновь водворил бутылку на место и позвал Мунни.

— Передай Амару, пусть идет ужинать, — сказал он. — Этого парня и голод не берет: пахар-рат⁴ уже давно прошел, а его все нет.

¹ Пус — десятый месяц индийского календаря (соответствует декабрю — январю).

² Абхиманью — один из героев «Махабхараты».

³ Дурьодхана и Джарасандха — герои «Махабхараты».

⁴ Пахар-рат — время от шести до девяти часов вечера.

Взглянув на бутылку, Мунни сказала:

— Я думала, ты пьешь, поэтому и не звала его.

— Душа нынче не лежит к выпивке, дочка. — Гудар досадливо крикнул. — Разве это хорошее дело?

Мунни с удивлением взглянула на старосту. За три года жизни в его доме она ни разу не видела, чтобы старик отказался выпить или с неодобрением отозвался о вине.

— Тебе нездоровится, дада? — встревожилась она.

Староста засмеялся:

— Какое там! Здоров как бык. Собрался было выпить, да что-то раздумал. А все Амар! Говорит: «Там, где восемьдесят человек из ста с голоду умирают, пьянствовать — все равно что пить кровь бедняков». Услышь я это от кого другого, я и ухом не повел бы, а вот его слова, сам не знаю почему, запали мне в душу.

Мунни совсем пала духом:

— Не слушай ты его, дада! Разве можно сразу бросить пить? Как бы вреда какого не было! Заболеешь еще...

Староста, видно, не счел этот довод достаточно веским:

— Ну и заболит что-нибудь или ревматизм скрутит — екая важность. Пить все равно больше не стану. За свою жизнь я пропил тысячи рупий, весь заработок продул на хмельное. Пустить бы эти деньги на доброе дело — и деревне хорошо, и славу заслужил бы. Теперь вот ругаю себя дураком, а что толку? Я слышал, сахибы много пьют, но с них и спрос другой — правители! Все награбленные денежки к ним текут; кому же и пить, как не им? А ты заметила? — теперь даже Каши с Паягом приохотились к чтению и письму.

Занятия в школе кончились. В дом вошел Амаркант, держа за руки Теджу и Дурджана.

— Я сегодня запоздал, дада, — сказал Амар. — Ты, верно, уже поужинал?

Гудар ласково поглядел на молодого человека.

— Еще бы! Я и поработал после пахар-рата, и башмаки отнес в Рисикес. Если ты будешь так изводить себя работой, придется закрыть школу.

Теперь, к большой радости Амарканта, в его школе учились не только мальчики, но и девочки.

Подкрепившись, староста отправился на покой. Амар

тоже собрался было уходить, но возле дома его остановила Мунни:

— Ты одержал большую победу, лала, — сказала она. — Дада нынче и капли не выпил.

Амаркант чуть не подпрыгнул от радости.

— Он что-нибудь говорил?

— Восхвалял тебя — что еще он мог говорить? Я-то думала, он только после смерти расстанется с бутылкой, но ты, видно, сумел его убедить.

Уже давно Амарканта мучило желание расспросить Мунни о ее жизни, да все как-то не представлялось случая.

Сейчас, улучив, наконец, момент, он спросил:

— Неужели ты меня не узнаешь? А я тебя сразу узнал.

Женщина побледнела и стала пристально вглядываться в лицо Амара.

— А ведь я и в самом деле где-то тебя видела раньше, — проговорила она.

— Вспомни суд в Каши.

— А, знаю! Ты хлопотал вместе с доктором-сахибом, собирал деньги... Как ты сюда попал?

— Поссорился с отцом. Но ты-то как здесь очутилась?

Мунни, входя в дом, торопливо проговорила:

— После как-нибудь расскажу. Только, прошу тебя, — никому здесь ни слова обо мне!

Амар пришел к себе, вытащил из-под матраца пару новых дхоти и отправился к Салони. Подойдя к лачуге старухи, он услышал монотонный напев: старая крестьянка пела молитвенный гимн. Амар окликнул ее, и циновка на двери поднялась.

— В чем дело, сынок? — спросила Салони. — О, и темно же! Ты ужинал? А я все сидела за прялкой, да что-то спину заломило, решила прилечь.

Амар протянул старухе сверток.

— Я принес тебе дхоти; держи! Когда твоя пряжа будет готова, ты вернешь мне материю, которую получишь в лавке.

Салони стеснялась Амара: очень уж стыдно было ей, что тогда не поверила ему. И как это случилось, что усомнилась в хорошем человеке? Теперь она окончательно смутилась.

— Зачем же сейчас, сынок? — засуетилась она. — Вот кончила бы пряжу, тогда бы и принес.

Салони развернула сверток. Амар подметил, какой жадной радостью засветились ее глаза.

— Да ведь здесь два куска, сынок! — воскликнула она. — Что мне с двумя-то делать? Один оставь себе.

— Бери, бабушка, — ответил Амаркант. — Разве одним обойдешься?

И в лучшие свои дни Салони не владела таким богатством. Даже когда были живы муж и сын, у нее не было больше одного дхоти. Теперь у нее будет два великолепных сари — ей силком навязывают столько добра! Ее скорбное вдовство, ее материнская отреченность получили вдруг награду, и благодарность за нее рвалась из сердца бедной старухи.

Салони заплакала, и Амаркант поспешил уйти. Он вернулся к себе, постоял немного возле дома, затем сел писать дневник.

Хлопнула дверь в доме старосты: это Мунни, захватив кувшин, вышла по воду. Увидев свет у Амарканта, она подошла и остановилась в дверях.

— Почему не спишь, лала? Уже поздно.

Амаркант вышел к ней.

— Не спится что-то. Ты к колодцу?

— Да, вся вода вышла. Пить смерть как хочется, а воды ни капли.

— Давай наберу. Куда ты пойдешь в такую темень!

— Это горожане темной ночи боятся, а мы — деревенские жители.

— Нет, Мунни, я не позволю тебе идти.

— Что же, тебе моя жизнь дороже своей?

— Одна твоя жизнь стоит сотни тысяч таких, как моя.

Мунни заглянула ему в глаза с ласковой усмешкой.

— Почему всевышний не создал тебя женщиной, лала? Мне не встречался мужчина с таким нежным сердцем. Подчас я думаю — лучше бы тебе не приходиться к нам.

Амар улыбнулся:

— Разве я сделал тебе что-нибудь плохое, Мунни?

— А то нет! — Голос Мунни вдруг задрожал. — Если сироту, до которой никому нет дела, вдруг обласкать да приучить к игрушкам и лакомствам — разве это хорошо? Ведь она потом жить не сможет без ласки.

Амаркант с состраданием ответил:

— Да ведь сирота-то я, Мунни! Это ты приласкала меня. Это я надоедаю тебе своим нытьем.

Мунни поставила кувшина на землю.

— Мне тебя не переспорить, лала, но до твоего прихода я была счастлива: возилась с хозяйством, питалась черствой коркой, спала. Ты отнял у меня это простое счастье. Теперь ты, верно, думаешь: «Вот легкомысленная женщина!» Но если мужчина выступает в женском облики, то женщине остается только стать мужчиной. Я вижу, ты избегаешь меня, стараешься пореже со мной встречаться. Знаю, мне тебя не получить, такое мне судьбой не назначено. Но отойти от тебя я не в силах. Я не прошу ничего, только считай меня своей. Чтобы я знала, что и я женщина, и у меня есть близкий человек, и моя жизнь кому-то дорога.

До сих пор Амар смотрел на Мунни так, как всякий молодой человек смотрит на красивую женщину: он любовался ею. Но это самоотверженное признание взволновало его. При виде сытой дойной коровы мы радуемся — как много, должно быть, дает она молока! Причем мысль эта возникает совершенно произвольно, мы не собираемся доить корову. Иное дело, когда молоко уже перед нами... И Амар не устоял:

— Пойдем со мной, Мунни, пойдем, я скажу: ты моя...

Ладонь Мунни легла на его губы.

— Молчи, ни слова больше! Все вы, мужчины, одинаковы. Одно дело — то, что я сказала, другое — то, что ты понял. Помолвки у нас не будет, любовницей твоей я тоже не стану. Считай меня своей ученицей.

Она вновь подхватила свой кувшин и поспешила к колодцу.

Пораженный удивительной загадкой женского сердца, Амаркант застыл в растерянности.

Из темноты донесся голос Мунни:

— Лала, у меня свежая вода. Дать тебе кружку?

У Амара давно пересохло в горле, но он не двинулся с места.

— Я не хочу пить, Мунни, — ответил он.

Уже несколько месяцев Амаркант не давал знать о себе никому из близких. Все это время было так заполнено событиями — даже передохнуть он не имел возможности. Сердце Амара разрывалось от желания получить весточку о Сакине. С нежностью вспоминал он и Найну — бедняжка, наверное, все глаза проплакала. В его воображении постоянно вставала смеющаяся, прелестная как цветок мордашка сына. Будь у него постоянный адрес — он бы уже давно написал письма. Но до сих пор он продолжал скитаться по деревням.

Через несколько дней после того как Амар обосновался в деревне, он написал Сакине, Салиму и Найне. Письмо к Сакине он вложил в конверт, адресованный Салиму. Сегодняшняя почта принесла ему ответные письма.

Амаркант поспешил к Гангу: сейчас ему, как никогда, требовалось одиночество; дети же, увидя письма, станут приставать с расспросами. Отыскав уединенное место, Амаркант принялся за чтение.

Первое письмо — от Найны.

«После долгого-долгого молчания ты, наконец, вспомнил обо мне. А я-то думала, что ты меня любишь! Как я тут живу — одна, без тебя, — ты не можешь себе представить: ведь я — просто я, а ты — это ты! Четыре с половиной месяца не получала я от тебя весточки. Сколько слез пролила — трудно передать. Ты ничего мне не оставил, кроме слез. Я и не знала, что без тебя жизнь станет такой пустой.

Я понимаю, почему ты так долго молчал, но тут ты не прав. Ты — мой брат. Пусть весь мир смеется над тобой, пусть тебя порицает вся страна, ты все равно останешься для меня самым дорогим человеком. Если даже ты перейдешь в мусульманство или в христианство, ты не перестанешь быть мне братом! В силах ли ты разорвать узы крови, которыми соединил нас всевышний? Не думаю, чтобы ты обладал таким могуществом. Существует ли в мире более милое родство? Все говорят о силе материнской любви. Мне кажется, любовь сестры сильнее и нежнее. Мать ведь может и наказать, сестра же всегда готова простить. Справедлив ли брат, бранит он или любит, уважает или бес-

честит — сестра отвечает только прощением. Она жаждет одной любви.

С тех пор как ты ушел, я ни разу не заглянула в книги. То и дело плачу. К работе душа не лежит. Прялка валяется в углу и оплакивает меня. Если кто и приносит радость, так это Мунну, мой цветочек. Он все время со мной. Сейчас он спит, вот я и уллучила минутку, чтобы написать тебе. Мунну и сам написал бы, да только его почерка, пожалуй, не разберут и самые мудрые ученые. Невестка теперь не любит Мунну как прежде, о тебе же она и случайно не вспоминает. Она все спорит о вере и законах. Со мной тоже почти не разговаривает. Мать хотела увезти ее с собой в Лакнау, но она отказалась. Недавно Ренука-деви справляла свадьбу своей коровы: устроила угощение для всех городских святых и пожертвовала десять тысяч рупий на городской коровник. Мы тоже были приглашены.

Теперь о даде-джи. Он строит новый храм. Участок у него уже давно куплен, сейчас заготавливает кирпич. На закладку фундамента приглашен сам раджа-сахиб. Не знаю, что случилось, но дада теперь ни на кого не сердится. Он и говорить-то громко разучился. Раньше, бывало, чуть пересолишь суп, — он швырял на пол тарелку, теперь же и словом не попрекнет, хоть живую соль ему подавай. Я слыхала, он и с клиентами покладистее стал: обещал, что в день закладки храма простит много долгов. Патханке платит уже не пять, а целых двадцать пять рупий. О многом еще хотела бы написать тебе, но пока не стану. Если ты собираешься заглянуть к нам, приезжай тайком: люди на тебя злы. К нам в дом никто не ходит».

Другое письмо было от Салима:

«Я решил, что ты утонул в Ганге, и, скорбя о друге, поспешил пролить две-три слезы (не без помощи лука) и пожертвовать во имя спасения погибшей души каури. Но, увы, ты жив, следовательно, скорбь моя была напрасна. Мне не жаль пролитых слез — говорят, для глаз это полезно, — жалко каури.

Милый человек, пять месяцев ты хранишь молчание! Счастье твое, что ты далеко, ты, карикатура на народного слугу. Тот, кто не помнит друзей, не может быть истинным служителем народа.

Клянусь богом, я вспоминаю тебя ежедневно. Универ-

ситет тоску наводит — с твоим уходом он утратил весь свой блеск. А тут еще отец без конца зудит о сивил-сэрвис¹ — всю душу вымотал. Да приедешь ли ты, наконец, когда-нибудь, или так и сгинешь в своем изгнании?

В университете все по-старому: так же дуемся в карты, удираем с лекций, воюем на спортивных площадках. Да, чуть не забыл, — выступление ректора было сногшибательным: он разглагольствовал о благах простой жизни. Жаль, тебя не было: ты бы от души позабавился. На мой взгляд, его речь все же была скучновата. Все кричат о простоте, однако примера никто не подает. А вся свора лекторов и профессоров, — разве их жизнь может служить нам образцом? Они норовят устроиться потеплее, зачем же нам поступать иначе? Лучше бы ректор читал свои проповеди преподавателям. У профессора Бхатии тридцать пар туфель, и, говорят, некоторые из них стоят по меньшей мере пятьдесят рупий. А другие? Профессор Чакраварти слывет человеком воздержанным; жены у него нет, родни — один аллах. А сколько слуг? Двенадцать! Мы же люди молодые, нас одолевают страсти и желания. Мы кланчим деньги у домашних, а не дадут — спорим, занимаем у друзей, обводим вокруг пальца лавочника, но, будь уверен, ведем шикарную жизнь. Мы попадем в ад? Пожалуйста, можно и в ад, но только вслед за досточтимыми профессорами.

Тебе, верно, не терпится узнать о Сакине. Десятки раз направлял я к ней мать, посылал кое-что из одежды; она ничего не принимает. Мама говорит, что она почти ничего не ест — пожует какую-нибудь лепешку, и все, — а то все сидит одна и молчит. Со старухой она не разговаривает. Вчера, как только получил твое письмо, я сразу отправил Сакине ее часть. Посылаю тебе копию ее ответа. Оригинал получишь, когда сам явишься сюда.

«Бабу-джи, знали бы Вы, как мне горько, что из-за меня, несчастной, Вас постигло такое наказание. Что мне сказать о себе? Живу, вспоминаю Вас. У меня одно желание: пока я жива, хоть раз увидеться с Вами. Но Вам это принесет позор, а я — я уже опозорена. Вчера, когда получила Ваше письмо, меня вдруг охватило безумное желание — поехать к Вам. Вы будете недовольны? Я бы поехала, я не боюсь ничего, но, если так нужно,

¹ Сивил-сэрвис (англ. «гражданская служба») — административный аппарат колониальной Индии.

я смогу укротить свое сердце, остаться здесь — и не умру от этого. Сначала, в порыве досады, я не хотела даже распечатывать Ваше письмо. Но меня не надолго хватило — распечатала, прочла, поплакала, снова перечитала и еще поплакала. В слезах такое утешение — кажется, не насытит ими душу. Муки ожидания стали совсем невыносимы. Всевышний да ниспошлет Вам счастье».

Чувствуешь, сколько боли в этом письме? На что уж я не слезлив, но, прочтя его, не сдержался, заревел. Ну и счастливiec ты, брат!»

Амаркант оторвался, наконец, от письма. Глаза его были пьяны, но это не был хмель праздности: взгляда его искрился энергией, в нем не было кровавого багрянца — лишь сияние радости, не было безумства и забвения — только обостренное сознание. Впервые в жизни испытал Амар подобное потрясение. Никогда еще душа его не была такой открытой, счастливой, исполненной благородства.

Его внутреннему взору представились две фигуры: одна — утопающая в роскоши, усыпанная драгоценностями, обаянная гордыней, другая — украшенная только своей красотой и скромностью, поникшая под бременем стыда. Его жаждущая любви душа отшатнулась от ароматного, сладкого шербета, рванулась к чистой, прохладной воде. Он еще раз перечитал заветные строки, и, снова загоревшись сладкой мечтой, принялся шагать по берегу. Как встретиться с Сакиной? По душе ли ей придется деревня? Она такая нежная, хрупкая — и эта суровая жизнь! Сумеет ли он внушить девушке бодрость? Он вспомнил ее лицо, когда она сказала: «Бабу-джи, я тоже иду с вами!» Какая бесконечная преданность! Амар вдруг сравнил себя с землекопом, который нашел в глине драгоценный камень и по невежеству принял его за стекляшку.

«У меня одно желание: пока я жива, хоть раз увидеться с Вами» — эта фраза занозой впилась в сердце Амарканта. Его душа рвалась к Сакине, и в этом тщетном стремлении словно взлетала и падала вместе с волнами Ганга. Он пристально вглядывался в катящиеся к его ногам волны, переживая все ощущения пловца. Наконец, страхнув с себя оцепенение, Амар зашагал к дому. Глаза его покраснели, лицо было мокро от слез.

В одном из домов деревни праздновалась помолвка. Гости пели, танцевали, хозяева разносили угощения. У дверей жениха гремели барабаны; тут собрались все жители деревни — мужчины, женщины и вездесущие дети. Начались пляски. Школа в этот день была закрыта, и от Амарканта тоже потребовали участия в общем веселье.

— Иди, иди, брат, покажи и ты свое умение, — подбадривал его Паяг. — Говорят, в твоём краю лихо танцуют!

Амар запросил пощады:

— Да не умею я танцевать, брат!

Была бы охота — он действительно заставил бы их подивиться. Парни и девушки встали в пары. Танцевали по очереди — каждая пара минут десять — пятнадцать. Амаркант не понимал, что за радость получают все эти люди от танцев.

Вот, распустив край сари, вышла девушка. Вслед за ней выступил Паяг. Начался танец. Девушка была так гибка, выразительные движения ее с такой полнотой раскрывали охватившие ее чувства, что зрители стояли словно зачарованные.

Вслед за первой парой появилась вторая. Широкую грудь статного парня украшал золотой мухар¹, бедра стягивала неширокая набедренная повязка.

Взглянув на девушку, Амар оторопел, — Мунни! На ней была широкая юбка, голову покрывала розовая накидка, ноги украшали ленты. Под розовой тканью щеки молодой женщины рдели, словно два цветка. Мунни и ее партнер танцевали с упоением, руки их то сплетались, то разъединялись, бедра покачивались в такт музыке. Все присутствующие с восхищением следили за искусным танцем. Какая легкость и гибкость! Сколько проникновенности и очарования в движениях! Танцоры незаметно пересекли всю площадку и очутились в дальнем ее конце. Но разве при этом хоть раз нарушился ритм?!

— Гляди, гляди, братец, как невестка-то танцует! — подтолкнул Амарканта Паяг.

— Лучшая наша плясунья!

¹ М у х а р — старинная золотая монета.

— Вижу,— безучастно ответил Амар.
— Хочешь, я позову этого парня, а ты становись вместо него?

— Я не танцую.

Мунни продолжала танец. Амар встал и пошел к себе — такая нескромность прилась ему не по вкусу.

Через мгновение его нагнала Мунни.

— Ты почему ушел, лала? Тебе не понравился мой танец? — окликнула она Амара.

Тот обернулся.

— Что я, не человек, чтобы считать хорошее плохим?

Мунни подошла ближе.

— Так почему же ты уходишь?

— Мне необходимо быть на заседании панчаята¹. — Голос Амара звучал печально. — Там ждут меня. Ты почему перестала танцевать?

— А зачем мне танцевать, если ты уходишь? — просто душно ответила Мунни.

Амар заглянул в глаза молодой женщине.

— Ты правду говоришь?

Мунни открытым взглядом встретила его взор.

— Разве я хоть раз солгала тебе?

— Тогда послушай меня, Мунни: никогда больше не танцуй.

Мунни сразу как-то поникла.

— И ты рассердился из-за такой ерунды? — печально сказала она. — Спроси у кого хочешь, много ли я здесь танцевала. Больше двух лет я близко не подходила к барабанам. Люди и так без конца упрекали меня. Нынче я из-за тебя только и вышла в круг, а ты рассердился. — Мунни резко повернулась и убежала домой.

Вскоре вернулся и Каши.

— Ты что сидишь взаперти, невестка? — удивился он. — Там все ждут тебя.

Женщина сослалась на головную боль. Тогда Каши отправился к Амарканту.

— Почему ты ушел, брат? Может, наши песни и пляски тебе не по душе?

— Что ты, совсем не потому! Меня сегодня ждут на заседании панчаята. Уже поздно, надо идти.

Каши покачал головой:

¹ П а н ч а я т — деревенский суд (общины).

— Понимаешь, невестка ушла, а после ее танца людям другие танцоры не нравятся. Ты скажи ей — может, она вернется. Разве такие праздники каждый день бывают? Мы живем среди людей, нехорошо, если будут говорить: «Загордились, не хотят повеселиться с нами».

— Почему же ты сам не уговоришь ее? — пытаюсь преодолеть неловкость, спросил Амаркант.

Каши не ответил, и Амаркант пошел к дому старосты.

— Ты сердисься на меня, Мунни? — окликнул он молодую женщину.

Мунни вышла на порог.

— Я на тебя сержусь? Может быть, ты на меня?

— Хорошо, оставим это. Прошу тебя, иди на праздник.

— Ну, знаешь! Ты играешь мной, как мальчишка рыбками. Вот забаву нашел: захотел — довел до слез, захотел — рассмешил. Нет, лала, отныне Мунни лишь тогда пойдет танцевать, когда ты сам составишь ей компанию. Ни с кем другим она больше танцевать не станет.

— Что же, прикажешь мне учиться танцам?

Мунни почувствовала себя победительницей.

— Захочешь со мной танцевать — научишься! — лукаво усмехнулась она.

— А ты возьмешься учить меня?

— Почему бы нет? Ты учишь меня плакать, я научу тебя танцевать.

— Хорошо, идем.

Еще в бытность свою в колледже Амарканту не раз доводилось выступать в спектаклях, танцевать и петь. Но какая разница между теми танцами и только что увиденными здесь! Там были изысканные забавы сластолюбцев, здесь же — простое и вольное веселье тружеников. Может ли он вступить в их круг? Амарканту стало не по себе.

— Мунни, а если я попрошу тебя об одной вещи, ты исполнишь? — спросил он.

Мунни застыла.

— Ты... не хочешь танцевать?

— Ты угадала.

Напрасно Амар пытался остановить Мунни, кричал ей вслед: «Постой, постой!» Она ушла, не оглянувшись.

Амарканту оставалось только уединиться в своей камерке, переодеться и отправиться на заседание панчаята. Ведь его уважала вся округа: в окрестных деревнях не было ни одного заседания панчаята, на которое бы Амар не получил приглашения.

6

Бабушка Салони отдала под школу свой дом. Школа разрослась, в прежней хижине Амарканта стало тесно. Никто не обращался с такой просьбой к старой крестьянке, никто ничего от нее не требовал. Просто однажды ей довелось услышать, как Амаркант и староста совещались, где бы разместить школу: в деревне было так тесно, что подчас и быков не знали куда привязать. И вдруг в разговор вмешалась Салони:

— Почему вы не возьмете мой дом? Там сзади локтей двадцать свободного места. Разве не хватит вам?

Оба, и Гудар и Амаркант, с удивлением поглядели на старуху.

— А ты как же будешь жить, бабушка? — спросил Амар.

— Ох! Да что мне делать с таким поместьем, сынок? С меня довольно и уголка в твоей хижине.

Гудар, уже успевший прикинуть в уме все возможности, обрадованно сказал:

— А в самом деле, места-то с лихвой хватит!

Амаркант отрицательно покачал головой.

— Нет, я не хочу занимать дом бабушки. Придется попросить помощи у маханта и построить школу за деревней.

— Да что, мой дом заразный, что ли? — с досадой воскликнула огорченная старуха.

Но Гудар уже принял решение: дом Салони будет взят под школу. Его расширят и сделают пристройку для Амара. Бабушка переберется в прежнюю хижину Амарканта; на одной половине можно держать скот, на другой — жить.

Этот день принес Салони такую радость, какой она не испытала за всю свою жизнь. Старуха вечно воевала с ребятишками, затевавшими шумные игры возле ее порога, а уж тому, кто осмелился бы привязать у ее дома

быка, Салони наверняка перегрызла бы горло. И вот теперь она отдавала им дом своих предков и чувствовала себя самой счастливой в мире. Принести бесценный дар может только скупец. Вы спросите, где же здесь логика, однако это так. Только повод для такого дара должен быть безусловно достоин того, чтобы скупец расстался со своим накопленным великими трудами сокровищем.

Работа закипела. Доски, веревки, деньги, рабочие руки — в крестьянских домах нашлось все. Уговоры не понадобились; ведь это была своя школа, для собственных сыновей и дочерей. Прошло всего шесть или семь месяцев с тех пор как в деревне открылась школа, но учение уже принесло свои плоды: дети стали опрятнее, редко лгали и хитрили, почти не ругались; прекратились мелкие кражи. Ребятишки перестали упрямиться и домашние работы, которые поручали им взрослые, выполняли весело, с видимым удовольствием. Ну можно ли не помочь такой школе?

Свежее, разряженное в золотые одежды, утро пхагуна¹ играло на вершине горы. Совершив омовение в Ганге, Амар в сопровождении нескольких мальчиков вернулся в деревню. Однако — что за странность? Строительная площадка у новой школы пуста... Что случилось? Обычно в это время работа уже шла полным ходом, а сейчас на стройке не было ни души.

Показалась Мунни с кувшином на голове. Яркое утро пестрило золотыми красками ее смуглое лицо.

Амаркант улыбнулся:

— Смотри-ка, бог солнца пожирает тебя глазами.

— А ты и рот разинул! — отшутилась молодая женщина, ставя кувшин на землю.

Мгновение помедлив, она с усмешкой продолжала:

— Тебя теперь будто нет в деревне. Как начали строить школу, к тебе и не подступишься. Уж не влюблен ли ты?

— Я-то по целым дням здесь торчу, а вот ты где бываешь? Кстати, куда это сегодня запропастился народ? Ни один работник не явился.

— Да кому сейчас здесь быть?

— Куда же они ушли?

— Как, ты не знаешь? Вчера в пахар-рат пала ко-

¹ П х а г у н — двенадцатый месяц индийского календаря, соответствует февралю — марту.

рова сироманпурского тхакура, все и побежали туда. Каждой семье достанется лакомый кусок.

— Пала корова!.. — Лицо Амара скривилось от отвращения.

— Да ведь наши люди едят...*

— Не знаю... Я никогда не видел. А ты?..

Мунни передернуло.

— Фу! Смотреть не могу, не то что...

— И ты не пробовала их убеждать?

— Куда мне! Разве они послушают?

Вишнуитский дух Амара возмутился. Какое кощунство! Его действительно стало поташнивать. Он мог выкинуть за ненадобностью «неприкасаемость», различия в кастах и прочую чепуху, но еда — это еда, и тут он сохранил отвращение к недозволенному. И подумать только! — он почти год делил кров и пищу с этими трупоедами!

— Мунни, сегодня я не буду есть.

— Я приготовлю тебе отдельно.

— Нет, Мунни, не надо! Пища, которую будут варить в том же помещении, где готовят падаль, не полезет мне в горло.

Послышавшийся невдалеке шум заставил Амара оглянуться: человек пятнадцать — двадцать волокли на бамбуковых шестах дохлую корову.

Более омерзительного зрелища Амарканту никогда не приходилось наблюдать. Он не выдержал и пошел было к Гангу.

— Что толку спастись бегством? — бросила ему вслед Мунни. — Если ты считаешь, что это плохо, останься и растолкуй им.

Амар остановился.

— Кто меня послушает, Мунни?

— Уж если твои слова не дойдут, кого же еще они будут слушать?

— Ну а если все-таки не послушают?

— Попытка — не пытка, потолкуй с ними.

— Хорошо. Ты думаешь, удастся?

— Если да — подаришь мне красивое сари.

— А если нет, что ты мне подаришь?

— Каури.

Тем временем процессия приближалась. Впереди, как полководец, шествовал староста.

Мунни шагнула им навстречу.

— Значит, несете! — жестоко сказала она. — А вот лала собирается уходить.

— Почему? Что случилось? — всполошился Гудар.

— Все из-за коровы. Говорит, что теперь воды не примет из ваших рук.

— Пусть болтает! — огрызнулся Паяг. — Подумаешь — воды пить не станет! Нас от этого не убудет.

Каши поддержал брата:

— Давно уже не доставалось нам такой поживы! И что ему не по нутру?

— Погодите, погодите! — примирительно сказал староста. — Чего он, собственно, хочет?

— Пойдите да спросите сами! — в сердцах отрезала Мунни. — И зачем нам цепляться за то, чем брезгают другие касты? Потому-то нас и считают низкими.

Но Паяг закусил удила:

— Мы не собираемся брать невест из больших домов! У чужих дверей, как брахманы, мы не побираемся, а держаться своих обычаев всякий волен.

— По-твоему, значит, хорошо, что из-за нашего чревоугодия люди считают нас низкими? — накинулась на него Мунни.

Тушу опустили на землю, и несколько человек побежали домой за секачами. Амаркант наблюдал за тщетными попытками Мунни убедить крестьян. Он отвернулся — его тошнило. Но сколько ни отворачивайся, не так-то просто выкинуть из головы подобную картину. Как забыть, что всего в пятидесяти шагах от тебя люди рвут на части падаль? Амаркант снова кинулся к реке.

Увидев бегущего сломя голову учителя, Гудар забеспокоился:

— А он в самом деле побежал к реке. Вот шалый! Еще утопится.

— Делай свое дело, никто не утопится, — одернул отца Паяг. — Кому не дорога своя жизнь?

Глаза Мунни вспыхнули гневом:

— Жизнь дорога тем, кто не стыдится своей низости. А тот, у кого есть совесть, кто не хочет ни перед кем опустить голову, — тот и жизнью может пожертвовать.

— Ого, да ты за него горой, невестка! — съязвил Паяг. — И давно вы обручились?

— Ты только послушай, что он говорит, дада! — Го-

лос Мунни дрожал от обиды.— Что же ты молчишь? А хотя бы и обручилась — вам-то какое дело? Как мне вздумается, так и будет! А сейчас я хочу посмотреть, кто из вас рассчитывает пожить добычей. Но сначала секач придется по моей шее.

С этими словами молодая женщина растолкала крестьян и уселась на землю возле коровы.

— Ну что же, я готова. Кто принес секач — пусть начинается! — бросила она.

— Если мы не съедим, земле достанется, — смущенно пробормотал Паяг.

— Такие, как ты, позорят всю деревню, — не унималась Мунни. — А если кто и попробует образумить людей, — вы готовы ругаться до хрипоты.

Староста Гудар задумался. Он-то знал, какие и откуда дуют ветры. Не раз доводилось ему беседовать об этом с Амаркантом.

— Сейчас мы все в сборе, братцы, — проговорил он торжественно. — Давайте советоваться, как нам быть.

— Твой совет и будет нашим решением, — ответил ему широкоплечий парень из толпы. — Ведь ты староста.

Видя растерянность отца и односельчан, Паяг решил их подбодрить.

— Столько мужчин собралось, а только зря глаза пялите! Хватайте Мунни за руки, тащите ее прочь. Секачи здесь, чего еще ждать?

Мунни воскликнула:

— Да что с тобой случится, если ты заодно и от меня кусок прихватишь? Тебе ведь все равно, какое мясо есть.

Общая нерешительность заставила Паяга перейти от слов к делу. Он схватил Мунни за руки и попытался было оттащить ее в сторону, но неожиданно сам покачнулся от сильного толчка.

Перед ним стоял младший брат. Глаза Каши налились кровью.

— Попробуй, тронь ее хоть пальцем — убью! — прохрипел он. — В нашем доме не запахнет говядиной. Ишь какой герой нашелся!

Широкоплечий парень выступил в роли арбитра.

— Разве мясо этой дохлой коровы так уж вкусно, что все помирают от желания отведать его? Выройте яму да заройте это добро. Шкуру только снимите. Это

же, верно, посоветовал бы и Амар, а нам надо слушаться его совета, от этого наша жизнь только легче станет. Нас потому и считают неприкасаемыми, что мы пьем спиртное, едим падаль да дубим кожи. А чем мы плохи? Вино пить мы уже бросили,—да разве мы сами? Жизнь заставила бросить. Падаль не будем есть. Что же останется? Кожевенное ремесло, но тут уж ничего дурного не скажут. Выделывать и продавать кожи — неплохое занятие.

Гудар с уважением поглядел на юношу.

— Вы слышали совет Бхуре, братья. Все согласны с ним? — спросил он крестьян.

— Может, кто думает по-другому? Пусть скажет, — предложил Бхуре.

Один старик заворчал:

— Что толку, если ты да я, да вот еще они — не будем есть это мясо? Остальные-то ведь едят.

— Кто ест, тот пусть и остается низким, — отрезал Бхуре. — У каждого свой закон.

Староста поддержал юношу:

— Ты, Бхуре, верно говоришь. Возьми, к примеру, обучение. Разве сначала кто-нибудь пускал своих ребят в школу? А как начали наши парнишки учиться, так из других деревень тоже стали присылать к нам детей.

— За то, что мы перестанем есть падаль, люди с нас не взыщут, — сказал Каши. — Вот увидите, еще солнце не скроется, как об этом узнает вся округа; другие люди тоже не захотят от нас отстать. А брата Амара мы все глубоко чтим. Кто же посмеет перечить ему?

Паяг понял, что дело не выгорит.

— Нынче — бабье царство, — сердито процедил он. — Чего только не выдумают бабы, все-то им не так!

Проговорив это, он подхватил секач и направился к дому.

Гудар поспешил к Гангу. Увидев Амарканта, он не стерпел и начал кричать ему еще издали, на расстоянии ружейного выстрела:

— Что ты тут стоишь, братец? Иди домой, все уладилось!

Амар был настолько погружен в свои мысли, что не услышал старосту. Тот подошел ближе.

— Долго ты здесь думаешь торчать? — снова спросил он.

— Пока оставь меня, дада! Вы там режете-кромсаете, а я не могу этого видеть. Когда кончите, я приду.

— Невестка говорила — ты и есть в нашем доме отказался?

— Да, сегодня я, пожалуй, есть не буду — стошнит.

— Но ведь нам частенько перепадает такая пожива.

— Пройдет время, и я к этому привыкну.

— Ты, верно, считаешь нас злодеями?

Амаркант прижал руки к груди.

— Что ты, дада! Я пришел сюда, чтобы многому научиться у вас, кое в чем вам помочь и найти путь для общего избавления. То, что вы делаете, — ваш обычай. Возьми Китай — это очень большая страна. Многие там поклоняются Будде, по этой вере убивать живое — грех. Поэтому люди в Китае едят мертвечину: собак, кошек, шакалов — ничем не брезгают. Так неужели из-за этого они ниже, чем мы? Конечно, нет! А сколько брахманов и кшатриев в нашей стране едят мясо? Для ублажения своего чрева они убивают живые существа. Вы — лучше их.

Гудар рассмеялся:

— Ох и мудрец же ты, брат! Разве тебя переговоришь? Ладно, больше мы не едим падали, вся деревня так решила. Невестка нас пристыдила. Ну, а шкура? Шкуру-то ведь можно не выбрасывать?

— Нет, дада, к чему же ее выбрасывать? — радостно отозвался Амар. — Тачать башмаки — дело доброе. А что, невестка очень сердилась?

— Не только сердилась, с жизнью хотела расстаться! Села возле коровы и кричит: «Кто принес секач — пусть начинает! Первый же удар по моей шее придется!» Ну кто же после этого возьмется за секач?

В порыве благодарности Амаркант готов был упасть к ногам Мунни.

7

Прошло несколько месяцев. О мертвечине люди забыли и думать. Замечательно, что и чамары из соседних деревень тоже перестали есть падаль: здоровое дерево всегда даст добрую поросль.

Школа Амарканта разместилась в новом помещении. Люди потянулись к знаниям. Молодежь молодежи, но

даже пожилые, солидные люди частенько наведывались в школу. В своем преподавании Амаркант широко пользовался сравнениями. Социальный и политический прогресс в других странах, новые открытия и изобретения, передовые мысли и идеи — обо всем этом можно было услышать на его уроках. Традиции и обычаи различных народов, их нравы, образ мыслей вызывали неизменный интерес у слушателей. Учитель сам подчас удивлялся, с какой легкостью эти неграмотные люди постигают сложные социальные проблемы. Казалось, в деревню хлынула свежая струя. Будто сгинула куда-то вечная печать неприкасаемости. Даже люди из высших каст — жители соседних деревень — и те стали частыми гостями в школе.

Однажды, когда Амар, окончив занятия, лежал возле дома и читал, к нему подошла Мунни. Амар не заметил ее — так он был захвачен книгой. Это было повествование о самоотверженных женщинах Раджастанхана, о том удивительном самопожертвовании, равного которому не найдется, пожалуй, во всей мировой истории, самопожертвовании, читая о котором мы и сегодня гордо поднимаем головы. Кто, скажите, меньше дорожил своей жизнью, чем они? Встречалось ли вам когда-нибудь такое высокое понимание чести? Пусть сегодняшние рационалисты сколько угодно развенчивают этих героинь, — память о них для нас священна.

Мунни стояла и молча вглядывалась в лицо Амара. То облако, край которого год тому назад появился на горизонте ее души, понемногу затянуло все небо. Надежды, опаленные пламенем прошлого, снова зазеленели под этой прохладной сенью, засохший было сад жизни вновь наполнился ароматом и зацвел.

Обе невестки в доме старосты готовили еду на всю семью, для Амара Мунни стряпала отдельно: бедняга и ел-то всего два раза в день, а эти крестьянки только и умели, что печь грубые лепешки! Мунни сияла, когда Амаркант просил ее что-нибудь приготовить. В ее голове зародились грезы о рае, о новом счастье.

Недавно Салони с улыбкой заметила:

— Мунни, это твоя судьба привела сюда Амара. Теперь жизнь твоя пойдет по-иному.

— Полно, бабушка, что ты говоришь! — с трудом удерживая вспыхнувшую в сердце радость, ответила

Мунни. — Подумай, кто я и кто он. Он, верно, моложе меня, да к тому же такой умный и ученый! Я и в подметки ему не гожусь!

— Что верно то верно, — согласилась старуха. — Но только твои чары околдовали его, разве я не вижу? Состылистый он, видно, парень, потому и молчит, но уж ты мне поверь, душа его тянется к тебе. Неужто ты сама не замечаешь? Придется уж тебе быть посмелее.

— Благослови, бабушка: пусть исполнятся мои желания! — радостно проговорила Мунни.

Молодая женщина несколько мгновений стояла, не спуская глаз с лица Амара, затем вошла в лачугу и вынесла его постель. Амар, заметив, наконец, Мунни, оторвался от книги.

— Не нужно, я ведь подстелил циновку, — сказал он. — Смотри, избалуешь меня, совсем обленюсь. Иди-ка лучше сюда, я почитаю тебе сказания о наших деви.

— Сказания? А кто их придумал?

— Их не придумали. Все это на самом деле было...

Амаркант принялся рассказывать Мунни о вторжении мусульман, об обычае самосожжения женщин-кшатриев, о доблести героев-раджпуттов.

— Подумай, их женщины бросались в огонь, чтобы даже взгляд чужеземца не упал на них. Во имя спасения своей чести они шли на смерть. Вот пример для наших женщин! А в Европе сейчас знаешь какие нравы? Когда немецкие солдаты вторглись во Францию и французские деревни остались без мужчин, женщины не нашли ничего лучшего, как путаться с офицерами и солдатами оккупационных войск.

Мунни поморщилась.

— Ну и бессовестные! Но как же те женщины заживо сжигали себя?

Амар закрыл книгу.

— Да, это трудно, Мунни! Ведь если хоть одна искра коснется кожи — появляется волдырь. Потому-то весь мир и склоняет головы перед памятью этих богинь. Когда я читаю о них, у меня волосы встают дыбом. Как бы я хотел посыпать голову священной землей, на которой зажигались эти жертвенные костры, умереть на той земле.

Задумавшись о чем-то, Мунни стояла, не поднимая глаз.

Амар продолжал:

— Подчас даже случалось, что женщины, стремясь оторвать своих мужей от мирских обольщений, шли на костер и в мирное время. Мужчины так дорожат жизнью, что и в старости цепляются за нее. Мы держимся за свою жизнь даже тогда, когда она несет нам одни тяготы. Великие риши, махатмы¹ и те не свободны от обольщений жизни. А для этих богинь жизнь была игрушкой.

Мунни молча стояла перед Амаром. Она побледнела, словно ее терзала нестерпимая боль.

Амар, наконец, спохватился:

— Что с тобой, Мунни? Отчего ты так бледна?

Мунни через силу улыбнулась:

— Ты это обо мне? Что со мной может быть?

— Что-то случилось, ты скрываешь от меня.

— Нет, ничего не случилось.

Помолчав с минуту, она вдруг предложила:

— Хочешь, я расскажу о себе? Ты будешь слушать?

— С радостью. Я ведь тебя не раз спрашивал, ты сама не хотела говорить.

— Я боюсь тебя. Ты можешь счесть меня низкой и вообще — бог весть какой...

Словно испугавшись чего-то, Амаркант поспешно ответил:

— Тогда не рассказывай. Я — такой, какой есть, и не могу в угоду кому бы то ни было стать иным.

Потерпев поражение, Мунни сразу сдалась:

— Вот какой ты, лала! Вечно сердишься по пустякам — слова тебе не скажи. Ладно, слушай и постарайся понять, что у меня на душе.

Каши я оставила сама не своя: не понимала, куда еду, зачем, почему... Чувствовала, что совсем пропадаю. Потом начала понимать, что я потеряла. Мне так ясно представилось, как мой малыш сучит пожками, тянется ко мне на руки. Такой тоски я никогда еще не испытывала; я непрестанно думала о нем. Его смех и плач, смешные слова, нетвердые шаги, то, как я показывала ему дядюшку-месяц, чтобы он перестал хныкать, песни, которыми я его баюкала, — все, все приходило на память.

Каким счастьем веяло на меня от этого маленького мирка! Какое наслаждение было сжимать в объятиях это сокровище! Словно все чудеса мира раскрывались

¹ Риши — святой, отшельник; Махатма — мудрец.

передо мной. Этой радости я не променяла бы на райское блаженство. Вся моя жизнь, все надежды воплотились в ребенке. С его появлением наша ветхая лачуга, наши лохмотья и нагота, долги и займы, нищета и страдания — все эти острые шипы обратились в цветы. Одно желание, одна молитва была у меня: всевышний, сохрани мне сына! И вот сегодня я покидаю его и ухожу в неведомую жизнь. Душа моя забилась в смятении, на нее нахлынули воспоминания и преследовали неотступно. Мой сын, мой мальчик стоял передо мной как живой. Я не могла ехать дальше. Мир насмехается надо мной — пусть насмехается! Родня изгнала — помирюсь и с этим, но не оставлю свое сокровище! На черствую корку я всегда заработаю, но сын мой, свет очей моих — будет со мной. Кто посмеет отнять его у меня? Он — создание моей плоти, ради него я не щадила жизни. Он — мой. Никто другой не вправе посягать на него.

Когда поезд подошел к Лакнау, я сошла: с первым же обратным поездом решила вернуться в Каши, а там — будь что будет.

Не знаю, сколько времени я провела на платформе. Зажглись фонари... Я все спрашивала у носильщиков, когда будет поезд на Каши. Наконец, кажется часов около десяти, показался поезд. Я собрала вещи, но сердце вдруг так забилося, что не было сил идти. Поезд подошел, пассажиры бросились к вагонам, вся платформа была забита народом. Ко мне подошел носильщик.

— В какой вагон нести вещи, — спросил он. — В женский или в мужской?

Я молчала. Носильщик поглядел на меня и снова повторил:

— Вещи нести в женский вагон?

Я, запинаясь, ответила:

— Я не еду с этим поездом.

— Следующий поезд будет только в десять утра.

— Вот с тем я и поеду.

— Вещи вынести с вокзала или отнести в зал ожидания?

— Лучше в зал ожидания.

— Почему же ты не поехала с этим поездом? — удивленно спросил Амар.

— Не знаю, что со мной сделалось. — Голос Мунни дрожал. — Будто что-то сковало меня по рукам и ногам.

Словно я собиралась убить корову. Как я могу прикоснуться к сыну этими зачумленными руками? И тут во мне вспыхнул гнев на мужа: почему он не поехал со мной? Если бы я была дорога ему, разве он отпустил бы меня одну? Он мог бы поехать с тем же поездом. Ну, а раз он не захотел, то и мне нечего к нему возвращаться. Эти мысли и удержали меня.

Как потерянная, сидела я в зале ожидания. По соседству со мной на небольшом коврикe устроились какие-то люди — муж и жена. На руках у женщины был годовалый ребенок. Чудесный мальчуган! Щечки розовые, глаза — как чашки, тельце нежное, будто сливочное масло. Глядя на малыша, я на минуту забыла о своем горе. Мне вдруг показалось, что это мой сын. Но вот мальчишка сполз с колен матери и потихоньку стал подбираться ко мне. Я отодвинулась. Малыш снова подполз. Я встала и отошла подальше. Ребенок, видно, понял, что я не хочу его брать, и заплакал. Мать сердито поглядела в мою сторону и подхватила сына на руки. А тот все упрямился, тянул ко мне ручонки. Но я не могла подойти. У меня словно руки отсохли. Мне казалось, что стоит мне прикоснуться к этому золотому крошке, и он сразу что-то потеряет, чего-то лишится.

Женщина обратилась ко мне:

— Возьмите его на минутку, деви. Вы будто убегаете от него. Вот негодник! К ласковым не идет, а к тем, кто отворачивается, так и льнет.

Я даже передать не могу, бабуди, как тяжело мне стало от ее слов. Как я скажу этой женщине, что на мне позор, что я — самая последняя грешница и одно мое прикосновение принесет тысячи бед и несчастий невинному младенцу? Ведь если они узнают это, мне уже не придется держать в руках ребенка.

Не спуская любовного взора с малыша, я подошла поближе и неуверенно протянула к нему руки. Вдруг ребенок заплакал и бросился к матери, словно испугался чего-то. Теперь я понимаю — это был дегский каприз, но тогда я решила, что и впрямь похожа на ведьму. Мне стало очень горько.

— Что же ты не идешь? — спросила у мальчика мать. — Ведь тебя зовут. Вы куда едете, сестра? — обратилась она ко мне.

Я сказала, что направляюсь в Харидвар. Эти люди

ехали туда же. Они опоздали на поезд и теперь дожидались следующего. Жили они довольно далеко, возвращаться на такой короткий срок домой не имело смысла...

Я очень обрадовалась, что поеду в Харидвар не одна. Но малыш больше не тянулся ко мне.

Вскоре мои попутчики задремали, а я все продолжала сидеть. Мальчик спал возле матери. Меня все время томилло желание взять его на руки и приласкать, но я боялась, что он заплачет, да и мать могла проснуться — еще подумает невесть что. Ровица ребенка была как цвек — я глаз от нее оторвать не могла. Он улыбался: видно, ему снилось что-то хорошее. Сердце перестало повиноваться мне — я прижала спящего ребенка к груди, но тут же опомнилась и положила его на прежнее место. Сколько счастья дала мне эта мимолетная ласка! Мне показалось, что это мой мальчик, приняв облик чужого ребенка, вернулся, наконец, в мои объятия.

У этой женщины было суровое сердце. Она постоянно бранила малыша, а подчас и шлепала. Ну и злилась же я на нее в эти минуты! Так бы, кажется, и избивала ее! Впервые я видела такую неласковую мать.

Когда на другой день мы сели, наконец, в поезд, я уже окончательно завладела ребенком. Трудно рассказать, что это было, бабу-джи... У меня даже молоко в груди появилось, так что и в этом я заменила ему мать.

Приехав в Харидвар, мы остановились в гостинице для паломников. Слепленная любовью к ребенку, я не могла отстать от этих людей. Я сделалась их служанкой: убирала за мальчиком, кормила его, забавляла. Мать избавилась от обузы, я же вся ушла в радостные заботы.

Деви-джи была неприятная женщина — ленивая, заносчивая; лала-джи — скромный и добрый. На меня он глаз ни разу не поднял. Если случилось, что я была одна в комнате, он не смел войти. Характером он был похож на тебя. Я от души жалела лалу-джи: с этой сварливой бабой ему жилось не лучше, чем мыши в лапах у кошки. То и дело жена принималась ругать его, — он же, бедняга, только вздыхал.

Недели две спустя деви объявила, что пора собираться домой, но бабу-джи хотелось еще немного пожить в Харидваре. В семье начались раздоры. Я с ребенком была на веранде, и вдруг слышу, деви-джи кричит:

— Если тебе так хочется, можешь оставаться, а я сегодня же уеду. Ты, видно, совсем сбился с пути!

Муж робко возразил:

— Ну что за беда, если мы проживем здесь еще дней десять? Твое здоровье не окрепло.

— Здоровье мое оставь в покое, я так скоро не собираюсь умирать. Да разве ты ради моего здоровья хочешь остаться?

— А для чего же я приехал сюда?

— Для чего бы ни приехал, теперь уж здоровье мое тут ни при чем. Эти отговорки оставь для тех, кто не знает твоих проделок, а я тебя вижу насквозь. Тебе охота развлечься и поволочиться.

Слышу, бабу-джи просительно говорит:

— Хорошо, хорошо, Бинни, уедем сегодня, только не позорь меня.

Но девиджи не уgomонилась — очень уж много в ней было злости.

— Ну конечно, ты не прочь уехать: ведь здесь пайсы из кошелька ветром выдувает. Торопишься сунуть жену в темную лачугу, а там жива она будет или умрет — тебе и горя мало. Одна умрет — другая придет, помоложе. У тебя одна забота — деньги. Я хотела было остаться ненадолго, но с тобою разве проживешь спокойно? И что это господь не приберет меня?!

Амаркант снова прервал рассказ:

— А бабу-джи действительно провинился, или терпел напраслину?

Мунни рассмеялась:

— Ну и непонятлив же ты, лала! Эта чертова баба намекала на меня. Бабу-джи боялся, что она станет кричать об этом на всех перекрестках. Он просил ее замолчать, умолял, заклинал. Куда там! — разве такую уговоришь? На все его слова она только закатывала глаза и кричала:

— Всевышний, слава ему, и меня не обидел — дал два глаза, я не слепая. Что выдумал! Чтобы я мучилась одна в тесной лачуге, а ты забавлялся на стороне! Видно, тебе и вправду беса потешить захотелось.

Я уже понимала, к чему она клонит. Душу охватил такой лютый гнев — кажется, так бы и разодрала ногтями ее мерзкую рожу! Перед тобой, как перед богом: на бабу-джи я и глазом не глянула. А эта ведьма смела

лить на меня помои! Если бы не мое уважение к бабужди, уж я сумела бы ее образумить. Где игла коротка — сошник возьмет.

Наконец и бабужди проняло.

— И откуда ты все выдумала? Ведь это ложь, ложь! — закричал он.

— Ах, так это ложь!

— Ложь!

— Поклянись жизнью сына, что это не так!

Мне бы лучше уйти от греха, но такая уж я — не умею смолчать, когда плетут небылицы. Кровь бросилась мне в голову.

— Прикрой рот, сестра, не то плохо будет! — сказала я, войдя к ним в комнату. — Я пропускала мимо ушей все, что ты тут молола, так ты и совсем язык распустила! Я привязалась к твоей семье, потому что принимала тебя за порядочную женщину. Знала бы я всю твою подлость, я бы бежала без оглядки от твоей тени. Я не потаскушка, не сирота, по милости всевышнего и у меня есть муж. Мое одиночество здесь — злая игра судьбы. Да твой муж недостоин даже ноги омыть моему супругу. Я позову его сюда, и ты сама убедишься. Ну ладно, на сегодня хватит, об остальном договоримся завтра.

Только я все это ей выложила, смотрю — во двор входит мой муж с сыном на руках. Он, как увидел меня, бросился ко мне.

Я так перепугалась, будто передо мной вдруг появился лев. Со всех ног кинулась я в свою комнатушку и заперлась. В груди у меня словно молот стучал. Смотрю в щелку: лицо и волосы у мужа в пыли; за спиной одеяло и кружка, в руках длинная палка. Вид у него был совсем расстроенный.

Бабужди вышел к нему во двор.

— Вы, наверное, супруг Мунни? — спросил он. — Хорошо сделали, что приехали. А она только что вас поминала. Заходите в дом, разденьтесь. Но почему сестрица убежала? Здесь, кажется, парда¹ ни к чему.

Ты видел моего мужа, лала. Бабужди перед ним — вроде как теленок перед племенным быком.

Ничего не ответив бабужди, муж подошел к моей комнате.

¹ Парда — занавеска, отделяющая женскую половину в доме.

— Что ты делаешь, Мунни? — сказал он мне через дверь. — Я три дня разыскиваю тебя здесь, наконец-то нашел, а ты прячешься в комнате. Ради создателя, открой дверь и выступишь меня, а потом уж поступай, как тебе велит совесть...

Слезы брызнули у меня из глаз. Душа молила: «Открой дверь, прижми к груди свое дитя». Но откуда-то из тайников сердца слышался другой голос: «Берегись, не касайся ребенка».

Представь себе, лала, изнывающего от жажды человека, который вдруг увидел сосуд с водой; он уже рванулся к нему, чтобы испить влаги, но тут же слышит: «Вода эта осквернена, к ней уже прикасались». Одна половина моей души говорила: «Не проявляй неуважения к мужу. Всевышний наложил на тебя святые узы жены и матери, и узы эти нерасторжимы». Другая же половина твердила: «Теперь ты уже не вправе называть своего мужа — мужем, а сына — сыном. Не позволяй слепоте обмануть тебя, или оба они будут запятнаны позором».

Я продолжала стоять, не двигаясь с места.

Малыш стучал в дверь своими крохотными ручонками и тоже требовал, чтобы я пустила их.

— Окой! Окой! — кричал он.

Как любо мне было слышать это милое, смешное словечко! Знаешь, бывает иногда так, что человек пугается своего одиночества и тишины. Тогда, чтобы избавиться от страха, он начинает петь и, ободренный собственным голосом, воображает, что он не один. Так и я, стремясь унять бушевавшее во мне чувство любви, взмолилась:

— Зачем ты преследуешь меня? Почему не хочешь смириться с мыслью, что я умерла? Не будь малодушным, ведь ты же тхакур! Не губи честь рода ради низкой женщины. Ступай отсюда, женись и воспитай сына. В этой жизни между нами нет ничего общего; молю всевышнего, да одарит он меня счастьем соединения с тобой в будущей жизни! Отчего ты лишаешь меня твердости, зачем искушаешь? Ты все равно не найдешь счастья с падшей. Сжался надо мной, уходи немедленно, иначе, клянусь тебе, я приму яд!

Муж печально, но твердо ответил:

— Ради тебя я забыл честь рода, оставил близких. Но я ни о чем не жалею — пусть все хоть сгорит! Либо

я увезу тебя с собой, либо найду покой в волнах Ганга. Пусть всевышний покарает меня, если в моем сердце есть хоть капля зла против тебя. А коли ты не хочешь идти со мной, я оставляю тебе сына и уйду один. Убей его или дай ему жизнь — твоя воля; я больше к тебе не вернусь. Если же когда-нибудь вспомнишь меня — плесни горстку воды.

Представь себе мое смятение, лала. Я знала: слово мужа твердо. Известно мне было и то, как не дорожит он жизнью. И все-таки я держалась изо всех сил: стоило хоть на минуту дать себе волю, и все пошло бы прахом. Нет, сердце надо было превратить в камень!

— Если ты оставишь мне ребенка, а сам уйдешь, ты будешь детоубийцей, — сказала я. — Я и на миг не продлю свою жизнь, чтобы видеть сына несчастным. Ты обязан его вырастить, помни свой долг! Сейчас мне доступно только одно счастье — знать, что моему мужу и сыну не грозит беда. Ты хочешь отнять у меня это утешение — что ж, отнимай, но помни, что лишаешь меня последней отрады.

Сквозь щель я видела, как муж мой взял на руки ребенка, которого за минуту до этого спустил на землю, и пошел прочь. Глаза его налились слезами, губы дрожали.

Девиджи как добрая хозяйка предложила было моему мужу присесть, принялась расспрашивать, почему я так его приняла. Он молчал. Бабуджи проводил его за ворота. Не знаю, о чем они там говорили, кажется, бабуджи хвалил меня. Я дрожала от страха, как бы муж и в самом деле не наложил на себя руки, молила богинь и богов, чтобы они хранили моего любимого.

Едва лишь бабуджи вернулся, я приоткрыла дверь.

— Куда он ушел? — спрашиваю. — Что говорил?

Бабуджи с презрением поглядел на меня:

— Ни слова он не сказал, только вздыхал. Пойди, догони его. Он направился к Гангу. Я думал, ты — душа-человек, а ты, оказывается, злее волчицы. До чего довела беднягу — он плакал, как ребенок.

Я уже настолько потеряла власть над собой, что перестала понимать, что происходит, и напустилась на бабуджи:

— А ты бросил его одного и поспешил убраться во-свояси? Уж верно не растаял бы, если бы посмотрел, что

он будет делать! И деви-джи твою никто не похитил бы. Человек голову потерял, а ты его оставил и явился как ни в чем не бывало!

Деви-джи вступилась за мужа:

— Если бы он не вернулся, я бы не знала, что и думать! Ладно, раз пришел, пусть сидит дома, я сама пойду за твоим мужем. Уж я приведу его, будь спокойна!

Гостиница в эти дни была забита паломниками. У дверей толпились любопытные и глядели на нас. Едва лишь деви-джи вышла, как следом за ней потянулось человек пять. Через полчаса все вернулись с известием, что мой муж направился к станции.

Но могла ли я быть спокойной, пока не убедилась, что он сел в вагон? Его поезд отходил только утром, значит, всю ночь он должен был провести на вокзале.

Дождавшись темноты, я побежала к станции. Смотрю — под деревом на разостланном одеяле сидит мой муж. Возле него сынишка играет в поезд — таскает за бечевку кружку. Несколько раз малыш падал, но тут же вставал и продолжал игру. Я притаилась за деревом и не спускала глаз со своих ненаглядных. Мысли мои путались.

«Конечно, — думала я, — родня не простит меня. Но если мы с мужем уедем подальше от дома и поселимся в незнакомом месте, что нам родня и община? Все дело в том, могу ли я сама вновь стать такой, какой была прежде?»

Снова и снова возвращалась я к этой мысли: «Муж откровенно признался, что сердце его чисто передо мной. Не такой он человек, чтобы обманывать. Он никогда словом не попрекнет меня, не помянет прошлого. Как он любил меня! И сейчас его сердце не изменилось, оно все то же. Что я делаю! Из ложного стыда гублю свою и его жизнь. Но... но я-то, я... могу ли я стать прежней? Нет, это невозможно!»

Я знаю, муж мой будет меня любить больше прежнего. Никогда я не услышу от него и слова упрека, как бы я ни поступила... Он-то будет любить, но того, что прошло, не вернешь! Я теперь вроде больной, у которой ни к какой пище душа не лежит. Тогда для чего же мне жизнь? Без радостей и надежд жизнь бесполезна. Ну, еще поплачу, а что дальше? Кто знает, какое еще горе,

какой позор ожидает меня? Лучше разом покончить со всем».

Решение было принято, и я поднялась. Передо мной лежал мой повелитель — он спал. Спал и сынишка. Ох! Какие прочные, какие нерасторжимые узы! Словно богатство скупого. Он его не подарит, не растратит: у него одна радость — знать, что его сокровища с ним, вечно с ним! Какую силу придает ему это сознание! И я должна была преодолеть то же обольщение. Осторожно-осторожно, с таким чувством, словно сама душа моя выглядывает из глаз, подошла я к спящим, но и мгновения не выдержала возле них. Будто магнитом, тянуло меня к мужу. Чтобы противостоять этому влечению, надо было напрячь всю волю. Отшатнувшись, я опрометью бросилась к реке. Но чары все еще владели моей душой. Не в силах побороть их, я кинулась в волны Ганга.

— Пощади, Мунни, больше не могу! — в волнении проговорил Амаркант. — Потом когда-нибудь попозже доскажешь.

Мунни улыбнулась.

— Да я уже почти кончила. Не знаю, долго ли я пробыла в воде. Пришла в себя уже здесь, в доме Гудара. Меня понесло течением. Утром Сумер, старший сын старосты, пришел к Гангу совершать омовение и нашел меня там. С тех пор я живу в этой деревне. Какое счастье и покой обрела я здесь, в лачуге неприкасаемых, говорить не буду — словами не расскажешь. Каши и Паяг зовут меня невесткой, Сумер называл сестрой. Я еще и на ноги-то не встала по-настоящему, когда он ушел от нас в лучший мир.

В душе Амара давно сидела заноза. Большая часть ее вышла, но какой-то кончик остался и сейчас давал о себе знать.

— Сумер, наверное, любил тебя?

Мунни изменилась в лице.

— Да, любил, очень любил. Но что я тут могла поделать? Однажды, когда я уже почти поправилась, он сказал мне об этом. Я рассердилась было, но потом обратила все в шутку. «Ты, видно, ждешь платы за доброе дело? — сказала я. — Тогда лучше сведи меня к Гангу и снова утопи. Если ты спас меня с какой-то задней мыслью, то мало тебе чести. Запомни — я из раджпутов.

Впредь и по забывчивости не говори мне такого, не то — Ганг недалеко».

Сумеру стало так совестно, что потом он и близко-то ко мне не подходил. Но мои слова разбили ему сердце, это я знаю. Вскоре как-то у меня заболел бок. Сумер решил, что это бесовское наваждение, и пошел звать знахаря, который жил на другом берегу реки. Надо было переправиться через разлившуюся реку, и бедняга не выплыл.

Я горевала по нему, как по родному брату. Видишь, и среди «низких» встречаются люди высокой души, я это узнала только здесь. Если бы он не умер, дом Гудара был бы самым счастливым. Парень был безответный. Случалось, бранят его, ругают — он только молчит.

— И с тех пор ты ничего не слыхала о муже и сыне? — не удержался от вопроса Амар.

Глаза Мунни мгновенно превратились в озера слез, к горлу подступили рыдания.

— Муж утром снова вернулся в гостиницу, — с трудом проговорила она. — Узнав, что я ушла вечером и не вернулась, он принялся меня разыскивать. Он кидался всюду, где надеялся найти мой след. За месяц он исходил весь район. От тревоги и отчаяния он, кажется, немного помешался. Затем его снова видели в Харидваре — на этот раз уже одного, без ребенка. Люди спрашивали его обо мне, но в ответ он только смеялся. Когда я поправилась, я решила сходить в Харидвар, узнать о своих вещах. Я не надеялась найти их, ведь прошло уже больше трех месяцев с той страшной поры. Просто мне хотелось расспросить о муже или передать для него письмо. Подхожу к гостинице, и что же — у дверей толпа окружила чей-то труп. Слышу, кругом говорят: «Это тот самый помешанный, который повсюду искал свою жену». Это был мой муж, лала. Жители квартала и рассказали мне, что с ним произошло. Ох, как я терзалась, как мучилась! Случилось то, чего я больше всего боялась. Ведь знала, предчувствовала, что они погибнут, а все же не пошла с ними... Всевышний послал мне двойную кару, но разве у человека есть стыд? Ты видишь, я жива, я и не думаю умирать. Ради чего умирать? Я ем, пью, смеюсь, разговариваю, будто ничего и не случилось. Вот и вся моя горестная повесть...

Часть третья

1

Все житейские планы лалы Самарканта рухнули. Старый ростовщик лелеял мечту выдать дочь замуж, дела передать сыну, а самому провести остаток дней в уединении и поклонении богам. Но мечте, видимо, суждено было остаться только мечтой.

Все считали, что лала Самарканд из тех людей, которые до последнего вздоха принадлежат своему делу. Сын рос, решение старика крепло, но жизнь повернула все по-своему. Сначала Амар как будто начал выходить на правильный путь, но потом, когда разум его помутился, лала-джи пришлось распротиться со своими надеждами. Каковы бы ни были пороки сына — в нравственности его сомневаться не приходилось; однако, попав в дурное общество, он потерял скромность, забыл веру, утратил моральные принципы. Лала-джи глядел сквозь пальцы на легкие связи. Ведь большие люди испокон веков не отказывали себя в подобных развлечениях. Да разве найдется хоть один аристократ, который бы не забавлялся этой игрой? Но отречься от своей веры, бросить вызов обществу, открыто пренебречь честью, — это не просто сумасбродство, это — верх глупости!

Деловая жизнь лалы Самарканда шла одним путем, духовная — другим, и пути эти никогда не скрещивались. В делах старый хитрец не брезговал ничем: жульничество, обман, коварство — все средства были хороши. Почему, например, при продаже товара не подмешать в пеньку или хлопок мусора, а в топленое масло — тертого картофеля? Однако лала-джи ни разу в жизни не позволил себе проглотить хоть каплю воды, пока не совершил омовения. Вряд ли за последние сорок лет хоть однажды позабыл он о вечерней молитве или не приложил ко лбу тулси¹. В экадаши он не прикасался к воде. Одним словом, лала-джи тщательно соблюдал все религиозные обряды, но вера его не имела никакого отношения к жизни.

Когда в тот злополучный вечер лала Самарканд вернулся от Салима, первое, что он сделал, это изругал Сукхду. Затем досталось и Найне. Доведя до слез обоих, старик ушел к себе и тоже дал волю слезам.

За ночь слух успел расползтись по всему городу. Повсюду судачили так и эдак. Лала Самарканд весь день просидел дома. В этот день он даже не совершил омовения в Ганге. Несколько клиентов принесли деньги; счетовод попросил было ключ от сейфа, да куда там! — лала-джи так прикрикнул, что бедняга поспешил ретироваться. Клиенты ушли и унесли свои деньги.

¹ Тулси — священное растение индусов.

Слуга внес серебряную хукку, зажег ее, но лала-джи и не взглянул на трубку.

Утром, в десять часов, вошла Сукхда.

— Вы будете кушать?

Сарик сердито глянул на нее.

— Я не голоден.

Сукхда ушла. Целый день никто в доме ничего не ел.

В девять вечера пришла Найна.

— Дада, вы не пойдете в храм?

Лала-джи вздрогнул.

— Ах да, храм! Почему же не пойду? Вы сегодня что-нибудь ели?

— Ничего не ели. Кому кусок в горло полезет?

— Что же, теперь весь дом распростится с жизнью?

Сукхда была уже тут как тут.

— Если вы сами решили распроститься с жизнью, к чему сердиться на других? — спросила она с порога.

Лала-джи уже собирался выйти. Он чуть приостановился:

— Да разве у меня случилось что-нибудь, чтобы мне надо было помирать? Много ли радости видел я, пока сын был здесь? Счастье отцовства прошло мимо меня. Он всегда только злил меня и сейчас продолжает злить. Ну-ка, ступайте, приготовьте ужин; когда вернусь — поем. Пусть он ушел, оставшимся надлежит исправлять его ошибки. Чего ради призывать смерть? Я дал жизнь сыну, я устроил его свадьбу; все здесь приобретено мной, дом вел тоже я. У меня еще много дней впереди. Но я все же никак не пойму, что взбрело на ум парню? Ведь внучка патханки — вовсе не райская дева. Что его заставило так увиваться за ней? Это совсем не в его характере. Вот уж действительно игра судьбы!

Храм был полон народа. Едва показался лала Самаркант, отовсюду послышались вопросы:

— Куда это ушел Амар, сетх-джи? Что случилось?

— Парень давно собирался побродить, — отвечал лала-джи. — Ни дать ни взять аскет! Ему только дай волю — от моего достояния живо ни пайсы не осталось бы! Мог ли я мириться с этим? Вот и повздорили. Я-то на своей шкуре испытал, что такое нищета, а ему она неведома. Ничего, как полгода-год хлебнет горя — живо в себя придет. Уразумеет, что служить народу могут только

люди с достатком. Если в доме сухой корки нет, тут уж не до взносов!

На дальнейшие расспросы никто не решился. Только бестолковый жрец не удержался и бухнул:

— Я слышал, парень спутался с какой-то девчонкой из ткачей-мусульман.

Услышав столь бестактное замечание, все деликатно отвернулись. Лала-джи уставился на жреца налившимися кровью глазами и громко ответил:

— Да, спутался, ну так что? Разве бог Кришна не наслаждался с тысячей рани? А раджа Шантану¹ не испытал счастья с дочерью рыбака? Назови хоть одного раджу, во дворце которого не было бы сотни красавиц! Если даже мой сын и спутался с кем-нибудь, то ничего нового он не придумал. Это я говорю для таких, как ты. А умным людям скажу: тот, у кого жена прекрасна как райская пари, не станет вылизывать чужие блюда. Человек, у которого полно сластей, не возьмет в рот чабэна².

Лала-джи отвернулся от незадачливого жреца и приблизился к изображению божества. Но сегодня он не чувствовал обычного благоговения. Страдалец обращается к всевышнему с надеждой, счастливцев — со страхом. Несчастья только усиливают веру, если же беда настигает человека, избалованного судьбой, он становится бунтарем. Самого бога он хочет сломить своим богатством. Кровоточащее сердце лалы-джи сегодня не обрело благодатного покоя, не исполнилось стойкости от пребывания близ убранного золотом и шелками божества. Еще вчера черпал он здесь силы и уверенность в себе, а сегодня его потрясенная горем душа кипела протестом. Вот она, награда за его преданное служение, за ревностное исполнение обрядов, омовений и постов!

Лала Самаркант совсем было собрался уйти домой, когда брахмачари³ остановил его:

— Лала-джи, сейчас нам надо договориться о чтении «Рамаяны».

— Да, да, хорошо, — рассеянно бросил на ходу старый ростовщик.

¹ Шантану — герой древнеиндийского эпоса.

² Чабэн — поджаренные зерна, служащие пищей для беднейших индийских крестьян.

³ Бра х м а ч а р и — брахман, соблюдающий обет целомудрия.

— Но ведь никто из нас не располагает такими возможностями, как вы,— вмешался один из наиболее почтенных богомольцев.

Лала Самаркант вдруг оживился:

— Да, да! Я готов взять на себя все расходы! Разве найдется более достойное применение деньгам, чем воздаяние почестей всевышнему?

Такое неожиданное рвение удивило присутствующих. Лала-джи был скуп и всегда норовил уклониться от расходов на духовные нужды. Люди полагали, что если удастся получить у старика рупий десять — двадцать — и на том спасибо. Теперь, видя его горячность, другие тоже воодушевились.

— Никто не просит вас брать на себя все расходы, лала-джи,— заметил сетх Дханирам. — Вы — любимец Лакшми, это всем известно, но ведь и другие хотят послужить вере. Надо организовать подписку.

— Что ж, пусть будет подписка,— согласился лала Самаркант. — Я восполню недостающую сумму.

Дханирам встревожился, как бы этот ловкач не перехитрил всех.

— Нет, вы уж лучше сразу запишите сумму вашего взноса,— предложил он.

Но лала Самаркант вошел в азарт:

— Сначала вы, сначала вы!

Принесли бумагу, перо, чернила. Сетх Дханирам написал: сто одна рупия.

— Сколько, по-вашему, составят все расходы? — осведомился лала Самаркант у брахмачари.

Тот считал, что потребуется по меньшей мере тысяча рупий.

Лала-джи вывел против своего имени «899 рупий» и покинул храм. Недостаток веры этот человек думал покрыть крупной суммой взноса. Так всегда — чем меньше веры, тем больше лицемерия.

2

— От кого это? — спросила Сукхда, увидев в руках Найны письмо. Девушка уже успела прочитать послание.

— От брата,— ответила она.

— Ах, вот как! От него? Где же он?

— В деревне возле Харидвара.

Больше пяти месяцев обе они даже не заговаривали об Амарканте. Сердечная рана мучительно болела от самого легкого прикосновения. Сукхда больше ни о чем не спросила. Она шила сыну рубашку и сейчас упрямо склонилась над работой.

Найна села писать ответ. Она пошлет его сейчас же! «После долгого-долгого молчания ты, наконец, вспомнил обо мне...» О чем только она не написала бы ему! Через некоторое время письмо, с которым мы уже знакомы, было готово. Она понесла его к невестке, но та не сочла нужным читать.

Найна разочарованно проговорила:

— От тебя что-нибудь приписать?

— Нет, не надо.

— Так напиши сама.

— Мне нечего ему писать.

Найна в унынии вышла. Письмо было опущено в почтовый ящик.

При одном упоминании имени Амарканта Сукхда приходила в неистовство. В ее комнате висел портрет Амара — она его разорвала и вышвырнула. Постепенно из ее обихода исчезли все вещи, которые хоть как-то могли напоминать о муже. Даже к сыну она охладела. Теперь мальчик большую часть времени проводил с Найной. Любовь к ребенку сменилась жалостью. Но это не огорчало Сукхду. Она стала еще самоувереннее, сделалась куда более независимой, не искала ни в ком опоры. Ее душа бунтовала против любого ига, кроме ига любви. Пристрастие к роскоши затерялось в дебрях души.

Но самое удивительное было то, что Сукхда не ощущала ни малейшей вражды к Сакине. Она считала, что бедная девушка пала под ударом того же несчастья, что и она, только удар поразил Сакину значительно сильнее. Сколько позора, сколько слез досталось на долю бедняжки из-за этого жестокого человека! А ему и горя мало. Можно ли доверяться таким легкомысленным людям? Верно и там, далеко, его сети не пусты — в них уже запуталась какая-нибудь новая жертва. Сукхду очень тянуло повидаться с Сакиной, однако, поразмыслив, она оставила это намерение.

Но вот однажды через старую патханку стало известно, что Сакина серьезно больна. Сукхда решила навесить девушку и взяла с собой Найну.

Дорогой патханка принялась жаловаться:

— При мне ведь она и рта не раскроет. С того самого дня ни слова мне не сказала. Я покажу вам дом, и сама уйду куда-нибудь. Такой подходящий жених был и, — на вот тебе, — отказала! Ничего, я помолчу еще, посмотрю, долго ли она будет так сидеть да надеяться на него. Пока я жива, лала Амаркант в наш дом и носа не покажет. Когда умру, уж не знаю, что будет.

Сукхда набралась мужества и спросила:

— А если Сакина получит от него письмо и уедет, что вы будете делать?

Старуха нахмурилась.

— Да разве она посмеет так уйти? Тогда ей не жить! Однако молодая женщина не унималась.

— Но он может принять ислам. К чему же тогда вам отказывать ему?

Патханка от возмущения даже уши себе зажала.

— Эх, дочка! Да чтобы я разрушила дом, в котором всю жизнь ела хлеб, и построила свое счастье на чужом горе, — никогда! Благородные люди так не поступают. И понять не могу, что соблазнило лалу в этой девчонке?

Патханка указала гостям свой дом, а сама завернула к соседям. Сукхда постучала; дверь отворилась — на пороге стояла Сакина. Увидев гостей, девушка растерялась. Ей захотелось убежать, спрятаться. Как их встретить? Куда посадить?

— Не тревожьтесь, сестра, мы присядем на постель, — успокоила ее Сукхда. — А вы все худеете. Губите жизнь из-за неверного человека...

Краска стыда залила бледные щеки Сакины. Ей почудилось, что молодая женщина призывает ее к ответу за разрушенный семейный очаг. Что могла возразить Сакина, чем оправдаться? Все совершилось столь неожиданно, что она сама не в силах была разобраться в случившемся. Вначале на горизонте показалось облачко, затем все небо затянуло тучами и разразилась буря, такая грозная, что сама Сакина оказалась сломленной. Какими же словами объяснить ей, как все произошло? Кто бы мог сказать, глядя на далекое облачко, что приближается буря?

Опустив голову, девушка сказала:

— Разве жизнь женщины предназначена для чего-нибудь другого, сестра? Что можно поделать со своим сердцем? Тот, от кого женщина ожидала верности,— предаст ее. Что же делать? Иначе что за сладость в любви? Жалобы и сетования, плач и стоны, беспокойство и тревоги — все это тешит любовь. На верность я не полагаюсь. Я и тогда еще знала, что этот любовный ураган — мимолетный гость, но с меня было довольно и того, что человек, которого сердце мое чтит превыше всего, счел меня достойной своей любви. А мне на этом бумажном кораблике и океан переплыть нипочем!

Сукхда вдруг поняла, какое простое, бесхитростное сердце раскрылось перед ней.

— Все это — фокусы мужчин,— сказала она, пытаясь скрыть растерянность.— Вначале они прикидываются божествами, поражают нас благородством, а потом превращаются в изменчивых попугаев.

— Божеством прикинуться невозможно, сестра,— возразила Сакина.— Вы, может быть, и старше меня на год или на два, но тут у меня опыт больше вашего. Не подумайте, что я горжусь этим,— мне только стыдно. Не дай господи дочери бедняка быть красивой! В бедности красота — несчастье. Тут не то что от больших людей,— и от малых-то не убережешься. Бабушка — добрая душа — считает меня чем-то вроде богини и на порог не пускает ни одного молодого человека, но раз уж зашел у нас такой разговор, признаюсь, я немало нагляделась на мужчин. И все они были один в одного: смотрели на меня как на игрушку и пытались использовать мою бедность, чтобы добиться своего. Единственный человек, отнесшийся ко мне с уважением, был бабу-джи. Бог свидетель — ни разу не взглянул он на меня непочтительно, ни одного легкомысленного слова не бросил. Он предложил мне быть его женой, и я согласилась. Теперь я связана словом, и пока он сам не откажется от меня, я буду ждать его, пусть на это уйдет хоть вся жизнь.

Наши встречи были так редки и мимолетны, но я верю ему бесконечно и никогда не перестану верить. Как я жалею, что тогда не ушла вместе с ним! Все-таки ему было бы легче — я могла бы хоть немного помочь ему. Я уверена, одна красота никогда не околдует его.

Встретиться ему хоть гурия — он и внимания не обратит на нее. Волшебство любви, внимание и чуткость — вот те силы, которые покорят его. Поверьте, сестра, для меня будет истинным счастьем узнать, что вы вновь соединились с ним, что ваша размолвка забыта. Мне это принесет большую радость. Ведь только из-за этого я и не ушла с ним тогда. Вы не обидитесь, если я вам дам один совет?

Сакина умолкла, ожидая ответа.

— Вы так чистосердечны, сестра, что я не могу обидеться на вас, что бы вы ни сказали, — уверила ее Сукхда. — Прошу вас, говорите.

Девушка поблагодарила ее и продолжала:

— Теперь вы знаете его адрес. Поезжайте к нему! Больше всего на свете он ценит доброе отношение, и только этим привлечете вы его сердце.

— Это все, или вы еще что-нибудь хотите сказать? — холодно спросила Сукхда.

— Да что же еще? Вы ведь гораздо умнее меня, лучше все понимаете.

— Он поступил со мной, как предатель, и искать его расположения я не стану. Представьте себе, что я убежала бы с каким-нибудь мужчиной; вы думаете, он поехал бы за мной, стал бы уговаривать вернуться? Как бы не так! Он, безусловно, поспешил бы вслед за нами, но только затем, чтобы оторвать мне голову. Я женщина, и у меня другая натура, но по мне легче умереть, чем подлаживаться к нему.

С этими словами Сукхда поднялась, чтобы уйти. Сакина была огорчена: и что ее потянуло так откровенно высказать свои сестринские чувства? Теперь гостья рассердилась. Попросив извинения за свои слова, девушка проводила Сукхду и Найну до двери.

Усаживаясь в тонгу, Найна заметила:

— Уж очень ты горяча, невестка. Чуть что — сразу вспыхиваешь.

— Ты говоришь так, будто он и не брат тебе! — гневно отозвалась Сукхда. — Да разве найдется в мире женщина, которая поехала бы уговаривать такого мужа? Сакина, может, и поехала бы, но только потому, что ей это счастье с неба свалилось.

Чуть помолчав, она задумчиво продолжала:

— Я пришла к ней со словами соболезнования, а

ухожу побежденная. Меня победила ее вера. В этой девушке есть все, что покоряет мужчину. Именно такие женщины и владеют сердцами своих мужей. Мне никогда даже не снилась подобная вера. Я всегда считала, что мой долг по отношению к мужу — быть веселой, красивой, шутить и смеяться, развлекать его. Я и сама не любила, и меня не любили... То, что не давалось мне в течение стольких лет, Сакина сумела получить за какие-то часы. Сегодня я узнала, что моя душа тоже не без изъяна: эта девушка раскрыла мне глаза.

3

Больше месяца в храме продолжалось чтение «Рамаяны». Пандит Мадхусудан-джи в совершенстве владел этим искусством. Его исполнение радовало не только слух, но и зрение; оно заставляло плакать и смеяться. Память его хранила целый океан сказаний, а в танце он был так искусен, что словно кистью рисовал портреты тех, о ком рассказывал.

В городе только и говорили, что об этих чтениях. Ренука-деви бывала в храме каждый вечер. Вьяса-джи¹ и певцы его гимнов безраздельно владели ее сердцем. Приходила в храм и Найна с малышом на руках. Только Сукхда не проявляла интереса к чтениям. Как ни старалась Найна, она не могла развеять мрачное настроение невестки. Мятушаяся душа Сукхды словно занесла обнаженный меч над всем миром. Иногда в своем протесте она доходила до иступления, и тогда молодая женщина жаждала сокрушить все традиции общества, его веру и законы. Для преступников, подобных Амару, она видела только один вид возмездия — женщины должны поступать так же, как мужчины, платить им той же монетой. Тогда и мужчины научатся смотреть на мир по-иному, они поймут, что на свете существует ревность. «Пусть мой удел — оплакивать честь своего рода, но не вечно же может длиться это лицемерие! Теперь отошло в прошлое убеждение, что индийская женщина должна омыwać мужу ноги и пить эту воду, как бы ни вел себя ее властелин, что муж — божество, перед которым следу-

¹ Вьяса-джи — легендарный автор «Махабхараты», в которой дано краткое содержание «Рамаяны».

ет преклоняться, а если божество изволило пошутить, то жене подобает принимать это как благодеяние. Довольно, такие времена давно прошли!» Сукхда посвятила этой теме несколько статей, и журналы охотно напечатали их.

Сегодня Найдя затеяла спор:

— Вот ты все твердишь, что, прежде чем вступить в брак, необходимо узнать душевные достоинства будущего мужа. Но разве такая проверка гарантирует женщину от обмана в дальнейшем? Почему каждый день мы слышим о новых и новых разводах?

— А что в этом дурного? — возразила Сукхда. — Ведь кончится же когда-нибудь эта несправедливость? Почему мужчина должен наслаждаться жизнью, а женщина — лить слезы из-за него?

Найна докончила свою мысль:

— Если нет любви, то и счастья не будет. И ничто здесь не поможет.

— Ну, кажется, ты всерьез принялась за эту науку, — усмехнулась Сукхда. — Учти, если выйдешь замуж с оглядкой — и тогда ты не застрахована от ошибки, а уж брак без оглядки всегда влечет за собой раскаяние. Впрочем, посмотрим, что принесет нам право развода.

На это Найна не нашла что ответить. Только вчера она слышала в храме разговор о том, чем отличается брак на Западе от брака в Индии. Но девушке все эти рассуждения показались совершенно неубедительными.

— Ты пойдешь сегодня в храм? — спросила она невестку.

— Пожалуй, пойду.

Когда они добрались до храма, чтение уже началось. Сегодня народу собралось больше, чем обычно. Пришли студенты и преподаватели из «Союза молодежи» и «Школы служения народу».

Мадхусудан-джи повествовал:

— Сказание о Раме и Раване. — это повесть о нашем мире, о нашей жизни. Если вы пожелаете — вы поймете его смысл, не пожелаете — он останется скрытым от вас. Но правда, заключенная в сказании, все равно пребудет с вами, в вашей жизни. Ведь Рам, Раван, Сита¹ — все они живут в душе каждого из нас...

¹ Р а м, Р а в а н, С и т а — герои древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

Неожиданно в задних рядах поднялся шум. Жрец выволакивал из толпы каких-то людей, осыпая их бранью. Поднялась суматоха. Слушатели повскакали с мест и сгрудились у входа. Чтение было прервано.

— Что случилось? — осведомился лала Самаркант.

Жрец, мечая из глаз пламя священного гнева Брахмы, возопил:

— Зачем эти люди явились сюда? Услышать слово о боге или разрушить нашу веру? Поглядите, кто сюда пролез: метельщики, кожевники! Что здесь — божий храм или постоянный двор?

— Гнать всех в шею! — прогремел лала Самаркант.

Какой-то старик, умоляюще протягивая руки, почтительно проговорил:

— Ведь мы только у дверей сидели, сетх-джи, и башмаки свои сложили тут же. Что уж вы думаете, такие мы бестолковые, чтобы позволить себе сесть возле вас?

Жрец ударил старика туфлей по лицу.

— Да как ты смел сюда сунуться? Ты видишь коврик? Приготовлено тут все или нет? Здесь прасад¹, чаранамрита², вода из Ганга... Ты все осквернил! По твоей милости людям в такой холод придется совершать омовение в Ганге. Прожил ты жизнь, Митхуа, пора о смерти думать, а ума, как я погляжу, не нашёл. Ввалиться сюда, где обитают великие святые!..

Самаркант недовольно процедил сквозь зубы:

— Ты и раньше здесь околачивался, или сегодня впервые пожаловал?

— Мы каждый день здесь бываем, махарадж. Сидим вот тут у дверей и слушаем.

Жрец в отчаянии принялся бить себя по голове. Эти негодяи торчали здесь каждый день, прикасались ко всему, и люди вкушали оскверненный прасад. Совершалось ли где-нибудь подобное надругательство? Когда еще так попирались законы? Гнев ревнителей веры не знал границ. Наиболее ретивые из них, вооружившись туфлями, бросились на горстку несчастных. В храме всевышнего туфли его почитателей обрушились на головы братьев, чтивших того же всевышнего!

¹ П р а с а д — религиозное угощение.

² Ч а р а н а м р и т а — вода для омовения ног святых, брахманов.

Доктор Шантикумар и преподаватели его школы некоторое время стояли в стороне и издали наблюдали за развитием событий. Когда же были пущены в ход туфли, Свами Атмананд не выдержал и, грозно подняв над головой толстую палку, начал пробиваться к жрецу. Доктор-сахиб понял, что еще минута — и произойдет непоправимое. Он решительно вырвался вперед и схватил палку из рук Свами.

Тот вперил в Шантикумара бешеный взгляд:

— И вы в состоянии спокойно смотреть? — прохрипел он. — У меня нет сил выносить это позорное зрелище!

Шантикумар кое-как успокоил друга, а затем, обернувшись к толпе, громко сказал:

— Браво, ревнители веры! Браво! Найдутся ли достойные слова, чтобы восславить вашу преданность всевышнему? Тот, кто сумеет нанести наибольшее количество ударов туфлей, тот, безусловно, и заслужит благодарность всевышнего. Самые храбрые удостоятся, конечно, четырех великих даров: богатства, веры, любви и освобождения. Прямо с неба спустится к ним колесница. Но только — бейте не бейте, а вера-то уже поправа.

Жрец, лала Самаркант, сетх Дханирам и другие ревнители веры ошалело уставились на доктора-сахиба. Они замерли на месте с туфлями в руках.

В рубашке и дхоти, в наброшенной на плечо накидке, с сандаловым тилаком¹ на лбу, Шантикумар казался младшим братом Вьясы. Кто бы обвинил в вероотступничестве человека, одетого в такое платье?

— Что же вы опустили руки? — продолжал доктор-сахиб. — Всыпьте-ка им всем покрепче. И что это за оружие — туфли? Возьмите винтовки и раз навсегда расправьтесь с бунтовщиками! Власти будут на вашей стороне. А вы, преступившие закон, сидите и покорно принимайте удары, которые выпадут на долю каждого из вас. Разве вы не знали, что здесь обитает бог сетхов и ростовщиков? Вам не место в этом храме. Вашего бога следует искать в какой-нибудь лачуге или просто под деревом. Здешний бог увешан драгоценностями, вку-

¹ Т и л а к (тика) — небольшой круглый значок, который ставится на лбу между бровей специальной краской или особыми мазями.

шает лишь сливки да лакомства. Он не желает видеть возле себя оборванных бедняков, жующих поджаренное зерно.

Жрец взглянул на Шантикумара грозно, словно Парашурама:¹

— Неправое дело вы творите, бабу-джи! — возопил он. — В каких это шастрах² сказано, что неприкасаемым дозволяется входить в храм?

— Ни в каких! — горячо ответил Шантикумар. — В шастрах написано, что при продаже топленого масла неплохо подмешивать в него жир, что людей следует обвешивать, брать с них взятки, обманывать. Там говорится также, что перед сильным следует почтительно склонять голову, пусть он даже ни в грош не ставит эти самые шастры. Если в ваших шастрах записано такое — поступайте по их велению. В моих шастрах значит, что перед всевышним все равны — и малые и большие, и чистые и нечистые. Объятия моего бога раскрыты для всех.

Лала Самаркант, почуяв, что часть его приверженцев готова принять сторону неприкасаемых, поспешил навести порядок:

— Напрасно вы пришли в такой гнев, доктор-сахиб! Что написано или не написано в шастрах — известно только пандитам. Мы же лишь следуем установившемуся обычаю. Негодяям надо было пошевелить мозгами. Здешние порядки всем известны, эти люди не бог весть откуда явились.

— Но зачем же было избивать их туфлями? — возмущенно спросил Шантикумар.

— А что же, бетелем их угощать, что ли? — грубо бросил жрец.

— Не долго тебе, махарадж, наслаждаться халвой и пускать пыль в глаза верующим, — возмущенно ответил Шантикумар. — Нынче и всевышний совершает омовления водой, а не молоком.

Со всех сторон слышались гневные возгласы.

Шантикумар, Атмананд и ученики «Школы служения народу» покинули храм. Баджнатх — глава «Кружка гимнов» — ушел вместе с ними.

¹ Парашурама — Рама с секирой.

² Шастры — священные книги, в которых изложены обязанности индусов.

В этот день чтение так и не возобновилось. Некоторые верующие напустились на жреца: пусть бы эти бедняки сидели в своем углу, к чему было поднимать такой шум? А если решили удалить их, то надо было сделать это как-нибудь тихо, без драки.

На следующий день чтение началось в обычный час, однако число слушателей значительно уменьшилось. Мадхусудан-джи пустил в ход все свое искусство, но сегодня почему-то чтение не производило впечатления; люди дремали, а в задних рядах просто спали. Казалось, двор храма стал как-то меньше, двери — ниже. «Кружок гимнов» отсутствовал, и слушателей поражала непривычная тишина.

Между тем перед помещением «Союза молодежи», прямо под открытым небом, расположились слушатели Шантикумара. Приходящих встречали Баджанатх, Салим, Атмананд. Вначале заполнились места на ковриках, но вскоре сделалась тесной и сама площадь. Большинство мужчин было одето в лохмотья, нередко их наготу прикрывала одна какая-нибудь тряпица. Воздух был насыщен удушливым запахом табака и грязных тел. Женщины были одеты в серые от грязи дхоти или юбки. Шелков, благовоний, сверкающих драгоценностей не было и в помине. Но сердца были исполнены милосердия, готовности к служению и самопожертвованию. Видя, что подходят все новые и новые толпы слушателей, сидевшие на ковриках спешили потесниться и с радостью давали место другим.

Чтение началось в девять часов. Это не было сказание о богах, богинях и перевоплощениях, о доблести и мужестве святых отшельников, о храбрости и великодушии воинов. Это была светлая повесть о человеке, в основе веры которого лежала чистота души, прямога поступков. Высок лишь тот, у кого чиста душа; человек, привыкший лукавить, низок. Это был рассказ о человеке, который не стремился разделить общество на людей закона и нечестивцев, не использовал для этого выдумки о кастовом неравенстве. Человек этот ни для кого не закрывал двери к возрождению и прогрессу, не украшал лбы одних тилаком величия, не клеймил других черным пятном низости. В рассказе доктора-сахиба слы-

шался живой призыв к чистоте и совершенствованию.

Люди слушали, и им казалось, что спадают узы, связывавшие их души, а мир становится чистым и прекрасным.

Найну тоже возмущало лицемерие веры — гневные обличения Амарканта оставили след в ее сердце. В тот вечер издевательство над неприкасаемыми в храме до глубины души потрясло девушку. Если бы не страх перед отцом, уж она высказала бы кое-что этому жрецу! Отповедь Шантикумара ревнителям благочестия привела ее в восторг: она готова была склониться к ногам этого мужественного человека. Недаром брат так превозносил его! Найна прониклась таким горячим уважением к доктору-сахибу, что не выдержала и, подойдя к нему, проговорила:

— Вы истинный бог веры, я преклоняюсь перед вами! Ярость толпы испугала Найну: она была уверена, что Шантикумару несдобровать. Она готова была защищать его от опасности даже ценой собственной жизни. Когда доктор-сахиб и его приверженцы покинули храм, девушка облегченно вздохнула.

Найна и Сукхда также отправились домой.

— И как эти негодяи ухитрились пробраться в храм! — возмущалась Сукхда. — А каков доктор-сахиб?! Встал на их защиту и чуть ли не приготовился к сражению.

— Но ведь всевышний не делал различий между людьми, — заметила Найна.

— Если не всевышний, то кто же создал эту рознь?

— Несправедливость.

— Э! Малые и большие всегда были и всегда будут! — отмахнулась Сукхда.

Найна не стала продолжать спор.

Когда на следующий вечер она узнала, что для неприкасаемых организовано чтение «Рамаяны» возле «Союза молодежи», ей страшно захотелось туда попасть.

И в этот день Найна отправилась в храм вместе с Сукхдой, но чтение уже не захватывало девушку. Ей было скучно. Выждав, пока невестка начала дремать, а это произошло довольно быстро, Найна тихонько выскользнула из храма, взяла тонгу и поспешила к «Союзу молодежи». Сначала вид бурлившей вдалеке толпы

несколько испугал ее. Опасаясь, как бы Сукхда не узнала о ее поступке, девушка собралась было вернуться обратно. Но тут над площадью вспыхнуло зарево газовых фонарей. Тонга подъехала ближе, и до ушей Найны донесся мелодичный голос Брадджнатха. В тот самый момент, когда девушка добралась до площади, на помост взошел доктор Шантикумар. Кругом волновалось море голов, а над ним, словно великая всеобъемлющая душа, парила светлая фигура Шантикумара. На мгновение Найна замерла, пораженная этим зрелищем; потом она сошла с тонги и пристроилась в последнем ряду слушателей.

— Что ты тут стоишь, дочка? — обратилась к девушке какая-то старуха. — Пройди вперед и сядь.

— Ничего, бабушка, мне и отсюда все слышно.

Старушка взяла Найну за руку и пропустила ее вперед, на свое место, сама же встала сзади. Теперь девушка могла не только слышать, но и видеть доктора-сахиба. Глаза его сияли бесконечной любовью; казалось, он пребывал в каком-то другом мире, и лицо его оведали струи волшебного ветра. Бедняки, на долю которых всю жизнь выпадали одни ругательства и поношения, сегодня смотрели горделиво, будто внезапно овладели неоценимым сокровищем. Сколько благородства и вместе с тем мягкости было в этих лицах! Найна никогда не видела их такими.

И вот Шантикумар заговорил:

— Разве вы не подрядились батрачить в храме всевышнего? Господь не создал человека рабом, а вы — рабы. Все соки тела, всю силу души вы смиренно отдаете другим. Вам нет места в обществе — в том самом обществе, которое покоится на ваших плечах, фундаментом которому вы служите. Вы — неприкасаемые, даже храмы для вас закрыты. Где еще, кроме нашей несчастной страны, можно встретить подобную несправедливость? Вечно ли терпеть вам этот гнет?

— Но что же нам делать? — послышался возглас в толпе.

— Вы ничего не сделаете до тех пор, пока будете считать себя бессильными, — резко сказал Шантикумар. — Храм — не собственность, он не может принадлежать одному человеку или даже группе людей. Храм — достояние всех индусов. Тот, кто пытается лишить вас

этого достояния, — насильник. Отстаивайте свое право, идите в храм, хотя бы у дверей его вас встретил град пуль. Нередко вы теряете имущество, жертвуете жизнью из-за ничтожного повода; сейчас же стоит вопрос о вашей вере, а вера — дороже жизни. Веру отстаивают ценой жизни!

Избиение в храме взбудоражило всех. В городе целыми днями только и говорили что об этом событии. Порох был наготове, не хватало только искры. Такой искрой стал призыв доктора Шантикумара. Чувство общности породило мужество. Люди поправляли турбаны, нетерпеливо переминались с ноги на ногу и переглядывались, как бы спрашивая друг друга: «Уже пора, или еще подумаем?» Потом все снова успокаивались. Непривычное чувство мужества, будто мышонок, на минуту высовывало голову из норы и снова торопилось укрыться в безопасном месте.

Старуха, стоявшая рядом с Найной, сказала:

— Храм будет нашим. Что же еще остается делать?

Найна поспешила поддержать ее.

— Конечно! Храм не может принадлежать одному лицу.

Снова раздался звучный голос Шантикумара:

— Я иду в храм. Кто со мной?

— Да разве нам позволят войти туда? — спросила старуха.

Доктор-сахиб сжал кулаки.

— Хотел бы я посмотреть, кто не позволит! Наш всевышний — не чужое добро, которое можно спрятать в сундук. Сегодня мы раз и навсегда с этим покончим.

Громадная толпа — сотни мужчин и женщин — во главе с доктором Шантикумаром двинулась к храму.

Сердце Найны неистово билось, но она сумела овладеть собой и решительно присоединилась к толпе. Девушка ликовала: она думала о брате. Как счастлив был бы Амар, если бы он мог участвовать в этом шествии! Но вместе с тем из глубины души ее, словно пузыри во время дождя, поднимались какие-то нелепые сомнения...

Толпа, как огромный поток, шла все вперед и вперед, по пути вбирая в себя новые ручейки народа. Однако чем ближе подходили к храму, тем меньше становился запас мужества. Желание добиться прав, которых люди были лишены в течение веков, проходило. Остаток

лась лишь тупая боль, как от ушиба. Уверенность, порожденная сознанием справедливости, иссякла. И все же толпа росла. Лишь немногие готовы были положить жизнь за победу. Большинство же надеялось только на то, что все вместе они сумеют довольно легко вырвать ее. Со всем народом не поспоришь!

Когда толпа подошла к храму, было уже около десяти часов. У дверей стояла стража — вчерашний жрец и несколько других жрецов и брахманов, все вооруженные палками. Видно, и лала Самаркант не дремал.

В душе Найны поднялась буря гнева против жреца. Нет уж, теперь-то она ему все выскажет! «Удивительно, какая благодать на тебя снизошла, — скажет она. — Со всем святым заделался. До полуночи сидишь в храме и дуешься в карты, за пайсу продаешь совесть, торгуешь ложными показаниями в суде, подбираешься у чужих дверей, и потому подрядился защищать веру? Да одно лишь твоё прикосновение — позор для богов!»

Не в силах удержаться от осуществления задуманного плана, Найна стала пробиваться вперед сквозь толпу. Девушка была уже почти у самой двери, когда ее заметил доктор Шантикумар.

— Найна! Как вы сюда попали? — удивленно воскликнул он. — Я был уверен, что вы в храме.

— Да ведь вы загородили дорогу, — с притворной сухостью ответила девушка. — Как же мне было пройти?

Шантикумар принялся оттеснять стоявших вокруг людей, стараясь расчистить ей путь.

— Извините, я не знал, что причиню вам такие неприятности, — сказал он.

Найна в упор взглянула на доктора-сахиба:

— Вы хотите осквернить всевышнего?

Шантикумар не уловил затаенного лукавства в тоне девушки.

— И вы тоже так думаете? — печально спросил он.

Найна решила нанести еще один удар:

— Разве неприкасаемые не осквернят богов?

Доктор-сахиб серьезно ответил:

— Богов осквернить нельзя: они сами даруют очищение оскверненным.

Неожиданно раздался крик жреца:

— Вы что, затеваете бунт перед обителью всевышнего?

Какой-то человек спокойно возразил:

— Мы мирные люди и не хотим бунтовать. Мы пришли, чтобы предстать перед всевышним.

Вынырнувший откуда-то лала Самаркант набросился на смельчака и толкнул его в грудь.

— Твои предки тоже являлись лицезреть всевышнего, или ты один такой смельчак выискался? — проревел он.

Доктор Шантикумар поспешил на выручку.

— Разве то, чего не делали предки, запрещено потомкам, лала-джи? Отцы и деды наши и не слыхивали об электрических лампочках или телеграфе, почему же сейчас все пользуются этими вещами? Мысль идет вперед, и не вам ее остановить.

Лицо лалы Самарканта скривилось в саркастической усмешке.

— Потому-то вам и пришло в голову, вместо того чтобы поклоняться всевышнему, поднять против него бунт?

— Я не бунтую против всевышнего! — горячо возразил доктор-сахиб. — Бунтари те, кто мешает почитателям всевышнего поклоняться ему. Разве все люди, собравшиеся у храма, не исповедуют ту же веру, что и вы? Почему же двери храма закрыты для них?

Брахмачари, выпучив для пущей важности глаза, проговорил:

— Людям, которые едят мясо, пьют вино и марают руки нечистым ремеслом, не место в храме.

— Мясом и вином не гнушаются многие брахманы, кшатрии и вайшьи¹, — спокойно заметил Шантикумар. — Почему же на них не налагается подобный запрет? Вот праведники! Дома курят бханг, а сюда приходят с проповедями!

— Нет, убеждения, видно, тут не помогут! С вами надо действовать вот этим! — Лала Самаркант в бешенстве потряс палкой. — Джи, — обратился он к стоявшему неподалеку жрецу, — беги в полицию, сообщи, что тут бунт!

К этому времени у дверей храма собралось уже изрядное количество вооруженных палками и дубинками жрецов и брахманов. Все они ринулись на толпу и принялись ее разгонять. Началась давка. Спасаясь, люди

¹ Представители высших каст.

бросились кто куда. Доктору Шантикумару достался удар по голове, однако он удержался на ногах.

— Остановитесь, остановитесь! — кричал он бегущим. — Не теряйте мужества! Смело встретьте палачей! Да будет жизнь наша жертвой во имя всевышнего, во имя веры!..

Второй сокрушительный удар свалил доктора-сахиба на землю. Через мгновение, придя в себя, он попытался было встать, но тут над его головой поднялся целый лес палок, и доктор Шантикумар снова потерял сознание.

5

В который уж раз подходит сегодня Найна к дверям отцовской комнаты! Но лала-джи продолжает спокойно сидеть, и девушка в смятении уходит. Пошел уже девятый час, а лала-джи до сих пор не ходил к Гангу совершать омовение.

Всю ночь Найна не сомкнула глаз. Могла ли она спать после всех этих ужасов? Когда доктор Шантикумар свалился под ударами, Найна помертвела от страха. Некогда Амаркант бросил на рыхлую почву ее разума зерна кое-каких истин — и все! Как поступить в подобном случае, девушка не знала. Она видела толпу, плотной стеной окружившую Шантикумара. На секунду эта стена раздвинулась, чтобы пропустить врача, затем доктора-сахиба положили на носилки и унесли. Найна осталась у храма. Душа ее, словно рвущаяся из плена лань, устремлялась за скорбным шествием, ноги же не могли сдвинуться с места. Девушку сковала робость.

Теперь, с наступлением утра, Найна не находила себе места от тревоги. Наконец она решительно шагнула за порог и спустилась с веранды.

— Куда это ты собралась? — окликнул ее отец.

— В храм.

— Туда не пойдешь. Шакалы-кожевники окружили храм и никого не пропускают. Полиция пытается их разогнать, да что-то ничего не получается: негодяи не хотят уходить. А все этот Шантикумар — он у них вождем заделался. Растерял свою веру в чужих краях, а теперь явился сюда подрывать основы нашей религии. Ни умных речей, ни достойного поведения... Пьет и ест с

негодяем Салимом! От этих нарушителей закона разве чего путного дождешься? Гибель Амара на их совести. И кто это допустил Шантикумара в университет?! Кому только в голову взбрела такая мысль? —

Найна наспех выдумала предлог — она только добежит до храма, посмотрит издали, что там происходит, и сразу же вернется — и выскользнула за ворота. Торопливо пробираясь по улицам, девушка с опаской озиравалась по сторонам, словно чувствовала себя преступницей, за которой следят. Но вот, наконец, и цель ее путешествия — госпиталь, а перед ним многотысячная толпа. Тут и там попадались студенты университета; в нескольких шагах от себя Найна заметила Салима и, пытаясь ускользнуть от него, лицом к лицу столкнулась с Баджнатхом.

— А, Найна-деви, какими судьбами? — удивился учитель. — А доктор-сахиб со вчерашнего дня лежал без памяти, только сейчас очнулся. Мы с Салимом всю ночь провели возле него.

Вот и все... Найна чувствовала, что стоять здесь, на виду у всех, с таким известным человеком — рискованно, и повернула обратно. Самое главное она узнала: доктор-сахиб жив, он пришел в себя...

Внезапно улицу заполнили сотни бегущих людей; видимо, столкновение с полицией все же произошло. Найна свернула в какой-то переулочек и принялась лихорадочно соображать, как ей теперь добраться до дома. И тут навстречу ей вынырнул Атмананд.

— Здесь стреляют! — крикнул он Найне. — Капитан полиции приказал открыть огонь.

Кровь застыла в жилах девушки; она изменилась в лице.

— Вы... оттуда? — только и могла проговорить она.

— Да, еле выскользнул. Пробрался переулками. Подумайте, люди стоят совершенно спокойно, и вдруг по ним открывают огонь! Вы сейчас куда?

— Я возвращалась домой после омовения в Ганге, как вдруг навстречу — эти люди. Я побежала сюда. Как же мне теперь попасть домой?

— Сейчас в той стороне слишком опасно... — сказал Атмананд, но тут же, устыдившись своей трусости, добавил: — Надо держаться переулков, и все обойдется. Идемте, я провожу вас. Если кто-нибудь пристанет с

расспросами, скажите, что вы — дочь лалы Самарканта.

«Хоть ты и аскет, а, видно, не из храброго десятка! — подумала девушка. — Сначала подстрекал бедняков, а теперь, когда загрели выстрелы, первый показал спину». Будь положение самой Найны не таким трудным, она не преминула бы высказать эти мысли вслух.

После долгого блуждания по переулкам, часам к десяти, Найна наконец добралась до дому. Атмананд той же дорогой пустился в обратный путь. Найна даже не поблагодарила его — слишком уж низко упал в ее глазах этот «борец за справедливость».

В дверях дома ее встретила Сукхда: молодая женщина стояла, прислонившись к косяку, и не отрывала глаз от мечущихся по улице людей.

— Где ты была, девочка? — спросила она. — Кругом стреляют — полиция открыла огонь. Смотри, смотри! — бедняги совсем головы потеряли.

— Когда это началось, я была в городе, — принялась объяснять Найна. — Еле добралась до дома переулками.

— А как трусили горожане! Все двери позакрывали.

— Почему отец молчит? Надо пойти в полицию, потребовать, чтобы прекратили стрелять в людей!

— Да ведь по его наущению все и началось. Как же теперь он будет требовать прекращения стрельбы?

— Как! Отец распорядился, чтобы в людей стреляли?.. — Найна с ужасом взглянула на невестку.

— Да, да! Он нарочно ходил к капитану, требовал, чтобы тот дал приказ открыть огонь. А теперь отсиживается взаперти. Я вовсе не считаю, что неприкасаемых надо пускать в храм. Но стрелять в безоружных — это уже такое... Какой же это закон, если его надо охранять пулями? Гляди, вон, вон, упал человек! Крови-то, крови!

Сукхда бросилась в дом и вихрем влетела к лале Самарканту.

— Что же это делается, лала-джи? — разразилась она. — Па-вашему, пусть хоть весь мир истечет кровью, лишь бы двери храма остались закрытыми для неприкасаемых?!

— Не болтай ерунды, невестка, — спокойно ответил лала Самаркант. — Эти домы и чамары¹ войдут в храм

¹ Представители низших каст.

только через мой труп. Ты, как я погляжу, на два локтя опередила Амара. Можно ли пускать в храм людей, из рук которых и воду принять грех?

Сукхда не стала спорить — она была мудрой женщиной. Тот внутренний огонь, который в свое время, обратившись в гордость, манил ее к изысканной жизни, мешал общаться с низкими, не позволял подчиняться чьему бы то ни было влиянию, теперь привел ее к самопожертвованию. Не помня себя, Сукхда ринулась на улицу и встала во весь рост перед полицейскими.

— Что вы делаете, братья? — закричала она бегущим в панике людям. — Почему бежите? Не бежать, а стоять прямо, подставляя грудь под пули, — вот наш единственный путь! Принесем наши жизни в жертву вере! Только истинные приверженцы веры обретают бога, тот же, кто бежит, никогда не добьется победы!

Бегущие остановились. При виде женщины, смело ставшей под пули, сама трусость готова была устыдиться. Какая-то старуха попыталась было увлечь Сукхду за собой:

— Не стой тут, дочка! Кругом так и свистят пули! — уговаривала она молодую женщину.

— Там, где пало столько людей, еще одна смерть — не большая потеря, — спокойно возразила ей Сукхда. — Братья, сестры, остановитесь! Пусть возрадуется всевышний: ему готовится кровавая жертва!

Мужество, как и малодушие, способно вызвать подражание. Мгновение, и люди, словно гонимые вихрем листья, остановились и образовали сплошную стену. Что теперь готовят враги — палочные удары или пули? Страха больше не было.

«Дхан! Дхан!» — раздался ружейный залп. Над головой Сукхды прожужжала пуля. Человека три или четыре упали. Но стена продолжала стоять нерушимо. Снова загремели выстрелы. Еще несколько человек повалились на землю. Но стена, как и прежде, не дрогнула. Ее сдерживала Сукхда. Как одинокий светильник озаряет светом весь дом, так и храброе сердце придает мужество толпе.

Страшная это была картина. Люди глядели, как их близкие корчатся в муках на земле; но ни единого рыдания не вырвалось из их груди. Что породило подобное упорство? Разве на поле боя армия всегда одинаково

непобедима? Та же армия, которая сегодня билась, не щадя жизни, завтра при первой же атаке может позорно бежать. Но так случается лишь с наемными солдатами, которыми не руководит сила правды и справедливости, которые сражаются лишь ради наполнения своей утробы. А эту толпу поддерживала сила правды и веры. Здесь каждый мужчина и каждая женщина, как бы темны и забиты они ни были, понимали, что они сражаются во имя своей веры, своего права, а отдать за это жизнь для неприкасаемых так же почетно, как и для дважды-рожденных¹.

Но что это? Почему полицейские молодчики отомкнули штыки, взяли винтовки на плечо? Смотрите, они повернули кругом! Построились по четыре. Раздается команда: «Шагом марш!» — и отряды полиции уходят к храму. Не осталось ни одного констебля². Только суперинтендант полиции о чем-то беседует с лалой Самаркантом. Толпа, не шелохнувшись, стоит позади Сукхды. Но вот и суперинтендант скрывается. Лала-джи подходит к Сукхде.

— Храм открыт, — громко, чтобы все кругом слышали, сообщает он. — Всякий, кто пожелает, может войти в него. Препятствий никому чинить не будет.

Что тут поднялось! Обезумевшие от радости люди распластывались у ног Сукхды, а затем бежали к храму.

Но уже через десять минут все снова вернулись на место скорбных событий, и тут, над телами своих любимых, дали волю слезам и горю. Студенты из «Обители служения народу» раздобыли носилки и унесли убитых и раненых. Те, кто остался в живых, принялись готовиться к тому, чтобы отдать последний долг своим братьям, пошедшим по пути славы. Торговцы тканями прислали куски материи, откуда-то привезли бамбук, веревки, кто-то пожертвовал топленое масло, дрова. Герои одержали победу не только над законом, но и над сердцами. Город неистовствовал, воздавая им почести.

Вечером носилки с телами героев двинулись в последний путь. Провожать их явились все жители города.

Похоронная процессия вначале прошла к храму. Обе

¹ Дважды рожденные — представители высших каст Индии: брахманы, кшатрии, вайшьи.

² Констебль — старший полицейский чин.

двери его были распахнуты настежь. Жрецы не показывались. Сукхда вынесла из храма лепестки тулси и осыпала ими носилки, а лица погибших героев окропила священной водой¹.

О, победители! Вы вышли на поле битвы ради того, чтобы открыть перед людьми двери этого храма. И вот — двери открыты, руки протянуты, чтобы приветствовать вас, но вы даже не поднимете век, чтобы взглянуть на свое завоевание. Что за странные победители! Неужели вам безразлично то, ради чего вы пожертвовали жизнью?

Затем шествие двинулось к реке. И те самые поборники индуизма, которые какой-нибудь час назад с отвращением отшатнулись бы от бедняг неприкасаемых, теперь осыпали их прах цветочным дождем. Вот оно, обаяние самопожертвования!

А Сукхда? Она стала богиней победы. Повсюду слышалось ее имя, сопровождаемое восторженными возгласами. Молодую женщину осыпали цветами, фруктами, рупиями. Давно ли она была самой обыкновенной, ничем не примечательной горожанкой? Теперь она стала властительницей города. Не часто на долю человека выпадает подобная слава! Сукхде вдруг показалось, что высокие дома, стоявшие по обеим сторонам улицы, стали как-то ниже, а люди, усеявшие края тротуаров, — меньше ростом, но это впечатление длилось какой-нибудь миг. Никогда еще Сукхда не была такой скромной, такой сдержанной.словно груз славы и величия заставил ниже склониться ее гордую голову.

Когда берег Ганга озарило пламя погребальных костров, в храме разлилось сияние светильников, зажженных в честь погибших; казалось, это горели немеркнущим пламенем души героев.

6

Нет нужды рассказывать, какое торжество было на следующий день в храме, какое возбуждение царило в городе, какие празднества устраивались. Целый день к храму тянулись вереницы почитателей. Жрец был великолепен; бесчисленные подношения заставили его сми-

¹ Вода, которой омыли ноги святого, махатмы.

риться со свершившимся, однако он не мог не заметить, что господа из высших каст, входя в храм, всячески оберегали свои особы от соприкосновения с толпой низших, брезгливо морщились и торопились поскорее уйти. В дверях храма молящихся приветствовала Сукхда: она обнимала женщин, ласкала детей и кланялась мужчинам.

Сегодняшняя Сукхда не имела ничего общего с вчерашней — казалось, это были совершенно разные люди. Красавица, жаждавшая только наслаждений, сегодня прониклась духом сострадания и самопожертвования. Любовь, почтение и душевное горение этих несчастных восхищали ее. Поглядеть на них — наготу прикрыть нечем, от слабости подкашиваются ноги, рябит в глазах, однако любовь окрылила их, привела сюда, одарила радостью, словно сделала властителями мира, из которого навсегда исчезли горе и нищета. И Сукхда поплыла по океану этой простой, бесхитростной любви. Нередко наблюдаются такие натуры — мудрые, деятельные и честолюбивые; вначале наслаждаются жизнью, а потом вырастают в героев.

Малые и большие — все поклонялись Сукхде, и горячие чувства этих людей зажгли в сердце молодой женщины ответный огонь — стремление к служению народу. Вчера она совершила подвиг, поддавшись страстному душевному порыву. Во что все это выльется, Сукхда не думала, — в такие моменты размышления о последствиях лишь отравляют душу слабостью. То, что молодая женщина совершала сегодня, она делала с любовью и жадной доброй. Теперь, измерив свои силы, познав способности, она пришла в состояние, близкое к экстазу, когда человек забывает о себе и отдается служению другим.

Сукхда стала властительницей дум, идейным вождем городского общества. Ни одно благое начинание не обходилось без нее. Будь то устройство какого-либо праздника, религиозного обряда или организация национального торжества — во всем этом главная роль всегда принадлежала Сукхде. Хотела она того или нет — она оказывалась на гребне волны. Одно ее присутствие вдохновляло людей. К собственному удивлению молодой женщины, она и сама научилась неплохо выступать, и хотя ее речи не отличались особым красноречием, зато подкупали своей искренностью. В городе насчитывалось

несколько общественных организаций — политических, религиозных, благотворительных, и все они находились на грани гибели. С приходом Сукхды они ожили. «Общество запрещения спиртных напитков» годами не проявляло никаких признаков жизни: внутренние связи порвались, работа заглохла. И вот в один прекрасный день секретарь общества пригласил на заседание Сукхду. На другой же день в обществе был организован «Кружок гимнов», появились пропагандисты, и в каждом квартале был учрежден панчайт. В общество хлынула живая струя новой жизни.

Теперь Сукхда получила возможность своими глазами наблюдать жизнь беднейшего населения города. До сих пор она знала об этих бедняках по рассказам других. Но между тем, что она слышала и видела, была большая разница. В темных и грязных закоулках, куда не проникает ни свежий воздух, ни солнечный свет, там, где дома тесно лепятся друг к другу и от зловония спирает дыхание, труженики Индии, изнемогая под грузом болезней и нищеты, отдают свои жизни в тщетной попытке вырваться из тисков смерти. Только теперь Сукхда поняла, как справедлив был бунт Амара против богатства и роскоши.

Прошло немного времени — и у молодой женщины появилось то же отвращение к великолепному дому, в котором она обитала, к красивым одеждам, без которых она раньше не мыслила жизни, к изысканным блюдам, которые она привыкла видеть на столе. Постепенно она приучила себя обходиться без помощи слуг: сама чистила свое платье, убирала дом. Эта неженка, прежде поднимавшаяся с постели не раньше восьми часов, научилась вставать на рассвете, чтобы успеть управиться с домашними делами. Найна начала считать невестку чуть ли не святой. Лала-джи ворчал, но что он мог поделать? У Сукхды постоянно собирался настоящий дарбар¹. Приходили видные общественные деятели, ученые, и старик, наконец, уступил. Он устал от хлопот о родном гнезде. Мог ли он любить дом, в котором чувствовал себя чужим? Его дом — там, где безраздельно господствуют его идеи, его родные — те, кто признает эти идеи. Старое же гнездо стало для него чем-то вроде постоянного двора. Однако

¹ Д а р б а р — царский двор, аудиенция, прием.

заикнуться об этом невестке или дочери он не решился.

Как-то Сукхда сказала Найне:

— Знаешь, девочка, трудно мне что-то стало жить в этом доме. Люди верно говорят: «Сама, мол, живешь во дворце, а нам проповеди читаешь». Мы с ног сбились в своей работе, а результатов не видно — пьяницы так и остаются пьяницами. Наши воззвания пропускают мимо ушей. Ведь большинство пьет, чтобы забыться хоть на время. К чему же им слушать нас? Наши слова только тогда обретут силу, когда мы будем жить так же, как они.

Последние несколько дней держались холода. Прошли дожди, и промозглый влажный ветер месяца пус затянул небо туманом. Временами даже шел снег. Мунну хныкал — ему так хотелось поиграть во дворе, но Найна, боясь простуды, держала его дома. Надевая на Мунну шерстяную шапочку, она ответила:

— Может быть, ты и права. Но ведь жить, как они, очень трудно. Я бы, наверное, и месяца такой жизни не выдержала.

Словно взвешивая созревающее решение, Сукхда медленно проговорила:

— Я думаю снять где-нибудь в тихом переулке небольшой дом. К чему ты надела на Мунну шапку? Что пользы превращать ребенка в тепличное растение, которое погибает от первого же мороза. Дети должны жить, как сама природа, — не боясь ни зноя, ни холода, ни дождя, ни ветра.

Найна усмехнулась.

— Но ведь его с самого начала так приучили, а теперь, чуть обдаст влажным ветерком — бедняжка заболевает.

— Ну, как хочешь, твое дело.

— Как мое? Разве ты не возьмешь его с собой, в свой новый дом?

— Пусть тот, кто доводится ему отцом, и растит его как хочет. Кто я такая, чтобы воспитывать его?

— Если бы ты при брате жила так, как живешь сейчас, он бы молился на тебя.

— Я ничуть не переменилась: какая была — такой и осталась, — горько ответила Сукхда. — Когда Амар повздорил с отцом и ушел из дому, разве не ушла я вместе

с ним? Напрасно он думал, что я не могу обойтись без роскоши — мне она никогда не была особенно дорога. Одно правда — я не хотела обижать даду-джи. В этом, если хочешь, была моя вина. Но и сейчас, если я поселюсь отдельно, то лишь с его согласия. Увидишь, я так сумею подойти к отцу, что он не станет возражать. А пока — пойдем-ка, навестим доктора Шантикумара. Я уже давно не была у него.

Найна потихоньку от невестки ежедневно забегала к доктору-сахибу. Он уже начал вставать, но был еще так слаб, что и шагу не мог ступить без палки. На его долю достались побои — больше полугода он был прикован к постели, а славу похитила Сукхда. Сказать по правде, такая несправедливость судьбы не оставила его равнодушным. Даже самым близким друзьям он и словом об этом не обмолвился, но колючка застряла в сердце и время от времени давала о себе знать. Не будь Сукхда женщиной, да еще женой его друга и любимого ученика, — он бы, наверное, сбежал из города. Обидно было и то, что за все эти шесть месяцев Сукхда удосужилась побывать у доктора-сахиба не более двух-трех раз. Он был другом Амарканта, поэтому Сукхда не питала к Шантикумару особого уважения.

Найна не имела ничего против предложения невестки. Уже несколько дней как Ренука-деви обзавелась машиной, которая была теперь предоставлена в полное распоряжение Сукхды. И сейчас решено было отправиться в машине. Чтобы не оставлять малыша одного дома, Найна и его прихватила с собой.

По дороге Сукхда продолжала прерванный спор:

— Нет, все это только прихоти богачей! Если я захочу, то смогу довольствоваться несколькими анами.

— Сначала докажи, а потом уж я поверю, — спокойно отозвалась Найна. — Что касается меня, то я не снесу такой жизни.

— И я не снесу, пока не уйду из этого дома. Потому-то я и хочу жить отдельно.

— Но ведь одна жить ты все равно не сможешь.

— Почему? В нашем городе тысячи одиноких женщин. А какие передо мной встанут трудности? В крайнем случае — защитники у меня найдутся, да и сама я сумею постоять за себя. Вот если я начну по ком-нибудь чахнуть,

ну, тогда другое дело,— и молодая женщина весело рассмеялась.

Доктор Шантикумар, завернувшись поплотнее в одеяло, сидел перед горячей печкой, погруженный в чтение медицинской книги. Сейчас он был одержим одним — как можно скорее поправиться. Узнав о приходе гостей, он отложил книгу и поспешил убрать одеяло. Хотел было и печку загасить, да не успел: гости уже были в комнате. Доктор Шантикумар радушно приветствовал их и пригласил сесть.

— Знали бы, как я вам завидую! — сказал он. — Вы можете гулять, не обращая внимания на холод, а я вынужден сидеть у печки. Что делать — сил совсем нет. Кажется, на болезнь ушло не полгода, а полжизни. Даже когда поправлюсь, я все равно уже не буду полноценным человеком. Как стыдно: деви ведут такую работу в городе, а я отсиживаюсь дома.

Сукхда как бы в утешение заметила:

— Полно, джи, ведь вы разбудили спящих — а это стоит четырех жизней. Я же пришла на готовое.

Измощенное лицо доктора Шантикумара осветилось довольной улыбкой. Такое признание из уст самой Сукхды укрепило его пошатнувшуюся было веру в себя: нет, в самом деле, жизнь прожита не зря!

— Это все скромность, деви,— счел нужным ответить он. — То, что вы уже сделали и делаете сейчас, доступно только вам. Вернется Амар и увидит, что для него тут и дел не осталось. За последний год здесь произошло такое, что ему и во сне не снилось. В «Школе служения народу» учащихся становится все больше и больше. Если так пойдет дальше, придется подыскивать другое помещение. Ума не приложу, где брать новых учителей? К нашему «культурному обществу» не достучишься, там каждый болеет только за свои доходы. Чем выше люди, тем больше в них эгоизма. Вот вам плоды полуторавекового преклонения перед Западом. Но все же, несмотря ни на что, я верю: наше будущее прекрасно. Душа нашей родины жива, и недалеко то время, когда мы вернемся к прежним идеалам самопожертвования и служения народу. Тогда богатство уже не будет целью нашей жизни, не им будет определяться наша ценность.

Увлеченные разговором, взрослые позабыли и думать о малыше, а тот под шумок вскарабкался на стул, ста-

шил со стола чернильницу, сунул в нее палец и с превеликим удовольствием принялся украшать собственную физиономию чернильными разводами.

Заметив, наконец, его проделки, Найна ахнула, подхватила своего питомца на руки и наградила его звонким шлепком.

— За что вы его наказываете, Найна? — запротестовал доктор-сахиб, тщетно стараясь подняться с места. — Ведь это же благороднейший муж: украсил себя пятном — и рад! Мы же, лукавые, таим свои пятна за семью покрывалами.

— Ну так и держите у себя этого благородного мужа! — Девушка посадила племянника на колени к доктору-сахибу. — Ни минуты спокойно посидеть не даст!

Шантикумар осторожно обнял малыша, и прикосновение к этому мягкому нежному тельцу наполнило его сердце неведомым прежде радостным и теплым чувством. Любовь к Амару доктор-сахиб как бы перенес на его сына, но это крошечное существо вызывало чувство более горячее, более осязаемое. Воспоминание о далеком друге затуманило глаза слезами. Доктор-сахиб вдруг остро ощутил, какой ни с чем не сравнимой радости лишил себя Амаркант. В то же время и в своей жизни Шантикумар почувствовал какую-то пустоту. Желания, казавшиеся умерщвленными, тлели под пеплом и вот — ожили, словно искры.

Малыш старательно разукрасил лицо доктора-сахиба чернилами и, считая свою миссию выполненной, потребовал свободы.

— Полюбуйтесь-ка на себя в зеркало, доктор-сахиб! — смеясь, воскликнула Найна. — Этот благородный муж устроил вам холи¹. Каков негодник!

Гости смеялись. Доктор Шантикумар глянул в зеркало и тоже расхохотался: однако эта чернильная тика казалась ему сейчас куда милее тилака славы.

Неожиданно Сукхда спросила:

— Почему вы не женитесь, доктор-сахиб?

За те месяцы, которые Шантикумар провел в постели, фундамент самопожертвования и воздержания, служив-

¹ Холи — праздник, во время которого индийцы в шутку мажут друг друга краской.

ший опорой его жизни, значительно осел. То, что казалось ему раньше нерушимой истиной, утратило вдруг свою незыблемость. Не раз в эти мрачные дни жизнь представлялась ему тяжелой обузой. Недостатка в уходе не было — круглые сутки у его постели дежурили двое: трое друзей, в доме постоянно толпились посетители — видные общественные деятели города. Однако доктора Шантикумара постоянно мучила мысль, что он только в тягость всем этим людям. В их заботе не было того тепла, той нежности, которая утоляет скорбь души. Но имеет ли право нищий разбираться в качестве подаяний? Он все должен принять с благодарностью. Сколько раз в эти дни вспоминал Шантикумар свою мать! У кого еще он встретит подобную любовь? Найна, заглядывавшая на минутку справиться о здоровье доктора-сахиба, вызывала у него какое-то особое благоговение. Когда девушка была рядом, он забывал свои муки. Но Найна уходила, и вновь начинался бред и стенания. Нередко задумывался доктор-сахиб об этой чистой, бесхитростной любви, которая помогла ему вырваться из пасти смерти. Но жениться на этой богине? Нет, нет! Его жизнь не принадлежит ему.

Вопрос Сукхды заставил доктора Шантикумара усмехнуться:

— Я не женюсь, потому что еще ни разу не имел счастья лицезреть удачный брак.

Сукхда решила, что это камешек в ее огород.

— Но разве виноваты в этом только женщины? — отпарировала она.

— Что вы, я этого не говорю! — поспешил возразить доктор-сахиб. — На деле, видимо, происходит как раз наоборот. Вероятно, это действительно так.

— Ну, спасибо хоть за откровенное признание! Однако ваши слова имеют и другой смысл: если мужчина захочет, он все-таки может найти счастье в браке.

— Знаете, деви, в мужчине очень сильно животное начало, которое он не может побороть, как бы ни старался. Это животное начало и делает его мужчиной, в процессе эволюции он остановился на более низкой ступени, чем женщина. Мягкость, нежность, любовь и сострадание, венчающие природу, — все это добродетели женщины. Если жена поймет это, счастье пребудет в ее доме. Вместе с мужем она сама приобщается к животному

му началу, и это, как ни странно, способствует укреплению семьи.

— О, вы сделали важное открытие! — иронически заметила Сукхда. — До сих пор мне доводилось слышать совсем другое. «Женщина глупа, — говорили мне, — она понимает только язык плетки, она — обуза на шее мужчины», — и бог знает еще что! О победах мужчин трубят тут и там. Но если наши повелители столь низки, почему же им не нравится, когда правим мы, женщины? Нет, нет! Все это требуется проверить на опыте, а опыта-то вы и боитесь.

Шантикумар смутился.

— Если бы я и решился на проверку — кто заинтересуется таким стариком? — шутливо сказал он.

— Ага! Теперь уже и старик! Но есть еще надежда подыскать старушку вам под стать.

— Если даже такая рассудительная женщина, как вы, и такой серьезный мужчина, как Амар, не сумели найти общий язык, нужна ли вообще какая-нибудь проверка? Во мне нет смирения и покорности вашего мужа, а ваше великодушие и...

— Я вовсе не так рассудительна и великодушна, как вам кажется, доктор-сахиб! — перебила его Сукхда. — Конечно, я понимаю свой долг по отношению к мужу. Вы старше меня и, бесспорно, гораздо умнее. Вы для меня как старший брат. Ваша сердечность и благородство покорили меня. Позвольте же отбросить всякие условности и говорить с вами откровенно. Скажите, имеет ли право мужчина, нарушивший свой супружеский долг, требовать от жены верности? Я знаю, вы справедливый человек, — ответьте же мне, будете ли вы обвинять меня, если я поступлю по отношению к Амару так же, как он поступил по отношению ко мне?

Шантикумар не колебался ни минуты.

— Нет! — ответил он.

— Вы считаете, что он заслуживает снисхождения?

— Нет!

— Но тогда почему же вы молчали? Почему не высказали ему своего мнения? Даже письма не написали? Что заставило вас держаться в стороне? Не то ли, что оскорбленной стороной оказалась женщина? А если бы

так поступила я, вы проявили бы такое безразличие? Говорите!

Шантикумар с трудом подавил закипающие на глазах слезы, так тронула его неутрачивающая боль женского сердца, проявившаяся сегодня в столь страстном протесте. Молодая женщина продолжала с прежней горячностью:

— Говорят: «Укажи мне твоих друзей, и я скажу — кто ты». В моем сознании не укладывается, как это человек, который был близок с такими людьми, как вы, Мухаммад Салим и Атмананд, мог забыть законы, среди которых он вырос. Я вовсе не берусь утверждать, что свободна от каких-либо пороков, на это не может претендовать ни одна женщина, ни один мужчина. Я видела с Сакиной, вероятно в ней есть те качества, которых недостает мне. Она мила, в ее характере больше нежности, вероятно и любовь ее самоотверженнее, чем моя. Но если все люди пойдут по пути таких сравнений, что станет с миром? Он захлебнется в слезах и крови.

Шантикумар был побежден.

— Признаю свою ошибку, Сукхда-деви! — проговорил он. — Я не знал вас и заблуждался, когда причину всех бед искал в ваших причудах. Сегодня же напишу Амару и...

Сукхда вновь прервала его:

— Я не для того пришла сюда, доктор-сахиб, чтобы заставлять вас писать ему. Мне не нужно вымоленной жалости. Он посчитал за лучшее бежать от меня — что же, я не держу его. Свобода мужчины да принесет ему счастье, пускай он разбазаривает свое тело и душу, где хочет. Я же счастлива и в своих узах. Молю владыку, чтобы он сохранил эти узы нерушимыми. Если же когда-нибудь я оступлюсь, если ревность или зависть овладеют мною, пусть всевышний назначит этот день пределом моего бытия. Сегодняшняя встреча с вами принесла мне много счастья: верите ли, я ведь даже матери не позволяла говорить со мной об этом, а с вами вот говорила... В вас еще больше благородства, чем я думала, когда слушала, как восхваляла вас наша Найна. И я не дам вам погибать в одиночестве: верю, настанет день, когда в этот дом войдет хозяйка.

Гости распрощались и ушли. Доктор Шантикумар, тяжело опираясь на палку, проводил их до ворот, затем

вернулся к себе и лег. Странно — ему вдруг показалось, что вернулась тревожная пора юности. Страстный, полный муки голос Сукхды звенел в его ушах, а перед глазами стояла Найна с ребенком на руках...

7

В тот же вечер доктор Шантикумар написал Амарканту. Доктор-сахиб принадлежал к числу людей, у которых находится время для всего, кроме одного — писем. Чем горячее дружба, тем труднее обмениваться мыслями на бумаге. Шантикумар и Амаркант были так близки, что в разлуке никакая переписка не помогла бы им. Все, что происходило с Амаром, доктор-сахиб знал от Салима, к чему же было писать? В том, что Амар увлекся Сакиной, Шантикумар обвинял Сукхду. Но сегодняшняя встреча с молодой женщиной заставила его взглянуть на эту драму с иных позиций, картина засверкала новыми красками, и он освободил Сукхду от напрасных обвинений. Письмо доктора Шантикумара было столь пространно, что одно это искупало все его прегрешения в отношении друга за последний год. Он подробно описал события, потрясшие город, и просил у Амарканта совета относительно своих дел. До сих пор доктор-сахиб медлил со своей отставкой, но после разыгравшейся в городе трагедии он не считал возможным продолжать службу. Его непрестанно грызло сомнение, имеет ли право он, встав на путь защиты бедняков, ежемесячно получать от правительства пятьсот рупий. Если же сам он не в силах разделить с бедняками их участь, то нечего лезть в герои и кричать о нищете народа. Тогда честнее — сладко есть, вдоволь пить и наслаждаться комфортом, как делают все люди его круга. Но с такой жизнью душа его не могла смириться. И тут же вставал другой вопрос: на какие средства он будет жить, если расстанется со службой? Поедет в деревню обрабатывать землю или еще чем-нибудь займется? Правда, хлеб он всегда может получить и помимо службы: у «Обители служения народу» много жертвователей. Но жить на добродетельные даяния — нет, его самолюбие никогда не смиритсся с этим!

Минуло уже четыре дня с тех пор, как было отправ-

лено письмо, но ответ не приходил. Теперь на доктора-сахиба свалилась еще одна забота: он то и дело поглядывал, не идет ли почтальон. А письма все не было. Что случилось? Может быть, Амаркант перебрался в другое место? Или этот бездельник Салим дал неверный адрес? Из Харидвара письмо приходит на третий день, а прошло уже восемь. Ведь доктор-сахиб так просил, чтобы Амар сразу же ответил на его письмо! Уж не заболел ли он? Писать вторично Шантикумар не решился: можно ли повторить все написанное на десяти страницах? Да и разве это было обычное письмо? В этом письме была описана вся история города за истекший год. Второго такого уже не напишешь. Целых три часа ушло на него! Вот и Салим уже более восьми дней не кажет носа. Он сейчас витает в ином мире: ему грезится ИСС¹. И зачем он сюда ходит? Придет, а в глаза не смотрит. Вот уж истинное воплощение эгоизма! Когда-то его передергивало при одном лишь упоминании о службе. Куда ни посмотришь — и в «Союзе молодежи», и в Конгрессе, и в других организациях — везде он. И не какой-нибудь там рядовой член, нет — активный деятель! А сейчас — ИСС... Конечно, он получит назначение, папаша Хафиз-джи, в лепешку расшибется! Подумать только — ни одного экзамена не сумел выдержать честно. Где билет передернул, где списал, а где и взяткой отделался — такой негодяй! И такие люди поступают на Индийскую гражданскую службу!

Но тут к дому подкатил автомобиль, и Салим собственной персоной предстал перед доктором-сахибом.

— Нынче вы совсем неплохо выглядите, — проговорил он, пожимая руку Шантикумару. — Ходить стало легче?

— Легче или нет — вам-то какая забота? — ворчливо отозвался доктор-сахиб. — Целый месяц и глаз не кажете. Разве вас волнует, жив я или умер? В беде товарищей нет, это старая истина.

— Ну что вы, доктор-сахиб! Просто я совсем зашился с экзаменами. Меня тошнит от них; бог свидетель, от одной мысли о гражданской службе на душе кошки скребут. А что мне делать. Отец с ножом к горлу пристал. Вы

¹ ИСС — Индийская гражданская служба (Индиан сивил сэрвис).

ведь знаете, я и двух слов связать не умею, но разве там смотрят на способности? Им нужен диплом. Конечно, я смогу работать, спокойно плывя по течению. Вот это-то искусство я теперь и изучаю.

Шантикумар улыбнулся.

— Ну ладно, коли так. Однако получить диплом для ИСС — нелегкая задача.

Салим скорчил мину, которая могла означать приблизительно: «Что вы знаете о таких вещах!».

— Ну, Салим — не последний мастер в подобных делах! — хвастливо сказал он. — Диплом бакалавра — детская забава, а вот диплом ИСС — это действительно экзамен на ловкость! Если в самом конце списка выдержавших экзамен не будет красоваться мое имя, только вы меня и видели! Я, конечно, мог бы очутиться и в начале списка, да что толку? Оклада за это не повысят.

— Видно, и вам захотелось попробовать крови бедняков? — спросил Шантикумар.

Салим цинично усмехнулся.

— Кровь бедняков! Да я на ней вырос. Что же мне теперь прикажете делать? Дух дармоедства вселился в меня с того самого дня, когда я, мальчишкой, впервые пошел в школу. Но, если уж говорить откровенно, я вам снова скажу: не лежит у меня сердце к этой службе! Немного послужу, а потом тоже уеду в деревню. Буду разводить коров и буйволов, выращивать фрукты — одним словом, честно зарабатывать свой хлеб. И тогда вы убедитесь, что я тоже человек. А до тех пор буду жить, как клоп — за счет чужой крови. Но как бы низко я ни пал, всегда мое сочувствие будет на стороне бедняков. Я докажу, что даже оставаясь чиновником можно служить на благо общества. Ведь мы — из крестьян. Отец в поте лица наживал свое добро. Ни один горожанин не сможет так понять и полюбить крестьян, как понимаю и люблю их я. Когда мне приходится бывать в деревне, мне всегда кажется, что я встречаюсь с кровной родней. Я глубоко чту крестьян за их трудолюбие и душевную простоту. Не знаю, как можно их притеснять, ругать? Была бы моя воля, я бы всех этих негодяев чиновников на каторгу упрятал.

Шантикумар слушал молча. «Нет, яд чиновничества еще не успел отравить крови этого юноши, — думал он. — Сердце его пока здорово».

— До тех пор, пока крестьяне будут оставаться бесправными, чиновники не изменятся к лучшему, — горько проговорил доктор-сахиб. — Я рад, что у вас такие мысли. Мне ни разу еще не довелось встретить среди чиновников порядочного человека. Все они — как стервятники, кружащие над трупом бедняка и рвущие его на части. Остается одна надежда на бога: может быть, он сам вздумает покончить с несправедливостью. Два-три кувшина воды не зальют того пожара, который вспыхнул в народе; наоборот, огонь разгорится с новой силой. Здесь нужна революция, революция до конца! Поэтому пусть все сгорит дотла. Когда пламя уже не найдет себе пищи, оно само потухнет. Да, кстати, у вас нет вестей от Амара? Я послал ему письмо, а он что-то не отвечает.

Салим вдруг спохватился, сунул руку в карман и вытащил письмо.

— Вот ведь беда — опять забыл! — в шутовском отчаянии воскликнул он. — Вам письмо. Четвертый день таскаю его в кармане. Вспомню на минутку — и снова из головы вон.

Шантикумар схватил письмо, с притворным гневом зарычал на молодого человека и принялся за чтение.

«Брат-сахиб, я жив, и, как видите, в меру своих сил выполняю Ваш наказ. Кое-что о событиях в городе я уже знал из писем Найны, но Ваше письмо меня потрясло. Да ведь это почти революция! И за такой короткий срок! Безусловно, вся заслуга в пробуждении города принадлежит Вам. А Сукхда... я просто преклоняюсь перед ней. Как я в ней ошибался — страшно подумать! Всей своей философией, рассуждениями, отречением я не мог сделать того, что она совершила в один миг. Теперь голова моя то гордо закинута, то опущена долу под бременем стыда. Как мало знаем мы самых близких нам людей! Думая об этом, я не могу удержаться от слез. Какая слепота! Да снилось ли мне хоть когда-нибудь, чтобы неженка Сукхда смогла вести такую жизнь — полную героизма и отречения? Моя собственная глупость завела меня в тупик. Мне хотелось бы вернуться к Сукхде, просить у нее прощения за свое поведение. Но с каким лицом приду я к ней? Кругом мгла, беспросветная мгла... Ничего-то я не знаю! Куда девалась вся моя былая самоуверенность? Мне начинает казаться, что я отдан во власть каких-то темных сил, которые вот-вот

сокрушат меня. Я повис на крючке, словно пойманная рыба, крючок уже впился в горло, и чья-то рука тащит меня. Затем леска ослабевает — и я свободен. Право, я начинаю верить во всеильную судьбу. А жаловаться на ее жестокую игру — стоит ли? В данный момент состояние у меня самое смутное: где я, куда иду? — ничего не знаю. Для меня в жизни нет будущего. По крайней мере, веры в будущее не осталось. Замыслы оказались невыполнимыми, мечты — несбыточными. Хотите, я признаюсь Вам? — мною правит Сукхда. Я — игрушка в руках этой кудесницы. Прежде, явившись в одном из своих обличий, она страшила меня, теперь, в другом обличии, она меня победила. Что же она на самом деле? Не знаю. Скажу больше: я не уверен теперь, истинным ли был и тот облик Сакины, который я знал. И о себе тоже ничего не знаю; прошлое горестно, будущее — в тумане... У меня есть только настоящее.

Вы спрашиваете у меня совета относительно своих дел, но разве я могу советовать? И кому — Вам, человеку, который во много раз умнее меня. Но все же мне кажется, что те, кто дал обет служить народу, могут получать от народа средства к существованию (но только к существованию). Если они сумеют победить в себе эгоизм — что может быть лучшее?»

Доктор Шантикумар с досадой отложил письмо: оно его не удовлетворило. Тот вопрос, на который он с таким нетерпением ждал ответа, вызвал лишь отписку в несколько слов.

— Вы тоже получили письмо? — спросил он Салима.

— Да, вместе с этим.

— Амаркант ничего не пишет обо мне?

— Да как будто нет. Только что-то насчет того, что стране нужны истинные служители, и еще бог весть какую ерунду. Откровенно говоря, я до конца не прочел. По мне — все это чушь. Разве можно считать служителями людей, которые существуют на подаяния.

— Честнее жить на подаяния, чем за счет насилия, — серьезно сказал доктор-сахиб. — Ведь правительство — далеко не необходимый институт. Богатые люди организовались для угнетения бедняков — вот вам и правительство. Уничтожьте разницу между богатыми и бедными — опадет и нужда в правительстве.

— Фантазия, доктор-сахиб, фантазия! Правительство

не нужно будет только в том случае, если на земле поселятся ангелы.

— Мы всегда должны стремиться к идеалу.

— Но ведь ведомство просвещения — не орган насилия. И к тому же, если вы значительную часть своего жалованья тратите на нужды «Обители служения», вам нет никакой надобности оставлять службу и превращаться в аскета.

Этот довод как будто убедил Шантикумара. Он получил в свое распоряжение аргумент, с помощью которого мог успокоить себя. Бесспорно, ведомство просвещения не имеет ничего общего с властью. Чем лучше будет правительство, тем шире распространится просвещение. Тогда отпадет нужда в «Обители служения». Служить народу, нести ему знания и в то же время выполнять свои обязанности по службе, — что может быть лучше? Итак, вопрос, который в течение многих месяцев мучил доктора-сахиба, казалось, разрешился.

Проводив Салима, Шантикумар решил заглянуть в дом лалы Самарканта. Ему хотелось показать Сукхде письмо Амара и немного пристыдить гордую женщину. Кроме того, в тайниках души его гнездились сомнения по поводу только что решенной проблемы, и он нуждался в добром совете.

Едва доктор Шантикумар переступил порог дома лалы Самарканта, Сукхда поспешила сообщить свекру о его приходе. Но старый ростовщик почти не знал доктора-сахиба и предпочел, чтобы его приняли невестка и Ренука-деви.

Доктор-сахиб вынул письмо Амарканта и положил его перед Сукхдой.

— Подумайте, Салим четыре дня протаскал его в кармане! — посетовал он. — А я-то беспокоился, не случилось ли чего с Амаром!

Сукхда покосилась на конверт.

— Что я должна сделать?

Шантикумар улыбнулся.

— Прежде всего — прочесть письмо. Надеюсь, оно развеет мрачные тучи подозрений, скопившиеся в вашей душе.

— Вы ошибаетесь, доктор-сахиб, я никого ни в чем не подозреваю, — сухо ответила молодая женщина. — Очень хорошо представляю, что написано в этом

письме. Наверное, автор его хвалит меня. А мне не нужны похвалы. Тогда, во время стрельбы, меня просто охватил гнев. Ведь приступы гнева у каждого бывают, и это не заслуживает похвалы.

— Почему вы думаете, что в письме только похвалы по вашему адресу?

— Ну, возможно, и сожаления.

— Чего же вам еще?

— Если вы не поняли, то незачем и объяснять.

До сих пор Ренука-деви хранила молчание. Теперь же, видя смущение дочери, она поспешила ей на помощь.

— Если Амар до сих пор не вернулся, откуда нам знать, что чувства его переменялись? Да не будь Сукхда его женой, он все равно восхищался бы ею! Только в том случае, если муж и жена живут счастливо, можно говорить о любви. Хорошо, оставим любовь, это удел немногих. Но закон, закон-то следует соблюдать! Муж, уехав за тридевять земель, издали хвалит жену: жена также издали хвалит мужа. На что же это похоже?

Сукхда вспыхнула.

— Все это глупости, мама! Счастье возможно лишь тогда, когда близкий человек тебе действительно по душе. Амар встретил девушку, которая ему милее, чем я, он страдает от разлуки с ней. Я же до сих пор не нашла человека, который был бы мне дороже его, и, видно, никогда не найду. В этом мое несчастье, виноватых здесь нет.

— Вы послушайте только, что она говорит! — взмолилась Ренука-деви. — И вот так она мучает меня каждый день, каждый день! Сколько раз я ей предлагала: поедem вместе, привезем его домой, пусть только попробует артачиться! В молодости все делают глупости, кто — больше, кто — меньше. Но моя дочка заупрямилась: сама со мной не едет и одну меня не пускает. Верите ли, дня не проходит, чтобы я куска хлеба не окропила слезами! Что бы вам самому к нему съездить? Все-таки вы ему учитель, он вас уважает, разве он посмеет пренебречь вашим советом?

— Ну конечно, стоит вам только пожелать, и доктор-сахиб помчится сломя голову! — засмеялась Сукхда. — Да он, верно, до смерти рад, что среди его учеников хоть один следует идеалам учителя. Брак эти люди считают

позором, в их секте женитьба запрещена, исключая, пожалуй, тех случаев, когда в дело вмешивается сама любовь. Другой ученик доктора-сахиба — господин Салим. Только наш бабу-джи не сумел отстоять свою свободу — женился, а теперь вот слезы льет.

— Деви-джи, вы возводите на меня поклев! — в смущении прервал ее Шантикумар. — Рецепт одинокой жизни я прописал только себе, и то лишь потому, что вижу перед собой один идеал — служение народу.

— Вы считаете, что супружеская жизнь несовместима с вашим идеалом? — удивленно спросила Сукхда. — Разве все женщины так уж эгоистичны, что всегда служат помехой в делах мужчин? Уверяю вас, одинокий мужчина никогда не будет способен на такое самопожертвование, которое может проявить семейный. Одинокий не узнает трудностей жизни, не сумеет с ними бороться.

Доктор Шантикумар попытался избежать спора.

— Право, это трудный вопрос, деви-джи, — заметил он. — Так просто нам с вами в нем не разобраться. А мне еще хотелось попросить у вас совета. Вот и матушка ваша сейчас здесь, она тоже нам поможет. Дело в том, что я все время ношусь с мыслью, почему бы мне не уйти в отставку и не работать только в «Обители служения»?

Сукхда ответила так, словно вопрос этот не вызывал у нее никаких сомнений:

— Конечно, если вы сможете жить, не протягивая руку за подаванием, обязательно подавайте в отставку. Правда, работник имеет право существовать за счет организации, но на мой взгляд — лучше, если в служении нет и тени личной заинтересованности.

Итак, довод, которым успокоил было себя Шантикумар, вновь оказался несостоятельным. И снова доктор-сахиб был на распутье.

Неожиданно в разговор вмешалась Ренука-деви:

— Но ведь в вашей организации, наверное, имеется фонд пожертвований?

Никакого фонда в «Обители служения» до сих пор не существовало. Взносы были не столь значительны, чтобы образовались какие-то излишки. Шантикумару стало вдруг неловко, будто отсутствие этих излишков пятнало его репутацию.

— До сих пор мы не могли уладить это дело, — сокрушенно сказал он. — Но как только мне удастся освободи-

диться от университета, я приложу все усилия к тому, чтобы создать фонд.

— А какую сумму вы считаете необходимой, чтобы ваше учебное заведение встало на ноги?

Шантикумар внезапно ощутил проблеск надежды.

— О, наша «Обитель служения» может стать настоящим университетом! Если бы мне удалось раздобыть тридцать — сорок тысяч рупий, я сумел бы развернуть такую работу, на которую в государственном учебном заведении не хватит и двухсот тысяч!

Ренука-деви улыбнулась.

— Ну что же, если вам удастся создать кредитный фонд, я смогу оказать вам кое-какую помощь. Дело в том, что у меня сейчас скопились довольно значительные средства, которыми некому пользоваться. Об Амаре вы знаете, Сукхда тоже пошла по его дороге. Почему бы и мне не выбрать для себя достойный путь? Вы будете выплачивать мне ежемесячно сто рупий из фонда опеки и после моей смерти возьмете на себя заботу о моих животных.

Слова почтенной женщины повергли Шантикумара в замешательство.

— Я только тогда соглашусь на ваше предложение, когда получу согласие и Амара и Сукхды, — сказал он. — Ведь они ваши наследники...

— Я отказываюсь от этих денег, — не удержалась Сукхда. — Да, кроме того, существуют еще и капиталы отца — наследникам их хватит! Впрочем, я могу говорить только за себя.

— Ну уж кто-кто, а Амар меньше всех гонится за деньгами! — сердито возразила Ренука-деви. — Будто на свете только и радости, что богатство. Тот, кому оно не нужно, не станет за него держаться. Груз богатства нелегок, и мне он не по плечу. Лучше всего вложить его в какое-нибудь доброе дело. Лала Самаркант советует пожертвовать деньги на постройку шиваитского храма, но мне это не очень улыбается: у нас и так храмов больше, чем богомольцев. А пожертвование на образование — дело великое и почетное. Это помощь людям, которые покоен веку считались отверженными. Вот уже несколько дней эта мысль не выходит у меня из головы, и я очень рада, что встретилась с вами. То бы я еще месяца два-три колебалась, а теперь сразу решилась. Жертвователь

лей-то много, а вот найти чистые руки для пожертвования трудно. Хочется, чтобы деньги попали к хорошим, честным людям, которые сумеют употребить их согласно желанию дающего, а не пустят по ветру. А то еще есть и такие дельцы: притворятся, что выполняют волю жертвователя, отведут ему глаза, а львиную долю пожертвования прикарманят.

И, лукаво взглянув на Шантикумара, добрая женщина вдруг спросила:

— Вы-то, надеюсь, не обманете?

Доктор-сахиб понимал, что вопрос этот задан в шутку, но все же ему было неприятно.

— Сказать по правде, я еще сам не решил, что буду делать с вашими деньгами. У вас нет никаких оснований доверять мне, — сдержанно ответил он.

Сукхда поспешила на помощь матери:

— Полно вам, доктор-сахиб! Ведь мама пошутила!

— Яд и в меду остается ядом.

— Но ведь вы не подумали ничего дурного?

— Что вы, конечно, нет. Дайте мне для проверки лет пять или десять. А пока — я недостоин такого доверия.

— Сдаюсь, сдаюсь, доктор-сахиб! — смеясь проговорила Ренука-деви. — Беру свои слова обратно. Приезжайте завтра ко мне, я пришлю за вами машину. Сейчас главное — организовать кредитный фонд. Мне больше не о чем спрашивать, я полностью доверяю вам.

— Благодарю вас, постараюсь оправдать ваше доверие, — сказал Шантикумар.

— Мне хотелось бы поскорее покончить с этим делом, — продолжала Ренука-деви. — А то как пойдут хлопоты со свадьбой Найны, — месяцами времени не выберешь.

Шантикумар вздрогнул.

— Готовится свадьба Найны-деви? — Но тут же взял себя в руки. — Вот это добрая весть! Ну что ж, значит завтра мы с вами встретимся и окончательно обо всем договоримся. Амару сообщить эту новость?

— Думаю, не стоит, — холодно отозвалась Сукхда.

— Нет, нет, обязательно сообщите! — оживилась Ренука-деви. — Может быть, он приедет. Я уверена, что придет!

Покидая дом лалы Самарканта, Шантикумар столк-

нулся с Найной: она вместе с малышом выходила из машины.

— Итак, вас скоро здесь не будет, Найна? — Голос доктора-сахиба заметно дрожал.

Девушка молча склонила голову. В глазах ее стояли слезы.

8

Прошло шесть месяцев. При «Обители служения» был образован кредитный фонд. Свами Атмананд, один из главных преподавателей «Обители служения», отличавшийся твердыми взглядами коллективиста, не согласился с таким нововведением и покинул свой пост. Он не желал, чтобы в «Обитель служения» проникли богачи, и всеми силами противился образованию кредитного фонда. Атмананд был убежден, что жертвовать независимостью организации из-за денег — самоубийство. Ведь именно деньги породили неравенство в обществе, благодаря им большинство попало в рабство к меньшинству. Как же можно за деньги продавать душу «Обители»? Но с доводами Свами-джи никто не согласился, и кредитный фонд был образован. На торжественном заседании, устроенном по поводу его учреждения, главная роль принадлежала Сукхде. После заседания состоялся пышный банкет с музыкой и танцами. На следующий день доктор Шантикумар расстался с университетом.

К этому же времени закончились экзамены у Салима. Его предсказание исполнилось точь-в-точь: в списках его имя оказалось последним. Шантикумар не знал, что и думать. Теперь, согласно правилам, Салиму предстояло уехать на два года в Англию, но ему вовсе не улыбалась подобная перспектива. Он с удовольствием прокатился бы туда месяца на три, на четыре, но на два года — слуга покорный! Однако отказаться от поездки значило не получить места. И Салим пустился во все тяжкие: бегал, хлопотал, интриговал — и все-таки добился своего. Посудите сами, у кого хватит совести настаивать на этой поездке, если самый крупный врач провинции утверждает, что два года в холодном климате Англии убьют бедного юношу? Хафиз-джи соглашался на поездку, готов был и деньги дать, но, если здоровье сына пошатнется, кто будет в ответе? Одним словом, и здесь победу одержал Са-

лим; его направили на работу в тот самый район, в котором обосновался его друг Амаркант. Салим сам выбрал место службы.

Салим был уже совсем не тот, что раньше. Прежней осталась у него, пожалуй, только жизнерадостность; но отзычивость, способность увлекаться, влюбленность в искусство — все это прошло. Остыла и любовь к стихам. Стремление пожертвовать личной жизнью, отказаться от нее во имя служения своим идеалам — было забыто. Кто знает, как произошли все эти изменения? Внезапно или постепенно менялись его вкусы и интересы?

Салим начал заглядывать к Сакине; между ними завязалась даже тайная переписка. Стойкость, с которой эта девушка берегла свою скорбную любовь, берегла, несмотря на видимое пренебрежение Амара, поражала Салима. Ему самому вдруг нестерпимо захотелось озарить свою жизнь светом этого немеркнувшего огня. Разговоры близких о стойкой любви девушки доводили его до отчаяния. Вот куда было направлено сейчас его вдохновение. Сердце его, подобно пчеле, наслаждавшейся нектаром все новых и новых цветов, было покорено силой этого беспредельного чувства. Перед ним как бы раскрылись новые поэтические горизонты.

Отшумела и свадьба Найны. Лала Дханирам считался одним из самых богатых людей, а сын его Манирам был известен как юноша с незаурядными способностями. Самарканду и не снилось породниться с таким домом: ведь с того самого дня, когда происшествие в храме породило целую бурю волнений, лала Дханирам стал относиться к семье старого ростовщика чуть ли не с презрением. Но денежный мешок лалы Самарканта одержал, наконец, верх.

К свадьбе готовились долго и тщательно; не жалели ничего. На пышный праздник прибывали толпы родственников из самых отдаленных уголков страны. Но Амар не приехал — лала Самаркант не пригласил его. Сетх Дханирам заявил, что, если этот бродяга — брат невесты — явится в дом, свадебный поезд повернет от дверей обратно. Слух об этом дошел до Амара.

Найна была не весела и не грустна. Безропотно встретила она перемену в своей судьбе. Могла ли она хоть словом воспротивиться воле отца? Разные слухи ходили о Манираме: говорили, что он груб и спесив,

пьяница и развратник... Долг дочери — склоняться перед волей отца. По одному его слову она так же покорно взошла бы на жертвенник какого-нибудь божества. Лишь при расставании с родными она зарыдала, но тут же поспешила взять себя в руки — ведь отец может огорчиться! Лала Самаркант ценил в жизни лишь одно — деньги. Что понимала в этом такая неопытная девушка, как Найна? Хотя душу ее обуревали сомнения, но воля отца оставалась законом. Она свято выполняла все, что считала своим долгом.

С каждым днем сотрудничество Сукхды и Шантикумара становилось все более тесным. На отсутствие средств жаловаться не приходилось. Отделения «Обители служения» были открыты в каждом квартале, началась широкая кампания за запрещение спиртных напитков. У Сукхды появилась потребность строгого самоограничения. Утром и вечером она стала заниматься гимнастикой, готовя пищу, больше заботилась о ее питательности, чем о вкусе. Обуздание чувств и прихотей сделалось основным правилом ее жизни. История и философия доставляли ей теперь больше удовольствия, чем чтение романов. Она прекрасно овладела ораторским искусством; стоило ей произнести две-три фразы, как вся аудитория оказывалась у нее в плену. Боль за свою страну и народ пронизывала и одухотворяла каждое ее слово, становилась основной силой, которая покоряла слушателей. В программе реформ появился новый пункт — строительство домов для бедных. Сукхда чувствовала, что, пока не будет разрешен вопрос о жилье для народа, никакая программа не может быть успешной. Но одними благотворительными мероприятиями здесь не обойтись — с такой задачей мог справиться только муниципалитет. Однако это учреждение действовало крайне нерешительно. Председателем муниципалитета был Хафиз Халим, заместителем председателя — лала Дханирам. Трудно было добиться от этих консерваторов понимания важности и значения такого дела. Кое-кто соглашался вложить тридцать — сорок тысяч рупий в том случае, если будут предоставлены земельные участки. Среди них был и лала Самаркант — он удовольствовался бы прибылью в четыре аны на рупию. Оставалось добиться получения земельных участков. Сукхда доказывала, что если город предоставляет землю для фабрик, школ и кол-

леджей, то, очевидно, может выделить ее и для строительства жилых домов.

День клонился к вечеру, когда Шантикумар явился однажды к Сукхде со свертком чертежей и принялся разворачивать их перед ней один за другим. Это были проекты намеченных к постройке домов. Один проект был составлен с расчетом на арендную плату восемь ан в месяц, другой — на одну рупию, третий — на две рупии. Дом, аренда которого стоила восемь ан, состоял из комнаты, кухни, веранды, при нем был маленький двор и беседка. Дом с арендной платой в одну рупию был из двух комнат, в две рупии — из трех комнат. Везде были предусмотрены окна, полы, каменные стены до двух футов вышиной, черепичные крыши. В доме за две рупии предполагалась отдельная уборная и ванная комната, в более дешевых постройках на каждые десять домов была запроектирована одна общая уборная.

— А вы составили сметы? — спросила Сукхда.

— Конечно, не мог же я проектировать вслепую. Расходы на постройку дома с арендной платой в восемь ан составят двести рупий, с арендной платой в одну рупию — триста рупий, в две рупии — четыреста.

— Сколько же домов предполагаете вы построить?

— По меньшей мере три тысячи. В южной части города столько приблизительно и требуется. Я подсчитал. Часть средств будет вложена, как только мы получим землю, остальное, тысяч сто, придется где-нибудь искать.

— Ужас — сто тысяч! И это только для южной части!

— Но, если мы найдем пайщиков на пятьдесят тысяч, остальную сумму люди покроют собственным трудом. Сэкономим на заработной плате: каменщики, землекопы, плотники, кузнецы согласны работать за половину платы, все перевозки — на лошадях, ослax и вручную — будут сделаны бесплатно.

— Ну, посмотрим, будем надеяться, что выйдет. Тысяч двадцать — тридцать, быть может, удастся выцарапать у отца, да у мамы кое-чем разживемся. Нужно подумать, как быть с недостающей суммой. Однако, на мой взгляд, хуже всего дело обстоит с получением земельных участков.

— Серьезно? Снести десять особняков — вот вам и земля.

— Вы думаете, что так легко снести особняки?

— Пусть нелегко, но это все-таки выход. Ведь за городской чертой никто селиться не станет. Участки придется искать в городе. Некоторые дома занимают площадь, на которой можно было бы поселить тысячи людей. Да хотя бы ваш дом — разве он мал? В нем с комфортом расположился бы добрый десяток семей.

Сукхда улыбнулась.

— Вы и на нас хотите наложить руку!

— Тот, кто указывает путь, должен идти впереди.

— Я-то на это готова. К тому же у муниципалитета, наверно, найдется несколько свободных участков.

— Конечно, найдется, я узнавал. Но Хафиз-джи изволил сообщить, что все участки уже распределены.

Кто-то с улицы окликнул доктора Шантикумара. Он обернулся к окну — из машины вылезал Салим. Доктор-сахиб пригласил его в дом.

— Откуда вы?

— Завтра вечером я уезжаю! — торжественно объявил Салим. — Приехал прощаться. Вот и предлог повидаться с деви-джи!

— Вы что же, так и уедете? — возмутился Шантикумар. — А прощальная вечеринка?

— Вечеринка будет завтра, я уже послал вам приглашительные билеты. Но видаться с вами только на вечеринке для меня мало.

— Ну раз уж вы здесь, помогите нам. Постарайтесь устроить так, чтобы свободные участки земли в южной части города муниципалитет передал в наше распоряжение безвозмездно.

Лицо Салима вытянулось.

— Видите ли, насчет этих участков уже имеется договоренность. Тут заинтересованы сами члены муниципалитета — ждут не дождутся, чтобы закрепить участки за своими сыновьями и женами.

— Вот как! — воскликнула Сукхда. — Значит, интриги плетутся в самом муниципалитете! Ну что ж, тогда ваша помощь еще более необходима. Ваш долг — разоблачить эти махинации.

Салим потупился.

— В таких делах отец вряд ли меня послушает. Да и неудобно поднимать этот вопрос — он уже решен.

Отговорившись таким образом, Салим пожал руки Сукхде и Шантикумару, еще раз напомнил им о завтраш-

ней вечеринке и поспешил ретироваться. Его уже больше не интересовало это общество.

— Видели? — проговорил Шантикумар. — Еще не приступил к должности, а уже благоухает чиновничьим ароматом. Вот заколдованный амулет! Кто хоть на минуточку его нацепит — будто пьян делается. Ведь Салим был самым горячим сторонником этого проекта, а теперь, пожалуйста, — словно подменили парня. Если бы он стоял, Хафиз-джи наверняка пошел бы нам навстречу.

Самолюбию Сукхды был нанесен удар, и ее щеки окрасились густым румянцем.

— Мы ведем борьбу за справедливость, и сама справедливость поможет нам. Ни в какой другой помощи мы не нуждаемся.

Вошел лала Самаркант. При виде Шантикумара его слегка передернуло.

— О чем вы говорили с Хафизом-джи, доктор-сахиб? — хмуро спросил он.

Шантикумар рассказал.

Лала Самаркант недовольно поморщился.

— Вы — господа образованные, за границей бывали, не мне вам советы давать. Но если вы хотите во имя правды и справедливости получить землю, действовать надо осторожно. На это потребуется ассигновать тысяча десять или двадцать. С каждым членом муниципалитета старайтесь говорить наедине; прощупайте его характер, познакомьтесь с его взглядами, вообще узнайте, что он за человек, и соответственно с этим действуйте. Если он падок на лесть — льстите, если сребролюбец — мечите рупии. Амулеты, заговоры, гороскопы — все средства пускайте в ход. Хазифа-джи я знаю давно. Пошлите на дом к его дяде тысяч пятьдесят и увидите — земля найдется. Посулите сардару Кальянсинху подряд на строительство новых домов — и он станет за вас горой. Подарите Дубеджи тол пять чандродая¹ и можете заключать сделку. Поболтайте с Кханной об абстрактном мышлении, познакомьте его с йогом, который научит его двум-трем своим приемам, назовите новый квартал именем рай-сахива² Дханирама — они отдадут вам свои кошельки. Вот как надо использовать людей. О деньгах не беспокойтесь: вы

¹ Ч а н д р о д а й — лекарственная трава.

² Р а й - с а х и б — почетный титул (главным образом помещика).

можете на чем свет ругать баниев¹, но в делах благотворительности они всегда впереди. Страховку на сто тысяч возьму я, несколько друзей меня поддержат. Мне по ночам не спится, вот я и обдумываю, как бы получше повернуть это дело. Пока не покончим с ним, не успокоюсь.

— Это искусство мне еще незнакомо, сетх-джи.— Голос Шантикумара звучал удивительно ровно. — Я не умею ни расхищать чужие деньги, ни подкармливать ими других. Мне сердце не позволит оскорбить хорошего человека взяткой,—представляю, каким хапугой сочтет он меня самого! Пожалуй, еще обругает.

Самаркант прикрикнул на доктора-сахиба, как на собаку.

— Да ведь вы за это землю получите! Конечно, учить мелюзгу в «Обители служения» — одно, а дела делать — совсем другое. Хорошо, я сам все улажу.

Сукхда сказала резко, словно кнутом хлестнула:

— Не надо! Взятки давать мы не будем. За нас справедливость, она поможет нам одержать победу.

Самаркант растерялся.

— Но ведь ваш план провалится!

Молодая женщина все так же твердо ответила:

— Наш план осуществится, может быть медленно, со скрипом, но осуществится. Кончилось царство несправедливости.

— Ну что ж, посмотрим.

И старый ростовщик гневно хлопнул дверью. Чудак бежал от тех, кто не желал принять его всеведения.

Шантикумар усмехнулся.

— Удивительный человек сетх-джи,— заметил он.— Если что и попадает в поле его зрения, так это деньги, Ему, верно, и невдомек, что существует, например, такое понятие, как человечность.

Глаза молодой женщины засветились гордостью.

— Не верьте его словам, доктор-сахиб: сердце его исполнено такого сострадания, такой жажды служения! Куда нам с вами до него! Разве вы не замечаете, как он изменился? Если бы Амар обратился к нему с подобным предложением года полтора назад, вспыхнул бы пожар. Решиться раздать свое богатство — не легкое дело, особенно для человека, который зубами цеп-

¹ Б а н и я — купец, торговец.

лился за каждую каури. Только любовь к сыну могла совершить такой переворот. По-моему, это высший пример отречения. Ну а теперь о нашем деле. Сначала вам надо побеседовать с членами муниципалитета. Если нужно, я пойду с вами. Надеюсь, мы сумеем завоевать поддержку большинства. А знаете, пожалуй, одному вам не стоит с ними говорить. Заходите завтра утром за мной, и мы отправимся вместе. А сейчас — прощайте, до вечера. Мне хочется сегодня навестить Сакину: говорят, она уже несколько месяцев хворает. Эта девушка достойна большого уважения. Если останется время, загляну потом к Найне.

Подымаясь с кресла, доктор-сахиб спросил:

— Когда же Найна-деви сама соберется к вам? Ведь прошло уже два месяца с тех пор, как она покинула родной дом.

— Мы несколько раз просили ее погостить, но сетх Дханирам не пускает ее.

— Она счастлива?

— Мы с Найной виделись несколько раз, но она ничего о себе не говорила. Когда я ее расспрашиваю, она отделяется односложным «мне хорошо». Но мне что-то не верится: по-моему, она не очень счастлива. Ведь она не из тех, кто любит жаловаться. Даже если новая родня станет бить ее и гнать из дому, она и тогда ни словом не обмолвится о своем горе, а будет страдать молча.

— Как можно не любить Найну? Такого и быть не может! — Глаза Шантикумара стали влажными.

Сукхда усмехнулась.

— Ее брат — плохой человек. Для людей, подобных новым родственникам Найны, это вполне веская причина, чтобы невзлюбить невестку.

— Я слышал, Манирам — отъявленный прохвост.

— Упаси вас бог сказать это в присутствии Найны! На всю жизнь врагом станете.

— Придется мне как-нибудь встретиться с этим Манирамом.

— Ох, нет! Умоляю вас, не надо. Достаточно одного вашего опрометчивого слова, и Найне плохо придется!

— Я и не собираюсь воевать с ним. Наоборот, наш разговор должен быть самый любезный, пусть мне

даже придется злоупотребить лестью. Правда, это искусство мне не очень-то знакомо, но чего не сделаешь ради Найны-деви? Слишком тяжело знать, что она несчастна! Если эта богиня бескорыстия будет печальна, мне никогда не вымолить прощения у всевышнего.

Шантикумар выбежал из комнаты: он так и не сумел сдержать рвавшиеся наружу слезы.

9

На углу улицы Сукхда остановила машину и отпустила шофера. Три или четыре раза прошла она из конца в конец знакомый переулок, — дома Сакины как не бывало! На его месте красовался новый свежоштукатуренный домик. Ни растрескавшихся глиняных стен, ни циновки из мешковины... Наконец какой-то прохожий указал ей, где живет патханка, — тот самый домик, который она сначала приняла за новый. Молодая женщина окликнула хозяев, дверь отворилась, и она вошла в небольшую чистую, комнату, обставленную плетеной мебелью.

— Вам, наверное, долго пришлось искать, — сказала Сакина, придвигая гостье стул. — Нас теперь найти не легко — нового дома никто не знает.

Вглядываясь в побледневшее, осунувшееся лицо девушки, Сукхда ответила:

— Да, я несколько раз прошла мимо, прежде чем отыскала вас. Теперь это уже настоящий дом. Но что это с вами? Вас узнать нельзя!

Сакина невесело усмехнулась.

— Я, кажется, никогда не славилась полнотой и румянцем.

— Но теперь вы совсем исхудали.

Старая патханка, вошедшая в этот момент в комнату, услышала последние слова гостьи и запричитала:

— Вот уже несколько месяцев, как ее бьет лихорадка, дочка! А ты спроси, лечится она? И разве она кого слушает? Со мной она и слова не скажет. Аллах свидетель, дочка, нет дня, чтобы я не вспомнила тебя, но мне и на глаза тебе показаться совестно. Лала-джи, свекор твой, только что был здесь. Да продлит аллах его годы! Сакина запретила мне ходить к нему за деньга-

ми, так он сам принес их мне. Живут же на свете такие добрые люди! Был бы кто другой на его месте, он и глядеть бы на меня не стал. Шутка ли, ведь я — разрушительница его дома! Но сердце лалы по-прежнему полно доброты, мысли светлы и рука не оскудела. Что стало тогда с моими глазами — видно, нечистый помутил мне разум, — что я возвела напраслину на хорошего парня. Пусть мне смертный саван не достанется за такое дело! Я много передумала за эти дни, дочка. Все кругом проклинали меня, эта девушка даже разговаривать со мной перестала. Вот она стоит, спроси сама у нее. Она мне такие вещи говорит, что печень на куски разрывается! Бог велел мне слушать — вот я и слушаю. Если бы я не была кругом виновата, разве стала бы терпеть такое? Увидала их вдвоем в нашей темной конуре, и точно бес в меня вселился. А этот горемыка понял, что девушке грозит позор, и решил своей честью пожертвовать. Но я-то, подлая, я-то! Поддалась гневу и разум потеряла! Не могла сообразить, что на свою голову позор накликаю!

— Ладно, что было, то сплыло, — резко оборвала ее Сакина. — Теперь будешь ныть до скончания века. Дашь ты нам поговорить наконец?

— Видишь, как она со мной обращается, дочка? — пожаловалась старуха. — Слова сказать не дает! Ведь если не тебе, то кому же мне и поплакаться?

Сукхда с изумлением взглянула на Сакину.

— Почему вы не хотите брать денег у лалы-джи? Ведь он много лет помогал вам.

Сакина хотела было ответить, но снова вмешалась патханка:

— Она все время воюет со мной из-за этих денег, говорит, что ни к чему нам просить подаяния. Не хочет понять, что для нас это хлеб насущный. Сейчас у нее мания — шитье. Сидит до полуночи, глаза портит. Ты только взгляни на нее — лихорадка совсем иссушила, а она и слышать не хочет о лекарствах. Я не против, работай, но о здоровье тоже помнить надо, да и едоков у нас всего двое. Но в девчонку словно бес вселился: «Хочу, чтобы у нас был хороший дом, хорошие вещи». Была у нее неплохая работа, приличные деньги получала, но все ушло на эти вот безделушки. Неподалеку от нас живет одна христианка, каждое утро она прихо-

дит к нам, учит Сакину. В наши времена, дочка, читали сипару¹, соблюдали пост, совершали намаз. Отовсюду приходили вести о свадьбах...

— Да помолчи ты хоть немного! — раздраженно прикрикнула на старуху Сакина. — Вечно одно и то же! Чем могу служить вам, сестра? — обратилась она к Сукхде. — Наконец-то вы вспомнили обо мне, несчастной.

Сукхда мягко ответила:

— Я все время помнила о вас, не раз хотела к вам навеститься, но боялась, как бы вы не подумали чего плохого. А нынче Салим-джи сообщил, что вы больны. Напрасно вы так убиваетесь, ведь мы от чистого сердца хотим вам помочь.

Сакина тщетно силилась подавить мучительную неловкость.

— Сестра, клянусь жизнью, я изгоню нужду из этого дома! — воскликнула она. — Ведь если бы не наше убожество, разве бабу-джи пожалел бы меня? Разве стал бы он навещать нас? Разве пришлось бы ему принять на себя позор и бежать? Корень всех зол — нищета. Я положу ей конец.

Затем, обратившись к патханке, она предложила:

— Сходи в лавку, принеси бетель. Надо же угостить гостью!

Отправив под таким предлогом старуху, Сакина тихо продолжала:

— Мне хочется показать вам письмо Мухаммада Салима. Я не могу таиться от вас — вы так заботитесь обо мне! Тогда, в те дни, что должно было случиться, то и случилось. Бабу Амар не раз заходил сюда. Клянусь всевышним, он и глаз на меня не поднимал. Я же — уважала его, и все. Конечно, его благородство трогало мое сердце. Услыхав о моей свадьбе, бабу-джи прибежал сюда сам не свой. Тогда-то он и признался мне в любви. Бог свидетель, сестра, я говорю вам одну истинную правду. От его признания я тоже словно голову потеряла. Меня будто вихрем закружило от счастья — такой прекрасный, благородный человек, и полюбил — кого же? — меня, простую девушку... От такого подарка судьбы можно и ума лишиться! И когда он сложил к

¹ С и п а р а — раздел корана.

моим ногам все — и душу свою и тело, — разве могла я устоять? Какие уж там высокие качества нашел он во мне — я и сама не знаю. Из его слов я поняла, что с вами он несчастен. Сестра, я говорю открыто, не таясь, вы простите, если что не так... Видно, с вами ему было не очень сладко. Знаете, бывает, что с голоду и богатый человек накидывается не на плов, а на жареные зерна. Так и его сердце, разуверившись в вас, рванулось ко мне. Он истосковался по любви. Одной любви жаждала его душа. Мне кажется, он всегда был лишен этого. Не такой он человек, чтобы довольствоваться только видимостью. Во имя настоящей большой любви он готов был отдать свое сердце и жизнь. Как я жалею, что не ушла тогда с ним! Бедняга набросился на муку из поджаренных зерен, да и ту утащили у него из-под носа. Но вы еще можете овладеть его сердцем. Напишите ему нежное, полное любви письмо, и он примчится к вам, не медля ни минуты. Что же до меня — я отыскала алмаз, и не расстанусь с ним, пока кто-нибудь не вырвет его из моих рук. Сознание, что я обладаю такой драгоценностью, делает мою душу сильной, наполняет ее радостью.

Сакина скрылась за занавеской и тут же вернулась, протягивая Сукхде надушенный конверт.

— Вот, это от Мухаммада Салима, — проговорила девушка. — Прочтите, если хотите, в письме нет ничего такого, чего бы я не могла показать вам. Салим тоже любит меня. Вначале он собирался женить на мне одного из своих слуг, теперь же сам хочет быть моим мужем. Он, говорят, остепенился. Его тетка частенько рассказывает нам о нем, обо мне же он узнает от своего дяди. Несколько раз я видела Салима возле нашего дома. Теперь он получил важную должность и уезжает. Казалось бы, и моя судьба проясняется, но нет такой силы, которая могла бы разорвать тонкую цепь любви, связывающую меня с Амаром. Пока я не узнаю, что бабуди изгнал меня из своего сердца, — до тех пор я буду принадлежать только ему. Даже если все будет кончено, эта любовь не померкнет в моей душе. Одно лишь мгновение чистой любви может напоить человека живительной влагой на всю жизнь. Я написала об этом Салиму. Говорят, он плакал, читая мое письмо. Он клянется, что либо я буду его женой, либо он навсегда останется одиноким. Завтра он уезжает — в тот самый

район, где сейчас живет бабу-джи. Там оба друга и решат, что делать. Вот почему Салим так спешит с отъездом.

Пришла патханка, принесла бетель. Сукхда машинально протянула руку к угощению. Она не могла побороть охватившего ее раздумья. Сегодня Сакина окончательно победила ее. Она, Сукхда, — красивая, богатая, увенчанная славой, — чувствовала себя нищей перед простой и бедной девушкой. Теперь молодая женщина не могла не признать своего поражения. До сих пор ей удавалось убедить себя, что ее личная катастрофа произошла лишь потому, что мужчины ветрены и развратны, а кокетливые девицы, вроде Сакины, пользуются этим и стремятся заманить их в свои сети. Сегодня Сукхда убедилась, что кокетство, любовные уловки и многообещающие взгляды — плод ее воображения. Здесь не было острых, возбуждающих ритмов. дразнящих чувства развратников и сластолюбцев, а звучала лишь спокойная, печальная мелодия, которая дарит радость только чуткому сердцу. Движением, исполненным того истинного благородства, которое рождается в горниле страдания, Сукхда обвила руками шею Сакины.

— Сестра, твои слова освободили мое сердце от гнета, — призналась она. — Наверное, ты права, обвиняя меня. Верь мне, я не сержусь на тебя. Если бабу-джи был мною недоволен, он должен был сказать мне об этом. Клянусь всевышним, за всю нашу с ним жизнь я ни разу не огорчила его сознательно, но сейчас, вспоминая все прошлое, я начинаю думать, что было в моем поведении и такое, что могло показаться ему черствостью. Однако то оскробление, которое он нанес мне, я и сейчас не могу ему простить. Он тосковал по любви, но та же печаль снедала и меня, то, что он искал во мне, я жаждала получить от него. Почему же, не найдя того, что искал и на что сам не мог ответить, он проявил такое бессердечие? Только лишь потому, что он мужчина, для которого женщина не дороже подметки от туфли? И женщина должна покорно лечь под его стопу? Сестра, ты говорила со мной не таясь, я тоже отплачу тебе откровенностью. Поставь себя хоть на минуту на мое место, и ты поймешь меня. Если я виновата, то и его вина не меньше. Разве не мог он так же сми-

риться со своей судьбой, как смирилась я? Тогда, наверное, мы сумели бы все уладить. Но теперь, что бы ни случилось, я не протяну ему руки до тех пор, пока он не сделает это первым. Женщина слаба, поэтому оскорбление причиняет ей большее страдание. Теперь позволю мне уйти, сестра, я должна еще навестить Найну. Обязательно приезжай ко мне, я пришлю за тобой машину.

Она вышла, Сакина заплакала — сама не зная почему.

10

Пробило уже девять, когда Сукхда добралась до дома сетха Дханирама. Дом был огромный и великолепный, над подъездом сиял большой электрический фонарь, двери охраняли два привратника. Едва лишь в доме было замечено прибытие Сукхды, поднялась суета. Лала Манирам собственной персоной вышел встречать гостью и повел ее на второй этаж, в пышно обставленную гостиную. Из всех щелей, из-за дверей и занавесок выглядывали женщины, однако в гостиную ни одна из них войти не посмела.

Присев на кушетку, Сукхда спросила:

— Все ли у вас здоровы?

Манирам закурил сигару и, пуская густые клубы дыма, ответил:

— Вероятно, вы не читаете газет, деви. Я поместил там объявление: вот уже два дня папá страдает лихорадкой. Здешние врачи никак не годятся, я вызвал из Калькутты мистера Ленсета. Ведь папá уже стар. Я все уговариваю его не утруждать себя делами, да ему и самому хотелось бы отдохнуть последние годы, но разве люди думают о чужом покое? В Праяг приехал губернатор и через личного секретаря пригласил папá к себе. Пришлось ехать. Ведь кроме него ни один человек в городе не удостоился приглашения, нельзя же было пренебречь такой честью! Там он и простудился. Да-а, почести почестями, но о здоровье тоже забывать не следует. А теперь — можете себе представить! — с утра до вечера у нас не закрываются двери: вся городская знать перебывала здесь. Утром нас навестил помощник комиссара с супругой; сам комиссар прислал телеграмму с соболезнованиями! Два-три дня болезни в конце

концов не такая уж страшная вещь, но зато — какой почет! Целый день принимаем чиновников и других важных особ.

Появился слуга с бетелем и кардамоном. Манирам, поставив перед Сукхдой блюдо, продолжал:

— Мне в доме необходима женщина, которая знала бы правила хорошего тона, умела бы встретить и занять высоких гостей. Найна, к сожалению, на это не годится, придется взять вторую жену. В нашей семье много женщин, но все они воспитаны по старинке. Разве они смогут принять гостей? Да их и выпускать нельзя перед настоящими леди. Невоспитанные, глупые женщины, с ними позора не оберешься!

Сукхда улыбнулась.

— Но почему же вы не женились на леди?

Вопрос не смутил Манирама.

— К сожалению, я обманулся, — ответил он. — Могли я предположить, чтобы девушка из культурной семьи оказалась такой неотесанной? Мама, сестра и остальные женщины — все в восторге от новой невестки: она соблюдает посты, почитает богов, украшает лоб тикой. Но моя задача — добиться положения в обществе жёна, которая поклоняется богам и святым, мне ни к чему. Однако брак уже заключен, и не в моей власти его расторгнуть. Единственный выход — жениться вторично. Подумайте только: что ни день — у нас бывает по несколько леди. Если мы не сумеем принимать их должным образом, пострадает мое дело. И так уж, наверное, все смеются над глупостью наших женщин.

Циничная расчетливость молодого человека ужаснула Сукхду. Его холодный эгоизм точно сковал все ее родственные чувства. Ей стало смешно.

— Я рекомендую вам просто нанимать жен английских чиновников. Это обойдется недорого, зато они сумеют принимать не только леди, но и сахибов.

— Э, вы не знаете деловой жизни, деви! У меня бывают представители крупных фирм. Если моя жена сумеет достойно встретить их, повести любезный разговор, они не станут торговаться из-за комиссионных. Это далеко не всякой женщине по плечу!

— Что и говорить! Я бы ни за что не взяла на себя такую миссию, хоть бы все дела провалились в преисподнюю.

— Насколько я понимаю, для женщины вступить в брак означает стать достойной спутницей своего мужа. Возьмите англичан, у них жены всегда помогают мужьям.

— По-моему, вы неверно понимаете слово «спутница».

Манирам не отличался сдержанностью. Приятели восхваляли его за такую откровенность. Его шутка начиналась обычно дерзким словом, а кончалась ругательством.

— Не вам давать мне советы, деви! — вспыхнул он. — Если бы вы сами правильно понимали значение этого слова, то не сидели бы без мужа и не шатались бы по улицам!

Лицо Сукхды запылало от стыда и гнева. Чуть приподнявшись со своего места, она резко сказала:

— Никто не давал вам права обсуждать мое поведение, лала Манирам! Никто! Вы, кажется, большой поклонник англичан. Видимо, вы считаете, что английский костюм и сигара приобщили вас к их культуре? Ошибаетесь! Основа английской культуры состоит в уважении к женщине, этому вам надо еще поучиться. Никакая знатная женщина, по-вашему леди, не согласится растоптать собственное достоинство.

Казалось, звучный голос молодой женщины заставил дрожать весь дом. От неожиданности у Манирама язык словно прилип к горлу. Найна поджидала невестку у себя; услышав издали громкие голоса, она поняла, что что-то неблагополучно, и вбежала в гостиную.

— Я ждала тебя, невестка. Что случилось? — спросила она, останавливаясь на пороге.

Не обращая на нее внимания, Сукхда продолжала с прежним жаром:

— Зарабатывать деньги — дело хорошее, но не следует во имя этого продавать честь. И цель брака совсем не в том, о чем вы говорили. Сегодня я узнала, как низко может пасть человек, преследуя свои корыстные цели.

Найна подбежала к невестке, схватила ее за руку и рывком подняла с места.

— Да иди же отсюда! — воскликнула она.

Но гнев Сукхды не унимался, наоборот, теперь она уже не могла остановиться.

— Вас интересует, отчего я не уехала со своим мужем? Оттого, что я не сумела пойти по тому пути само-

пожертвования, на который встал он. Дела и богатство вам дороже, чем достоинство вашей жены; мой же муж пренебрег и тем и другим. А что касается моих шатаний по улицам, на которые вы только что намекнули, если ваши слова имеют тот смысл, который я в них усмотрела, то скажу вам одно — это подлая клевета! Продолжайте зарабатывать свои рупии, но не смейте порочить честное имя моего мужа!

Сукхда тщетно пыталась уравновесить «одно слово кузнеца сотней слов ювелира», она старалась отыскать столь же сильные выражения, как то, которое только что так больно ранило ее.

— Невестка, кому ты все это говоришь?! — воскликнула Найна.

Манирам, в бешенстве сжимая кулаки, прошипел:

— Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли в моем же доме!

Умоляюще глядя на Сукхду и протягивая к ней руки, Найна повторила:

— Сжался надо мной, невестка! Ради всевышнего, уходи отсюда!

— Где сетх-джи? — спросила Сукхда. — Мне надо поговорить с ним.

— Сейчас к нему нельзя, — отозвался Манирам. — Он плохо себя чувствует, и подобные разговоры вряд ли пойдут ему на пользу.

— Хорошо, я не пойду к нему. А знаешь ли новость, Найна-деви? Скоро, очень скоро в твой дом войдет английская саут¹.

— Ну и чудесно! Чем больше народу в доме, тем лучше. Пусть их приходят, мне-то что!

Эта издевка окончательно взбесила Манирама. Обе женщины уже выходили из гостиной, когда он подскокил к Сукхде.

— Не смейте никогда больше являться в мой дом! — завопил он.

Сукхда на секунду остановилась.

— Хорошо, я уйду, — проговорила она. — Но запомните: это оскорбление не пройдет вам даром.

И рассерженная молодая женщина быстро выбежала из дома.

¹ Саут — вторая жена мужа при многоженстве.

Мгновенно гостиная наполнилась женщинами и детьми — весь дом собрался здесь, и начался суд над Сукхдой. «Всякий стыд потеряла женщина!» — возмущались одни. «Если бы не так, разве оставил бы ее муж?» — поддерживали другие.

Найна слушала все эти разговоры, низко опустив голову. Совесть мучила ее: «При тебе совершается такая несправедливость, а ты молчишь!» Но возражать она не смела, иначе на ее голову обрушились бы всевозможные проклятья. Она была дочерью лалы Самарканта, и даже самая искренняя преданность мужу не могла искупить этой ее вины. Раньше оба дельца — Самаркант и Дханирам — были друзьями, но во время подготовки чтений «Рамаяны» ее отец унизил лалу Дханирама, и с тех пор они стали врагами. Лала Дханирам и на свадьбу-то эту согласился, чтобы иметь возможность побольнее уязвить Самарканта. Однако после свадьбы пламя его ненависти заметно поухло.

Манирам уселся, положил ноги на стол и тоном, ясно говорящим, что эту Сукхду он и в грош не ставит, принялся разглагольствовать:

— Что толку разговаривать с женщиной? Будь на ее месте мужчина, уж я ему объяснил бы что к чему. Лала Самаркант заработал состояние на азартных играх, вот он и пожинает плоды своих деяний. Она явилась сюда поговорить со мной. Этот проходимец Шантикумар околпачил ее мать, и она переписала на него все свое имущество. Теперь она нуждается в каждой каури. Та же участь ожидает и Самарканта. А эта деви решила сделаться благодетельницей страны. Родной муж скитается по чужим местам, а ее, видите ли, волнуют судьбы народа! Открыла храм для неприкасаемых, а спросите, для чего? — сама не знает. Теперь она воюет с муниципалитетом из-за земли. Но тут она так просчитается — век не забудет! Лала Самаркант и в седьмом рождении не сумеет так увеличить свой оборот, как удалось мне за два года.

Манирам у себя дома был диктатором. Он умел делать деньги, поэтому родные терпели его скверный характер и безропотно подчинялись ему. Он возглавлял агентство по торговле бумагой и сахаром. Лала Дханирам вел операции с топленным маслом — дело не очень прибыльное: слишком много в нем конкурентов. Мани-

рам же в своей отрасли был монополистом и процветал. Удачи вскружили ему голову. Он не желал считаться ни с кем, и единственный, кто мог его осадить, был отец — новоиспеченный коммерсант побановался лалы Дханирама.

В самый разгар обсуждений дверь отворилась и на пороге гостиной показалась фигура лалы Дханирама, опирающегося на палку. Кряхтя и кашляя, старый сетх уселся на свое место.

Манирам торопливо выключил вентилятор и засуетился:

— Зачем вы утруждаете себя, бабуджи? Почему не позвали меня? Ведь доктор запретил вам вставать.

— Я слышал, у нас была невестка лалы Самарканта? Манирам струхнул.

— Да, она только что уехала.

Старик остановил на сыне тяжелый взгляд.

— Ты, кажется, уже считаешь меня покойником? Не потрудился и сообщить о госте.

— Я удерживал ее, но она на что-то рассердилась...

— Верно, ты рассердил ее своей болтовней, иначе она ни за что не ушла бы, не повидавшись со мной.

— Да я только и сказал, что вы себя плохо чувствуете.

— Что же, ты воображаешь, если человек болен, то его можно бросить одного? Человек и умирать в одиночестве не захочет. Его горячее желание — встретить смерть в своем доме, в кругу родных...

Лала Дханирам затрясся от кашля, затем немного передохнул и продолжал:

— Я и говорю, приди в себя! Счастье — не только в деловой удаче. Понял? Счастливый человек и свои дела хорошо ведет и о людях не забывает. Счастливые не хвастают, этим заниматься впору только пустомеле. Деви пришла ко мне и должна была покинуть мой дом радостная. Оказать ей помощь — важно, очень важно! Ты, верно, не знаешь, как ее уважают в городе. Стоит ей захотеть, и все твое состояние за один день вылетит в трубу. И она разорит тебя, помани мое слово. Это упорная женщина. Она родного мужа не пожалела, да и о себе не тревожится... Не знаю, когда ты, наконец, возьмешься за ум!

Лала Дханирам снова закашлялся. Сын поддержи-

вал его и гладил по спине. Через минуту приступ кашля прошел, и лала-джи немного отдышался.

Манирам с тревогой заметил:

— Лекарство этого доктора совсем не помогло вам. Почему бы не позвать Кавираджа? Я пошлю ему телеграмму.

Дханирам натужно вздохнул.

— Щепотка пепла какого-нибудь садху¹ — вот что меня вылечит, сынок. Ладно, коли хочешь, потом и этот балаган можно будет устроить, я не против выкинуть на него немного денег. Но сейчас — хватит. Завтра я скажу доктору-сахибу, что мне стало лучше и в его услугах мы больше не нуждаемся.

Манирам с опаской спросил:

— Может быть, мне стоит сходить к Сукхде-деви?

— Ну нет, я не желаю, чтобы тебя оскорбляли! — гордо ответил старик. — Посмотрим, благородная ли у нее душа. Не раз я терпел убытки, но никому еще не кланялся! Я знаю Самарканта. Как он ни плох, сердце у него чистое, он никогда не забудет о чести и сострадании. Теперь испытаем его невестку.

Объявив свое решение, старый сетх поднялся и, все так же опираясь на палку, медленно побрел к себе в сопровождении почтительно поддерживавшего его Манирама.

11

В месяце саване² Найна пришла в родительский дом. Новая семья ее жила буквально в двух шагах от лалы Самарканта, но за полгода Найна ни разу не удосужилась навестить родных. Будь на то воля Манирама, жена его и сейчас не вырвалась бы из дому, но тут на ее защиту встала вся семья. Ведь в месяце саване все жены уходят к родителям — таков обычай. Столь откровенное притеснение молодой жены вызвало бы неприятные толки.

Началась полоса дождей. Кругом только и слышно было: тут дом обвалился, там осела крыша. Сукхда, си-

¹ С а д х у — святой, аскет, отшельник.

² С а в а н — пятый месяц индийского календаря (соответствует июлю — августу).

дя на веранде, бесцельно следила за вздувавшимися на поверхности воды пузырями. Дом был расположен в низине, и во дворе его всегда застаивалась вода. Пузыри вздувались и лопались, порой они устремлялись друг к другу, но сразу же отскакивали, как люди, нечаянно столкнувшиеся на улице. Подобно людям, пузыри, казалось, хотели увернуться друг от друга — но не могли: один двинется вправо — другой тоже, первый влево — второй за ним. Сукхда задумчиво смотрела на пенящуюся воду. Ей казалось, что пузыри — живые существа. Она воображала, что видит перед собой головы ребятишек, затеявших какую-то веселую игру.

— Невестка, давай пускать кораблики! — крикнула из комнаты Найна. — Я сейчас сделаю.

Не отрывая глаз от воды, Сукхда отозвалась:

— Что-то не хочется. Пускай одна.

Но Найна не унималась. Она быстро сделала два кораблика, вышла на веранду и принялась тормозить Сукхду.

— Ну, давай! Чей кораблик первый доберется до берега, та и выиграла. Ставка — пять рупий.

— Что ж, пусти за меня кораблик, — нехотя ответила молодая женщина. — Если он придет первый — плати пять рупий. Только имей в виду — сладостей на эти деньги я покупать не собираюсь.

— А что же купишь? Лекарство?

— Да, пожалуй, лучше всего потратить деньги на лекарство. Скольких людей сейчас сушит лихорадка. На пять рупий лекарства — все-таки помощь.

Но тут явился малыш и завладел корабликами. Отправив их в плавание, он радостно захлопал в ладоши. Найна расцеловала своего любимца.

— Я то и дело вспоминала его! — пожаловалась она. — Как вспомню — так и заплачу. Не знаю почему, он все время стоит у меня перед глазами.

— А обо мне ты вспоминала?

— И не думала! Вот о брате — другое дело, но он такой жестокий: за полгода — ни одного письма! Ну и пусть не пишет, я тоже буду молчать!

— Неужели ты и вправду ни разу обо мне не вспомнила? А я-то думала, что тебе без меня тоскливо! Ну что ж, в конце концов ты — сестра своего брата. Тот как уехал, так ему и дела до меня нет.

— Я на тебя рассердилась. За эти шесть месяцев ты только раза три зашла ко мне, да и то без малыша!

— Если бы я привела его, он, пожалуй, не захотел бы идти домой.

— Что же, по-твоему, я враг ему?

— Не нравится мне твоя новая родня. Просто не представляю, как ты с ними живешь.

— А что же мне делать? Убежать? Чтобы весь век потом надо мной смеялись?

— Скажи мне — только по совести! — твой муж любит тебя? — рискнула спросить Сукхда.

— Ты знаешь, — последовал ответ.

— Право, мне еще ни разу в жизни не приходилось иметь дело с таким человеком!

— И мне... — тихо сказала Найна.

— Он, наверное, тогда очень рассердился! Ладно, расскажи мне все по порядку: как вы впервые встретились, каким он был в медовый месяц? Только поклянись, что скажешь правду.

Найна нахмурилась.

— Зачем ты меня тревожишь, невестка? Клятва какая-то тебе нужна... Ничего я не стану рассказывать.

— Хорошо, не рассказывай. Разве я тебя заставляю? — И Сукхда поднялась, чтобы уйти.

Найна схватила ее за руку.

— Куда же ты, невестка? Ну ладно, ладно, даю слово! Садись и слушай. Полгода тому назад я вышла замуж, и вот до сих пор я ни разу не говорила со своим мужем.

— Как это? Ты правду говоришь? — удивленно воскликнула Сукхда.

— Правду, невестка, только правду! — с болью в голосе ответила Найна. — Вечером того дня, когда я покинула наш дом, Манирам явился ко мне. На шее гирлянда из цветов, глаза красные от вина, грубый и неистовый — будто слуга ростовщика, который пришел взыскивать долг. Подошел, откинул с моего лица покрывало и говорит: «Я пришел сюда не для того, чтобы смотреть на твое покрывало, эти фокусы мне ни к чему. Садись сюда и слушай: я не из тех допотопных мужей, которым нравится играть со своими женами в куклы. Жена обязана встречать мужа приветливо, а ты укуталась в покрывало, будто тебе смотреть на меня против-

но». Он протянул руку, и я... ну, мне показалось, точно меня змея ужалила. Я затряслась, как в лихорадке: как он смеет так грубо касаться моего тела?! В душе у меня словно костер запылал... Я заплакала. Развелись все чудесные сны, которые я видела уже столько дней. Разве то божество, которому я приготовилась поклоняться, может иметь такое воплощение? В нем не было не только ничего божественного — даже ничего человеческого. Одно неистовство, упоение своим правом, холодное бесстыдство! Я принесла к ногам супруга поднос веры, на который возложила всю страсть своей души, всю радость, всю любовь... При виде подлинного облика этого божества поднос словно выскользнул из моих рук и все жертвенные подношения упали в грязь. Всей душой я восстала против этого бездушного упоения правом. Куда девался тот дух самопожертвования, которым прежде была проникнута моя душа? Мне хотелось закричать. «Ведь смысл брака не в том, чтобы быть игрушкой в твоих руках! Ты будешь моим повелителем только тогда, когда я стану твоей царицей. Иной власти, кроме власти любви, я не признаю и не хочу, чтобы ты признавал!..» Но душа так горела, что и этот упрек я была не в состоянии бросить... Я поднялась и вышла на веранду. Сначала он ждал, думал, что я вернусь, потом разозлился, вышел вслед за мной, схватил меня за руку и потащил в комнату. Я рванулась, высвободила руку и крикнула, что не потерплю оскорблений даже от него. Он засмеялся: «Подумаешь, какое самомнение при нашей красоте!» У меня внутри словно оборвалось что-то. Я ничего не ответила. Говорить с этим человеком мне показалось оскорбительным. Я ушла к себе и закрыла дверь. С того дня мы не сказали друг другу ни слова. Молю всевышнего — пусть мой муж поскорее возьмет вторую жену и даст мне свободу. Я не могу называть своим супругом человека, который пленяется только телом женщины, ценит ее кокетство и уловки, видит в ней лишь средство к удовлетворению своих низменных потребностей.

Сукхда рассмеялась.

— А какова оказалась твоя любовь? Разве все счастье заключается в том, чтобы божественный супруг склонялся перед супругой?

Найна ответила серьезно:

— Счастье только в настоящем браке. Тот, кто не считает брак священными узами, а ищет в нем лишь удовлетворение похоти — тот не человек, а животное.

Неожиданно на веранду вбежал Шантикумар, промокший до нитки.

— Как же вы промокли! — ужаснулась Сукхда. — Почему без зонтика?

— Я только что с заседания совета, — сказал Шантикумар, сбрасывая плащ и вешая его на веревку. — Не нашел тонги — пришлось идти пешком.

— Что было на заседании? Принято наше предложение?

— Чего я опасался, то и произошло.

— Провалили! Сколько голосов против?

— Только пять. Лала Дханирам предал нас.

Сукхда похолодела.

— Как же теперь?.. — вырвалось у нее.

— Придется начать кампанию в газетах и на собраниях.

— Ну, нет! Я не такая терпеливая, как вы, — с горячностью возразила Сукхда. — Отныне лала Дханирам и его приспешники простятся со спокойной жизнью! До сих пор я старалась ладить с ними, теперь — довольно! Пора показать силу. Пусть прольется кровь, пусть герои снова пожертвуют жизнью, но это откроет, наконец, глаза народу! Этой клике нечем будет дышать в нашем городе.

Шантикумар был зол на старого сетха.

— Это все Дханирам, его фокусы! — подлил он масла в огонь.

— Он или другой — не в том дело, — резко ответила Сукхда. — Решение принял совет, и совет за него отвечает. Надо показать этим делягам, что мнение народа тоже кое-чего стоит. Ноги лалы Дханирама не будут на южных участках!

Шантикумар тотчас сбавил тон:

— Мне думается, пока следует ограничиться одной пропагандой. Ничего, что дело немного затянется...

После того как был образован кредитный фонд, Шантикумар начал бояться всякого рискованного шага. Теперь он чувствовал себя ответственным за судьбу большого предприятия, и поэтому был крайне осторо-

жен. В каждом выходящем из ряда вон событии ему мерещился позор и гибель любимого детища.

Сукхда яростно набросилась на доктора-сахиба.

— Да что вы говорите? Опомнитесь! Уж кто-кто, а я-то нагляделась на этих просвещенных эгоистов. Все они львы только на словах. Я покажу им, что бедный люд, который безропотно гнул перед ними спины, может обернуться змеей и больно ужалить. До сих пор бедняки просили у них уступок, теперь они заявят о своих правах. Можно отказать в просьбе, но кто осмелится попирать права? За права отдают жизнь. Посмотрим тогда, в какой луже будут барахтаться лала Дханирам и его приспешники!

С этими словами Сукхда сбежала вниз, во двор, и через мгновение исчезла за плотной завесой дождя.

На веранде воцарилось молчание.

— Интересно, куда она убежала? — спросил, наконец, Шантикумар. — Ну и горячка!

Найна вошла в дом, заглянула во все уголки, спросила встретившегося ей водоноса и, вернувшись, объявила, что Сукхда вышла на улицу.

— Но куда же она отправилась в такой дождь? — удивился доктор-сахиб. — Ох, боюсь, не наделала бы она чего! А вы, Найна, видно, совсем позабыли меня. За столько времени — ни одного письма...

Шантикумар вдруг остановился: он почувствовал, что говорит что-то не то. Как он смеет обращаться с подобными словами к Найне? Что она подумает? Горло его сдавила спазма. Уйти, уйти, как можно скорее! Ни минуты больше не может он оставаться здесь! Доктор-сахиб с ужасом ждал, что возмущенная Найна скажет что-нибудь такое, что сделает положение непоправимым. Как мог он допустить подобную оплошность?

Найна покраснела до слез. Ничего не ответив доктору-сахибу, она позвала малыша и ушла. Шантикумар застыл на месте, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Наконец он встал и вышел под дождь. Он шел, низко склонив голову, с таким ощущением, будто его только что отхлестали по щекам туфлей. Стыд душил его, воспоминание о залившемся краской лице Найны жгло огнем.

Найна мягко окликнула его.

— Куда же вы, доктор-сахиб! Переждали бы дождь.

Шантикумар попытался что-то ответить, но почувствовал, что вместо слов в горле у него комок соли. Шатаясь, будто пьяный, он направился к выходу. Лицо его было мокро — может быть, виной этому был дождь.

12

А дождь все лил и лил. Казалось, сумерки начали сгущаться еще задолго до наступления вечера. Сукхда сидела в храме. Она готовила забастовку, которая навсегда должна была сбить спесь с заправил муниципалитета. Пусть поймут раз навсегда, что служение и милосердие тех, кого считают «низкими», — основа всей их жизни. Только этим беднякам обязаны члены муниципалитета высоким положением и властью.

Над городом нависла тревога, будто под его стенами притаился враг. Повсюду собирался простой люд: где — стиральщики белья, где — кожевники, метельщики, цирюльники, водоносы. Кто позволил бы себе пренебречь распоряжениями Сукхды-деви? Весть о решении муниципалитета разнеслась с поразительной быстротой; обычно такие слухи просачиваются повсюду, словно вода. В течение последних месяцев народ жил надеждами на строительство, все мечтали получить это невиданное благо — новое жилье, чистое и просторное, где будет вдоволь воздуха и солнечного света. Люди грезили о новой жизни. Сегодня городские власти развеяли эти надежды в прах.

Но теперь простолюдин был не прежним забитым существом — неизменно покорным и бессловесным. Бедняки начали понимать, что они люди, имеющие такие же права на жизненные блага, как и богачи. Однажды им уже довелось ощутить вкус победы — победы коллектива! Станут ли они терпеть корыстное своеволие правителей? На сей раз это не было политической борьбой ради какой-то отвлеченной идеи, зримая сущность которой с трудом умещалась бы в сознании людей. Цель была ясна. Не было необходимости воздействовать на чьи-либо чувства или сознание. Едва лишь стало смеркаться, в храме начался сущий базар.

Майку, старшина прачек, сверкая покрасневшими от вина глазами и трясая козлиной бородкой, кричал:

— Я стирал белье, когда услышал злую весть! Вот, прибежал как был. Слыханное ли дело — в доме негде развесить белье. Ответьте, где мне сушить белье?

— Полно врать, Майку! — прервал его водонос Джаганнатх. — Разве ты сейчас стирал? Да ведь ты только из кабака. Сколько тебя ни уговаривали, ты так и не бросил своих привычек.

Майку затрясся от гнева.

— Ты, старшина! Помалкивай лучше, не то я тебя выведу на чистую воду! — заорал он. — Дома хлещешь бутылку за бутылкой, а здесь глядишь святошей!

Старшина метельщиков, Матан, вышел вперед и доказал, что недаром он облечен доверием своей касты.

— Друзья, сейчас не время для раздоров, — важно заявил он. — Надо покончить с тем вопросом, ради которого нас созвала деви-джи. Что будем делать — гнить в старых трущобах или жаловаться начальству?

Но сердце Сукхды жаждало бури.

— Все, что требовалось сказать начальству и выслушать от него, мы уже сказали и выслушали, — сурово возразила она. — Никто и ухом не повел! Шесть месяцев тянулась эта канитель. Если до сих пор от переговоров не было толку, чего же больше ждать? Мы просили и молили, но — из пальца масла не выжмешь! Чем покорнее мы будем, тем сильнее нас будут теснить. Решайте же, станете вы на защиту своих прав или нет?

Глава башмачников, Сумер, опираясь на палку и уныло выглядывая поверх толстых стекол своих очков, прошамкал:

— Таков уж наш удел — просить и молить... Подадим прошение. Что еще нам остается?

— Как что еще?! — Старшина Мурли воинственно закрутил усы. — Или мы не люди? И детей у нас нет? Кому, мол, дворец да вилла, а для таких, как мы, и глинобитный дом хорош?! У меня вон их пять, ребятишек-то, четверо из них уже месяц как болеют. Да и как не заболеть в такой конуре? А рядом — сточная канава. Ньюхаешь — нос ломит!

Зеленщик Иду попытался распрямить свою согбенную спину.

— Если бы судьба сулила нам счастливую жизнь, мы родились бы в богатых домах, — сокрушенно проговорил он. — Другое дело Хафиз Халим: нынче он — важ-

ная шишка, а ведь еще на моей памяти туфлями торговал. Война озолотила человека. Теперь Хафиз Халим с большими людьми знается, таким, как я, и головой не кивнет, а ведь бывало — редиску и у меня в долг брал на пайсу да на дхелу... Аллах — великий создатель! Вот и сынок Хафиза стал начальником. Да что тут говорить!

Пастух Джангли — знаменитый на весь город силач, суший черный бог, хмуро пробасил:

— А я и прежде знал, что ничего из этой затеи не выйдет. Разве богачи нас послушают?

Амирбег, вытянув вперед длинную тонкую шею, тревожно зашептал:

— Куда будем жаловаться? Надо подать просьбу в верховный суд — пусть пересмотрит решение совета, а уж если и там ничего не добьемся, тогда самому бадшаху...

Сукхда улыбнулась.

— Пересмотреть решение совета? Да ведь этим-то мы сейчас и занимаемся. Вы сами — верховный суд, вы — судьи в этом деле. Совет смотрит в рот тем, кто побогаче. Квартал за кварталом уничтожаются ваши убогие лачуги, и на их месте богачи возводят свои дворцы. Вам выплачивают пять — десять рупий, а потом получают с ваших же участков тысячные прибыли. Деньги эти идут на большие оклады чиновникам. Земля, на которую мы претендовали, приглянулась лале Дханираму, ему не терпится украсить ее виллами. Совету дороги деньги, ваши жизни он ни в грош не ставит, не ждите справедливости от этих корыстолюбцев. Я хочу говорить с вами о другом. Ведь все эти заправилы и не представляют себе, какая сила таится в вас. «Что нам сделает этот сброд?» — думают они. Я же повторяю: вы — сила! Бунт, беспорядки — все это ни к чему. Надо организовать забастовку, чтобы показать, что вы не согласны с решением совета. Забастовка эта должна длиться не день и не два, а до тех пор, пока совет не отменит своего сегодняшнего решения и не отдаст землю вам. Я понимаю, на такое дело решиться нелегко. Большинству из вас нечего есть. Но я твердо знаю: счастье само в руки не придет, чтобы добиться его, надо пройти через большие испытания.

Сумер был владельцем башмачной мастерской. Три-четыре подмастерья работали в ней не покладая

рук, да и сам хозяин не расставался с колодкой. Состояние своё Сумер нажил неустанным трудом. Теперь дело пошло легче — старый башмачник даже начал ссужать деньги в рост косарям, пастухам и прочему мелкому люду.

Выглядывая из-за своих очков, как скорпион из щели, Сумер вкрадчиво заговорил:

— Трудненько придется нашему брату во время забастовки, сестра! Я — ваш раб, я знаю, то, что вы задумали, нам же на благо, но все-таки я скажу: трудно нам придется. Какой-нибудь горемыка весь день косит траву, вечером продаст ее, купит муки и гороху, разведет где-нибудь огонек да сварит похлебку... Люди и так живут одним днем. А тут мы сразу потеряем работу. На место одного сейчас же сыщется другой. Куда же тогда податься?..

Сукхда не могла выносить этих возражений, она и слышать не желала о трудностях.

— Вы что же думаете, не ударив палец о палец получить хорошее жилье? — раздраженно спросила она. — Победа достается лишь тем, кто не боится лишений и трудностей.

Старшина Матаи подоспел на помощь молодой женщине:

— От забастовки пострадают все — и вы, и мы. Но ведь где огонь, там и дым. Если мы не послушаем сестру, то всю жизнь будем получать пинки да затрешины. Кто, кроме нас, понимает наше горе и страдания? Если кому и придется потерять работу — что же делать, со всяким может случиться. Ведь мы все — слуги. Одни служат правительству, другие — богатым. Мы должны дать клятву в том, что умрем с голоду, но, пока длится забастовка, на работу не выйдем.

Сумер набросился на Матаи:

— И что ты суешься, старшина? Ничего не понимаешь, а лезешь! У тебя одно положение, у нас другое. За нашу работу всякий ухватится, а на твою охотников мало.

Майку поддержал старого башмачника:

— Это ты правильно сказал, старшина Сумер! Посмотрите хоть на нас. Теперь и образованные люди не брезгают стиральным ремеслом: собираются в компании и, глядишь, — то там то здесь открывают большие прачечные. Опоздаешь на день, глядишь, а клиент

уже отправил белье в прачечную. Мы и теперь сидим без заказчиков, а если забастовка продлится дней пять или десять — пиши пропало... Сейчас еще кое-как кормимся, а тогда что будем делать?

— Эх вы! Собрались на борьбу, а ноете, что нет сил! — Глаза Мурли вызывающе сверкали. — А вы плачьте, может, вам с неба молоко прольется! Нет, друзья, не те нынче времена. Если хотите дожидаться счастливой доли для себя и своих детей, придется и пострадать. А кто не хочет — пускай убирается домой, сидит в своей шели да поддыхает, как муха!

— Что уготовано судьбой, того не миновать! — торжественно изрек Иду. — Слезы да вздохи тут не помогут. Судьба сделала Хафиза Халима большим человеком. Если на то будет воля аллаха, то и нам когда-нибудь достанутся новые дома.

— Золотые твои слова, Иду! — подхватил Джангли. — Мы вот торгуем молоком. Стоит нам хоть раз не доставить свой товар вовремя — разговоров не оберешься: «На вас нельзя положиться. Лучше мы будем брать молоко на молочном заводе». Если же забастовка продлится дней пять или десять, мы разоримся. Молоко не такая вещь, которую можно задержать до случая.

— Знаю, знаю, так вот и с моим товаром, брат! — отозвался Иду. — Теперь барсат¹, зелень уже к вечеру никуда не годится, ее и даром никто не возьмет.

Амирбег снова вытянул свою цыплячью шею:

— Сестра, я законов не знаю, но слышал, что бадшах — самый справедливый правитель. Говорят, он ночью ходит по городу в простом платье, смотрит, как живет народ. Что, если нам написать прошение, собрать подписи да представить его бадшаху? Он уж, конечно, не оставит наше дело без внимания.

Сукхда с надеждой взглянула на Джаганнатха.

— А ваше мнение каково, Джаганнатх? Эти люди, видимо, ни на что не решатся.

У старшины водоносов забежали глаза.

— Одной горошиной печку не расколешь, сестра, — смущенно ответил он. — Если все поддержат забастовку, что ж, и я согласен. Но ведь наш брат живет тем, что заработает. Кто с лотком ходит, кто носит носилки, а

¹ Барсат — сезон дождей.

большинство служит богатым людям. Если женщинам из больших домов два-три дня придется выполнять нашу работу — мы пропали...

Сукхда с досадой отвернулась от водовоза.

— А вы что скажете?— обратилась она к Матаи.— Вас тоже покинула решимость?

Старшина метельщиков гордо выпятил грудь.

— Только низкие люди отказываются от своих слов!— твердо сказал он.— Мы ждем вашего приказа, сестра. Ваше слово для нас — закон, пусть это будет стоять нам жизни. Именем всевышнего я подниму своих людей, никто и слова не скажет.

Сукхда порывисто встала.

— Итак, с завтрашнего дня объявляем забастовку. Старшин тоже прошу принять в ней участие. Я сама обойду всех, буду ходить от двери к двери, припадать к ногам каждого, и успокоюсь лишь тогда, когда забастовка охватит весь город. Если же призывы мои будут тщетны и люди не согласятся,— тогда мне остается одно: скрыть свой позор в водах Ганга. Я так вам верила, так на вас надеялась! Вы разрушили мою веру...

С этими словами молодая женщина выбежала из храма и мгновенно скрылась за сеткой дождя. Матаи последовал за ней. Старшины, понурые и смущенные, остались в храме.

Минута прошла в молчании.

— Сестра слишком близко принимает все к сердцу,— нарушил, наконец, тишину Джаганнатх.

— Воплощенная Лакшми,— прошамкал беззубым ртом Сумер.— Однако, друг, нам нужно думать о зарботке. Разве с правителями сладишь? Они будут тянуть, а мы через каких-нибудь десять — пятнадцать дней ноги протянем.

Иду мудро заметил:

— Это еще что! А то, глядишь,— всех старшин в тюрьму упекут. Тогда уж хлебнем горя. Шутка ли — с начальством воевать!

— А что мы будем есть, пока будет идти эта война?— поддержал зеленщика Джангли.— Сестре-джи что — у нее и деньги и образование, ей можно спорить с начальством. Таким, как она, ничего не страшно, а мы живо на мель сядем.

Но что бы они ни говорили, в душе всем было стыд-

но, как солдатам, бегущим с поля битвы. Когда солдат бежит, стыд преследует его и не дает насладиться радостью спасения, поэтому слова, которыми он пытается себя оправдать, идут не от сердца.

Вскоре дождь прекратился, и люди покинули храм. Их сумрачные лица, медленная поступь, опущенные глаза и тяжкое молчание яснее слов говорили о том, чем были полны их души.

13

Сукхда вернулась домой разбитая и подавленная. Это было ее первое поражение, и душа ее неистовствовала, словно молодой конь, впервые оскорбленный кнутом. «Можно ли было возлагать надежды на этих трусов?! — в отчаянии твердила она. — Люди, которые не могут пойти на небольшие лишения, чтобы добиться победы, обречены всю жизнь терпеть обиды и горести».

Найна в глубине души была довольна поражением своей невестки. В доме мужа она была чужой, на ее долю выпадали одни лишь оскорбления, но тем не менее теперь это был ее дом. Как ни болит глаз, его не выколешь... Землю, из-за которой шел спор, сетх Дханирам покупал за тысячи, а надеялся продать за сотни тысяч рупий. Найна молчала, но шумиха, поднятая Сукхдой, ей не нравилась. Она стала как будто даже меньше уважать невестку. Ей было неприятно, что, раздувая этот огонь, Сукхда поддалась мелкому чувству ненависти.

Теперь же Найна не удержалась от критического замечания:

— Если бы здешние люди были единоклассны, совет не вынес бы сегодняшнего решения.

— Забастовка все равно будет, — хотят этого старшины или нет! — с раздражением ответила Сукхда. — Чересчур уж разжирили эти старшины, а чем обильнее жир, тем больше о нем забот.

— Простой человек всегда робок, это естественно, — возразила Найна. — Те, которые обладают знаниями, силой и мужеством, не боятся трудностей; человек, сидящий перед блюдом, наполненным яствами, не пожалует куска и для собаки. Но если кусок лишь один, можно ли упустить его!

Сукхда, казалось, не слышала этих рассуждений.

— Сколько в людях было решимости, когда шла борьба за храм! Как бы я хотела снова вдохнуть в них эту решимость!

Найна вздрогнула.

— Опомнись, невестка! Не бери греха на душу! По-дожди, все как-нибудь уладится. Ты заметила — ведь теперь почти не слышно о детских браках, и к неприка-саемым совсем другое отношение... А как потянулись люди к образованию! На все требуется время, будут когда-нибудь и у бедных свои дома.

— Это политика трусов! — Голос Сукхды звучал резко. — Мужество подчиняет себе время.

— Надо вести пропаганду.

— Спасибо, мы уже полгода на нее убили!

— Но ведь на другое люди не решаются?

— Они мне не верят...

Мгновение помолчав, Сукхда заговорила снова:

— А, собственно, что за услугу оказала я народу Почему он должен мне верить? Повертеться немного под пулями — невелико дело.

— Мне кажется, эта забастовка убьет и ту небольшо-ую долю сочувствия, которую люди до сих пор к вам пита-ли.

Сукхда даже руками всплеснула.

— Доля сочувствия?! Да если бы она помогала ра-боте, тогда и горевать было бы не о чем. Если бы люди по своей воле поступали так, как подобает, тогда и за-коны были бы не нужны. Дом, в котором я живу, ат-мосфера роскоши, которую я невольно приношу с со-бой, — все это стеной стоит между мной и народом. Мой долг — от всего отрешиться!.. Дни и ночи я думаю лишь об этом.

Утром забастовка все-таки началась. На улицах не было видно ни одного метельщика, водоносы и воз-чики тоже не вышли на работу. Больше половины зе-леных лавок было закрыто, публика негодовала из-за отсутствия молока. Полиция требовала, чтобы хозяева открыли лавки, пыталась согнать на работу метельщи-ков. Чиновники округа вместе со знатью и богатыми горожанами ломали головы, изыскивая средства для прекращения забастовки.

Был полдень. Все небо обложило рыжими ту-чами, будто какой-то озорник размалевал его желтой

краской. На улицах и в переулках,— повсюду, разбрызгивая грязь из застоявшихся луж, сновал народ. У дверей Сукхды собралась толпа. Неожиданно сквозь нее протискался доктор Шантикумар, по колено забрызганный грязью. После вчерашнего разговора ему нелегко было прийти сюда. Найна заметила его, но в дом не пригласила; Сукхда на террасе говорила с матерью. Шантикумар некоторое время потоптался у входа и, окончательно пав духом, совсем было решил уйти, но в этот момент Сукхда окликнула его.

Молодая женщина заметила удрученное состояние Шантикумара, но все же не преминула метнуть в него стрелу сарказма:

— Ну что, доктор-сахиб, никто не заметил, как вы входили в наш дом?

— Не беспокойтесь, на всякий случай у меня готова подходящая версия,— отшутился Шантикумар.— Если кто и заметил, как я сюда входил, я всегда могу отговориться: приходил, мол, занимать деньги.

У Ренуки-деви установились с доктором-сахибом почти родственные отношения. Сукхда рассказала матери о вчерашнем поведении Шантикумара и, несмотря на то что Ренука-деви, взвалив на доктора-сахиба груз попечительства, была истинной виновницей его пассивности, почтенная женщина решила пристыдить его. Она взяла доктора-сахиба за руку, усадила его возле себя и принялась за дело:

— Почему эту руку не украшают браслеты? Вы притихли, как невеста перед свадьбой.

Шантикумар улыбнулся.

— Что ж, я не против стать невестой, только тогда уж вы будьте моим женихом, деви.

Ренука-деви рассмеялась.

— Куда там, я старуха! Но подождите, я найду вам настоящего сурового мужа, который будет держать вас за семью пардами! Так и быть, придется заказать для вас драгоценности. Раскрасьте лоб киноварью, опустите на лицо покрывало... Сперва будет есть муж, если же после него останутся объедки, принимайте это как изъявление высшей милости божества и доедайте. Не дай вам бог нахмуриться — мужу это будет не по душе. Придется прислуживать ему, стирать его дхоти, омыwać ему ноги, когда он вернется домой усталый.

Ну и, конечно, надо рожать детей. Если детей не будет, муж приведет в дом другую жену, а вы превратитесь в служанку.

На бедного Шантикумара посыпался такой град насмешек, что он уже не улыбался. Лицо его сделалось мертвенно-бледным, язык присох к гортани. Ренуке и раньше случалось подсмеиваться над ним, но сейчас она превзошла себя. Доктор-сахиб чувствовал, что еще немного, и он расплчется. Ведь в злоязычии женщина не знает себе равных, особенно если она уже не молода.

Стараясь поскорее изменить направление беседы, доктор Шантикумар взглянул на часы.

— Ого, уже час! Здорово сегодня проходит забастовка!

Ренука-деви не преминула вновь уколоть собеседника:

— Вам-то что до этой забастовки? Вы ведь нынче отсиживаетесь.

— Я не из числа тех, кто праздно полеживает на диване, деви.— Шантикумар говорил с серьезной деловитостью.— Всегда необходимы люди, которые могли бы тайно оказывать поддержку забастовке. Я изменил тактику и чувствую, что это дает мне не меньшую возможность способствовать увеличению размаха движения. Сегодня я дал кое-какие распоряжения десятку юношей из «Союза молодежи». Если бы не они, забастовка вряд ли получила бы такой размах.

Ренука-деви потрепала Сукхду по плечу.

— Что же ты его порочишь, дочка? Бедняга старался не жалея сил, и над ним же и посмеялись. Я согласна с вашей политикой, доктор-сахиб. Прыгать всем в огонь — безрассудно.

Шантикумар условился с Сукхдой, что ему принимать в дальнейшем, и удалился.

Наступили сумерки. Тучи рассеялись, и луна излила свой мягкий, полный материнской любви свет на орошенный слезами лик земли.

Сукхда совершала вечернюю молитву¹. В момент углубленного самосозерцания ее душа твердила, подобно упрямому ребенку: «Если бы Манирам не нанес тебе страшного оскорбления, разве стала бы ты так добиваться этой забастовки?»

¹ Индусы молятся утром, в полдень и вечером.

Но тут же молодая женщина гордо вскинула голову: «Да, да, конечно добивалась бы!» Ведь мысль о забастовке приходила ей в голову еще раньше. Если Дханираму придется худо — что делать... Не может же она из-за него поступиться своим делом. Ради этого дела она готова пожертвовать всем своим состоянием, к чему же ей заботиться о чужих доходах?

Успокоив себя такими доводами, Сукхда окончила молитву, спустилась вниз и тут натолкнулась на свекра. Лала Самаркант был явно чем-то расстроен: глаза его растерянно блуждали, губы дрожали, будто силились сдержать рвущийся наружу мучительный крик.

— Что случилось, дада-джи? Что вас так взволновало? — испуганно спросила Сукхда.

Лала-джи вздрогнул. Пытаясь сдержать рыдания, он проговорил:

— Сейчас ко мне в лавку пришел полицейский чиновник... и сообщил такое... не знаю... как сказать...

Голос старика прерывался; казалось, он захлебывался в бездонном озере слез.

Сердце Сукхды замерло от тревожного предчувствия.

— Что он сказал? Говорите скорее! Что-нибудь в Харидваре?

— Нет, нет! Совсем не то. Разговор шел о тебе... Издан приказ о твоём аресте...

— Подумаешь, беда — приказ об аресте! — рассмеялась Сукхда. — Ну можно ли так расстраиваться по пустякам, дада? А в чем меня обвиняют?

Самаркант немного приободрился.

— Да все эта забастовка. Сегодня власти совещались и приняли решение арестовать тебя и старшин. От всех несчастий у них лишь одно средство — душить. Причин недовольства и не думают устранять, а людей хватают, сажают в тюрьмы. Точно глупая мать, которая колотит голодного ребенка, чтобы он не плакал.

Сукхда спокойно возразила:

— В обществе, основанном на угнетении, правительство и не может изобрести другого средства. Но пусть они не надеются, что сумеют таким образом подавить забастовку. Если мяч сильнее ударить, он и подпрыгнет выше. Каков толчок, таково будет и ответное движение.

Мгновение помолчав, молодая женщина продолжала уже более горячо:

— Хорошо, пусть меня бросят в тюрьму. Но разве хватит тюрем для сотен тысяч бедняков, чьи стоны сотрясают небеса? В один прекрасный день эти стоны, низвергнувшись раскаленной лавой, сожгут и общество и его правителей. Пусть слепцы остаются слепцами — я свой долг выполнила. Настанет день — и сегодняшних богов выметут на мостовую, под ноги прохожим. Возможно, благодаря моему аресту вопли бедняков некоторое время не будут докучать правителям, но скоро, очень скоро слезы обездоленных, обратившись искрой, испепелят несправедливость и породят такое пламя, языки которого достанут до самых небес.

Эта пылкая тирада не произвела впечатления на Самарканта. Мысли старика были заняты одним: как отвести беду.

— Послушай, невестка, — несмело начал он. — Только ты не сердись на меня... Залог...

Сукхда нахмурилась.

— Ни в коем случае! Что я гарантирую этим залогом? Что никогда не раскрою рта? Надену повязку на глаза? Нацеплю намордник? Да лучше уж сразу выколоти себе глаза, вырвать язык...

Терпение Самарканта истощилось, и он дал волю гневу.

— Если ты не умеешь владеть языком, то и вырви его! Легко ли мне смотреть, как мою невестку уводят в тюрьму, да еще не сметь и пальцем шевельнуть! Почему ты не спросила меня, прежде чем затевать эту забастовку? Ты забыла о чести, но я о ней помню. Ради спасения чести я расстался с сыном и тебе не позволю ее топтать.

Послышался гудок автомобиля. Сукхда прислушалась — и рванулась вон из комнаты. Она бросилась к Найне, выхватила у нее из рук сынишку, сжала его в объятиях, затем поспешно вернулась в свою комнату и принялась срывать с себя драгоценности. Весь гнев лалы Самарканта мгновенно пропал, как нестойкая краска, смытая водой. Он торопливо вышел и тут же вернулся к Сукхде.

— Невестка, приехал заместитель комиссара! — в

волнении приговорил он. — Я все-таки внесу залог...
Прошу тебя, исполни мое желание! Мне недолго осталось жить на свете. Дай мне умереть спокойно, а тогда уж поступай как знаешь...

Сукхда, стоя в дверях своей комнаты, твердо сказала:

— Залог вносить я не позволю и на вопросы суда отвечать не стану. Я не совершила никакого преступления.

До сих пор Самарканту ни разу в жизни не пришлось признавать себя побежденным, но сейчас он стоял перед этой гордой молодостью сраженный и потерянный. Слова застревали у него в горле. «А люди еще называют женщин бессильными!»¹ — подумал он. — Какая чепуха! Женщина держит в своих руках то, что мужчине дороже жизни».

— Но ведь ты ничего не ела, — с покорным вздохом проговорил он. — Найна, ты что глазами хлопаешь! Бханга² напилась, что ли?! Ступай, приготовь невестке поесть. Эй, махра, махра!³ И куда этот негодяй запропастился? Когда нужно, его не дозовешься! Найна, отведи невестку в кухню, а я схожу за сладостями. Заодно прихвачу чего-нибудь съестного.

Прибежал махра, стеливший наверху постели.

— Ты где шатался?! — набросился Самаркант на слугу и отпустил ему увесистую затрещину. — Я чуть глотку не надорвал, а ты и ухом не ведешь! Для кого ты стелил постель, олух?! Невестка уходит. Живо слетай на базар, купи самых лучших сладостей. Возьми в лавке на площади.

— Не нужно сладостей, дада, — остановила старика Сукхда. — И есть мне сейчас не хочется. Вот одежду кое-какую взять не мешает, а больше ничего не надо.

Из приемной послышалось:

— Сетх-джи, время не ждет! Пусть деви-джи потопится.

Лала Самаркант вышел и с растерянным видом остановился перед чиновником.

Заместитель комиссара — огромный мужчина с внушительными манерами — был на самом деле милейшим

¹ В хинди один из синонимов слова «женщина» — «бессильная» (абала).

² Б х а н г — наркотический напиток, изготавливаемый из листьев индийской конопли и огуречных семян.

³ М а х р а — носильщик.

человеком. В полиции он оказался только потому, что, когда подыскивал работу, в других ведомствах не было вакантных мест. Заместитель комиссара терпеть не мог неприятных эксцессов и, по мере сил, обходился без взяток.

— Что же вы решили? — обратился он к лале-джи.

Самаркант в волнении хрустнул пальцами.

— И слышать не хочет, хузур, сколько я ни убеждал ее. Что поделаешь. Теперь вся надежда на ваше сострадание. Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, — располагайте мной. Вы на короткой ноге с начальником тюрьмы, объясните ему... Деви не должна терпеть никаких притеснений. Ведь я ей не чужой... Женщина нежная, избалованная...

Заместитель комиссара усадил лалу Самарканта возле себя.

— Будьте покойны, сетх-джи, — заверил он старого ростовщика. — Неприятности выпадают на долю тех, кто совершил заведомо дурные поступки. Ведь деви-джи никогда не преследовала своих личных интересов, намерения у нее самые чистые, она борется за счастье наших братьев-бедняков. Так что, уверяю вас, никаким притеснениям она не подвергнется. Что делать, положение объясняет! Если бы не служба, я сам почитал бы за счастье склонить голову к ногам этой святой женщины. Всевышний одарил ее неисчислимыми благами, она же отказалась от них и готова на любые страдания во имя долга. Это не шутка. Тут нужно большое мужество, сахиб!

Лала-джи молча направился к сундуку, достал оттуда десять ашрафи¹ и сунул их в карман чиновнику.

— Это вашим детишкам на сладости, — проговорил он. Заместитель комиссара высыпал золото на стол.

— Полно, сетх-джи, — сказал он. — Что ж, по-вашему, полицейские — звери? Неужели вы думаете, что если человек надел красный тюрбан, то у него и сердце в камень обратилось? Уверяю вас, деви-джи не придется переносить никаких трудностей. У нас достается лишь тем, кто доставляет неприятности другим. Притеснять служительницу народа, приносящую в жертву свою жизнь, — да тут нужно быть не только скотиной, а пря-

¹ Ашрафи — старинная золотая монета достоинством в шестнадцать рупий.

мо шайтаном! В нашем ведомстве, конечно, такие чиновники нередко встречаются... Я сам не ангел, но в подобных делах даже листочком бетеля не попользуюсь, не то что золотом. Ведь девиджи стояла под пулями, когда началось волнение из-за храма.

Толпа перед домом росла с каждой секундой. Повсюду раздавались возгласы: «Победа! Победа!» Люди сбегались, чтобы увидеть девиджи.

Найна подошла к Сукхде.

— Прошу тебя, невестка, покушай немного. Кто знает, когда удастся там поесть...

— Нет, нет! Мне совсем не хочется!

Найна разрыдалась.

— Не уговаривай меня, девочка! — Голос Сукхды звучал ровно и спокойно. — Я еще не собралась, а заместитель комиссара торопится. Посмотри, не видишь разве, мой свадебный паланкин у дверей. Можно ли сейчас думать о еде?

С дрожью в голосе Найна проговорила:

— Ты собирайся, собирайся... Я сама буду кормить тебя...

И как мать, которая на ходу кормит заигравшегося ребенка, Найна принялась кормить невестку. Сукхда подбегала то к шкафу, то к сундуку, отсюда доставала корбочку с киноварью, оттуда — несколько сари. Найна на ходу совала в рот невестки кусок и снова мчалась к блюду — за следующим.

Проглотив несколько кусков, Сукхда взмолилась:

— Будет! Теперь пить!

Но Найна уже держала перед ней новый кусок.

— Ну, скушай еще кусочек, хорошая моя.

Сукхда проглотила и этот кусок, а вместе с ним — слезу.

— Еще один!

— Ни за что!

— Ради меня!

Пришлось покориться.

— Воды ты тоже дашь, или будешь кормить всухомятку?

— Последний кусочек, во имя брата!

— Довольно, больше не могу!

Найна плакала, не стыдась, Сукхда таила слезы в душе. Найну горе убило, Сукхде, наоборот, придало сил.

Молодой женщине хотелось безжалостно разорвать плену обожания, которой окутала ее Найна, резким, холодным словом вырыть вокруг себя ров, чтобы защитить свое сердце от ударов горя, от мук разлуки. Но заплаканные глаза Найны, дрожащие губы и покорно-печальное лицо обезоруживали ее.

Трапеза уже подходила к концу, Найна взяла в руки бетель, и тут из скрытых родников ее глаз брызнули фонтаны слез.

Обняв золовку, Сукхда ласково проговорила:

— Не надо плакать, девочка, ведь нам разрешат свидания. Когда будешь навещать меня, обязательно приноси что-нибудь повкуснее. А месяца через три-четыре меня выпустят.

Найна отозвалась, точно с тонущего корабля:

— Я такая несчастная! Сама гибну — и тебя за собой тяну! — С того самого момента, как Найна узнала об аресте невестки, эта мысль огнем жгла ей мозг и причиняла невероятные страдания.

Молодая женщина с удивлением взглянула на нее.

— Почему ты так говоришь, девочка? Разве ты позвала полицию?

Найна, с трудом переводя дыхание, ответила:

— Это все козни жителя замка (так в городе прозвали сетха Дханирама). Я не хочу никого проклинать, но его черное дело позором падет на его же голову. Что пользы от жизни человека, которого не благословляют хотя бы одни уста?

— В чем здесь его вина, девочка? — грустно отозвалась Сукхда. — Это беда нашего общества, так что тут виноваты мы все. Ну, довольно, давай прощаться. Дай мне слово, что не будешь больше плакать.

Найна сжала в объятиях молодую женщину.

— Даю тебе слово, невестка! — улыбаясь сквозь слезы, проговорила она.

— Если я узнаю, что ты тут горюешь, то сделаю все, чтобы подольше не возвращаться домой.

— Брату сообщить о твоём аресте?

— Сообщи, если хочешь. Постарайся утешить маму.

— А к ней кого-нибудь послали?

— Нет. Она примчалась бы сюда, и тогда наше прощанье затянулось бы бог знает на сколько времени...

— Едва она узнает о такой беде, сразу прибежит.

— Конечно, прибежит, но плакать не станет. Ее любовь — вся в глазах, она сердца не ранит.

Надо было идти. Найна попыталась отвлечь малыша лаской и увести его — не тут-то было! Мальчик, всегда души не чаявший в тетке, сейчас удивленно поглядывал на царившую в доме суматоху и не желал уходить от матери. Он как будто предчувствовал что-то неладное. Как же в такой момент оставить мать? Что с ним будет, если она уйдет?

Найна, целуя племянника, вздохнула:

— Как бессердечны мальчики!..

— А чей мальчик? — улыбнулась Сукхда.

У двери они снова обнялись. Самаркант тоже был здесь. Сукхда склонилась к ногам свекра, он поднял ее дрожащими руками и благословил, потом прижал к груди внука и... разрыдался. Эти глухие старческие рыдания послужили как бы сигналом: мгновенно весь дом наполнился плачем. Мучительная боль, прежде прорывавшаяся скупой слезой, теперь будто освободилась от сдерживавших ее оков. Когда холодная, уравновешенная старость перестает владеть своими чувствами, — тогда словно отворяется клетка, и вопли горя, как птицы, взмывают ввысь. Разве их удержишь?.. Когда семидесятилетний военачальник, закаленный в житейских битвах, складывает оружие, можно ли ждать чего-нибудь другого от новобранцев?

Сукхда с ребенком на руках села в машину. Воздух задрожал от возгласов «Победа! Победа!» — и потемнел от ливня цветов.

Машина тронулась в путь. Тысячи людей устремились за ней. Сукхда благодарно подносила ко лбу сложенные руки. Любовь, поклонение, почести — можно ли все это купить за деньги? Или добыть ученостью? Одно служение народу дает на них право, а давно ли Сукхда ступила на этот путь?

Мужчины и женщины живой стеной выстроились по обеим сторонам дороги, и машина, продвигаясь вперед, словно резала и подминала под себя их сердца.

Душа Сукхды была преисполнена не гордости, не восторга или ненависти, а одной лишь боли — боли за горестное положение народа, за страшный упадок, в котором они, эти несчастные простые люди, хватались как утопающие за соломинку и были рады даже этой соломинке.

Вскоре на улицах воцарилась тишина. Темная ночь месяца савана успокоила мир в своих объятиях, и машина как во сне мчалась в бесконечность... Движение чувствовалось лишь благодаря холодному воздуху, овеивавшему лицо.

В этом мраке в душе Сукхды внезапно забрезжил свет, тот самый свет, который вдруг освещает нам последние часы жизни. В этом беспощадном свете все предметы, имевшие неопределенную форму, вдруг начинают принимать четкие и ясные очертания. И то, что мы раньше считали черным девам¹, оказывается ворохом засохшей травы, то, от чего шарахались, как от ядовитой змеи, превращается в обрывок веревки. В этот момент Сукхда ощутила свою истинную слабость — не перед лицом неправды и несправедливости, а перед лицом самопожертвования и служения. Ведь это — те самые скалы, о которые разбился корабль ее семейного счастья. Даже тогда, когда молодая женщина с раздражением отворачивалась от этих принципов, ее неудержимо влекло к ним. Теперь же она — последовательница своего мужа. Сукхде вспомнилось письмо Амарканта, которое ей приносил Шантикумар, и впервые ей захотелось сделать шаг к примирению с мужем. Желание это диктовалось не жалостью, нет, в основе его лежало искреннее сочувствие и стремление к сотрудничеству. Отныне оба они были путниками, идущими к единой цели, поклоняющимися одному идеалу. Все разногласия исчезли. Впервые со времени своего замужества Сукхда почувствовала душевное единство с Амаркантом. Сегодня она поклонилась тому самому божеству, которое столько лет считала носителем зла.

Машина остановилась. Заместитель комиссара обратился к Сукхде:

— Простите за беспокойство, деви-джи, но мы приехали. Это тюрьма.

Сукхда спокойно взглянула на него. Ей было так хорошо, как будто сейчас она должна была получить в подарок бесценное сокровище.

¹ Дев — божество, богатырь.

Часть четвертая

1

Весть о прибытии Салима — нового правительственного чиновника — дошла до Амарканта, и он, бросив все дела, поспешил навестить друга. Амару не терпелось отвести душу со старым приятелем, и, хотя он подозревал, что от Салима теперь изрядно отдаст чиновничьим душком, радость предстоящей встречи окрыляла его. Амару

предстояло пройти миль двадцать — двадцать пять горной дорогой. Было холодно. Темное как земля небо висело над самыми горами, и солнце, словно ошупью пробилаясь сквозь дымку, окутавшую вселенную, то появлялось на мгновение, то снова пряталось. Амаркант вышел из дому после полудня, надеясь добраться до места еще засветло. Уже стемнело, а конца пути не было видно. Амар захватил с собой лишь домотканое одеяло, на тот случай, если ночь застигнет его в дороге и придется устраиваться на ночлег где-нибудь под деревом. Божественное солнце удалялось на покой, мрак, разинув огромную пасть, поглощал мир. Амар ускорил шаги. К городу он подошел уже часов в восемь.

Салим только что вернулся из клуба. Услыхав, что кто-то ожидает его, он вышел во двор. Элегантное платье Салима — вот первое, что бросилось в глаза Амарканту; он хотел было обнять друга, но как-то смешался и неловко протянул ему руку. Салим вздохнул с облегчением: рядом стоял посыльный, и выказывать при нем свои дружеские отношения с этим скверно одетым деревенским жителем было крайне рискованно. Молодой чиновник не решился даже пригласить гостя в свою уютную квартиру. Во дворе был разбит небольшой садик, туда-то Салим и провел старого друга.

— С чего это ты так вырядился? С каких пор ты превратился в деревенщину? Что это за куртка на тебе?! А башмаки эти уж не заграничные ли? Тебя, видно, на бегар забрали? — напустился Салим на гостя.

Амаркант, усевшись на землю, спокойно ответил:

— Не очень ты любезно, брат, встречаешь друга. Я живу среди крестьян, и костюм джентльмена мне не к лицу. Но как я доволен, что ты приехал! Теперь хоть будет с кем поговорить. Расскажи, что там слышно у моих? И как это ты решился поступить на службу? Взялся бы серьезно за какое-нибудь дело, а то — влез в кабалу!

— Нет, дорогой, это не кабала, это власть! — гордо отозвался Салим. — Погоди, дней через пять-шесть прибудет моя машина, увидишь, какой важной птицей я тут буду. Но, послушай, я глядеть на тебя не могу — сердце разрывается! Покончи ты с этим маскарадом!

Самолюбие Амара было задето.

— Я считал, да и до сих пор считаю, что одежда служит не для украшения.

«Довольно жалкая мысль! — усмехнулся про себя Салим. — Видно, он в своей деревне весь ум растерял».

— Еда тоже должна служить лишь для поддержания сил, — заметил он. — Однако ты не питаешься сухим горохом, не жуешь пшеничные зерна. Тебе зачем-то нужны халва и сливки!

— Ошибаешься. Я ем именно сухой горох.

— Врешь! Судя по твоему виду, что-то трудно поверить в это. Вымахал в полтора раза выше меня — я и узнал-то тебя не сразу!

— Представь себе, всем этим я обязан как раз сухому гороху. А сила пришла от свежего воздуха и здоровой, чистой жизни. Халва и пур¹ не способны сделать человека крепким и сильным. От них только жир на брюхе нарастает. Вот я нынче отшагал двадцать пять миль. А ну-ка, попробуй пройди со мной хоть пять миль!

— Нет уж, избавь! Кто-то сказал: «Если ты высокородная рани, пойдй помели со мной муку». Молоть муку — это уж твоя забота. Расскажи лучше, что ты тут делаешь?

— Ты приехал, теперь сам все увидишь. Я действую согласно тому жизненному плану, который начертал в своем сердце. Теперь, с приездом Свами Атмананда, работа пошла лучше.

К ночи похолодало, и волей-неволей Салиму пришлось пригласить гостя в дом. Комната, в которую хозяин ввел Амара, была красиво убрана: мягкая кушетка, бронзовые вазы с цветами, ковер на полу, круглый мраморный стол.

Сняв у дверей башмаки, Амаркант сказал:

— Я прикрою дверь, а то кто-нибудь увидит нас вместе, — тебе будет неловко. Ведь ты — сахиб.

Салим, смущенный этим разоблачением, ответил:

— Возможно, ты и прав... Хотя я совсем не раб условностей... Меня ведь тоже тянуло к простой жизни, но не мог же я не считаться с желанием отца. Ректор — тот прямо говорил: «Вам никогда не получить диплома». Когда объявили результаты экзаменов, все были поражены. Я выбрал этот район по твоему совету. Завтра познакомлю тебя с коллектором². Ты, верно, не знаком с

¹ Пур^и — оладьи, лепешки.

² Коллектор — главный налоговый чиновник района.

мистером Газнави? Крайне увлекающийся человек, но вполне порядочный; он из породы людей, с которыми с первой же минуты знакомства чувствуешь себя совершенно непринужденно. Ему лет под сорок, но он еще не прочь приволочнуться.

Амар держался того мнения, что личная жизнь чиновника должна быть безукоризненной, Салим же считал, что всем людям дозволено иметь маленькие слабости. Между друзьями завязался спор.

— Какой-нибудь сухарь никогда не сможет стать хорошим чиновником, — заявил Салим.

— Для того чтобы вести добропорядочную жизнь, вовсе не надо становиться сухарем, — возразил Амаркант.

— Постная жизнь, за которую ты так ратуешь, годится разве что для мулл. Чиновникам не следует жить аскетами. Я совершенно убежден, что небольшие слабости только украшают мужчину. Как видишь, я в жизни более удачлив, чем ты, и уверен, что люди, с которыми я связан, не имеют ко мне претензий. А ты? Даже родная жена тобой недовольна. Нет, подальше от твоей сухости! Если бы тебя назначили в какой-нибудь район чиновником, ты и дня не удержался бы на службе! Разве ты умеешь ладить с людьми?

Амарканту не хотелось продолжать спор — он боялся своей горячности.

Подошло время ужина. Салим достал шаль, укутал ею Амара и заставил его надеть свои шелковые туфли. Оба сели за стол. Давно уже Амарканту не доводилось есть такие вкусные вещи. К мясу, правда, он не прикоснулся, зато с удовольствием отведал все остальное.

— самого вкусного ты и не ел, — заметил Салим.

— Ты знаешь, я ведь не против всего этого, но что-то не хочется, — виновато отозвался Амар. — Расскажи лучше, что у вас там нового. Как дела со свадьбой-мадьбой? Все тянешь, греховодник.

— О моей свадьбе можешь не беспокоиться, — язвительно отпарировал Салим. — Сначала скажи, когда будет твоя свадьба с Сакиной? Ведь она, бедняжка, ждет тебя.

Амар побледнел. Это был вопрос, на который он не мог ответить даже себе. То душевное состояние, которое заставляло его рваться к Сакине, давно прошло. Тогда

Сукхда была помехой в его жизни. Слишком различны были их стремления и взгляды. Они как бы смотрели на жизнь с разных сторон, ни один не в силах был сделать другого своим единомышленником. Теперь же положение изменилось: какой-то удивительный случай объединил их в борьбе и связал накрепко их души. Амаркант не знал, простила ли его жена, сам же он был безраздельно предан ей. Он не переставал изумляться — как сумела неженка Сукхда стать на путь самопожертвования, и это усиливало его любовь. Теперь Амарканту казалось, что в прежней своей неудовлетворенности виноват он сам. Если он до сих пор ничего не написал жене, то объяснялось это двумя причинами: во-первых, мешал стыд, а во-вторых, его не оставляла мысль о собственном поражении. Приличествующее мужчине чувство главенства словно издевалось над ним. Мог ли он предположить, что Сукхда по собственному разумению изберет для себя новый путь, причем без всякой его помощи? Эта мысль душила его чувство к жене. Самое большее, что он в силах теперь сделать, — это стать ее последователем, ведь она ринулась в бой раньше, чем он. Сознание этого жгло огнем его мужское самолюбие.

Понутив голову, Амаркант тихо проговорил:

— Я убедился, что не смогу принести счастья ни одной женщине. Нет у меня такого дара. Я не хочу калечить жизнь Сакины.

— Ты сообщил ей свое решение?

— Это не так легко, друг! — В тоне Амарканта звучала неподдельная тоска. — Мне больно думать о ней. Жизнь с Сакиной была бы раем: ее верность — до смерти...

Амар неожиданно осекся.

Мгновение помолчав, Салим спросил:

— Хорошо, представь себе, что я уговорю Сакину стать моей женой. Ты не будешь на меня в претензии?

Амаркант широко открыл глаза.

— Нет, брат-джан, конечно, нет! Если ты сумеешь ее уговорить — что ж, в мире не будет человека счастливее тебя... Но ведь ты шутишь! Ты, наверное, женишься на девушке из знатной семьи.

Ужин кончился. Друзья помыли руки, перешли в соседнюю комнату и расположились на ночлег. Салим, затянувшись хуккой, продолжал прерванный разговор:

— Так думаешь — я шучу? Когда-то я действительно шутил, говоря о Сакине, но за это время я сумел хорошо узнать ее. Тогда ты не мог с ней соединиться, а сейчас она другой человек. Она не видит вокруг никого достойнее тебя. Ты вытаскил ее из грязи, возвел на пьедестал богини, и она в самом деле стала богиней. Если можешь жениться на ней — женись, я же, беспутный, отправлюсь искать новый предмет обожания. Но если ты не хочешь жениться — уйди с моей дороги. К тому же Сукхда-деви теперь идет с тобой одним путем, к чему ж вам отворачиваться друг от друга?

Амаркант тоже потянулся за хуккой.

— Я охотно уступлю тебе дорогу, — сказал он. — Только признайся откровенно: Сакина для тебя — одно из очередных увлечений, или ты действительно любишь ее?

Салим приподнялся на своем ложе.

— Смотри мне в глаза, Амар. Я никогда тебе не лгал, и сейчас скажу святую правду. Сакина не из тех, кого любят. Ей надо поклоняться. Так по крайней мере мне кажется. Конечно, я не даю зарока, что, став ее мужем, надену четки. В одном лишь уверен: только с ней я смогу чего-то добиться в жизни. До сих пор жизнь моя была цепью пустых забав. Сакина — якорь, который сможет удерживать мою пляшущую на волнах лодку. Без этого якоря я погибну в пучине волн. Мне нужна жена, которая сумела бы держать меня в узде.

Для Амарканта жизнь была исполнена горечи именно потому, что он не умел взять верх над Сукхдой; Салим, наоборот, искал жену, которая могла бы верховодить им. Забавнее же всего было то, что оба они видели спасение в одной и той же женщине. Амаркантом овладело любопытство.

— Мне кажется, в Сакине нет того, что ты ищешь, — проговорил он.

— Для тебя — нет, для меня — есть, — задумчиво ответил Салим. — Она поклоняется тебе, а я буду поклоняться ей.

Пробило два, половину третьего, — разговор все не иссякал. Салим рассказал о новой забастовке, начавшейся еще при нем. Сказал он и том, что движение это, видимо, обречено на провал.

— Так это Сукхде удалось пробудить город? — с изумлением спросил Амар.

— Твоя теща пожертвовала все свое состояние «Обители служения».

— Здорово!

— И твой почтенный батюшка принимает участие в общественных делах.

— Да там настоящая революция!

Салим заснул, Амар же, как ни устал накануне, не мог сомкнуть глаз. То, о чем он не смел и мечтать, осуществила Сукхда... «Однако что бы там ни было, богатство-то осталось, изменилась только внешняя форма. Честолюбие, одно честолюбие!» — думал Амаркант. Но тут же он принимался ругать себя: «Откуда тебе знать, что творится в человеческой душе? Сейчас тысячи людей посвятили себя служению народу. Как разобраться, кто из них честолюбец, а кто — истинный служитель?»

Наконец Амаром овладел сон.

2

Амарканта обуял новый прилив энергии. Казалось, на своем жизненном пути он оседлал свежего коня. Прежнему, бедняге, нередко доводилось отведывать хлыста и шпор, новый же конь наострил уши — и пустился во весь опор! Амар повздорил со Свами Атманандом, с Паягом и Каши — со всеми своими помощниками. Все они трусили полегоньку на старых клячах, где уж им было угнаться за Амаром.

— Нет, так дело не пойдет, Свами-джи! — сердился Амаркант. — Вы работаете или забавляетесь? Сидели бы уж лучше в «Обители служения»!

Атмананд, уныло согнув свою могучую спину, оправдывался:

— Мне не по силам такая гонка, баба! Можно ли забывать о собственном здоровье? Да вы сами не выдержите, обязательно свалитесь! Надо же хоть немного думать о себе.

«Насколько здоров этот человек, настолько же он и неповоротлив, — подумал Амар. — Съедает по полтора сера зараз, а как дело доходит до работы, трясется, точно в лихорадке. Хорош аскет!»

— Ваше дело не только болтать о режиме и здоровье, вы обязаны добиваться, чтобы люди думали об этом, —

с укоризной заметил Амаркант. — Надо сделать так, чтобы люди не могли жить в грязи. Правила гигиены должны стать составной частью их характера. А что получается на деле? Я сегодня побывал в Пичауре — деревни не видно за мусорными кучами! Вы там были вчера, почему не заставили крестьян убрать мусор? Почему сами не взялись за лопату? Думаете, нужно только облечься в белые одежды, и люди сразу уверуют, что ваше учение — глас божий?

— Да если бы я взялся расчищать мусорные кучи, то до ночи проторчал бы в Пичауре, — оправдывался Атмананд. — А мне надо было зайти еще в шесть деревень.

— Неправда! Я за полчаса убрал весь мусор. Стоило мне взять в руки лопату, как сбежалась вся деревня. Два-три слова, и людям самим захотелось навести чистоту.

Затем Амаркант взялся за старосту Гудара:

— И вы, дада, работаете с прохладцей. Вчера на панчаєте устроили пьянку. Дело было в Саутаре, никто не знал, что я приду. Люди расселись кружком и под руководством почтенного председателя блаженно потягивали из бутылок. Едва лишь меня увидели — физиономии вытянулись, бутылки исчезли. Поймите, дада, мне нужна не видимость, а настоящая, серьезная работа.

Амаркант невольно заражал соратников своим усердием, энергией, душевным горением и неустанным трудолюбием. Он стал их вождем. Все признавали его авторитет, безусловно подчинялись ему.

Староста вспыхнул от гнева.

— Какую деревню ты назвал? Саутара? Ну, и попляшут же они у меня, сейчас же вызову их старосту! Это все голубчик Харахлал — он с пеленок пьяница, его уже дважды наказывали. Я сегодня же вызову его.

Амаркант в досаде хлопнул кулаком по колену.

— Снова выговоры, взбучки-нахлобучки?! Поймите, дада, разговорами вы ничего не добьетесь. Надо овладевать сердцами, стараться, чтобы у самих людей появилось отвращение к вину и водке. Если же вы днем с головой уйдете в свои личные дела, а ночь безмятежно проспите, работа наша и на йоту не продвинется. Уразумейте вы, что если у крестьян пробудится сознание, брахманам и тхакурам придется тоже браться за ум.

— Братец, откуда же мне взять силы — днем рабо-

тать, а ночью бегать? — взмолился Гудар.— Если же я стану пренебрегать работой, семье есть нечего будет.

Амаркант, видя, что старик сдается, сурово резюмировал:

— Больно велик у вас живот, дада! Придется подтянуть его потуже.

Каши и Паяг, почувствовав, что сейчас учитель доберется и до них, поспешили удрать.

Приближался час занятий в школе. Амаркант зашел к себе в комнату за книгами и неожиданно столкнулся с Мунни — она принесла молоко.

— Я ведь сказал, что не стану пить молоко, зачем же ты его принесла? — спросил Амар.

За последнее время Мунни с болью стала замечать, что в обращении с ней учитель становится все холоднее. При виде ее лицо Амара уже не озарялось радостью, за последнее время он почти перестал с ней разговаривать и постоянно избегал встречи. Молодая женщина в недоумении спрашивала себя, что же случилось? Этот вопрос без конца бередил ей душу, и сегодня Мунни решила вынуть мучившую ее занозу.

— Объясни, почему ты отказываешься от молока? — невозмутимо спросила она.

Амар, укладывая книги в стопку, ответил:

— Так хочу. Я не буду пить молоко, не хочу тебя утруждать.

Мунни исподлобья взглянула на учителя.

— С каких это пор ты выдумал, что носить для тебя молоко большой труд? А если мне приятно о тебе заботиться, что тогда?

Амаркант, признавая свое поражение, проговорил:

— Хорошо, сестрица, не будем ссориться. Давай сюда чашку.

Амар одним духом, словно горькое лекарство, выпил молоко и уже выходил из комнаты, когда услышал слова молодой женщины:

— Если за человеком нет вины, за что его наказывать?

Учитель застыл на месте.

— Что ты там говоришь? — переспросил он.— Мне некогда.

Мунни с безразличным видом сказала:

— Почему же ты не уходишь? Я тебя не держу.

Однако ноги Амара словно приклеились к порогу.

— Разве я не понимаю, что не имею на тебя никаких прав? — продолжала Мунни. — Ты волен сказать «не ходи ко мне». И, хотя ты молчишь, твое поведение яснее ясного говорит об этом. Я все замечаю, но, как видишь, все-таки прихожу, заговариваю с тобой, даже лъщу. Если что-то изменилось, почему не сказать об этом в открытую? Впрочем, я, кажется, разболталась. Ведь ты то-ропишься, иди!

Амаркант, словно стараясь разорвать связывающие его путы, проговорил:

— Я ничего не могу понять, Мунни. Я ничуть не изменился. Правда, работы стало больше, досуга меньше...

Молодая женщина, не подымая глаз, серьезно сказала:

— Я понимаю, что у тебя на душе, только ты ошибаешься. Это не так...

Амаркант изумленно взглянул на нее.

— Ты начинаешь говорить загадками.

Мунни все так же строго ответила:

— Когда в душе у человека что-то изменилось, простые слова кажутся ему загадками.

Она взяла пустую чашку и поспешно вышла из комнаты.

На душе у Амарканта было смутно. Мунни, как дух обошления, влекла его к себе. «Я понимаю, что у тебя на душе, только ты ошибаешься. Это не так...» Эта странная фраза, словно глубокая пропасть, томила его сердце. Душа его замирала от страха, но выстоять против такого великого соблазна было трудно.

Неизвестно, сколько времени простоял он так, пока раздраженный возглас Атмананда не вывел его из забвения.

— Будут сегодня занятия или нет?!

3

Заминдаром местности был махант — настоятель монастыря. Управляющие, секретари — все были его ставленниками, поэтому народ не знал покоя от поборов. В монастыре редкий день обходился без торжества: то отмечали светлую дату рождения самого маханта, то

справляли свадьбу, то состоялась церемония надевания священного шнура¹, а то и просто устраивали праздник качелей или прогулку на лодках. Всем крестьянам в таких случаях приходилось отбывать бегар. Поборы взымались под всевозможными предлогами: то это было подношение, то подарок, то жертвоприношение. Но там, где вопрос касается веры, умолкает голос протеста. Тяготы веры выносят молча. К тому же почти все крестьяне об- ласти принадлежали к низшим кастам: на деревню при- ходилось от силы два-три брахмана или кшатрия, да и те поддерживали маханта. Все они питались крохами с его стола, и бремя этих расходов также ложилось на плечи крестьян. Бедняки были нищи, невежественны, об- ременены долгами и целиком зависели от маханта. Он был всемогущ: захочет — сгонит с земли, захочет — увеличит налог, никто не отважится и рта раскрыть. Часто налог был так велик, что превышал стоимость урожая. И все же люди, голодные и раздетые, кляня судьбу и умирая собачьей смертью, распахивали поле под новый урожай. Что еще оставалось делать? Иные уходили в город, поступали в услужение к какому-нибудь богачу, другие шли на фабрики. Но крестьян в деревнях все не убавлялось. В земледельческой стране хозяй- ство — не только материальная база, но как бы предмет культа. Звание хозяина — почетно. Крестьянин, потеряв вместе с хозяйством все свое достояние, отправляется на чужбину, возвращается на родину с деньгами и снова впрягается в хозяйство. Стремление к почестям не чуждо беднякам, как и всем людям. Жить и умереть хозяи- ном — вот все, чего они желают. Пусть долги не дают дышать, — крестьянин привязал к дверям собственного дома собственных быков — и счастлив! Триста шестьде- сят дней в году он живет впроголодь, на ночь зарывается в солому, умирает нищим, но что значит все это в срав- нении с блаженным сознанием, что он — хозяин. Это со- знание — его гордость, оно искупает муки жизни.

В этом году неожиданно упали цены на хлеб. Такие цены, говорят, были лет сорок назад. Раньше, когда за продукты давали хорошие деньги, крестьянин, продав

¹ Священный шнур, согласно законам индусской рели- гии, носят представители высших каст — брахманы, кшатрии и вайшьи.

часть урожая, мог еще выплатить налоги, но сейчас за хлеб и овощи не дают и трети прошлогодней цены. Куда деваться хозяину? Откуда он возьмет средства на уплату налогов, на подношения? Из каких денег станет погашать долги? Задача была не из легких. И такое положение сложилось не только здесь: вся провинция, вся страна, — да что там! — весь мир застонал от ужаса. Десять серов патоки теперь стоят столько, сколько раньше стоили четыре сера. Восемь серов пшеницы прежде стоили полторы рупии, а теперь таких денег не получишь и за целый ман¹. Хлопок, который раньше стоил тридцать рупий за ман, нынче идет по десяти, коноплю, продававшуюся по шестнадцать рупий, еле-еле сбывают за четыре. Крестьяне продали все до зернышка, до соломинки, и все же смогли покрыть только четвертую часть налога. А в монастыре все те же праздники, те же роскошные прогулки на лодках... Вопль отчаяния прокатился по округе. К тому же, благодаря стараниям Амарканта и Свами Атмананда, люди научились кое в чем разбираться, и из некоторых деревень в монастырь перестали поступать подношения. Чиновники и подручные маханта света невзвидели: как же так, кусок мимо рта проходит! Взыскание налогов явилось для них весьма подходящим моментом для того, чтобы выместить свою злобу.

Однажды на берегу Ганга собрался панчаят: предстояло разрешить наболевший вопрос о налогах. Женщины и мужчины — почти все жители окрестных деревень — пришли будто на праздник или на торжественное омовение. Свами Атмананд был избран председателем.

Первым заговорил староста Бхола. Все последние годы он работал кучером у одного чиновника, теперь же снова вернулся к хозяйству. Огромный нос, длинные усы, темное лицо, почти целиком скрытое под грандиозным тюрбаном, — вот каков был Бхола.

— Старшины! — обратился он к панчаяту. — Тот налог, которым нас обложили, рассчитывали по прежним временам, когда цены были высокие. При нынешнем падении цен платить такой налог нам не под силу. А если продадим буйволов и быков — то как дальше жить бу-

¹ Ман — мера веса, в зависимости от района колеблется от 10 до 40 килограммов.

дем? Нужно как-то по-другому решать дело. Я думаю — надо бы нам всем вместе пойти к маханту махараджу и разъяснить ему положение. Если он не послушает — пойдем к начальнику зилы¹. Не стану говорить про других, скажу лишь — Ганг свидетель, в моем доме нет и чхатанка² зерна, а я не хуже и не лучше других. Зато у маханта-джи — сущий рай! Только позавчера он угощал манго³ тысячу святых. Из Бенареса и Лакнау ему пригнали несколько вагонов манго. А сегодня, говорят, там угощают сливками. Мы с голоду пухнем, а они сливками обжираются! И для этого сосут нашу кровь... Вот и все, что я хотел сказать вам, старшины.

Следующим взял слово Гудар.

— Махант-джи — наш владыка, наш кормилец, наш махатма, — проговорил он, оглядывая собравшихся своими ввалившимися глазами. — Стоит ему узнать, как страдает народ, и сердце маханта проникнется жалостью. Поэтому нам надо последовать совету старосты Бхолы. Попросим брата Амара, пусть он говорит за нас всех. Чтобы не умереть с голоду, нам и нашим детям надо по полсера зерна на день. Весь урожай, какой бы он ни был, поступит к маханту-джи. Мы ведь не просим топленого масла, молока и сливок, нам бы только по полсера зерна... Если и этого не будет; кто же станет обрабатывать поле? Откуда взять силы, где раздобыть семян? Придется бросить землю, другого выхода у нас нет.

— Как это «бросить землю»! — сердито закричала Салони. — Эта земля наших отцов и дедов, мы не можем ее бросить! Да я жизнь положу за свое поле!

Ткач Алгу обвел всех прищуренными, как у гиены, глазами.

— Я прямо скажу, братья, от похода к маханту толку не будет. Ведь тхакур — раджа, от его гнева ног не унесешь. Надо идти к самому начальнику. У белых хоть жалость есть.

Атмананд не был согласен ни с одним из выступавших.

— Идти к кому бы то ни было бесполезно, — заявил он. — Представьте себе, что хлеб, который лежит у вас на подносе, попросит: не ешь меня. Вы послушаетесь?

¹ З и л а — область.

² Ч х а т а н к — мера сыпучих тел, равная примерно 60 г.

³ М а н г о — фрукт.

— Нет! Конечно, не послушаемся,— раздалось отовсюду.

— Так как же вы хотите, чтобы вас послушали те, для кого вы сами являетесь хлебом?

— Не послушают! Ясно, не послушают! — закричали в толпе.

— Маханту деньги нужны для празднеств, начальники привыкли получать большое жалованье. Они не согласятся, чтобы его уменьшили, не захотят расстаться со своими удобствами. Умрете вы или нет, — им-то что за печаль? Разве они вас пожалеют?

— Еще чего! Конечно, не пожалеют!

Амаркант сидел позади Свами Атмананда. Выступление Свами сильно обеспокоило его, но можно ли прерывать председателя? Амаркант знал, что Свами — человек горячий, однако никак не предполагал такого поворота событий. Чего же в конце концов хочет этот господин?

Между тем Атмананд продолжал греметь:

— Так что же вам остается делать? Если вы желаете выслушать меня и даете обещание последовать моему совету, я укажу вам правильный путь. А не желаете — воля ваша.

— Говори, Свами-джи, говори! — закричали со всех сторон.

Люди сомкнулись плотнее и придвинулись к оратору. Свами-джи сумел затронуть их сердца, — все глаза заблестели. Народ всегда тяготеет к боевому вожаку.

— Тогда сегодня же поднимайтесь все! — распорядился Атмананд. — Окружим монастырь и дом маханта-джи. До тех пор, пока налог полностью не будет снят, мы не позволим устроить там ни одного праздника.

— Мы готовы! — в один голос отозвалась толпа.

— Только имейте в виду, бетелем и цветами вас там не встретят.

— Пусть! Лучше умереть! Слез проливать не будем!

— Что ж, тогда медлить нечего, пошли! Мы докажем, что...

Но тут громкий голос Амарканта прервал председателя:

— Стойте!

Мгновенно воцарилась тишина. Люди застыли на своих местах.

Амар, сверкая глазами, решительно заговорил:

— Путь, который вы избрали, приведет вас не к спасению, а к всеобщей гибели. Если у вас заболел бык, разве вы выедете на нем пахать?

Ответа не последовало — толпа молчала.

— Нет, сначала вы будете его лечить и, пока он не поправится, не станете на нем работать: ведь вы не захотите погубить своего быка. Если он околеет, ваше поле останется невспаханным.

— Верно говоришь, брат! — слышался голос Гудара.

— Если вспыхнет пожар, что мы делаем? Позволяем огню охватить дом и бросаем туда случайно сохранившиеся вещи?

— Нет! Конечно, нет! — снова поддержал Гудар.

— Почему? Потому, что мы не хотим, чтобы дом сгорел, мы хотим уберечь дом от огня. Ведь в этом доме нам нужно жить. Несчастье, из-за которого мы тут собрались, постигло не только нас, от него страдает вся страна. Наши руководители стараются разрешить этот вопрос, и наша обязанность — идти за ними.

Амаркант говорил долго, но те же самые люди, которые всегда упивались его речами, сегодня смотрели на него грустными, непонимающими глазами. Амар пользовался всеобщим уважением, поэтому его речь не прерывали ни выкриками, ни спорами, люди просто молчали. Сегодня их вождем стал Свами Атмананд.

Собрание разошлось, не приняв никакого решения, однако было ясно, чья идея восторжествовала.

4

Амаркант вернулся домой в отчаянии. Необходимо было придумать какой-то способ, успокоить народ, иначе вспыхнет восстание. Он решил сам отправиться к маханту-джи. Амару было бесконечно тяжело, подмывало бросить все и уехать... Сегодня он впервые понял, что народ всегда оказывается во власти пылких речей. Все его уговоры — обращение к закону и морали, упоминание о выгоде и ущербе, о непротивлении и отречении — не смогли разрушить этого обаяния. Если бы Амару сейчас попался Атмананд, друзьям не миновать бы ссоры, но

Свами-джи исчез: он взял лошадь и отправился в какую-то деревню агитировать.

Каким обиженным чувствовал себя Амар! Люди и слушать его не желали. На всех лицах можно было прочесть: «Что ты там болтаешь? Этим не избавишь нас от горя!» Его душевная рана жаждала лекарства — нежных утешительных слов. Неужели не найдется сердобольный человек, который уложит бы больного, вытер его рану мягким тампоном и наложил целебный пластырь?!

Мунни с кувшином, не глядя на него, прошла к колодезю. Амар окликнул ее:

— Мунни!

Молодая женщина не отозвалась. Спустя некоторое время, низко склонив голову, она прошла обратно с наполненным кувшином. Амаркант снова позвал:

— Мунни, подожди минутку! Мне надо тебе кое-что сказать.

Но Мунни, как и в первый раз, не обернулась. Амарканту все стало ясно.

Вскоре Мунни вновь появилась. Она направилась к Салони. Старуха устроила себе за школой небольшой шалаш. Сейчас она лежала на циновке и тихонько напевала гимн.

— Ты что же, так ничего и не готовила, бабушка? — спросила молодая женщина. — Легла спать на голодный желудок?

Салони приподнялась на своей циновке.

— Я уже поела, дочка, — у меня от обеда осталось.

Мунни взглянула на чауку — она была чисто убрана.

— И все-то ты сочиняешь, бабушка, — сказала она. — Разве в доме ничего нет? Ведь я совсем недавно заходила к тебе, как же ты успела так быстро поесть?

— Ты что, не веришь мне, невестка? Проголодалась — поела на ходу, помыла посуду, все убрала. Да разве я стану что от тебя скрывать? Кабы ничего не было, я бы попросила.

— А ну, поклянись!

Старуха засмеялась.

— Ну, клянусь, клянусь!

— Ты, верно, считаешь меня чужой, бабушка, — огорченно сказала Мунни. — Словно мне безразлично, жива ты или умерла. Ведь ты только что продала масличное семя. Сколько выручила?

Салони в отчаянии схватилась за голову.

— О всевышний! Много ли его было, семени? Всего и получила-то одну рупию. А вчера явился чиновник — кричал, как на пожаре. Куда было деваться? Я и выкинула ему все, что было. Братец Амар советовал: «Пожалуйся маханту-джи». Да разве кто будет нас слушать, дочка?

— Пойдем ко мне, я тебя накормлю, — сказала молодая женщина.

У старухи на глаза навернулись слезы.

— Ну, нынче ты меня накормишь, дочка, а дальше что? Ведь впереди еще четыре месяца! Сейчас и травы не найдешь нигде. Уж не знаю, как и пережить. Одна надежда на всевышнего — в доме ни зернышка... Уродился бы хлеб — и с налогами расплатилась бы, и на еду бы хватило. А то урожай, — чтоб он сгорел, — такой, что и половины налогов не покроет. Ты братца Амара понимаешь? Почему он не дает развернуться Свами-джи?

Мунни, отвернувшись, проговорила:

— Он на меня сердит, слова лишнего не скажет. От дел да занятий никак не освободится. Поговорить с домашними — для этого ему, видите ли, особое время нужно. Явился сюда сирота сиротой, тогда у него время находилось. А теперь, когда пришли почет да слава, когда он стал большим человеком, — теперь у него времени не стало.

Салони удивленно взглянула на Мунни.

— Да что ты говоришь, невестка! Брат Амар на тебя сердится? Что-то мне не верится, ты, верно, ошибаешься. Бедняга ни днем, ни ночью покоя не знает, откуда же ему взять досуг? Будь уверена, то благословение, что я тебе когда-то дала, не пропадет даром.

Мунни стало стыдно за свою суровость:

— Право, бабушка, все это не так уж важно! Пусть поступает как хочет. Он, наверное, вообразил, что я вешаюсь ему на шею. Клянусь тебе, я и не думала об этом! Я знаю, что не стою даже праха от его ног. Я хочу лишь одного: чтобы он говорил со мной от души, и те небольшие услуги, которые я могу ему оказать, принимал тоже от души. У меня только одно желание — помочь ему. Больше я ничего не хочу.

В этот момент их окликнул Амар.

— Заходи, брат, заходи! — обрадовалась Салони. —

Вот и невестка забежала меня проведать. Мы тут разговариваем.

Амаркант, взглянув на Мунни, резко спросил:

— Я дважды тебя окликнул, Мунни, почему ты не ответила?

Молодая женщина, отвернувшись от него, сказала:

— Раз у тебя не хватает времени на разговоры с людьми, зачем же тебе отвечать? Ты занят своей большой работой, но ведь и другие не сидят сложа руки, им тоже приходится выполнять какую-то работу, хоть и маленькую.

Амарканта, поглощенного мыслями о жене, не влекло к Мунни. Прежде он стоял на скале, а Сукхда тянула его вниз. Теперь же Сукхда поднялась на вершину горы, и, чтобы добраться до нее, Амарканту нужно было напрячь все силы ума и воли. Его жизнь должна была стать идеалом чистоты. Но как он ни старался, он не мог изгнать из своего сердца Мунни — это воплощение простоты и веры. Он вдруг увидел, что стремление к совершенствованию засушило и обесцветило его жизнь. «А я-то считал, что теперь мы с Сукхдой по-настоящему близки, что никакие сомнения не могут встать между нами! — подумал Амар.— Но все равно, буду я здесь или уеду за тридевять земель,— тот светильник, который она зажгла в моем сердце, никогда не померкнет!»

— Может быть, ты и права, Мунни, — с легкой укоризной сказал он. — Последнее время я много работал и как-то отдалился от тебя. Но я надеялся, что ты не поставишь мне в вину суровость, порожденную заботами. Теперь вижу, что ошибался.

— Да, лала, ты ошибался, — с волнением проговорила Мунни. — Посади бедность на трон — она и тогда не поверит, что царствует, ей это покажется сном. А для меня этот сон — вся жизнь. Я не желаю просыпаться, хочу вечно наслаждаться этим сном. Пусть ты иной раз дашь мне тумака — мне такая боль сладостна. Так не скупись же хоть на это... Что сегодня было? Почему вы не ладили со Свами-джи?

Салони только что хвалила Атмананда. Теперь же, увидев потемневшее лицо Амара, старуха встала на защиту своего любимца.

— Брат убеждал народ не ходить к маханту, — принялась объяснять она. — Люди рассердились...

А что можно сделать? Как распорядится махант-джи встретить их палками, — побегут куда глаза глядят!

— Махант-джи — человек благочестивый, — поддержала Мунни. — Ну, окружили бы они храм, а дальше что? Позора не оберешься. Мир почитает всевышнего, а мы задумали мешать богослужению! Ну и взбрело же на ум Свами-джи! А люди и уши развесили — вот темнота-то!

Амар почувствовал, что у него отлегло от сердца. Подумать только — простые, неграмотные женщины рассуждают куда логичнее, чем Свами-джи! А ведь он — знаток шастр. Что же тогда говорить о его последователях?

— Э, бабушка, мудрец попугая не послушает! — радостно подхватил он. — Если люди окружают храм, нам не миновать сражения. Ведь теперь из-за всякой малости оружие пускают в ход!

Старуха перепугалась.

— Ты хорошо сделал, брат, что не поддержал Свами-джи, иначе кровь пролилась бы...

Мунни расчувствовалась:

— Да я ни за что не пустила бы тебя с ними, лала! Начальники правят страной, им ли не прислушиваться к плачу и стенаниям подданных? Вот Свами-джи придет — я с ним поговорю!

Слова, исполненные сочувствия и сердечности, целебным бальзамом пролились на душевную рану Амара. Завтра он сам пойдет к маханту-джи. В его сердце не было больше места ни сомнениям, ни колебаниям.

5

Был уже вечер, когда Амаркант и староста Гудар прибыли в резиденцию маханта Ашарама Гири. Махант-джи восседал на бархатном сидении золоченого кресла, окруженный почитателями, среди которых было немало женщин. Все они расположились на сверкающем белизной мраморном полу — мужчины по одну сторону, женщины — по другую. Махант-джи был большой — не менее шести футов ростом, пышущий здоровьем красивый мужчина лет тридцати пяти. Белое лицо, полная, величественная фигура, облаченная в желтые шелковые

одежды. Он сидел, спустив ноги вниз. Верующие подходили, почтительно склонялись перед ним в поклоне, приносили к его стопам, складывали подношения и возвращались на свое место. Гудар не мог войти внутрь, Амаркант же вошел и остановился, никем не замеченный. Наконец, когда пробило восемь, он приблизился к маханту.

— Махарадж, мне необходимо вам кое-что сообщить, — сказал Амар.

Махант глянул в сторону Амара с таким видом, будто один этот поворот головы стоил ему невероятных усилий. Какой-то святой, стоявший возле него, с удивлением взглянул на пришельца.

— Откуда вы? — спросил он.

Амаркант назвал деревню.

Ему велели явиться к маханту после арти. На арти должно было уйти три часа. Амару никогда не случалось бывать в этих местах, поэтому он решил воспользоваться случаем и осмотреть все достопримечательности. К западу от дворца находился большой храм. Впереди был главный вход — Львиные ворота, обращенные на восток, а справа и слева — две двери. Амаркант вошел в правую дверь и увидел несколько веранд, а за ними кладовые. В одном месте жарили на сковородах пури и качаури¹, в другом готовили зелень и овощи, там кипело молоко, а тут снимали сливки. Кладовые ломились от продовольствия. Амарканту показалось, что он попал на базар, полный зерна, овощей, зелени, фруктов, плодов и сладостей. Целая комната была завалена парвалем². В это время года парваль был так дорог, а здесь он лежал, словно солома. Женщины из лучших домов с благоговением готовили кушанья — стряпали ужин для тхакура. При виде этих кладовых Амар остолбенел. Сейчас, в это время года, здесь можно было видеть десятки корзин с виноградом.

Амаркант прошел к северной двери. Вот где воистину был базар! Повсюду рядами сидели портные и шили платье для тхакура. Тут были и парчовые одежды, и шитые золотом и серебром подушки для сидения. Дальше разместились золотых дел мастера, изготавливавшие украшения для тхакура. Вырезали инкрустации, полировали.

¹ Качаури — пирог.

² Парваль — зелень, употребляющаяся в качестве приправы.

В одной комнате десять — двенадцать дюжих молодцов с повязками, поддерживавшими бороды, растирали сандал. Целая комната была заполнена благовониями, маслами, свечами из агара. «Дорого же стоит жизнь тхакура!» С этой мыслью Амаркант прошел в средний двор и вышел через главный вход.

— Долгонько тебя не было! — заметил Гудар. — Ты удостоился беседы?

Амар рассмеялся.

— Пока я удостоился только лицезрения. Беседа состоится после арти. — И он подробно рассказал Гудару все, что ему довелось увидеть.

Гудар, покачивая головой, проговорил:

— Подумать только, и это дарбар всевышнего! Тут нет недостатка ни в чем. Обо всем этом мы слышали, да разве кто заходил сюда? Как кто поинтересуется: «Зачем, мол, и почему», — так его сразу в шею. А я заглянул на конюшню и в коровник. Если хочешь, можешь посмотреть.

Времени было достаточно, и Амаркант отправился посмотреть, что собой представляет коровник. К югу от храма раскинулись помещения для животных. Прежде всего Амар заглянул в слоновник. Во дворе, прикованные цепями, стояли слоны — штук двадцать пять, тридцать, огромные, как горы, и маленькие, не больше буйвола. Одни покачивали головой, другие размахивали хоботом, третьи жевали листья и ветки баграда¹. Их попоны, хауды², амбари³, украшения — все хранилось отдельно, на специальном складе. Каждый слон назывался звучным именем, у каждого были особые надсмотрщики, отдельное помещение. Одни получали рацион в целый ман, другие — в четыре пасери⁴. Самый большой слон предназначался для выездов тхакура. Верующие поклонялись ему. И сейчас шея этого слона была увита цветочными гирляндами, цветами усыпан был и пол у его ног.

Затем Амаркант с Гударом прошли на конюшню. Лошади стояли в ряд, как в лагере кавалеристов. Их было не менее пятисот, всевозможных пород, из всех местно-

¹ Баград — баньян, фиговое дерево.

² Хауда — платформа для сидения на спине слона.

³ Амбари — платформа для сидения с крытой палаткой.

⁴ Пасери — пять серов.

стей. Одни служили только для верховой езды, другие — для охоты, третьи — для упряжки, четвертые — для игры в поло. За каждой лошадей ходили два конюха. Махант-джи питал слабость к скачкам, и некоторые лошади были предназначены специально для этой цели. В их ежедневный рацион входили миндаль и сливки.

В коровнике стояли четыреста — пятьсот коров и буйволиц. Огромные кувшины были наполнены парным молоком. Перед арти тхакур обычно совершал омовение, и для этого каждый раз требовалось пять манов молока; остальное молоко поступало в кладовые.

Пока наши путешественники бродили там и сям, началось арти. Со всех сторон люди спешили в храм.

— А если тебя спросят, кто ты такой, что ты ответишь? — спросил Гудар.

Амаркант усмехнулся.

— Скажу, что я вайшья.

— Да с тебя-то спрос не велик — тебя здесь никто не знает, а меня каждый встречный и поперечный видел, когда я торговал шкурами. Узнают — живым не отпустят. И подумай: совершается служение всевышнему, а мы не смеем войти в храм. Послушаешь, как живут здешние жрецы, только рот разинешь. Но они — хозяева, нам вход к ним заказан. Впрочем, тебе-то можно войти. посмотреть арти: ты вполне сойдешь за брахмана. А на меня как поглядят, — сразу узнают, что кджевник.

Амар не прочь был посмотреть на это зрелище, но ему неловко было оставить Гудара. Примерно через полчаса арти закончилось, народ разошелся по домам, и Амаркант отправился на свидание с махантом. Однако оказалось, что тот занят беседой с какой-то знатной дамой, и Амару снова пришлось бродить по двору.

Когда по прошествии получаса Амар вновь обратился к саду-привратнику, оказалось, что видеть маханта уже нельзя. «Подождите до утра», — сказали ему.

Амар пришел в такое бешенство, что едва не разразился бранью по адресу маханты. Однако пришлось сдержаться и уйти несолоно хлебавши.

Услышав эту новость, Гудар усмехнулся:

— Эх, вряд ли мы найдем здесь хоть одного благородного человека.

— А ты когда-нибудь видел маханта-джи?

— Я? Конечно, нет! Как я мог его видеть?

Минуло уже девять вечера, возвращаться домой не хотелось: впереди были горные дороги, переправы через реки, опасность встречи с диким зверем... Решили заночевать здесь. Направились в дхармашалу¹, подкрепились немножко и расположились на ночлег. Неожиданно показались два служителя — продавцы священного ужина. Со всех сторон сбежались люди — здесь были и паломники, и местные жители. Амаркант на четыре аны купил уйму всевозможной снеди: пури, халвы, различных овощей, маринадов и соусов, варенья, сливок и кислого молока. Всего этого с лихвой должно было хватить на двух изголодавшихся путников. Оба сытно поужинали, напились воды и собирались уже отправиться на покой, как неожиданно явился еще один служитель — продавец молока.

— Испейте молока перед сном, — предложил он.

Амар был сыт, и ему ничего не хотелось, но, движимый любопытством, он не устоял перед соблазном и протянул садху две аны. Им налили целый сер молока, густого, вкусного, пахнувшего шафраном и мускусом. Такого молока Амарканту никогда в жизни не доводилось пробовать.

Путники не захватили с собой постелей, поэтому им пришлось улечься кое-как на собственных дхоти. Амар, блаженно вытянувшись, проговорил:

— За такие гроши — великолепное пристанище!

— Это все рука божья! — благоговейно отозвался Гудар.— Тут его обитель. Сюда ведь тысячами стекаются паломники. Редкий сетх поскупится, не пожертвует кругленькой суммы — тысяч десять или двадцать. Даже при таких расходах, как здесь, в банке у махант-джи собираются десятки миллионов рупий.

— Что ж, посмотрим, что покажет завтрашний день.

— Мне почему-то думается, что и завтра нас не примут.

Утром, чуть свет, они совершили омовение и поспешили к дому махант-джи. Им сказали, что махант-джи сейчас на молитве.

Через час они снова явились, но оказалось, что махант-джи вкушает завтрак.

¹ Д х а р м а ш а л а — постоянный двор для паломников.

В третий раз — уже в девять часов — привратник сообщил, что махант-джи занят осмотром лошадей.

— Да когда же, наконец, мы сможем его увидеть?! — в сердцах воскликнул Амар.

— А кто вы такие? — спросил привратник.

— Я — арендатор, пришел рассказать маханту-джи о нашей жизни.

— Тогда пройдите к управляющему, всеми земельными делами ведает он.

Амар, осведомившись, где можно найти управляющего, отправился на поиски. В канцелярии десятки писцов корпели над огромными счетными книгами. Господин управляющий важно восседал на подушках и дымил хуккой.

Амаркант поздоровался.

— Где же заявление? — поглаживая пухлой рукой бороду, спросил управляющий.

— Заявление? — смутился Амар. — Я не принес заявления.

— Так зачем же вы явились?

— Я хотел кое-что сообщить досточтимому маханту-джи.

— Напишите заявление и подайте в канцелярию.

— Да я хочу лично встретиться с махантом-джи.

— А вы принесли подношение?

— Я — бедный человек. Откуда мне взять подношение?

— Поэтому-то я и говорю: подайте заявление. Мы рассмотрим его и сообщим вам решение.

— А когда состоится это решение?

— Когда будет угодно маханту-джи.

— Какое же подношение требуется, чтобы пройти к маханту-джи?

— А это смотря по вере. Но уж не меньше ашрафи.

— Скажите точно, в какой день я должен прийти, чтобы узнать решение? Ведь не могу же я ежедневно ходить сюда!

— Если вы не можете, то кто же будет ходить? Точно назвать день невозможно.

Амар сбегал в поселок, написал там подробное заявление и вручил его управляющему. Затем Гудар и Амаркант отправились домой.

Как только по деревне прошел слух об их возвраще-

нии, все крестьяне высыпали на улицу. Положение Амарканта было весьма щекотливым: расскажи он подробно, как все происходило, люди подняли бы его на смех. Пришлось предпринять обходный маневр.

— Я подал заявление, его разберут, — заявил он.

— Жди еще, пока там разберутся, — недоверчиво протянул Каши. — Пройдут месяцы, а до тех пор чиновники ошиплют нас, как курят.

Амаркант рассердился.

— Говоришь, месяцы? Четыре дня, и то много!

— Так всегда делают, чтобы затянуть дело, — вмешался Паяг. — Кому охота упускать свои денежки?

Ежедневно Амар с утра отправлялся в канцелярию и возвращался лишь в полночь. Но заявление все не рассматривалось. Амаркант просил управляющего, умолял писцов, даже посыльных. Все только отмахивались. В отчаянии возвращался он в деревню, под огонь насмешек.

— Слыхали? Говорят, нынче на рупию дают восемь ан льготных! — издевался Паяг.

— А вот и врешь! Я слышал, в этом году махант-джи совсем не возьмет с нас налога! — подхватывал Каши.

К тому же Аتمانанд не переставал будоражить округу: что ни день, то тут, то там собирались бурные сходки. Кое-где создавались крестьянские союзы. Школу пришлось закрыть: Амаркант совсем забегался, какие уж тут занятия! Лишь вечерами дружеское участие Мунни несколько умеряло его тоску.

Наконец, на седьмой день, Амарканту сказали, что заявление его, видимо, будет рассмотрено. Амара провели в покой маханта. Был полдень. Махант-джи в «хасхане»¹ возлежал на тахте, опершись локтем на подушку. Кругом благоухали циновки из кхаса, окропленные розовой водой. Электрические вентиляторы навевали прохладу. Сейчас, в знойном месяце джетх², в комнате было так свежо, что Амаркант даже чуть-чуть озяб.

Махант-джи изобразил на лице нечто похожее на страдание и, затянувшись хуккой, заговорил сладеньким голосом:

¹ К х а с х а н а — помещение с ширмами и циновками из ароматичной травы кхас.

² Д ж е т х — третий месяц индийского календаря (соответствует маю — июню).

— Вы живете в моем районе, не так ли? Я был очень спсчсчен вестью о том, что моим подданным приходится переживать трудные дни. Действительно ли их положение таково, каким вы его описываете в заявлении?

Амар, воодушевившись, ответил:

— Махарадж, их положение гораздо хуже! Во многих домах даже очага не разжигают.

Махант скорбно прикрыл глаза.

— Такова твоя игра, всевышний!.. Почему же вы раньше не дали мне знать? — снова обратился он к Амару. — Я бы отменил налоги на этот урожай. Разве рука всевышнего оскудела? Я немедленно спишусь по этому поводу с правительством и ответ его сообщу подданным. Передайте, пусть они не теряют надежды. О всевышний, вот какова твоя игра!

Махант водрузил на нос очки и принялся за следующее заявление. Понимая, что аудиенция окончена, Амаркант встал, но все же рискнул еще раз обратиться к маханту:

— Досточтимый господин проявил бы великую милость, если бы приказал чиновникам пока не притеснять крестьян. У них уже ничего не осталось, но, боясь побоев и ругани, бедняги распродают домашний скarb и все-таки вносят налоги. Многие побросали родные дома и бежали.

Лицо маханта-джи сделалось суровым.

— Этого ни в коем случае нельзя допускать! Я строжайшим образом запретил своим служащим чинить насилия над крестьянами. Придется притянуть кое-кого к ответу. Я не потерплю, чтобы моих крестьян притесняли!

Амар почтительно поклонился и вышел. Лицо его сияло. Теперь скорее в деревню, сообщить людям радостную вестъ! Он быстрым шагом — почти бегом — пустился в обратный путь. Иногда он в самом деле принимался бежать, потом спохватывался и снова переходил на шаг. Знойный ветер утих, но все же было жарко. Тело горело, однако Амар не давал себе отдыха. Уж он поговорит со Свами Атманандом! «Теперь вы убедились, что не все люди — эгоисты? — скажет он. — На свете живут и благочестивые люди, чуткие к бедам и горестям ближних!» Он, Амар, сумеет проучить этих безумцев, всех тех, кто

был заодно с Атманандом! Казалось, будь у него крылья, он полетел бы.

Лишь к вечеру добрался Амаркант до деревни. Сколько вопрошающих и недоверчивых глаз обратилось к нему!

— Что это ты нынче сияешь, братец! — полюбопытствовал Каши. — Пробил стенку лбом?

— Тому, кто отдает делу все сердце, и стенку лбом пробить недолго, — с важностью ответил Амаркант, опускаясь на кровать.

Подоспевшие люди накинулись на него с расспросами.

— Ну что там, братец? Каково решение?

Амаркант принялся уговаривать их, словно врач:

— Напрасно вы порочили маханта-джи. Он так сердечно принял меня, — слов нет, чтобы передать... Говорил, что ничего не знал, жалел, что мы раньше не известили его, тогда бы он постарался отменить весь налог. Теперь он запросит правительство, а пока приостановит сбор налогов.

— Как бы тут не было подвоха... — неуверенно протянул Каши.

— По-доброму всего можно добиться, — убежденно ответил Амар. — Если же начнутся беспорядки, вот тогда вы действительно ничего не добьетесь, кроме наказания.

— Да разве сытые господа нас послушают? — с сомнением проговорила Салони.

Гудар с приличествующей старосте внушительностью возразил:

— А как же не послушают? Придется послушать!

Смуглый паренек — ярый почитатель Свами-джи — был явно пристыжен.

— Сколько в тебе усердия, брат! — сказал он Амару. — У нас никто не умеет работать так, как ты.

На другой день чиновники по-прежнему творили произвол, однако, начиная с третьего дня, несколько поутихли. По всему району распространилась весть о том, что махант-джи испрашивает у правительства половинную льготу на налог. Где бы ни появился Свами Атмананд, повсюду его встречали насмешками. Но Свами-джи упорно твердил свое: «Все это обман! Ничего не изменится. Чиновники все равно будут стоять на сво-

ем». Он твердил это до тех пор, пока сам не поверил в истинность своих слов. Дело в том, что Свами-джи беспокоился не столько за крестьян, сколько за свой пошатнувшийся авторитет. Если бы сейчас и вправду пришло распоряжение о сокращении налога, он бежал бы из деревни куда глаза глядят! Свами из всех сил стремился убедить людей, что все эти обещания лживы, и хотя основная масса крестьян высмеивала его, некоторые все-таки держали его сторону.

Шли дни, а распоряжение все не приходило. В сердца людей начало закрадываться сомнение. По прошествии двух недель Амаркант отправился в главное управление, и там Салим познакомил его с мистером Газнави — начальником области. Мистер Газнави был высокий, худошавый светлокожий мужчина крайне располагающей наружности. Широкий нос и абсолютно круглый подбородок создавали впечатление, будто лицо этого человека озарено немеркнувшей улыбкой, что, пожалуй, соответствовало действительности: Газнави так и искрился весельем. Дело свое он делал без особого рвения, ровно настолько, чтобы к нему нельзя было придраться. В жизни же это был честный, благородный и бескорыстный человек. Когда Амаркант рассказал ему о положении в деревнях, он рассмеялся.

— Ваш махант заявил, что он снизит крестьянские налоги ровно на ту сумму, на которую правительство понизит ему земельный налог. Какая справедливости!

— А что же тут несправедливого? — удивленно спросил Амар.

— Несправедливость в том, что у маханта в банке десятки миллионов рупий, а у правительства миллиардные долги.

— А вы дали распоряжение, чтобы приказ маханта был выполнен?

— Что вы! Это не делается сразу, придется подождать месяцев шесть. Мы должны изучить сложившееся положение, затем пошлем правительству докладную записку, там она подвергается всестороннему обсуждению, и только тогда последует распоряжение.

— Как, дело крестьян будет решаться так долго? Ну, знаете! Тогда не удивляйтесь, если в районе начнутся беспорядки.

— А вы что же, хотите, чтобы правительство изме-

нило себе? У нас бюрократическая система правления, дорогой мой! У нас все делается по правилам. Вы можете осыпать нас бранью — мы бессильны. Но стоит полиции составить протокол — и тогда она вас вышлет. Будет так, как я захочу, но только в соответствии с правилами. Впрочем, я шучу. Ваш друг мистер Салим быстро произведет расследование в районе. Но смотрите: никаких ложных свидетельств, иначе вас придется удалить отсюда. Мистер Салим очень хорошо о вас отзывается, но я, признаться, побаиваюсь таких, как вы. Особенно этого вашего Свами: крайне скандальная личность. Почему вы не призовете его к порядку? Я слышал, он очень нелестно о вас отзывается.

Такой большой чиновник — и совсем запросто беседует с ним, Амаром! Было от чего закружиться голове. И действительно, Атмананд раздувает пожар. Если бы его арестовали, в илаке¹ наступил бы покой. Свами — смелый человек, талантливый оратор, настоящий служитель страны, но сейчас лучше всего изолировать его.

И Амар постарался ответить так, чтобы, не раскрывая своих истинных чувств, нанести удар по Свами:

— Я не имею ничего против Свами-джи. Он вправе говорить обо мне что ему вздумается,

Мистер Газнави обратился к Салиму:

— Запишите себе, мистер Салим: надо сообщить завтра тханедару района, пусть он проучит этого Свами. Ну, довольно о делах! Я слышал, мистер Амар знает особое заклинание, привораживающее женщин.

Амаркант ухватил Салима за шиворот.

— Это ты наплел на меня!

— Тебя выдают твои проделки, дружок, я тут ни при чем!

— Ваша жена — на редкость храбрая женщина, — игриво продолжал мистер Газнави. — Сейчас сна пробует силы на муниципалитете, и я уверен, совету с ней не сладить. Ва-аллах! Если бы у меня была такая жена, я бы сделался факиром!

Амаркант, смеясь, отпарировал:

— Ну, вам, по-моему, и так неплохо.

Г а з н а в и. Как сказать! Об этом знает лишь сердце.

¹ И л а к а — район.

Салим. Да ведь из страха перед ней он и сбежал. Газнави. Нужно устроить здесь какой-нибудь митинг и пригласить ее.

Салим. Смотрите не наживите беды: стоит ей появиться, и в городе вспыхнет пожар. Не пришлось бы нам выбираться из своих домов.

Газнави. В один прекрасный день это произойдет повсюду. Правительство богатых — гость недолгих дней. Англичанам удалось прибрать к рукам нашу страну. Но и мы, люди состоятельные, и потому, естественно, держащие сторону богатых, рады перейти на сторону бедняков, потому что лишь в этом случае можем рассчитывать хоть на минимальное уважение. Я и сам принадлежу к этой группе людей и знаю, что говорю.

До позднего вечера длилась их дружеская и непринужденная беседа. Салим еще раньше не пожалел красок, расхваливая своего друга начальнику области, поэтому, несмотря на деревенское обличие Амара, мистер Газнави держался с ним как с равным. Салим еще не привык к положению начальника и ревностно, словно новые туфли от грязи, оберегал свой престиж. Газнави же давно привык к своему положению; он знал, что нога — куда более ценная вещь, чем новые туфли. Женщины — тема, которая постоянно дразнила его любопытство, являлась источником веселья и развлечения. Жизнерадостность холостяков — неиссякаемый источник, его питает ключ неудовлетворенной чувственности.

— Почему вы не женились? — обратился Амаркант к мистеру Газнави. — Один мой друг — доктор Шантикумар — тоже не женился. Вы, холостяки, боитесь женщин.

— Шантикумар?.. — спросил Газнави, как бы что-то припоминая. — Такой красивый, светлолицый, статный?.. Друзья, да ведь мы вместе с ним учились в Оксфорде! Я выбрал литературу, а он — политическую философию. В свое время я частенько поднимал его на смех! Сейчас он, кажется, в университете? Я нередко вспоминаю о нем.

Салим рассказал об отставке доктора Шантикумара, о его попечительстве и работе в городе.

Газнави кивнул головой, словно проник вдруг в какую-то тайну.

— Понятно! Иными словами, вы — его ученики. Мы с Шантикумаром не раз беседовали о браке. Мне-то пе-

решили дорогу врачи: обнаружили туберкулез. При одной мысли, что, возможно, придется оставить после себя молодую вдову, я трясся от ужаса. С тех пор моя жизнь все время держится на волоске. Ну, а Шантикумара обуяла страсть служения родине и бог знает еще что. Удивляюсь только, как эта страсть не оставила его до сих пор? Я думал, он давно остепенился: ведь он же мой ровесник. Дайте-ка мне его адрес, я приглашу его сюда.

Салим покачал головой.

— Он слишком занят. Я уже звал его, и, как видите, напрасно.

Газнави, улыбаясь, заметил:

— Наверное, вы звали его к себе в гости. Попробуйте пригласить его от имени какой-нибудь организации или обещайте, что проведете подписку, и, уверяю вас, он не заставит себя долго ждать. Душа этих служителей нации — подписка, совесть — подписка, да и сами-то они — сухая подписка. Куда ни оглянешься — всюду вопли о подписке. Ведь такого служителя можно узнать с одного взгляда. Они не жалеют крепких словечек, измышляют тысячи уловок, мечут изо рта пушечные ядра, а вы должны молчать или восхищаться их слабоумием. Я как-то одного лидера-сахиба даже в сумасшедший дом упрятал! Вообразил себя слугой и вождем народа.

Утром мистер Газнави на своей машине доставил Амара в деревню. Амаркант сиял от гордости: видно, общение с чиновниками заронило и в его душу крупницу спеси.

— Начальник-сахиб приедет сюда для обследования, — объявил он крестьянам. — Берегитесь! Не вздумайте давать ложные показания. На все его вопросы отвечайте точно: не скрывайте своего положения, но и не преувеличивайте. Расследование должно установить правду. Мистер Салим — очень хороший человек, друг бедняков. Конечно, на расследование уйдет какое-то время, но ведь управление государством — не простая вещь. Район большой, целыми месяцами придется кружить по нему. Пока спокойно принимайтесь за яровые. Я обещаю вам льготу в восемь ан на рупию. Плод терпения всегда сладок, поймите это.

Свами Атмананд был окончательно сражен. Увидев, что всю славу стяжал Амаркант, а на его долю досталось

лишь бесславление, он немедленно изменил тактику. На ближайшем собрании оба выступали с одной трибуны: Свами-джи — с покорно склоненной головой, Амар — гордо выпрямившись, с поднятой рукой. После этого они вновь стали соратниками.

Начались дожди асарха¹, и Салим принялся за обследование района. Он даже получил сведения о двух-трех деревнях, но через неделю охладел к этому занятию. Торчать одному, будто привидение, в затерянной в горах дак-бангле² было для него равносильно подвижничеству. Сославшись на болезнь, он улизнул в город и в течение месяца пускался на всевозможные уловки, чтобы не возвращаться в горы. Наконец последовал запрос сверху, а затем — строгое внушение мистера Газнави. Пришлось подчиниться. К тому времени снова заладили дожди, реки и ручьи вздулись, стало прохладнее; зазеленели склоны гор, слышались крики павлинов. Оживающая природа придавала деревне особое очарование.

Сегодня, после нескольких дней ненастья, дождь наконец утих. В ожидании решения правительства махант-джи объявил льготу в четыре аны на рупию, и его служащие с новым рвением принялись выколачивать недоимки. Несколько крестьян уже явились жертвой их усердия. Сегодня на берегу Ганга состоялось большое собрание для обсуждения этого происшествия. Председателем был избран староста Бхола, с речью выступил Свами Атмананд.

— Друзья, мало кто из вас не уплатил половины налога. До сих пор речь шла о половинной сумме, теперь же вы должны позаботиться лишь о половине половины. Если вы сейчас спокойно внесете еще по две аны, правительство обязательно даст маханту-джи небольшую льготу в уплате налога. Сейчас необходимо довольствоваться льготой в шесть ан. Если к следующему урожаю цены не поднимутся, мы надеемся, что льгота достигнет восьми ан. Таково мое предложение, обсудите его. Того же мнения придерживается и мой друг Амаркант. Может

¹ А с а р х — четвертый месяц индийского календаря (соответствует июню — июлю).

² Д а к - б а н г л а — загородная резиденция, предназначенная для командированных чиновников.

быть, вы хотите предложить что-нибудь еще? Что ж, давайте решать вместе.

В это время подошел почтальон и вручил Амарканту конверт. Амар тотчас узнал почерк Найны. Он мгновенно пробежал письмо глазами и словно опьянел. Лицо вспыхнуло, будто его опалило жертвенным огнем, глаза гордо заблистали, душа рванулась наружу. В письме говорилось об аресте Сукхды и о препровождении ее в тюрьму. Ого! Она — в тюрьме, а он — здесь... Кто дал ему право находиться на свободе? Эта нежная красавица в тюрьме! Та, которая не могла вынести и сурового взгляда, которую кололи даже шелковые одежды, которой было жестко сидеть на бархатном сидении, — сейчас терпит муки тюремного заключения. Эта совершенная женщина, эта защитница чести родины, эта Лакшми рода — сегодня в тюрьме!.. Вся кровь Амара забурилась, стремясь излиться к ногам Сукхды. Сукхда! Ее образ повсюду преследовал Амара. Кто скользит по волнам Ганга, окрашенным вечерним багрянцем? Сукхда! Кто это, с гирляндой на шее, стоит там, в полумраке, на высокоом горном кряже? Сукхда! Амар, обезумев, ринулся вперед, как бы стремясь коснуться праха от ее ног.

Что еще говорилось на собрании, Амар не помнил. Не знал и того, что говорил сам. Люди разошлись поздно, тогда, когда все вокруг уже было залито лунным светом. Душа Амара была преисполнена благодарности. Ему казалось, будто он вступил под некую спасительную сень, разлившуюся над ним лунным сиянием. Он верил: в его жизни есть стройность, есть гармония, есть благословение и правда — они поддерживают его, охраняют каждый его шаг. Он ощутил прилив могучих желаний, сознание стало предельно ясным — сегодня впервые за все время!

Это блаженное состояние внезапно было нарушено Мунни.

— Лала, да ведь ты нынче раздул пожар! — сказала она, подходя к нему.

Амар вздрогнул.

— Я?!

И тут он вспомнил каждое слово произнесенной им речи. Схватив руку молодой женщины, он проговорил:

— Да, Мунни, теперь необходимо поступить именно так, как я говорил. Пока мы не прекратим платить, правительство будет затягивать решение о налогах.

Мунни с опаской проговорила:

— Прыгнуть в огонь? А дальше что?

Амар рассмеялся.

— Путь в рай лежит через огонь. Иного пути нет.

Мунни, пораженная, не сводила с него глаз. Она никак не могла понять, что смешного нашел он в этих словах.

6

Салим остановился в гостинице для чиновников, расположенной милях в семи-восьми от деревни. В тот же вечер тханедар сообщил ему о собрании и особо — о речи Амарканта. Осведомление чиновников о митингах и собраниях крестьян входило в обязанности тханедара.

Салим был изумлен. Прошли всего какие-нибудь сутки с тех пор, как он виделся с Амаром, и хотя друг его порицал новое распоряжение маханта, в словах его было лишь сожаление, — ни тени гнева. Откуда же вдруг такая перемена?

— Не было ли у служащих маханта-джи каких-нибудь неприятностей с крестьянами? — спросил Салим.

Тханедар поспешил рассеять подобное предположение:

— Конечно, нет, хузур! Махант-джи строго-настрого приказал не чинить никаких насилий. Ведь он снизил налог на целых четыре аны! Крестьяне такой уж народ — им бы только ругаться.

— Какое же влияние оказала речь учителя?

— Ох, хузур! Она была как искра для соломы. Теперь в районе маханта-джи очень трудно будет собирать налоги.

Салим поглядел на небо, затем спросил:

— Вы готовы поехать со мной в центр? Только не медленно.

Мог ли тханедар возражать? Первым побуждением Салима было — повидать Амара, но потом он сообразил, что, если бы друг был способен внять его увещаниям, он не стал бы раздувать этот огонь.

— Хузур ведь, кажется, знаком с учителем? — неожиданно спросил тханедар.

— Кто это вам сказал? — раздраженно ответил Салим. — У меня сотни знакомых, что же из этого? Да будь он хоть моим сыном, если он совершил преступление — у меня рука не дрогнет наказать его.

— Вы не так меня поняли, хузур! — медовым голосом проговорил тханедар. — Я говорю: вот, знакомый человек, а не постеснялся опорочить хузура.

Салим промолчал, но этот разговор представил события в новом для него свете. В самом деле, Амару не следовало поднимать такую бурю в его районе. Пожалуй, начальство подумает: «Вот, мол, новый человек, молодой, не может справиться с работой».

Снова сгустились тучи. Дорога была плохая, в крошечной тьме приходилось переправляться через реки. Но Салим чувствовал, что ему необходимо как можно скорее встретиться с мистером Газнави... Бывалый чиновник на его месте не растерялся бы так, но Салим был новичком.

Только к утру путники прибыли, наконец, в город. Салим окончательно пал духом. Власть! Она сопряжена с риском, с опасностями, — сегодня новоиспеченный чиновник почувствовал это на собственной шкуре. Стоило налететь порыву ветра или ручью преградить дорогу, как Салим принимал твердое решение: «Нет, в отставку! Немедленно в отставку! Это не служба, это напасть какая-то! Всю жизнь не знать ничего, кроме удовольствий, и вот — на тебе! — запутаться в какой-то ерунде! Да будь проклята такая служба! Еще, чего доброго, машина угодит в яму, тогда и костей не соберешь... Загубил новую машину!»

Добравшись, наконец, до своего дома, он переоделся, позавтракал и в восемь часов утра явился к мистеру Газнави. Тханедар, остановившийся в полицейском участке, подошел к тому же времени.

— Не сошел ли этот Амаркант с ума? — удивленно проговорил мистер Газнави, когда Салим окончил свой доклад. — С виду он казался таким благонамеренным... Парню, видно, не терпелось выдвинуться. Бедняга ломал голову, как бы стяжать себе побольше славы! Вообразил, верно, что мы — его друзья, так и опасаться, мол, не приходится. Как говорится: «Если приятель —

котваль¹, так чего бояться?» И в других областях неспокойно... Нет, видно, придется всех этих голубчиков убрать. Конечно, крестьянам сейчас не сладко приходится: у них и зерна-то кот наплакал, а цены все падают. Куда там — уплатить все налоги, они и половины не выполнят... Однако предписание правительства должно выполняться. Страх необходим, иначе люди будут плевать на правительство. Если сегодня крестьяне надеются, что половинное сокращение налога спасет им жизнь, то завтра они пожелают платить только четверть, а послезавтра потребуют полной отмены налога. Я думаю, вам надо немедленно арестовать лалу Амарканта. Конечно, не обойдется без шума, возможно, в двух-трех деревнях возникнут беспорядки. Но с открытым мятежом справиться легче, чем с духом сопротивления. Нарыв необходимо вскрыть, ибо, если гной проникнет в сердце и в мозг, наступит конец. Поэтому забирайте-ка с собой суперинтенданта полиции и арестуйте Амарканта по статье 124. Прихватите заодно и этого молодчика, — кивнул он на тханедара. — Дарога-джи², ступайте и скажите сахибу бахадуру³, пусть он собирается.

Салим взволнованно сказал:

— Если бы я знал, что сразу же по приезде сюда попаду в такой переплет, я бы постарался получить назначение в другую область. В самом деле, нельзя ли мне перевестись отсюда?

— Хузур не даст мне записку? — спросил тханедар.

— Никакой записки не нужно, — сурово оборвал его мистер Газнави. — Вы что, на словах не можете передать?

Тханедар отдал честь и удалился.

— Вы так сурово с ним обошлись, — заметил Салим. — Бедняга совсем пал духом. Он ведь славный.

Мистер Газнави улыбнулся.

— Да, славный, очень славный. Он неплохо доставляет продовольствие, но, да будет вам известно, это лишь десятая часть того, что он сдирает с крестьян. Когда какой-нибудь подчиненный чересчур выслуживается и подмазывается, будьте уверены, это отъявлен-

¹ Котваль — полицейский чин.

² Дарога — начальник полицейского участка.

³ Бахадур — почетный титул.

ный мошенник. В области случаются сотни происшествий, и ни одно из них не выплывает наружу. Не подумайте, что этот молодчик фабрикует ложные донесения! Нет, просто — умалчивает, беря при этом соответствующую мзду. Если бы правительство сумело провести реформу полиции, требование свараджа¹ отошло бы на задний план по крайней мере лет на пятьдесят. Сейчас ни один порядочный человек не желает иметь дела с полицией, считает полицейский участок притоном бандитов. Это ведомство — позорное пятно, ахиллесова пята нашего правления. Если вам неудобно арестовать друга, что ж, я дам распоряжение ДСП². Произвести этот арест — наш долг. Если вы не хотите, чтобы ваш друг подвергся оскорблениям, сделайте это сами. Ступайте, выполняйте долг дружбы. Я понимаю, для вас это тяжелое испытание. Поверьте, я сам искренне огорчен. За время нашего непродолжительного знакомства лала Амаркант успел меня очаровать... Я уважаю его благие намерения, но мы и он — в разных лагерях. Мы сами желаем свараджа, но не путем революции. Хотя, признаюсь, мне самому иногда кажется, что единственный выход — революция. К чему нам эта огромная армия, которая пожирает половину доходов правительства? Надо сократить вдвое численность армии, и тогда мы сможем наполовину уменьшить налоги на крестьян. Если я и опасаюсь свараджа, то лишь по одной причине: боюсь, как бы не ухудшилось еще больше положение мусульман. Люди начитались лживых летописей, и обе общины — индусы и мусульмане — стали врагами. Кто знает, возможно, что индусы, улучив момент, начнут вымещать на мусульманах прежние обиды. Вся надежда только на то, что сейчас, в двадцатом веке, просвещенная часть индийского общества не пойдет на поводу у религиозных фанатиков. Эра религии кончается, вернее, уже кончилась. Только в Индии она чуть-чуть задержалась. Наступила эра капитала. Теперь народ разделился на имущих и неимущих, на сытых и голодных, — на классы. Между ними резня будет куда более жестокой. В конце концов, лет через сто или двести, мир сольется в единое государство. Одна система, один закон,

¹ С в а р а д ж — самоуправление.

² Д С П — помощник начальника полиции.

управлять народом будут его слуги, религия станет лишь частным делом человека. Не будет ни радж, ни подданных...

Зазвонил телефон. Мистер Газнави снял трубку.

— Когда отправляется мистер Салим? Когда вы будете готовы? — обратился он к Салиму.

— Я готов.

— Тогда приходите через час.

Салим тяжело вздохнул.

— Значит, мне все-таки ехать?

— Конечно. Я не хочу вашего и своего друга передавать в руки полиции.

— Почему бы под каким-нибудь предлогом не вызвать Амара сюда?

— Сейчас он не придет.

«Когда до нашего города докатится весть о том, что я арестовал Амара, сколько ударов туфлей придется на мою долю! — подумал Салим. — Шантикумар разорвет меня на части, Сакина, наверное, и не взглянет на меня...» При этой мысли он окончательно пал духом. Вот она — власть! Золотой серп: выплунуть — жалко, проглотить — больно.

Салим встал.

— Прошу вас, пошлите ДСП, я не хочу ехать, — сказал он.

Газнави серьезно проговорил:

— Значит, вы хотите, чтобы его взяли четыре констебля, надели на него наручники, к поясу привязали веревку и в таком виде доставили бы его сюда? И когда полиция будет его брать, чтобы она разгоняла толпу выстрелами?

Салим испугался.

— А разве ДСП не может обойтись без этих строгостей?

— Амаркант — ваш друг, но не друг ДСП.

— Тогда, может быть, вы пошлете ДСП вместе со мной?

— Вы можете привезти Амара сюда?

— Придется его обмануть.

— Хорошо, поезжайте вы. Я не пошлю ДСП.

— Только я ничего ему не скажу.

— Действуйте, как находите нужным.

Салим вернулся домой в таком отчаянии, будто

только что потерял близкого человека. Он немедленно принялся за письма к Сакине, Шантикумару, лале Самарканту и Найне, рассказал им о своем безвыходном положении, о своей горе. «Не могу передать всего, что у меня сейчас на сердце, — писал он Сакине. — Удар кинжалом, верно, не причинил бы больших мук. Того, кого я бесконечно любил, чей образ привлек меня сюда, этого дорогого друга я должен сегодня бросить в тюрьму, осквернить свои руки злодейством... Сакина, молю тебя, не сочти меня низким, бесчувственным эгоистом; поверь, я плачу кровавыми слезами. Осуши же их своим анчалом¹. Я так привязан к Амару, что готов за каплю его пота отдать свою кровь, а вместо этого должен глумиться над его кровью. Я — собака на сворке; послушный окрику охотника, я вынужден делать то, чего не хочу и не могу. Сжался надо мной, Сакина, я так несчастен!..»

Вошел слуга.

— Хузур, кушать подано.

— Я не хочу есть, — глухо ответил Салим.

Слуга хотел было спросить, как чувствует себя хузур, но, заметив на столе груды писем, испугался: может быть, пришли дурные вести из дома?..

Салим поднял, наконец, голову и печально заговорил:

— Ты помнишь, ко мне приходил человек в крестьянском платье? Это мой самый близкий друг. Мы вместе росли, учились в одном колледже. Он — очень богатый человек, у него сотни тысяч рупий. Есть отец, ребенок... А какой способный! В колледже всегда помогал мне. Если бы он только пожелал, то получил бы большой пост. Дом его был полной чашей. Но он так болел душой за бедняков, что бросил все, и дом и богатство, ушел в деревню и служит там крестьянам. А сегодня я получил приказ арестовать его.

Слуга подошел поближе и сел на пол возле хозяина.

— Чем же провинился этот сахиб? — спросил он.

— Он ни в чем не виноват, кроме одного: не может равнодушно смотреть, как мучаются крестьяне.

— Хузур не объяснил этого большому начальнику?

— А! Одному мне ведомо, что творится сейчас в

¹ Анчал — край сари, который женщины накидывают на голову.

моем сердце, Ханиф! Ведь Амар не человек, он святой... Вот она, государственная-то служба!

— Хузур пойдет?

— Да, и немедленно. Именно так выполняется долг дружбы.

— И бабу-джи посадят в тюрьму?

— Бог весть, что с ним сделают. Вели шоферу подавать машину, до ночи надо вернуться.

Подали машину. Когда Салим садился в нее, глаза его ничего не видели за пеленой слез.

7

Три дня лили дожди. Сегодня после полудня бог солнца услышал, наконец, мольбы земли, очнулся от раздумий и послал свое благословение в ее раскинутый анчал.

Как раз в этот момент Амаркант и Свами Атмананд, подойдя с разных сторон, встретились возле школы.

— Здорово мы рассчитали! — проговорил Амар, отирая со лба пот. — В одно время вернулись, ни на минуту не задержались! Теперь надо бы подкрепиться, и снова в путь! Часам к восьми будем дома.

Атмананд, уже успевший растянуться на земле, взмолился:

— Нет, брат, я сейчас и шага ступить не могу! Хотите — забирайте душу. От усталости я разваливаюсь на части, словно качумар¹. Вот попьем шербета, отдохнем, тогда и двинемся.

— Да ведь сегодня надо все кончить.

— Э, кончить, не кончить... Что же, помирать, что ли? Если вы в состоянии — идите, а я не могу.

Амар засмеялся.

— Эх вы! В два раза больше меня, а раскисли. Мне бы вашу силу да аппетит, я бы показал, как надо работать.

Атмананд протянул было руку, чтобы похлопать Амара по спине, но, услышав последние слова, раздумал: ведь Амар ставил под сомнение выносливость товарища.

— Вам не терпится умереть, я же хочу жить.

¹ Качумар — мелко нарезанные ломтики фруктов, овощей для маринада.

— Но ведь жить — значит действовать, бороться.

— Я и стремлюсь к деятельности, а вы — к преждевременной смерти.

— Ну ладно. Сейчас я напою вас шербетом. Кислого молока налить?

— Да, и побольше, кружки две. Часа два постоит и будет готов.

— Что вы, с ума сошли? Да к тому времени и день кончится!

Амаркант позвал Мунни, попросил ее приготовить шербет, а сам лег рядом с приятелем.

— Что нового в районе? — спросил он Свами-джи.

— Боюсь, как бы не начались волнения. Многим не поздоровится, когда начнут сгонять людей с земли.

— Что это с вами? — насторожился Амар. — Вы ведь никогда не увлекались философией, а теперь вас одолели сомнения.

— К чему затевать дело, которое может окончиться только неудачей? Откровенно говоря, я чувствую себя не слишком уверенно.

— Значит, вы не хотите возглавить это движение. Вождь прежде всего должен верить, обладать выдержкой и мужеством.

Мунни принесла шербет. Свами-джи выпил целый кувшин, Амар же удовольствовался кружкой. Атмананд, глядя на него, даже поморщился.

— И это все? А еще называется мужчиной!

— Я знаю, скотине нужно много корма, — отпарировал Амар.

— Кто мало ест, тот плохо работает.

— Нет, работают как раз те, кто мало ест. У обжор основной труд — переварить пищу.

Накануне занемогла Салони. Амар отправился было навестить ее, но, увидев подъезжающую к школе машину, остановился. Приезд в деревню машины — невиданное дело. Пока Амаркант раздумывал, кто бы это мог быть, из машины вышел Салим. Амар бросился к нему.

— Что-нибудь случилось? Почему ты меня не вызвал? — спросил он, пожимая руку друга.

Вошли в школу. Амаркант предложил Салиму сесть на постель.

— Видишь, живу как факир, — сказал Амар. — Чем тебя угостить? Хочешь шербета?

— Нет, не стоит беспокоиться. — Салим закурил сигару. — Мистер Газнави хочет посоветоваться с тобой о каком-то деле. Я сегодня уезжаю, вот и решил заехать за тобой. Что толку в моем расследовании? Ведь ты вчера зажег пожар. Теперь вся моя работа идет насмарку.

Амаркант вспыхнул.

— Махант-джи толкает нас на это. Что же делать?

Салим старался придать своим словам самый дружеский тон.

— Вот ведь ты как рассуждаешь: «Это, мол, мой район, и вся ответственность за него лежит на мне». Так? Я часто вижу, как у дорог собираются толпы крестьян, в мою машину даже камни летят. Все это — грозные признаки: боюсь, как бы не вспыхнул бунт. Я, право, не вижу ничего предосудительного, когда народ защищает свои права, протестует против насилий. Но люди должны действовать в рамках законности. И вот тут-то меня одолевают сомнения. Ты дал голос немым, разбудил спящих, а где же выдержка и терпение, так необходимые для нашего движения?

От всех этих рассуждений на Амара пахнуло затхлым воздухом правительственной канцелярии.

— А ты уверен, что не допускаешь той же ошибки, которую обычно совершают стоящие у власти? — спросил он. — Тем, кто проводит жизнь в довольстве, легко кричать о терпении и сдержанности. Но люди, которым каждый день приносит только новые страдания, не в силах ждать, пока избавление приблизится своим неторопливым шагом. Они хотят ускорить его наступление, они имеют на это право.

— Но избавлению предшествуют бедствия и страдания, этого тоже нельзя забывать.

— Для нас самое страшное бедствие — произвол. Если урожай меньше налога, откуда взять средства, чтобы уплатить этот налог? И все же мы соглашались платить восемь ан. Но двенадцать ан — это уже выше сил. В конце концов, почему бы правительству не сократить расходы? Зачем без счета швырять рупии на содержание полиции, армии, администрации? Крестьяне слабы, безгласны и бессильны. Не поэтому ли вся тяжесть должна ложиться именно на их плечи?

В Салиме заговорила гордость правящего.

— А ты знаешь, к чему это приведет? — ответил он

вопросом на вопрос. — Одна за другой начнут разоряться деревни, вступят в силу законы военного времени, увеличится численность полиции, урожай будет продан с аукциона, земли — конфискованы. Наступит всенародное бедствие!

Амаркант невозмутимо сказал:

— Что бы ни случилось, лучше умереть, чем склонять голову перед насилием.

Между тем у школы собралась большая толпа. Желая положить конец спору, Салим заметил:

— Уже поздно, надо ехать. Поговорим дорогой.

Амар быстро надел рубашку, поговорил с Атманандом, затем оба друга вышли и сели в машину. Когда автомобиль тронулся с места, Амаркант вдруг заметил, что глаза Салима полны слез. У Амара мелькнуло подозрение.

— А ты не предаешь меня? — спросил он.

Салим припал к груди друга и прошептал:

— Пойми, иного пути у меня не было. Я не хотел, чтобы тебя оскорбили руки полиции.

— Тогда подожди, я захвачу кое-какие вещи.

— Да, да, возьми. Но, если здесь об этом узнают, мне не сносить головы.

— Э, да ладно, едем, обойдусь как-нибудь.

На окраине деревни они встретили Мунни. Амар попросил остановить машину.

— Где ты пропадала, Мунни? — обратился он к молодой женщине. — Прошу тебя, возьми из стирки мое белье. На полке в моей комнате найдешь лекарство для бабушки Салони — не забудь передать ей.

Мунни с тревогой посмотрела на него и спросила:

— А ты куда уезжаешь?

— Да вот еду к другу на обед.

Машина тронулась.

— Когда приедешь? — крикнула вслед Мунни.

— Когда приведет судьба, — отозвался Амар.

8

Два неразлучных друга, которые вместе росли и играли, потом вместе учились, в жизни которых было так много общего, и потасовок, и шуток, и смеха. теперь,

попав в круговорот событий, пошли разными путями. А ведь в жизни они ставили перед собой общие задачи, преследовали одну цель, оба от души сочувствовали народу, оба любили родину. Но один стал чиновником, другой — узником. И вот они сидели рядом, но между ними была уже стена. Амар ликовал, будто поднялся на первую ступень по лестнице мученичества, Салим был подавлен, как человек, потерявший уважение людей. Раньше, когда он открыто проповедовал принципы свободы, душа его торжествовала; теперь же он стал орудием деспотизма и чувствовал, как вокруг него сомкнулись стены тесной и темной камеры.

Жалко улыбаясь, Салим спросил:

— Амар, ты сердись на меня?

— Вовсе нет! — Лицо Амара сияло искренней радостью. — Ты для меня все тот же старый друг. Борьба принципов всегда была и всегда будет. Дружба здесь ни при чем.

Но Салиму хотелось оправдаться:

— Брат, закон есть закон, тут уж ничего не поделаешь. Мы попали во враждебные лагеря, что ж удивительного, если в сердце закрадется обида или даже ненависть? Сначала за тобой хотели было послать ДСП, но я воспротивился этому.

— Я тебе только признателен за это. Против меня возбуждено судебное дело?

— Да. Получены донесения о твоих выступлениях, собраны свидетельские показания. Как ты думаешь, после твоего ареста беспорядки утихнут?

— Не знаю. Если мой арест или приговор успокоит их, тем лучше. — Амаркант на минуту замолк, затем продолжал: — Крестьяне знают свои права. Они понимают, что защита этих прав требует жертв. Я исполнил свой долг, теперь дело за ними. Возможно, они восстанут и будут усмирены, а может быть, все обойдется мирно. Конечно, мой арест — большая потеря для них. Но подавление крестьянского восстания — не такая уж большая победа правительства.

Едва машина тронулась, как Мунни вдруг все поняла и, не помня себя от отчаяния, закричала:

— Лалу схватили!

В исступлении бросилась она за машиной, не переставая кричать:

— Лалу схватили!!

В сезон дождей у крестьян немного работы в поле; большую часть времени они проводят дома. Крик Мунни прозвучал, как сигнал боевой тревоги. Мгновение — и по деревне пронесся клич:

— Брата схватили!

— Схватили! — вторили женщины, выбегая из своих хижин.

Вся улица заполнилась народом, толпа лавиной хлынула к дороге. Машина петляла по дороге, люди бросились напрямик по тропинкам, в надежде все-таки задержать ее.

— Когда-нибудь надо и умирать! — крикнул на ходу Каши.

— Если хватать, так уж всех! — звенел голос Мунни. — Скорее вперед!

— Правительство обязано арестовывать воров и бандитов, а не тех, кто отдает свою жизнь ради других! — взывал Паяг. — Вот она, машина, подходит! Ну-ка, все сюда! Не отступать! Пусть они там хоть глотки надорвут!

Салим остановил машину.

— Что ж, брат, придется стрелять, — сказал он.

Амаркант схватил его руку.

— Не надо! Я сам уговорю их.

— Зря я не взял с собой двух-трех полицейских...

— Не бойся, пока я жив, тебя и пальцем не тронут.

Амаркант высунул голову из машины и обратился к толпе:

— Сестры и братья, позвольте мне уехать. Я никогда не забуду того тепла, того счастья, которое нашел среди вас. Мне, бродяге, чужаку, вы дали приют, подарили свое уважение и любовь. Я платил вам чем мог: честно служил вашим интересам. Мой долг выполнен. Если я в чем-нибудь ошибался, простите меня. А теперь прошу вас об одном: не бросайте начатого дела. Пусть наша борьба ширится — медленно, исподволь, но не умирает. Это самый большой подарок, какой вы можете мне сделать. Дорогие мои, я уезжаю, но мое благословение вечно с вами.

— Брат, мы все готовы пойти за тобой! — крикнул Каши.

Амаркант с улыбкой ответил:

— Но ведь приглашен только я, как же вы пойдете?
Никто не ответил. Амар всегда умел найти такое слово, что все были вынуждены замолчать.

В задних рядах толпы стояла Мунни, слепая от слез. Что же теперь делать? Амар принес ей свет, который рассеял мрак окружавшей ее жизни; он показал ей чудесный сон... И вот чья-то рука хочет украсть у нее этот свет. Как тогда жить, как вынести страшную, темную пустоту?..

Внезапно, задыхаясь от ярости, она закричала:

— Столько людей стоят и смотрят! А ну, высаживайте его из машины!

Толпа заволновалась; люди боязливо, будто пленники, оглядывались друг на друга. Никто не произнес ни слова.

Крики Мунни снова нарушили тишину.

— Да что вы стоите и глазеете? Люди вы или нет, есть у вас совесть? Когда полиция и войска залиют кровью район, тогда...

Амаркант выскочил из машины.

— Полно, Мунни! — остановил он молодую женщину. — Ты ведь умница, а говоришь такие вещи! Не срами ты меня!

Но Мунни, как помешанная, продолжала:

— Я — не умная, я — глупая крестьянка... Людей за несчастный клочок бумаги убивают, за одно лишь слово отнимают жизнь... Что ж мы будем стоять и смотреть, как тебя увезут? Разве ты воровал или разбойничал?

Слова Мунни взбудоражили окружающих: несколько человек бросились было к машине, но окрик Амара заставил их остановиться.

— Что вы делаете? Назад! Разве этому учил я вас? Вы хотите смешать с грязью священные идеалы? Эта война священна. Наша победа — в отречении, в жертвах, в нашей правоте.

Словно по волшебству, люди отступили, освободив дорогу. Амар сел в машину, и они снова тронулись в путь.

Слезы тоски и гнева душили Мунни, взгляд ее неотрывно следовал за машиной, которая удалялась, унося сердце бедной женщины.

Часть пятая

1

Центральная тюрьма Лакнау находилась за городом, на открытом месте. Во дворе женского отделения тюрьмы под деревом стояла Сукхда и следила за бегущими облаками. Барсат кончился. Небо еще заволакивали тучи, но они лишь изредка роняли капли дождя. Сердце жертвователя оставалось полным сострадания, но руки его уже были пусты, казна оскудела.

Когда открывались главные ворота, чтобы пропустить кого-нибудь, Сукхда подходила ближе. Ворота очень быстро закрывались, но ради одного взгляда на раскинувшийся за ними мир Сукхда часами могла простаивать под деревом. Ей словно нечем было дышать здесь за этими стенами, протянувшимися на добрую милю. Не прошло еще и двух месяцев со времени ареста, но Сукхде казалось, что на воле произошли бог знает какие перемены. Ей доставляло неизъяснимое наслаждение хоть краем глаза взглянуть через ворота на проходящих мимо путников. Никогда еще внешний мир не манил ее с такой силой. Иногда Сукхде приходило на ум, что если бы в решающий момент она сумела оправдаться, то, верно, была бы теперь на свободе. Но кто может заранее предугадать свое душевное состояние? Мысли, которые никогда раньше не приходили ей на ум, теперь постоянно тревожили ее, как бредовые желания мучают душевнобольного.

Прежде, например, она никогда не мечтала о качелях, а сейчас, будь у нее веревка, с каким наслаждением закинула бы она ее на древесный сук и качалась бы без конца. Девушки, пасшие во дворе буйволиц, шелкали вареные косточки манго. Когда-то еще в детстве Сукхде довелось попробовать такое зернышко, оно было вяжущее, неприятное на вкус и очень ей не понравилось. Но теперь, когда Сукхда увидела девушек, ей невыносимо захотелось этого незатейливого лакомства. Она почти мучительно ощущала хруст зерен, воспоминание об их своеобразном аромате заставляло ее глотать слюну. Душа молодой женщины смягчилась, подобно фруктам, которые становятся нежнее и слаще после того, как лежат некоторое время в листьях. Все ее помыслы были обращены к сыну — он стал ее утешением, целью жизни. Она готовила для него еду, играла с ним, а когда он просился к тетке или к дяде — огорчалась. Теперь молодая женщина часто вспоминала Амара. Ей мучительно хотелось прочесть письмо, которое он, конечно, написал, когда узнал об ее аресте.

Подошедшая надзирательница обратилась к ней:

— Сукхда-деви, ваш свекор пришел навестить вас. Будьте готовы. Начальник-сахиб разрешил свидание на двадцать минут.

Сукхда умыла малыша, надела на него новую ру-

башку, которую недавно сшила в тюрьме, и, взяв его на руки, вышла вслед за надзирательницей.

Помещение для свиданий находилось в центральном здании, за стенами тюрьмы. И когда они вышли из ворот и очутились на улице, Сукхду охватил невыразимый восторг, который обычно испытывает выздоравливающий, впервые вставая с постели. Она с трудом удержалась, чтобы не заплясать тут же на площади. А малыш, оказавшись на свободе, устремился в погоню за птицами.

Лала Самаркант уже поджидал их. Увидев внука, он просиял, прижал его к груди и стал осыпать поцелуями. Старик принес своему любимцу целый узелок подарков: сластей, игрушек, фруктов. Сукхда была тронута таким вниманием. Она припала к стопам свекра и расплакалась. Плакала она не потому, что чувствовала себя несчастной, просто слезы приносили облегчение, даже радость.

Благословив ее, Самаркант сказал:

— Если тебе что-нибудь понадобится, скажи надзирательнице, я с ней договорился. Она обещала каждый вечер выпускать тебя гулять с малышом. Может быть, еще что-нибудь нужно?

Сукхда только сейчас увидела, как похудел и осунулся свекор. Сердце ее захлестнула волна любви.

— Нет, мне тут хорошо, — ответила молодая женщина. — Но почему вы так похудели?

— Об этом не стоит говорить, спроси лучше, как я живу. Найна ушла, дом превратился в обитель духов. Говорят, лала Манирам ушел из отцовского дома и теперь собирается взять другую жену... Твоя матушка совершает паломничество. А волнения в городе все продолжаются: возле той окаянной земли день и ночь толпится народ. Некоторые так и спят там. Однажды на участке за ночь выросло около сотни хижин. Полиция спалила их и арестовала несколько старшин.

Сукхда обрадовалась этому известию, но не выдала своего волнения.

— Ну что они выдумывают, эти люди! — проговорила она. — Участок, наверное, хотят застроить красивыми домами.

— Да, туда уже завезли кирпич, известь и другие материалы. Но в первую же ночь все было испорчено: кирпич раскидан, известь смешана с землей. И рабочие

не идут на эту стройку — ни землекопы, ни каменщики. Ночью там дежурит полиция. А знаешь, кто теперь верховодит народом? Старуха патханка. Она творит такие дела, что все только диву даются.

Работу, с которой не сумела справиться она, Сукхда, успешно делает какая-то патханка! В глазах молодой женщины зажглись ревнивые огоньки.

— Да ведь старуха и ходить-то толком не может, что она там делает? — заметила она.

— Так-то так, однако эта старушка уже успела многим насолить. Что и говорить, сумела она забрать в руки народ!

До сих пор Сукхда никогда и ни у кого не спрашивала об Амаре, но сейчас не могла сдержаться.

— Есть ли вести из Харидвара?

Лицо лалы Самарканта потемнело.

— Как же, есть, — отозвался он. — Пришло письмо от негодяя Салима, он ведь хозяйничает в районе. Теперь он хватает там всех, он и Амара арестовал. Вот они ваши дружки! Может, теперь у вас откроются глаза? Мне-то что? Вы ведь просчитались, вам и ворочать жернова в тюрьме. Вы посвятили жизнь служению беднякам, а теперь получайте и вклад своего приятеля. Да я бы застрелил такого друга! А сын! Арестован, и даже письма не прислал. Он думает, я умер? Но старик не сдаётся — сладко ест, спокойно спит. От того, что человека считают мертвым, смерть не придет к нему. Нет, каков Амар — никому не дал знать о своей беде! Хорошо, пусть я ему враг. Но ведь Найна — не враг? Шантикумар — не враг? Если бы на расследование послали человека отсюда, Амару дали бы разряд «А» или «Б». Так нет, его схватили, как простого воришку! Ну и плачьте сами, мне-то что?!

Сукхда в волнении проговорила:

— Почему же вы не съездите туда?

Самаркант поморщился.

— А зачем? Пусть пожинает плоды своих трудов. Кстати, я слышал что-то о браке этой девушки... Сакины с мерзавцем Салимом. Пусть, пусть откроются глаза!

Сукхда ласково коснулась руки старика.

— Вы клянете своего сына, дада, но ведь он ни в чем не виноват! Если уж говорить правду, во всем виновата

я. Мог ли он, человек высокого отречения, быть счастливым с такой неженкой, как я? Вина тут даже не его, не ваша и не моя, — весь яд внесла Лакшми. В доме никогда не было места сыну, между вами всегда царил разлад. И я прониклась этим духом. Я не могла понять Амара. Что бы он ни сделал — хорошее или дурное, — дома он не находил поддержки. Его оскорбляли на каждом шагу. Конечно, никто не мог выдержать такого отношения. Здесь, в одиночестве, я много над этим думала, и теперь не стыжусь признать свою вину. Дада, прошу вас, поезжайте туда как можно скорее. Повидайтесь с чиновниками, с Салимом, сделайте все что возможно для Амара. Благородная душа Амара всегда стремилась к жертвам, а вы хотели удержать его в сетях наслаждений. Разве можно вольную птицу посадить в клетку? Когда же птица сломала клетку и улетела, я стала считать себя страдальцей, и только теперь я поняла, что, его свобода — это мое счастье.

Потрясенный Самаркант смотрел на Сукхду и не верил своим ушам. Это чистосердечное признание женщины словно оросило его иссохшую душу и заставило зазеленеть увядшую было любовь к сыну.

— Я хорошо знаю Амара, — наконец проговорил он. — Ничего у него не было с этой девушкой. Просто он в гневе наговорил лишнего. Раньше этого за ним не водилось. А я-то хорош — ничего не видел, как слепой... И все же я говорю: пусть даже это была правда, истинная правда, так неужели за это надо свернуть человеку шею? Допустим, я преклоняюсь перед распутниками. Почему же в моем собственном доме всю ответственность перед лицом «закона» и морали возложили на того, кто не побоялся восстать против меня? Если человек не связан узами любви, он впадает в разврат. Нищий потому и ходит от порога к порогу, что нигде его не кормят. Если считать это пороком, то где же добродетель всевышнего? Почему он не создал мир безгрешным? Кто-нибудь может возразить: всевышний, мол, не ставил себе такой цели. Тогда я спрошу: если все подвластно всевышнему, для чего он создал душу такой, что ее со всех сторон надо поддерживать подпорками, как разваливающуюся хижину? Это ведь все равно что приказать больному: «Выздоровлявай!» Если бы это было в его власти, зачем бы ему болеть?

Выхлестнув в этих словах всю накипь своей души, лала-джи остановился перевести дыхание. Кое-какая дрянь еще, видимо, осталась,— он и ее старался отскрести.

— Когда же вы едете? — спросила Сукхда.

Старик с готовностью ответил:

— Сейчас, отсюда же и поеду. Я слышал, расправа там идет полным ходом. Даже в газетах об этом пишут. Несколько дней назад арестовали женщину по имени Мунни, а с ней еще несколько человек. Движение охватило всю провинцию,— да какое там! — всю страну! И повсюду хватают людей.

Мальчуган между тем выбрался за дверь и, когда лала-джи окликнул его, побежал к дороге. Самаркант бросился следом. Ребенок подумал, что с ним играют, и припустился со всех ног. Далеко ли убежит трехлетний малыш? Однако тучному Самарканту не так-то легко было догнать его. Наконец он поймал внука.

Немного отдышавшись, лала-джи с глубокомысленным видом изрек:

— Вот я и думаю, что не следует особенно упираться на недостатки людей, которые каждую минуту готовы отдать жизнь во имя блага народа.

— Не говорите так, дада! — возразила Сукхда. — Поведение таких людей должно быть безупречным, иначе их служение народу будет отдавать эгоизмом и прожектерством.

Самаркант ответил так, словно проник в самую сущность вещей:

— Эгоистом называют того, кто радуется, получая что-либо, и печалится, когда не получает. Существо же, которое не радуется и не печалится, это, по-моему, не человек и не божество. Его и живым-то назвать нельзя.

Сукхда улыбнулась.

— Что же, по-вашему, в мире нет бескорыстных людей?

— Нет. Во всем должна быть личная заинтересованность. Если она низменна — это эгоизм, если высока — благодеяние. Я считаю, что служение богу — тот же эгоизм.

Время свидания истекло, надзирательница не смела его продлить. Лала Самаркант приласкал внука, благословил невестку и вышел.

После многих дней мрака впервые в душе старика забрезжил свет радости, словно сквозь толщу туч на его небосклоне проглянул лик бога луны.

2

Вернувшись после свидания к себе, Сукхда в недоумении остановилась на пороге: какая-то молодая женщина в арестантской одежде убирала камеру, а находившаяся тут же надзирательница на чем свет брала ее.

— Потаскуха! Ты и метлы-то держать не умеешь! — Надзирательница пнула арестантку ногой. — Зачем пылишь? Мети аккуратнее.

Арестантка отшвырнула метлу; лицо ее горело.

— Я здесь не для того, чтобы кому-то прислуживать.

— Скажите, какая рани объявилась!

— Да, рани. Прислуживать — не мое дело.

— Ты будешь подметать или нет?

— Попросишь по-хорошему — я подмету двор твоего метельщика, а побоями да угрозами ты меня и царский двор не заставишь мести.

— Возьмешь метлу?

— Нет.

Надсмотрщица ухватила женщину за волосы, выволокла ее за дверь и осыпала градом пощечин.

— Идем, идем к начальнику-сахибу! — кричала она.

— Хорошо, идем, — не сдавалась арестантка, — я и ему повторю то же: я здесь не для того, чтобы терпеть побои и ругань.

Это, видимо, была та самая служанка, которой так долго добивалась у тюремного начальства Сукхда. Но отвратительная сцена взволновала молодую женщину. После этого происшествия ей особенно неприятна стала мрачная камера.

Арестантка, взглянув на Сукхду полными слез глазами, проговорила:

— Деви, будь свидетельницей, — ты видела, как избивала меня надзирательница.

Сукхда шагнула вперед, отстранила надзирательницу и, схватив арестантку за руку, увлекла ее в камеру.

— Изволь каждое утро являться сюда и делать то, что тебе прикажут, иначе отвоедаешь палки! — с угрозой бросила вслед своей жертве надзирательница.

Арестантка затряслась от ярости.

— Я тебе не служанка, я не буду делать эту работу! — крикнула она. — Я здесь не для того, чтобы прислуживать какой-нибудь рани-махарани. В тюрьме — все равны!

Сукхда поняла, что ее новая знакомая не лишена чувства собственного достоинства; ей стало неловко.

— Здесь нет никаких рани-махарани, сестра, — сказала Сукхда, — просто мне тяжело все время быть одной, поэтому я и попросила привести тебя. Мы будем жить вместе, как сестры. Как тебя зовут?

Суровое лицо арестантки просветлело.

— Я — Мунни, — отвечала она. — Меня привезли из Харидвара.

Сукхда вздрогнула: ведь это имя упоминал и лала Самаркант.

— Что ты сделала? Почему тебя арестовали?

— Да что я могла сделать? Нынче цены на хлеб упали больше чем вдвое, а правительство не хочет уменьшать налог. Дали льготу только четыре аны, а чем нам платить? Мы обратились с жалобой, ну и пошло; людей хватают направо и налево.

Сукхда не раз видела Мунни в суде, но с тех пор она очень изменилась.

— Ты, наверное, знаешь бабу Амарканта? — спросила Сукхда, — он, кажется, арестован по тому же делу?

Мунни встрепенулась.

— Как же мне его не знать, — ведь он жил у нас в доме! А ты его знаешь? Он был нашим вождем.

Сукхда поспешила объяснить:

— Ведь я — из Каши, мы жили на одной улице. Ты — брахманка?

— Была из касты тхакуров, но теперь я — ничто: я потеряла и свою касту, и сына, и мужа...

— А бабу Амар вспоминал когда-нибудь о своей семье?

— Никогда. Он и не ездил к ним ни разу, и писем не писал.

Сукхда, искоса взглянув на собеседницу, снова спросила:

— Но я слыхала, бабу-джи — человек увлекающийся: не залучил ли он у вас там кого-нибудь в свои сети?

Мунни сразу насторожилась.

— Что ты, сестра! Нет, нет! Он и глаз не поднял ни на одну красавицу, и не улыбнулся никому ни разу. Кто его знает, из-за чего он рассердился на жену? Ты, наверное, слыхала об этом?

Сукхда усмехнулась.

— Да разве только рассердился? Он оставил жену, тайком бежал из дома. Бедная женщина осталась одна. Уж, верно, он там, у вас, влюбился в кого-нибудь!

Мунни махнула рукой.

— Где-где, а уж в деревне такой вещи не утаишь! — убежденно сказала она. — Случалось, я к нему раза по четыре в день заглядывала, — он и головы не поднимал. Да разве в деревне найдется девушка, достойная его? У нас ни грамотности, ни обхождения — ничего нет!

Сукхда снова попыталась продолжить разговор:

— Разве мужчинам нужно воспитание или образование? Они заглядываются на краски и формы, а тут тебя всевышний не обидел, ведь ты молода.

Мунни с досадой отвернулась.

— Ты смеешься надо мной, сестра! С чего бы ему на меня заглядываться? Я и в подметки ему не гожусь... Но ты-то кто, сестра? Как ты попала сюда?

— Так же, как и ты.

— Разве и здесь были волнения?

— Да, были, такие же, как и у вас.

Мунни была поражена. Вот как, даже образованных женщин сажают в тюрьмы?.. Кажется, уж им-то не о чем горевать!

— Твой муж, верно, тоже осужден? — с опаской спросила она.

— Да, вместе со мной.

Мунни, подняв глаза к потолку, благословила свою новую знакомую:

— Да ниспошлет всевышний свершение твоим замыслам, сестра! Если уж рани, возлежавшие раньше на подушках, стали подвижниками, всевышний быстро услышит их. Сколько тебе присудили? Мне — шесть месяцев.

Сукхда назвала срок своего заключения, затем спросила:

— С вашей областью, кажется, круто расправились. Как думаешь, людей усмирят насилием?

Мунни ответила, словно прося прощение:

— При мне-то они кричали, что пусть их всех перевешают, но больше половины налога они не уплатят. Но, подумай, долго ли можно держаться, если сборщики начнут отнимать быков и волов, если в дома станут врываться солдаты, а на мужчин посыплются пули, обрушатся палки? Чтобы меня-то схватить, и то прислали чуть ли не целую армию! Человек пятьдесят прибыло, не меньше. Еще немного — и запели бы пули, ведь сбежались тысячи людей. Уж как я их убеждала: «Братья, ступайте по домам, дайте мне уехать». Какое! Они и слушать не желали. Кое-как их уговорила, взяла с них клятву, что все будет спокойно, и люди разошлись, не то человек пять — десять уж верно полегли бы. Спит, что ли, всевышний? Кругом такая несправедливость, а он молчит! Бедняки прикрывают тело рубищем, шесть месяцев в году питаются одной травой, а правительство сидит у них на шее. Для услаждения плоти начальникам нужны виллы, автомобили, деликатные кушанья, прогулки и развлечения! Что же остается бедняку? Каждый готов пить нашу кровь. Мы не хотим копить деньги, мы не требуем роскоши и наслаждений, нам нужен лишь хлеб — набить брюхо, да одежда — прикрыть наготу. Оставь то, что необходимо для еды и одежды, то, что требуется для хозяйства, а остальное — бери. Да кто услышит бедняков?

Сукхда поразились: сколько сердечности, горячего чувства, разума в речах этой крестьянки! Ее восторженные слова о служении и отречении Амарканта были подобны целебному источнику, который омыл душу Сукхды, вынес из нее весь мусор, очистил ее. Душа молодой женщины озарилась ярким светом, рассеявшим все тревоги и сомнения. И тут ей представился Амар в тюремной одежде — коротких штанах и шапке, с нестриженными волосами, грязным лицом, — мелющий зерно на ручной мельнице вместе с другими арестантами. Сукхда задрожала от ужаса. Никогда еще ее сердце не охватывала такая нежность.

Вошла надзирательница.

— Теперь у вас есть служанка, — сказала она. — Заставьте ее работать, как следует.

Сукхда тихо возразила:

— Теперь мне не нужна служанка, мэм-сахиб. И жить здесь я тоже больше не хочу. Переведите меня туда, где живут простые арестантки.

Надзирательница была англо-индианка, приземистая, широколицая, с маленькими глазками. Придерживаясь европейской моды, она стригла волосы и носила короткие — до колен — платья.

— Что вы говорите, Сукхда-деви? — с удивлением спросила она. — Теперь у вас есть служанка. Если вам понадобится еще что-нибудь, скажите мне, я передам начальнику тюрьмы.

— Благодарю вас за любезность, — с мягкой настойчивостью ответила Сукхда. — Но я больше не желаю пользоваться льготами. Я хочу, чтобы со мной обращались так же, как с обыкновенными заключенными.

— Вы там будете жить с низкими женщинами, есть вместе с ними...

— Этого-то я и хочу.

— Вам придется работать: наверное, дадут мельницу...

— Не беда!

— Свидания разрешат раз в три месяца...

— Знаю.

Надзирательница получила от лалы Самарканта личную мзду и рассчитывала на новые подношения. Поэтому ее сильно огорчило, что добыча ускользала у нее из рук. Она долго старалась переубедить Сукхду, но, потерпев поражение, в досаде удалилась.

— О чем это вы спорили с мэм-сахиб? — спросила Мунни.

Сукхда ласково взглянула на нее.

— Теперь меня переведут в твою камеру. Мы с тобой будем вместе.

Мунни в ужасе прижала руки к груди.

— Что ты говоришь, сестра? Ты не сможешь там жить!

Сукхда, просветлев лицом, сказала:

— Там, где живешь ты, смогу жить и я.

Через час Сукхда и Мунни покинули камеру. Душа Сукхды трепетала от надежды и страха, как у ученика, который выдержал экзамены и перешел в следующий класс.

Горный район был оцеплен полицией. Тут и там круглые сутки сновали верховые — полицейские и чиновники. Жители не смели собираться группами более пяти человек, вечером, после восьми часов, выходить из дому запрещалось, без разрешения полиции нельзя было принимать на постой путников. Одним словом — правительство ввело здесь военное положение. А сколько домов сожгли! Целые семьи, оставшись без крова, словно кочевники ютились под деревьями. Школа тоже была сожжена, и ее обуглившиеся стены вопили, словно горестная вдова, распустившая волосы. Свами Атмананд все еще был здесь, довольствуясь вместо крова бамбуковым зонтиком. Едва лишь наступало затишье, к нему отовсюду пробирались крестьяне. Сходились человек по пятнадцать — двадцать, но стоило показаться верховым, и люди мгновенно рассыпались кто куда.

Однажды возле школы остановился путник с узелком за спиной. Это был лала Самаркант. Свами-джи бросился к нему навстречу, принял от него узелок и побежал, надеясь раздобыть где-нибудь кровать. Мгновенно по деревне пронеслась весть: «Пришел отец учителя! Старик, но еще крепок. По виду — сетх-ростовщик». Немедленно вокруг лалы-джи собралась толпа. На многих виднелись следы побоев: у кого была перевязана рука, у кого — голова, кто — хромота. Наступил вечер, и полиция, наведя порядок с помощью палок, отдыхала. Бедняги с ног сбились, рыская дни и ночи по району.

Подоспел и Гудар, тяжело опирающийся на палку. Почтительно поклонившись гостю, он заговорил:

— Вы, верно, получили вести о брате Амаре? Нынче полиция совсем взяла нас за горло. Начальник велит платить двенадцать ан за рупию, а где мы их возьмем? Многие бежали, бросили деревню. А тем, кто остался, сами видите, как приходится. Невестку Мунни забрали в тюрьму. В тяжелое время вы нас посетили. Нам и угостить-то вас нечем...

Лала Самаркант присел на каменное возвышение у школы, обхватил голову руками и углубился в раздумья: «Что сделать? Как помочь этим горемыкам?» Пламя гнева бушевало в его душе, рвалось из каждой поры.

— Здесь поблизости есть какой-нибудь чиновник? — спросил он.

— Есть, и не один, — отозвался Гудар. — Их тут человек двадцать пять. А самый большой начальник — тот самый господин, друг брата Амара.

— Почему же вы не спросите этих мерзавцев, как смеют они изыскать людей? Разве это законно?

Гудар, показывая в сторону хижины Салони, сказал:

— Говорили, все говорили, да кто нас послушает? Тут живет одна старая женщина — Салони, так Салим-сахиб своими руками избил ее хлыстом. Даже полицейские изумились такой бессердечности. Салони приходится мне невесткой. Она плюнула Салиму-сахибу в лицо... Конечно, этого не стоило делать, да уж, видно, обезумела старуха. Салим-сахиб вспылил и так ее отделал, страшно глядеть! Один всевышний ее и спас. Ну, да и ею, видно, бес овладел: на каждый удар она отвечала ругательством. Только тогда и замолчала, когда совсем потеряла сознание. Брат Амар ее любил, звал бабушкой. Откуда бы он ни пришел, первым долгом бежал к бабушке. Если бы она могла подняться, уж непременно притащилась бы.

— Хватит, довольно болтать! — сердито прервал старосту Атмананд. — Всего сразу не перескажешь. Велика принести воды, пусть лала-джи вымоет руки и ноги, а потом устроим его отдохнуть, — ведь он устал... О, глядите-ка, Салони тоже прослышала о госте! Вон она плетется, опираясь на клюку.

Действительно, к ним, с трудом переступая, приближалась Салони.

— Эх, деверек! — проговорила она, подойдя. — Пришел бы ты в месяц саван, — мы бы с тобой на качелях покачались, а ты пришел в катик!¹ Счастливый ты — с таким сыном горе-печаль нипочем! Уж как я тебе рада, деверек! Увидала тебя — все беды свои забыла.

Самаркант с трудом заставлял себя глядеть на Салони. Все тело несчастной старухи опухло, сари пестрело бурыми пятнами крови, лицо отекло. Обрушиться с такой яростью на полумертвое существо! Что ж, этому под-

¹ Катик — восьмой месяц индийского календаря (соответствует октябрю — ноябрю).

лецу все можно: он — большой человек. Глаза старика налились кровью, сердце жаждало мщения. Но бессильный гнев может только взывать к богу. Ты, владыка человеческих душ, ты — вездесущий и всемогущий, ты — защита и надежда бедняков — где же ты? На твоих глазах творятся беззакония, а ты молчишь?! Нет создателя у этого мира! Если бы творцом его был всемилостивый бог, он не допустил бы такого злодеяния. О всемогущий! Почему ты не вселишься в сердца людей-извергов? Или доступ туда закрыт для тебя? Говорят, что все несчастья людей — игра всевышнего. Хороша игра! Если ты находишь в ней наслаждение, то ты хуже зверя! Если же ты не ведаешь о ней, почему тебя зовут вездесущим?

Самаркант был человеком религиозным: он знал священные книги, постоянно читал «Бхагавадгиту»¹. Но сегодня — каким лицемерием и ложью повеяло на него от всех этих духовных рассуждений!

— Салим сейчас в центре? — спросил лала-джи, вставая.

— Теперь их гнездо здесь, в гостинице, — ответил Атмананд.

— Мне надо повидаться с Салимом.

— Стоит ли? Он сейчас вне себя от гнева, еще нарветесь на оскорбление.

— Я хочу сам убедиться, где предел человеческой низости.

— Тогда пойдемте вместе.

Гудар всподошился.

— Нет, нет, ты не ходи, Свами-джи! Брат — аскет, воплощение сострадания, — пояснил он Самарканту, — но в гневе горяч, как сам святой Дурвасас. Когда начальник-сахиб избивал Салони, четыре парня держали этого шалого, иначе убил бы он вашего Салима, не поглядел бы и на виселицу. А в жизни — душа-человек, всех наших раненых перевязал, обо всех позаботился.

Салони ухватила лалу-джи за руки.

— Я пойду с тобой, деверек! Увидишь, какого перцу задаст ему старуха! «Ты — убийца, — скажу я ему, — но у нас есть защитник посильнее тебя. Его воля правит миром, а ты — что ты можешь сделать?»

¹ «Бхагавадгита» — философская глава «Махабхараты».

Безграничная вера бедной крестьянки до слез растрогала Самарканта. «Насколько эти простые люди лучше меня, — подумал он. — Терпят такую муку и еще верят в тебя, всевышний!»

— Нет, нет, невестка, я пойду один, — сказал он. — Только скажу ему несколько слов и тут же вернусь к вам.

Салони ухватила было за свою клюку, но Самаркант уже двинулся в путь. Мальчики — Теджа и Дурджан — побежали вперед, показывая дорогу в гостиницу.

— Дада, когда Амар был маленьким, он, верно, был озорник? — спросил Теджа.

Самаркант, не поняв к чему клонит мальчик, ответил:

— Нет, он и в детстве был хорошим.

Дурджан захлопал в ладоши и закричал:

— Проиграл, проиграл! Теджа проиграл! Дада, мы с ним тут поспорили. Он болтает, что те, которые в детстве озорничают, когда вырастут, становятся хорошими. А я говорю, что тот, кто в детстве был хорошим, так хорошим и остается. Если чего нет в человеке, откуда оно возьмется потом?

Но сомнения Теджи не рассеялись.

— У ребенка ума нет, откуда же он берется у юноши? У ростка только два листика, а вот, гляди, вырастают пушистые ветки. Это еще что! Я могу привести много примеров, когда мальчишки-шалопаи потом стали известными людьми, махатмами.

Лала Самаркант с удовольствием прислушивался к ребячьему спору. Оставаясь нейтральным, он незаметно помогал то той, то другой стороне.

В одном месте туфли лалы-джи увязли в грязи. Мальчики засмеялись, и старик присоединился к ним.

Вдали замаячили фигуры пяти всадников. Теджа поднял камень и швырнул его в приближающуюся группу. Камень сбил тюрбан с первого всадника; тот сошел с лошади, чтобы поднять тюрбан, остальные всадники устремились к Самарканту. Мгновение — и Теджа оказался на дереве; два верховых бросились за ним, осыпая мальчика ругательствами. Остальные подскочили к Самарканту, один уже поднял было хлыст, но вдруг остановился:

— Это вы, сетх-джи? — растерянно проговорил он. — Каким образом вы сюда попали?

Во всаднике с хлыстом Самаркант узнал Салима.

— Что же ты остановился? — сказал лала-джи. — Бей! Когда еще представится такая блестящая возможность показать свою исполнительность? Без хлыста какой из тебя начальник!

Салим был окончательно пристыжен.

— Сами видите, какие безобразники эти мальчишки, а еще вините меня! Подумайте, он камнем сбил тюрбан с дороги-джи! Хорошо еще, что в глаз не попал.

Гнев заставил Самарканта забыть о приличиях.

— Конечно! — возмутился он. — Если несмышлениш мальчишка швырнул камень, почему бы начальнику-сахибу, этому воплощению премудрости, не избить его хлыстом? Вели своим людям залезть на дерево и стряхнуть оттуда ребенка — пусть падает. Если он и разобьется насмерть — невелика беда, он будет наказан за неуважение к начальству.

— Вы только что прибыли сюда, вы не знаете, какой здесь скверный народ! — оправдывался Салим. — Одна старуха плюнула мне в лицо. Счастье, что я сдержался, не то вся деревня была бы в тюрьме.

Но Самаркант не желал сдаваться.

— Вот я и пришел, чтобы полюбоваться на твою сдержанность, сынок. Лучше бы ты не заводил этого разговора. С кем связался? С темной, невежественной женщиной — ты, образованный, культурный человек! Герой, прямо герой! У старухи на теле живого места нет, думали, — и не встанет она. А у скольких людей переломаны кости? Радуйся — все благословляют твое имя. Если вы не могли взыскать с них деньги — гнали бы с земли, конфисковали бы урожай. Но истязать людей! Где это ты вычитал такой закон?

— Гнать их с земли нет смысла: кому нужна здешняя земля? В конце концов должно же государство взыскивать налоги?!

— Тогда правильно, избивайте всю деревню, посмотрите, много ли удастся собрать. Да, не ожидал я от вас такого! Видно, правительство совсем ума лишилось!

— Вы еще не знаете, на что способны эти люди, лала-джи! Пойдемте ко мне, я вам расскажу всю историю. Но откуда вы здесь?

Самаркант рассказал, как побывал у Сукхды и затронул интересующую его тему.

— Амаркант, наверное, здесь. Я слышал, его содержат как арестанта третьей категории.

Стало совсем темно, к тому же похолодало. Четверо верховых усаkali в сторону деревни, Салим же, ведя лошадь в поводу, шел вместе с Самаркантом по направлению к гостинице.

Немного помолчав, Самаркант продолжал:

— Что и говорить, ты душевно обошелся с другом — упрятал его в тюрьму. По крайней мере определил бы ему приличную категорию. Хотя ты — начальник, тебе, верно, неловко оказывать покровительство другу.

Салим в отчаянии прервал его:

— Вы, лала-джи, все грехи на меня валите. Я определил Амара во вторую категорию, не моя вина, что он сам захотел жить вместе с рядовыми заключенными. И что я за несчастный: стоило мне сюда приехать, как пришлось ввязаться в такое дело, к которому никогда в жизни душа не лежала!

Наконец добрались до гостиницы. Лала-джи расположился в шезлонге и тяжело вздохнул.

— Значит, я зря тащился сюда: если уж он сам пожелал попасть в третью категорию, ничего не поделаешь. Но повидаться-то с ним можно?

— Я пойду вместе с вами, — с готовностью предложил Салим. — Время свидания еще не подошло, но, думаю, тюремное начальство разрешит. Ведь Амаркант сам не пожелал пользоваться льготами.

Затем, слегка улыбнувшись, Салим заметил:

— Однако, я смотрю, вы тоже теперь принимаете участие в этих делах.

— Куда мне, старику! — с мягкой усмешкой отозвался лала-джи. — Разве в старом сердце зажжется пыл молодости? Невестка — в тюрьме, сын — в тюрьме, скоро, верно, и дочь пойдет туда же. А я вот живу в довольстве, ем, пью, спокойно сплю... Дети искупают мои грехи! Как вспомню, сколько домов я разорил, у скольких бедняков высосал кровь, — самому страшно становится. Если бы я понял все это в молодости, было бы время исправиться, а сейчас уже поздно... Отец — наставник своих детей, они идут по его стопам, а мои дети опередили меня. Я не понимал сущности веры, принимал за

веру злую насмешку — вот самая большая ошибка моей жизни. Думается мне, мир утратил прежний свой облик. До тех пор, пока мы будем заниматься стяжательством, гнаться за имуществом, — мы будем по-прежнему далеки от веры. Не понимаю, почему всевышний направил человечество по этому пути? Надо освободить мир от ослепления собственностью, тогда лишь человек станет человеком и навсегда избавится от грехов.

Салима не увлекали разговоры о высоких материях. «Что ж, если жизнь подарит мне достаточно наслаждений, на старости лет я, возможно, стану философом», — думал он. Некоторое время длилось молчание, затем снова заговорил лала-джи. Голос его был исполнен любви и прощения.

— Когда человек становится слугой, он должен исполнять приказания хозяина. Ничего дурного я тут не вижу. Но кое-что я тебе все-таки должен сказать. Пойди и осуши слезы несчастных, над которыми ты творил насилия. Тебе легко будет покорить их, отыщи лишь в своем сердце крупицу человечности. Политики правительства ты не изменишь, но не поднимать на людей руку — это уж в твоей власти.

Салим неловко оправдывался:

— Моя необузданность была вызвана дерзостью этих людей. Поверьте, меньше всего мне хотелось прибегать к насилиям. И потом — на меня возложена такая ответственность! Если налог не будет уплачен, — кончена моя карьера.

Самаркант, кипя возмущением, подхватил:

— Так, сынок, так! Налог не будет уплачен, можешь обогреть руки в крови!

— Посмотрим еще, что будет.

— Что ж, посмотри. А я уже так насмотрелся на этот мир, что волосы поседели. Раньше наши крестьяне дрожали при одном виде чиновника, но времена меняются. Люди стали дорожить честью, разучились терпеть обиды. Так что зря ты себя опозорил, сынок.

— Я выполнял свой долг, при чем тут позор?!

Самарканту была смешна эта вспышка чиновничьей гордости.

— Если требование долга сочетать с добротой, это никому не повредит, а лишь поможет легче достигнуть

цели, — с улыбкой сказал он. — Эти горемыки крестьяне так несчастны, что твое искреннее сочувствие сделает их твоими рабами. Они всегда терпели от правительства и теперь жаждут доброго человеческого обращения. Стоит тебе назвать матушкой ту женщину, которую ты избил хлыстом, и она душу за тебя отдаст. Не считай, что ты призван управлять народом, думай лучше, что ты должен ему служить. Ты вот получаешь жалованье от правительства, но идет-то оно из узлов тех же крестьян. Если, по-твоему, кто-нибудь действует неправильно, вразуми его. Ты, по милости всевышнего, человек образованный, не мне тебя учить, но только ты взял на себя работу полиции. Верно я сказал?

Но разве Салим мог признать правоту старого сетха? Он молчал.

Самарканд, однако, решил довести до конца начатый разговор.

— Ты вел себя неверно. Ты вот не хочешь принимать подношений, а ваша разбойничья полиция должна бы тебя наградить. Но по лицу твоему я вижу, что все эти насилия тебе не по душе. Так вот, слушай. Я совсем не желаю, чтобы вам заплатили хотя бы пайсу сверх восьми ан за рупию, но если вы будете действовать добром, то сумеете собрать и излишки. С тех, кто умирает с голоду, ходит в отрепьях, спит на соломе, взыскивать насильно хоть пайсу — величайшая несправедливость. Если мы с тобой, поработав часа три-четыре, хотим спокойно отдохнуть, приобрести какое-то имущество, купить приглянувшуюся вещь, то разве справедливо, что люди, которые работают по восемнадцать часов в день, лишены хлеба и одежды? Они нищи, бессловесны, они не умеют по-настоящему постоять за себя, поэтому ими помыкают все — и малые и большие. Но если ты, сердечный, образованный человек, уподобляешься в своих поступках рядовым полицейским, печальнее ничего не может быть. Пойдем завтра вместе в деревню, только не бери с собой больше никого. Ручаюсь, тебя там никто не оскорбит. Залечи их душевные раны, и, поверь мне, бедняки до самой смерти будут помнить твое имя. На свете нет ничего сильнее доброго слова.

Сердце Салима еще не настолько огрубело, чтобы речь гостя не подействовала на него.

— Но ведь вам вначале придется говорить от моего имени, — в смущении сказал он.

— Да, да, я скажу все что надо. Только смотри не берись за хлыст, когда я уйду в город.

— Не вспоминайте вы больше о хлысте!

— Но почему же ты не предложишь объяснить истинное положение крестьян! Ведь ты не должен быть слепым исполнителем. Прежде всего прими решение не совершать несправедливости. Почему бы тебе не написать подробный доклад? Возможно, правительству это не понравится, но ради справедливости можно пойти и на неприятности.

Салим нашел этот совет вполне разумным. Острие боевого копья вонзилось в землю.

— Благодарю вас за мудрое наставление, я постараюсь последовать ему, — сказал Салим.

Подошло время ужина.

— Что для вас приготовить? — спросил Салим.

— Да что хочешь. Только не забудь, что я — индус, человек старого закала, я все еще придерживаюсь обычая неприкасаемости.

— Вы считаете неприкасаемость хорошим обычаем?

— Хорошим ли? Пожалуй, нет. Но я соблюдаю его.

— Почему же?

— Потому что бороться с обычаями трудно. Надо будет — я не побрезгую убрать за тобой нечистоты, но есть с тобой из одной миски не смогу.

— Но сейчас вам придется кушать вместе со мной.

— Вы употребляете в пищу лук, мясо, яйца. Я не могу есть из той же посуды.

— Это как вам угодно. Но вам придется сидеть вместе со мной. Правда, я каждый день моюсь с мылом.

— Вели лучше вымыть посуду.

— Ужин вам будет готовить индус, но уж сидеть придется вместе.

— Хорошо, буду есть! Я люблю молоко и топленое масло.

Сетх-джи совершил вечернюю молитву, затем принялся за свою священную книгу. Тем временем констебль-индус под присмотром Салима испек пышки, пирожки, сварил на молоке рисовую кашу, приготовил сладости. Кислое молоко было уже готово. Салим решил сегодня довольствоваться теми же яствами. Когда

‘лала-джи, покончив с молитвой, вернулся, в комнате были постелены два одеяла и на них стояло два подноса.

— Ну как же ты хорошо все устроил! — обрадовался старый сетх.

Салим рассмеялся.

— Я подумал, что не стоит покушаться на вашу веру. Если бы не это соображение, я постелил бы одно одеяло.

— Это ты из-за меня? Тогда переходи-ка на мое одеяло. Или нет, — я сам перейду к тебе.

И, захватив свой поднос, лала-джи перебрался на одеяло Салима. Ему казалось, что он совершает самоотверженный поступок. Пожертвуй он всем своим достоянием, и тогда сердце его не исполнилось бы такой гордостью!

— Теперь вы мусульманин! — пошутил Салим.

— Нет, я не мусульманин. Это ты стал индусом.

4

Утром Самаркант и Салим отправились в деревню. Горы окутывала голубая дымка, придававшая взору зари какую-то неизъяснимую печаль. Кругом царил тишина. Земля, как больной, дрожала от холода под влажным покровом тумана. Тут и там на крышах домов, словно обезьяны, гнездились люди — латали дыры в кровле; кое-где женщины лепили кизяк.

Путники подошли к хижине Салони. Бедняжку трепала лихорадка, все тело ее ныло, как нарыв, но упорство и тут не покидало ее. Старуха пела:

О святой! Узрев сей мир, ты с ума сойдешь.
Умереть хочу, поверь: в мире только ложь.
О святой...¹

Когда боль становится невыносимой и нет от нее защиты, когда скорбящая душа не может укрыться в убежище рыданий и стенаний, она ищет утешения в песне.

Самаркант позвал:

— Невестка, выйди к нам на минутку!

¹ Стихи народного поэта средневековой Индии Кабира (1440—1518).

Салони торопливо встала, прикрыла седую голову анчалом и, застыдившись, будто молодая, вышла.

— Ты откуда, деверек? — спросила она.

Но тут взгляд Салони остановился на Салиме. Она мгновенно отпрянула назад и сказала, словно плюнула:

— Да ведь это начальник!

Она, словно львица, ринулась вперед и ударила Салима так, что он зашатался. Самаркант бросился к старухе, но она уже вцепилась в горло своего недруга. Самарканту с трудом удалось оторвать ее от Салима.

— Что ты, невестка! С ума ты, что ли, сошла? — уговаривал ее старый сетх. — Отойди! Слышишь?

Салони с угрюмой яростью устремила свои опухшие, горящие глаза на Салима.

— Все равно я тебя убью! — прохрипела она. — Теперь у меня есть защитник, он тебе не спустит!

Самаркант укоризненно произнес:

— Позоришь ты своего защитника, вот что! Старая стала, помирать уж пора, а у тебя дурь из головы не вышла! Где это ты видела, чтобы так оскорбляли начальника?

«Этот лала, видно, подлизывается к начальнику, — подумала Салони. — Ведь в его руках сын лалы». Губы ее упрямо сжались.

— Спроси своего начальника, разве не он избивал нас всех? — бросила она.

Лала Самаркант гневно ответил:

— А что бы ты сделала, если бы сама была на его месте и крестьяне, увидев тебя, схватились бы за палки? Если люди лезут в драку, начальство, по-твоему, кланяться им должно? Будь тут Амар, уж он не взял бы в руки палки! Крестьяне должны были подойти к начальнику и тихо, мирно рассказать ему о своем положении, изложить жалобы и просьбы, а не махать кулаками, словно сахиб — ваш враг. Я уговорил его прийти сюда, обещал, что помирю вас, но я ждал, что мир получится искренний, от сердца, а ты, видно, хочешь воевать.

На шум стали сбегаться крестьяне. С Салимом никто не здоровался, лица были угрюмы.

Самаркант обратился к пришедшим:

— Подумайте сами, люди. Этот сахиб поставлен над вами правительством. Его гнев вызвала ваша грубость.

Этот бедняга вовсе не считает себя начальником, но ведь честь-то имеет всякий человек, кто бы он ни был. Ни один человек не потерпит бесчестья. Верно я говорю, Гудар?

Староста, опустив голову, ответил:

— Ваша правда, хузур. Вы не смотрите на Салони, у нее ведь не все дома. Не судите ее. Она только и может, что поносить других.

— Этот сахиб в моем доме был как сын, — продолжал Самаркант. — Они с Амаром вместе учились, вместе играли. Вы сами видели: он один приехал арестовать Амара. А почему? Разве не мог он дать распоряжение полицейским? Те, конечно, не стали бы стесняться, избили бы его, связали... А он был настолько чуток, что приехал сам, без полицейских. И Амар вел себя согласно своим убеждениям. Вы же, все вместе, посягнули на честь человека, который доверился вам и приехал один, без охраны. Разве это подвиг? То, что произошло между вами, очень опечалило сахиба. Но доля вины ложится и на вас, поэтому сейчас вы должны забыть о прошлом. Сахиб больше не поднимет на вас руку. Если правительство даст ему распоряжение продать с аукциона ваше имущество — он продаст, прикажет арестовать вас — он арестует. Вы не должны осуждать его за это. Вы ведете борьбу за справедливость, но это не должен быть бунт, — это святое дело, подвижничество. Гнев и ненависть убивают справедливость.

— Но защита справедливости не должна быть односторонней, — вмешался Свами Атмананд. — Правительство создает законы и должно защищать их. Если же чиновники попирают эти законы, может ли народ стоять за них?

— Вы — аскет, Свами-джи, не вам бы говорить такое! — напустился на него лала-джи. — Ваше дело — на собственном примере учить правителей справедливости. Если бы справедливость торжествовала, кому нужно было бы ваше отречение? Неправду можно поразить только правдой!

Свами-джи был пристыжен.

Измученное сердце Салони жаждало убежища, словно птица, выпорхнувшая из клетки. Слова лалы Самарканта, полные человеколюбия и добрых побужде-

ний, манили ее, как зерно — птицу. И бедняжка-птица, тревожно оглядевшись вокруг, уставилась на соблазнительную приманку. Потом она услышала зов своего защитника, раскинула крылья и доверчиво опустилась к зернам.

Салони со слезами на глазах приблизилась к Салиму.

— Я очень виновата, саркар¹, — проговорила она. — Простите меня... Ударьте меня туфлей...

Лала-джи шепнул:

— Называй его не «саркар», а «сын».

— Сын, я совершила большую ошибку. Простите неразумную, сумасшедшую старуху. Накажите меня, я этого стою...

На глазах Салима тоже показались слезы. Позабыв о своей начальнической гордости, он сказал:

— Матушка, не умножайте моего стыда. Я прошу прощения за свою вину у вас, у всех, кто здесь находится, и у тех, кого нет.

— Мы — твои рабы, брат, — сказал Гудар. — Ведь мы — глупцы: если бы сумели сразу понять человека, разве получилось бы такое?

— Как бы он не надул нас! — шепнул на ухо Самарканту Свами-джи.

— Будьте спокойны, — ответил лала-джи. — Служебный долг свой он, конечно, будет выполнять, но истязания не повторятся. Поверьте мне, он — человек порядочный.

— Так что же, нам придется полностью выплатить налог?

— Если у вас нет денег, где вы их возьмете?

Свами-джи отошел, на смену ему явился Салим и тоже принялся что-то нашептывать старому сетху.

Лала-джи с улыбкой обратился к крестьянам:

— Сахиб жертвует вам на лекарства сто рупий. Я, со своей стороны, добавлю еще девятьсот. Свами-джи, прошу вас, сходите в гостиницу и возьмите в моем узелке деньги.

Гудар, совершенно потрясенный, благодарно прошептал:

— Брат...

¹ С а р к а р — господин (обращение).

Говорить дальше он не мог.

Самаркант поспешно добавил:

— Не считайте, что я жертвую вам свои деньги. Они достались мне не из отцовского наследства. Эти деньги — ваши: когда-то я отнял их у вас, наступив вам на горло, теперь же я только возвращаю долг.

Черную мглу, окутавшую деревню, прорезал солнечный луч. Сам ветер словно зазвенел музыкой.

5

Амаркант, находясь в тюрьме, так или иначе ухитрялся получать известия с воли. Когда до него дошла весть об избиениях и поджогах, гневу его не было границ; и подобно тому как огонь оставляет за собой лишь пепел, гнев этот вскоре сменился отчаянием. Скорбные вопли крестьян словно обрели вещественное воплощение: перед глазами Амара непрерывно металась какие-то тени и в немом неистовстве били себя в грудь; пламя далеких пожаров жгло его. Зрелище было ужасным, Амару казалось, что наступило время всеобщей гибели. Но кто же повинен во всем этом? Налог, конечно, не перестанут взysкивать, но только бы без насилий, только бы дали хоть какую-то льготу! После этих беспорядков правительство уже не проявит снисхождения. Но ведь ни один крестьянин не виноват в том, что не может уплатить налога. Кто знал, что обрушится такая беда — застой на рынке? Допустим, ураган унес ссоломённые кровли, не станут же за это наказывать людей! Что пользы в таком правлении? Какова его цель?

Окончательно обессилев от размышлений, Амаркант в отчаянии закрыл руками лицо. Насилия продолжаютcя. Что ж, хорошо. Но что я сделаю? Что я вообще могу сделать? Кто я? Для чего я живу? До тех пор пока слабым суждено получать пинки, они их будут получать. Я — в тюрьме. Разве я нежусь здесь на ложе из цветов? Если человеческие существа стремятся стать скотами, что я могу поделаться? Остается сказать: будь что будет. И это игра всевышнего! Твоя игра, всемилостивый! Если она тебя забавляет, в чем же твое милосердие? Дубина насилия над головой — это ли твой закон?

Всегда, когда Амаркант останавливался перед неразрешимой проблемой, душа его устремлялась к атеизму. В такие минуты весь мир казался ему нелепым нагромождением случайностей. Он работал — вил веревку, а перед его внутренним взором одно видение сменялось другим. Вот Салони — полуголая, с распушенными космами седых волос; ее избивают. Амар слышит ее душераздирающие вопли... Вот Мунни; полицейские волокут ее в тюрьму... Собственный крик: «Остановитесь! Что вы делаете!» — заставил Амара опомниться. Он снова принялся за свою веревку.

Ночью перед глазами Амара мелькали те же сцены, те же крики и рыдания звучали в ушах. Под грузом всех этих несчастий он притих. У него не было средства облегчить этот груз. Изгнав из своей души всевышнего, он словно оттолкнулся от спасительной лодки и ушел в черный бездонный омут. Жажда живой, активной деятельности не позволяла ему ухватиться за эту соломинку. Куда он идет, куда влечет за собой всех этих беззащитных людей? Каков-то будет его конец? Где в этой мрачной туче промелькнет луч луны? Он жаждал услышать голос, говорящий: «Иди вперед! Иди вперед! Вот прямая дорога!» Но кругом была мгла, черная, крошечная, сквозь нее не пробивался ни один луч, ни один звук... Но если сам он — в темноте, если не знает, ждет ли его прохладная сень небес или всепожирающее пламя разрушений, как смеет он подвергать опасности столько человеческих жизней? «Всевышний, просвети меня, спаси меня!» — простонал Амаркант и глухо зарыдал.

Утро с его обычной суетой, с проверкой заключенных принесло Амару успокоение. Пароксизм отчаяния миновал, пыль осела, вещи обрели свою реальную форму и значение. Амар принялся анализировать прошедшие события. Постепенно связывая воедино причины и следствия, он вдруг в ужасе остановился: да, да, письмо Найны — арест Сукхды! Именно это так взбудоражило его тогда, и, сойдя с проторенной дороги умиротворения, он ринулся по трудным тропам в неизвестность. Глаза его раскрылись, он понял: выиграло самолюбие, поманила слава, захотелось личного успеха — и все это он облек в одежды служения народу! К чему еще могли привести безрассудные речи, навеянные чувствами?

Сидевший рядом с ним арестант сучил веревку.

— Как ты попал сюда, брат? — спросил у него Амар.

— А ты? — В голосе соседа слышалось любопытство.

— Я жаждал славы.

— А я — денег.

Оба умолкли: приближался надзиратель.

— Вас переводят в Лакнау; — обратился надзиратель к Амарканту. — Здесь сейчас ваш отец, он хотел вас повидать, но срок еще не подошел, и начальник отказал в свидании.

— Мой отец пришел сюда? — Амаркант не верил своим ушам.

— Ну да, что ж тут удивительного? Они пришли вместе с мистером Салимом.

— Что нового в районе?

— По-видимому, вашему отцу удалось вразумить мистера Салима и помочь ему установить контакт с крестьянами. Сетх-джи — на редкость благородный человек: пожертвовал целую тысячу рупий на лечение пострадавших!

Лицо Амара расплылось в улыбку.

— Его-то стараниями вас и переводят в Лакнау, — продолжал словоохотливый страж. — Вы знаете, ведь там и ваша жена. Если не ошибаюсь, ее приговорили к шести месяцам.

— Сукхда тоже в Лакнау?! — Амаркант вскочил.

— Иначе зачем бы вас переводили?

Амаром вдруг овладело удивительное спокойствие. Мрак безнадежности, отчаяние бессилия — все исчезло. Он сел и с усердием принялся за свою веревку. Руки сновали легко и проворно. Какая перемена! Какой счастливый поворот судьбы! Можно ли после этого сомневаться в милости всевышнего? Колючки, посеянные им, обернулись цветами!

Сукхда в тюрьме. Та, что мерила жизнь одними наслаждениями и развлечениями, теперь считает свое существование оправданным лишь постольку, поскольку оно приносит пользу беднякам. Отец, символом бытия почитавший деньги, отдал всего себя служению ближним. Разве не чувствуется во всех этих переменах чья-то разумная, светлая сила?

И Амар преклонился перед всевышним, сложил к его

стопам всю веру своей души. Непосильная ноша, под тяжестью которой он изнывал, свалилась, тело стало легким, душа — певучей, сердце рвалось вперед, вперед и ввысь!

6

Уже три дня, как Амаркант — обитатель тюрьмы в Лакнау. Здесь-то он и познакомился с пресловутой ручной мельницей. Однако тюремное начальство знало, что он сын богатого сетха, поэтому хотя Амара и поставили на тяжелую работу, но все же предоставили кое-какие льготы.

Под длинным навесом тянулись ряды мельниц. Вечером муку взвешивали, и если кто-либо из арестантов намолот мало, его наказывали.

Амар обратился к своему напарнику:

— Давай, брат, передохнем; у меня что-то руки не работают. Как тебя зовут? Мы с тобой где-то встречались.

Напарник его был коренастый, черный мужчина с воспаленными глазами, суровый на вид. В работе этот человек не знал усталости. Услышав просьбу Амара, он приостановился и чуть усмехнулся.

— Ты не узнал меня, лала: я тот самый Кале Хан, который однажды приходил к вам в лавочку продавать золотые браслеты. Помнишь? Но как это тебя угораздило влипнуть? Я диву дался, как тебя увидел. Еще позавчера хотел заговорить с тобой, да подумал, что, может, обознался.

Амаркант вкратце рассказал, что с ним произошло, и, в свою очередь, спросил:

— А как ты сюда попал?

Кале Хан засмеялся.

— Ну, мне-то уж так положено, лала: мы ведь шесть месяцев на свободе, а шесть лет — в тюрьме. Жду не дождусь, когда аллах призовет меня к себе. Для меня жизнь на воле — мука. Когда я вижу всех этих сытых, одетых, — зависть так и жжет меня. А что я могу? Ремесла я никакого не знаю, учить меня было некому... Если не грабить да не воровать, что будешь есть? Здесь же, в тюрьме, я никому не завидую, не вижу никого, кто был бы лучше меня или лучше одевался. Тут все такие же,

как и я, вот и зависти нет. Поэтому я молю всевышнего, чтобы он призвал меня из этого мира. Я не прошу его о свободе. Если у тебя болят руки, не мели, я один справлюсь. И что начальству вздумалось поставить тебя на эту работу? Ведь таких, как ты, держат в другом отделении, где полегче. Почему тебя сюда прислали? Отойди, говорю!

Амаркант изо всех сил ухватился за ручку мельницы.

— Нет, нет, я не устал! Дня через три совсем привыкну — не хуже тебя буду работать.

Но Кале Хан отстранил его.

— Не годится, чтобы ты вертел мельницу вместе со мной! Ты не преступник; крестьяне покои веку поднимались против правительства. Не дам я тебе молоты! Аллах не даром свел нас с тобой. Он — великий испытатель, бесконечна его мудрость: сам через человека творит зло, сам его наказывает, а потом сам же прощает.

— Бог не заставляет нас творить зло, мы сами это делаем,— возразил Амар.

Взгляд, который бросил на Амара Кале Хан, как бы говорил: «Разве тебе постигнуть эту тайну?»

— Нет уж, с этим я не соглашусь,— убежденно проговорил он.— Ведь ты — человек образованный, тебе ли не знать, что без воли всевышнего на земле лист не шелохнется! Как же может человек сам по себе совершать дурное? Именно всевышний толкает нас на скверные дела, а потом прощает, это уж ты мне поверь. Когда люди постигнут сущность этой мысли — сгинет зло. А ведь мысль эту заронил во мне ты. Вещь, стоившую две сотни, ты не взял за тридцать рупий! Ты стал моим пиром¹. В тот день я понял, что такое зло. Теперь вот все думаю, с каким лицом предстану перед аллахом? На моей душе столько грехов! Как вспомню — волосы дыбом становятся... Только и надежды, что на милосердие аллаха. Братец, а твоя вера что говорит? Бог прощает грешников?

Суровые черты Кале Хана светились такой простой, живой и глубокой верой, глаза сияли таким мягким блеском, голос звучал так трогательно, что у Амара дрогнуло сердце.

¹ П и р — мусульманский святой; глава волшебников.

— Милость всевышнего бесконечна, Хан-сахиб,— отозвался он.

Кале Хан с удвоенной энергией завертел ручку мельницы, затем снова заговорил:

— Конечно, он милосерден, брат! Уже в утробе матери он печется о младенце—дает ему пищу. Весь мир — отражение его доброты. Посмотри вокруг: какие здесь страшные душегубы — и тех он милует, и об их успокоении заботится. Он ведет, он все время ведет их к раскаянию. Кто устоит против его гнева? В тот день, когда он исполнится гнева, — весь мир пойдет в ад. Но разве тебя или меня он покарает? Если мы видим на дороге муравья, мы обходим его — не хотим раздавить. Мы жалеем его. Всевышний, который нас сотворил, всевышний, который заботится о нашей жизни, никогда не изольет на нас своего гнева! Никогда!

Амар вдруг почувствовал, что в душе его поднимается горячая волна веры. Он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о боге с такой убежденностью и в то же время так просто. Это были те же слова, которые он постоянно слышал от больших и малых людей, но вера вдохнула в них жизнь.

Немного помолчав, Кале Хан продолжал:

— Как хочешь, братец, но такому, как ты, вертеть мельницу — все равно что с мечом идти на пичужку. Тебе бы пристроиться в нашей больнице. Когда человек болен, ему не так нужно лекарство, как доброе слово. Тут у нас несколько человек заболели, и ни один до сих пор не поправился. А в чем дело? Сунут больному лекарство, а примет он его или нет, никого не интересует.

Амар понял, какое золотое сердце в этой черной, как смоль, груди.

— Но как же мне управиться сразу с двумя работами? — улыбаясь, спросил он.

— Молоть буду я один, как-нибудь справлюсь с двойной нормой.

— Вот ты как! А награда за доброе дело — одному мне?

— Думать о награде — недостойное дело! — Голос Кале Хана звучал строго. — Работа должна давать радость, как песня. Сваливать ее с плеч, будто ненужную обузу, — не годится. Да что это я тебе объясняю! Ты

сам все знаешь не хуже меня. У меня нет дара ходить за больными: чуть что не так — начинаю кричать. Уж как я старался держать себя в руках — ничего не выходит! Стоит кому-нибудь со мной заспорить, и я взрываюсь.

Жалкий преступник, человек, которого когда-то Амаркант видел барахтающимся на дне мерзкой клоаки, теперь поднялся так высоко. Душа его озарила все вокруг светлым сиянием и бросила свой луч на душу Амара.

— Но ведь так не годится, — с сомнением заметил Амар. — Тебе придется делать тяжелую работу. а я...

Кале Хан прервал его:

— О чем ты говоришь, брат?! То, что придется делать тебе, гораздо труднее, чем вертеть жернова. Тебе и поговорить с кем-нибудь некогда будет. Я-то по ночам буду сладко спать, а тебе уж не придется! Да и рискованно это... Мельница — что ж, ее и осел вертеть сумеет, и машина. А вот то, что придется делать тебе, немногим под силу.

Солнце садилось. Кале Хан управился со своей пшеницей и теперь ходил от мельницы к мельнице, поглядывая, сколько у кого осталось работы. Некоторые заключенные не успели выполнить норму, и теперь, после взвешивания муки, их ждало наказание. Кале Хан подходил то к одному, то к другому и помогал молоть. Люди дивились его проворству и силе. За полчаса он успел намолотить все то, с чем не справились оставшие. Амар со своего места с восхищением наблюдал за этим кротким, истинно божественным служением.

Наконец Кале Хан освободился от работы и принялся за молитву. Он вымыл руки и ноги, тут же, под навесом, расстелил одеяло и принялся совершать намаз. В этот момент появился начальник тюрьмы с четырьмя надсмотрщиками — начался прием муки. Заключенные ссыпали свою муку в мешки и по очереди подходили к весам.

— Где твой напарник? — обратился начальник тюрьмы к Амару.

— Он совершает намаз.

— Позови его. Сначала пусть сдаст муку, а потом, коли уж ему так не терпится, может совершать свой

намаз. Подумаешь, какой святой нашелся! Куда он запропастился?

Амаркант указал на фигуру под навесом.

— Оставьте его, пусть кончит молиться, — попросил он. — Вздвешивайте без него.

Но разве можно стерпеть, чтобы какой-то там арестант ушел читать намаз, когда пожаловал сам властитель его судьбы? Начальник тюрьмы направился к навесу.

— Эй ты, парень! Почему не вешаешь муку? Нажрался пшеницы, а теперь прикрываешься молитвой? Живо поднимайся, не то так отдую тебя хлыстом — шкуру спущу!

Но Кале Хан был сейчас в другом мире.

Начальник подошел поближе и ткнул его в спину хлыстом.

— Ты что, оглох, что ли? Или давно не бит?

Кале Хан не оглянулся: он был поглощен молитвой.

Начальник-сахиб в сердцах пнул его ногой. Кале Хан только было собирался положить земной поклон; от удара он упал ничком, но тут же оправился и снова склонился ниц. Начальника обуяло упрямство: во что бы то ни стало он должен был заставить Кале Хана прервать намаз. По всей вероятности, Кале Ханом овладело то же чувство: он вновь склонился в молитвенном поклоне. Начальник принялся неистово колотить его сапогом. Один из надзирателей бросился за стражей, другой устремился на помощь начальству. Пинки не прекращались, палка загуляла по голове Кале Хана, но тот не изменил молитвенной позы. При каждом ударе с уст его срывалось лишь отчаянное «Аллах-о акбар!»¹, и этот вопль потрясал сердца. Палачи озверели. Может ли быть большее оскорбление для тюремщика, чем то, что арестант склоняется не перед его божественной персоной, а перед богом своей души? Из рассеченной головы Кале Хана брызнула кровь. Амаркант бросился было на защиту несчастного, но один из надзирателей оттолкнул его. Удары сыпались с какой-то ужасающей ритмичностью, и после каждого удара раздавался ответный вопль «Аллах-о акбар!» Но вот голос начал слабеть и вдруг умолк — от потери крови Кале Хан обессилел. Однако,

¹ Аллах-о акбар (арабск.) — алах велик!

хоть звука уже не было, губы несчастного продолжали шептать все то же «Аллах-о акбар!..»

Наконец начальник-сахиб устал.

— Оставьте негодяя, пусть валяется здесь! — распорядился он. — Завтра прикажу надеть на него кандалы и бросить в карцер. Не мытьем, так катаньем, а дойму его! Я буду не я, если не выбью из мерзавца его намаз!

Начальник тюрьмы, надзиратели и солдаты удалились. Наступило время ужина, и заключенные принялись за еду. Кале Хан продолжал лежать ничком: на голове у него зияла рана, из ушей и носа текла кровь. Амаркант промыл раны бедняги и теперь старался остановить кровотечение. Этот удивительный пример душевной стойкости совершенно покори́л его. Амар спрашивал себя, мог бы он в подобных условиях быть столь же непоколебимым и выдержанным? Вероятно, после первого же удара он или ринулся бы на обидчика, или же прекратил бы молитву. До сих пор у нас было возложено немало жертв на алтарь науки, морали, отчизны. Эта непоколебимая стойкость — жертва, вознесенная к алтарю всевышнего.

Поев, заключенные вернулись на место происшествия. Кале Хан продолжал лежать без движения. Его подняли, перенесли в барак и известили врача, но тот не пожелал утруждать себя вечерней работой. Лекарств не было, даже горячую воду, и ту невозможно было достать.

Всю ночь заключенные провели без сна. Некоторые намеревались, чуть рассветет, добраться до начальника-сахиба и задать ему хорошую взбучку. Правда, тогда виновным на год увеличат срок заключения, но кто посмотрит на это? Амаркант по природе был человек уравновешенный, но сейчас он встал на сторону самых отъявленных бунтарей. Всю ночь в нем боролись человек и зверь. Он знал, что огонь нельзя потушить огнем, — для этого нужна вода. Каким бы зверем ни был человек, есть же в нем и человеческое начало. А оно берет верх только при раскаянии, при сожалении. Если бы Амар был один, он не вышел бы из равновесия, но теперь он поддался возбуждению, царившему в бараке. Сколько неожиданного для себя, хорошего и плохого, делаем мы, заражаясь настроением окружающих! Чем хуже

становилось Кале Хану, тем жарче разгорались мстительные чувства.

Один из заключенных, осужденный за разбой, кричал:

— Уж я напьюсь его крови, видит бог, напьюсь! Что он, в самом деле, воображает? Потом — пусть хоть повесят!

— Разве мы думали, что начальник убьет Кале Хана? — не удержался от замечания Амар.

Слово за слово — возник заговор: были выбраны исполнители, продуман порядок действий, подобраны оправдательные доводы.

— Вы думаете, до утра начальник ничего не узнает? — спросил вдруг один из заключенных — низкорослый, щуплый человек.

— Откуда же? — удивился Амар. — Кто ему сообщит?

Низкорослый, с опаской оглядевшись, зашептал:

— Разве узнаешь, брат, кто доносчик? На лбу не написано. Может, из наших кто-нибудь доносит. Здесь что ни день — предательство. Сегодня он заводи́ла, завтра — правительственный свидетель. Если что задумали, выполняйте не медля. А то дождетесь — всех перехватят. Ни за что ни про что влепят по пять лет.

— Да, но ведь теперь он, наверное, у себя дома, спит?.. — неуверенно проговорил Амаркант.

— Ты уж не мешайся в это дело, братец, — посоветовал низкорослый. — Мы сами с ним управимся.

Заговорщики склонились друг к другу и принялись шептаться. Затем пятеро из них поднялись со своих мест.

— Предателю — первый нож, — предупреждающе прошипел низкорослый и тут же принялся громко кричать: — Хай, хай!

Остальные подхватили, поднялся разноголосый вопль. К дверям подошел часовой.

— Чего разорались? В чем дело?

— В чем дело, в чем дело! — передразнил низкорослый. — Кале Хану очень худо. Скорее позови начальника-сэхива!

— Эй, вы! Молчаты! — прикрикнул надзиратель. — Худо ему! Подумаешь, сын большого наваба!¹

¹ Наваб — почетный титул, которым англо-индийское правительство наделяло мусульманских феодалов.

— Говорим тебе, позови начальника, не то пеняй на себя!

Тут Кале Хан открыл глаза.

— Что вы кричите, друзья? — чуть слышно проговорил он. — Я пока еще не умер. Ох, спина!.. Как будто хребет переломился...

— Мы отомстим за тебя! — сказал низкорослый.

Кале Хан укоризненно взглянул на него.

— Кому будете мстить, братья? Аллаху? Если аллах являл на это свою волю, никто не должен мешаться. Шевельнется ли хоть один лист на дереве без воли аллаха?.. Воды... Дайте воды... Когда я умру, братья, молитесь за меня... Все молитесь... Кто еще будет думать обо мне в этом мире? Может, ваши молитвы защитят меня от гнева аллаха...

Амар приподнял голову несчастного и дал ему воды. Тот с трудом проглотил несколько капель и, застонав, вновь опустился на ложе.

Низкорослый заскрежетал зубами.

— Тупым бы ножом зарезать этого негодяя сахиба! — прохрипел он.

Кале Хан с трудом, то и дело останавливаясь, принялся увещевать собравшихся вокруг него людей:

— Зачем вы закрываете передо мной двери к спасению, братья? Жизнь моя была искалечена, зачем же портить и загробное существование? Будьте добры к людям, молитесь аллаху. Разве мало выпало на нашу долю греха, чтобы еще после смерти желать себе оков? О аллах! Будь милостив ко мне!

Словно душа умирающего перелилась в эти слова, в те самые слова, которые люди слышали каждый день. Но теперь в них было столько надежд и упования, столько слез, что все почувствовали себя как бы омытыми ими. Этот поток слез загасил пламя греховных мыслей.

К утру Кале Хан завершил свой жизненный путь. Ни одни глаза не остались сухими при прощании с ним, но все проливали слезы скорби, Амар же плакал от счастья. Люди вокруг него горевали, словно потеряли родного человека, Амар ликовал оттого, что стал ближе к нему. Ему посчастливилось встретить в своей жизни светлую душу, перед которой он мог склониться в бла-

гоговении. Даже разлука с ним не могла омрачить радости встречи.

Этот маяк направил лодку его жизни в новое русло, в котором на смену сомнениям пришла вера, а смятение заменил покой.

7

После отъезда лалы Самарканта Салим отправился в объезд по деревням; он произвел тщательное обследование и убедился, что положение крестьян гораздо хуже, чем представлялось ему раньше. Стоимость урожая, собранного крестьянами, была много ниже суммы налогов и прочих обложений. Не хватало средств на еду и одежду, не говоря уже о других нуждах, и чуть ли не каждый крестьянин изнемогал под бременем долгов.

В университете Салим изучал экономику. Он знал, что положение здешних крестьян неважное. Но только теперь он понял, что между сведениями, почерпнутыми из книг, и личным опытом такая же разница, как между человеком и его портретом. По мере того как перед молодым чиновником вырисовывалась реальная картина, он все больше и больше проникался сочувствием к крестьянам. Что же это за несправедливость? Подумать только: те, кто нуждается в хлебе, а наготу прикрывает лохмотьями, кто, заболев, не имеет и пайсы на лекарство, в чьих домах вечернюю тьму не разгоняет даже слабый огонек светильника, должны нести на себе все тяготы, платить огромные налоги! Пока на рынке стояли нормальные цены, у бедняг еще кое-как хватало хлеба, но теперь их положение не поддавалось описанию. Взыскивать весь налог с несчастных людей, чьи дети с пяти-шестилетнего возраста трудятся, а в холодное время года бродят по дорогам, собирая навоз и все, что годится на топливо,— значит вырывать у них изо рта последний кусок хлеба, высасывать кровь из их обескровленных тел.

Получив истинное представление о положении крестьян, Салим решил выполнить свой долг. Надо отдать ему справедливость, он был не из тех чинуш, которые, строго соблюдая требования начальства, не забывают и о своих выгодах. На службе он всегда стремился сочетать свои действия с велениями сердца. Вернувшись

в гостиницу, Салим засел за работу, и через несколько дней его пространный доклад уже лежал на столе мистера Газнави. Вызов к начальству последовал немедленно. Салиму не хотелось встречаться с мистером Газнави: он боялся, что ему предложат «зажать» доклад. Но, поразмыслив, он решил, что ехать придется. В конце концов, ничего страшного в этом нет. Если мистер Газнави разубедит его, — что ж, тем лучше. Во всяком случае «зажать» доклад из чиновничьей трусости Салим не позволит.

В тот же день к вечеру Салим был уже в городе. Мистер Газнави встретил его дружеским рукопожатием и сразу же приступил к делу:

— Вы до конца выполняете долг дружбы по отношению к лале Амарканту: ему самому вряд ли удалось бы написать такой подробный доклад. Но неужели вы думаете, что правительству все это неизвестно?

— Нисколько не сомневаюсь в том, что известно, — возразил Салим. — Но я думаю, донесения, которые пишут правительству, попадают к подхалимам чиновникам, которым нужно лишь одно — наполнить государственную казну, пусть даже это будет стоить народу последних капель крови. Мой доклад целиком основан на фактах.

Завязался спор.

— Наш долг — слепо выполнять приказы начальства! — заявил мистер Газнави. — Если дан приказ взыскать налог — мы обязаны его взыскать. Беды населения нас не касаются, нам самим нелегко платить наши налоги, однако мы их платим. Никому не доставляет удовольствия бросать деньги на ветер.

Неподчинение приказу Газнави считал не только аморальным, но и преступным. Он не довольствовался соблюдением формы, для него приказ был законом.

Салим заметил:

— По-моему, служа правительству, мы служим народу. Мы должны вести его к лучшей жизни, помогать его развитию. Если какой-нибудь приказ правительства препятствует осуществлению этих целей, наш долг — не подчиняться ему.

Лицо мистера Газнави вытянулось.

— Боюсь, что правительство вынуждено будет перевести вас отсюда.

— Пусть переводят, я не испугаюсь! Лишь бы мой доклад был внимательно рассмотрен. Если же доклад положат под сукно, я немедленно подам в отставку.

Мистер Газнави с удивлением посмотрел на молодого человека.

— Вы не учитываете трудного положения правительства. Если оно хоть раз проявит мягкость, с крестьянами сладу не будет, по каждому пустяковому поводу будут вспыхивать волнения. И не только в нашем районе, а по всей стране. Если правительство предоставит льготу восьмидесяти процентам населения, управлять страной будет невозможно.

— Правительство для народа, а не народ для правительства! — резко сказал Салим. — Наши правители хотят удержаться на своих местах, совершая насилия над крестьянами, моря их голодом, но я не желаю принимать в этом участия. Если финансовые дела правительства терпят крах, следует сократить расходы, а не грабить подданных!

Напрасно мистер Газнави убеждал его. Салим твердо стоял на своем: он наотрез отказался взыскивать налог из-под палки. Делать нечего, мистер Газнави вынужден был послать доклад по инстанциям, и не прошло недели, как Салим был отстранен от должности. Можно ли полагаться на такого страшного бунтовщика?!

В тот день, когда Салим, сдав дела своему преемнику, должен был покинуть район, дом его оказался вдруг словно в центре многолюдной ярмарки: крестьяне — мужчины и женщины — собрались сюда, чтобы упросить сахиба не покидать их в этот трудный час. Такой поворот судьбы больше всего устраивал самого Салима, так как возвращение домой грозило неминуемой ссорой с отцом. А кроме того, он полюбил этих горемык. Отчасти сочувствие и жалость к ним, отчасти сознание собственного унижения привели к тому, что Салим превратился в руководителя крестьян. Тот самый чиновник, который еще так недавно был преисполнен должностного рвения, теперь сделался слугой народа. Терпеть насилия, оказывается, куда более почетно, нежели творить их!

Руль движения оказался в руках Салима, и народ снова воспрянул духом. Раньше Атмананд ходил от деревни к деревне с Амаром, теперь он стал ходить с Са-

лимом. И Салим, крови которого всего несколько дней назад жаждали эти люди, вознеся вдруг у них до положения некоронованного раджи. За каждую каплю его пота люди готовы были пролить свою кровь.

Однажды вечером, когда Салим и Атмананд, весь день пробродив по округе, вернулись домой, в деревню неожиданно прибыл мистер Гхош — тощий бенгалец, новый чиновник, заменивший Салима. Он явился в сопровождении полицейских и объявил о конфискации всего скота. С ними прибыли и мясники, надеявшиеся поживиться дешевым товаром. Мгновенно скот был согнан к развалинам школы, старшины — Гудар, Бхола, Ангу — арестованы. Урожай конфисковали еще раньше, но что стоил сейчас урожай? Поэтому-то чиновники решили наложить руку на скот: они были уверены, что крестьяне, испугавшись таких решительных мер, залезут в какие угодно долги, продадут последние украшения женщин, но не расстанутся со скотом. Ведь вол и корова — помощники и кормильцы крестьянина.

Люди растерялись. Они ждали от правительства чего угодно, но не конфискации скота. Разве оно пойдет на то, чтобы подрубить корни крестьянского хозяйства? Вначале решили было, что это лишь угрозы, но когда животные были согнаны к школе и мясники принялись их осматривать, крестьян охватило отчаяние. Они дошли до грани, за которой начинается кровопролитие.

Зажгли лампы и приступили к распродаже. Чиновник требовал всю сумму налога сполна. Пусть крестьяне спорят и надрыдают глотки, чиновники знают свое дело.

Салим подошел к мистеру Гхошу.

— Вы не имеете права отбирать у людей скот, — тихо сказал он. — Вы это знаете?

— О правах сейчас не может быть и речи, — холодно заявил чиновник. — В особых случаях требуется и особая политика. Естественно, что во время восстания действуешь иначе, чем в мирных условиях.

Не успел Салим возразить, как пронесся слух, что пастухи взялись за палки. Мистер Гхош кинулся в квартал пастухов, полицейские, примкнув штыки, поспешили за ним. Каши, Паяг, Атмананд — все побежали в ту сторону. Салим остался один. Он подошел к мясникам, поздоровался и завел с ними разговор.

— Зачем, братья, вы ввязываетесь в такое несправедливое дело — скупаете скот несчастных крестьян?

Старший мясник, по имени Теджмухаммад, был коренастый широкоплечий человек — настоящий богатырь. Одет он был в широкую рубашку и клетчатый тахмад;¹ на шее болтался серебряный амулет, в руках была толстая дубинка.

— Сахиб, я пришел покупать товар, — добродушно сказал он. — Какое мне дело до того, чей он, кто за ним стоит?.. Где можно выручить пайсу, туда человек и идет.

— Но подумайте, из-за чего конфискуют скот. Должны же вы посочувствовать крестьянам!

Но Теджмухаммада не так-то легко было сбить.

— Кому охота воевать с правительством, пусть воюет. Мы с ним не ссорились.

— Очень грустно: вы мусульманин, а позволяете себе говорить такие вещи. Ислам всегда помогал угнетенным, вы же готовы всадить им нож в горло.

— Правительство нас кормит, зачем нам идти против него?

— А если правительство отберет у вас имущество и отдаст его другим, вам это понравится?

— Наша вера запрещает воевать с правительством.

— Лучше скажите, что у вас нет совести!

— Вы сами мусульманин, сахиб. Разве ваш долг не в том, чтобы помогать бадшаху?

— Если слово «мусульманин» означает — «убийца бедняков», то я — кафир².

Теджмухаммад был книжник, такого не переспоришь! Салим попытался его высмеять; различные религиозные толки он считал черным пятном на человечестве: разбивая людей по вероисповеданиям, они делали их врагами. Теджмухаммад строго соблюдал розу³ и намаз, он был правоверным мусульманином. Мог ли он терпеть оскорбления веры? И вот — пока в квартале ахиров шло побоище, здесь, возле школы, дело также дошло до рукопашной. Мясник был богатырь, но и Са-

¹ Та х м а д — набедренная повязка.

² Ка ф и р — неверный, немусульманин.

³ Роза — пост в месяце рамазан (девятый месяц лунного мусульманского календаря).

лим не хуже: он был мастер кулачного боя, быстрый, ловкий и увертливый. Богатырь подмял его под себя и принялся колотить, однако и самому ему приходилось испытывать силу кулаков противника. Богатырь дрогнул: мгновение — и он оказался внизу. Теперь лишь язык его мог свободно изъяслять свое негодование. Оба его товарища вначале стояли в стороне, предпочитая наблюдать эту сцену издали, но когда Теджмухаммад пал, они бросились на выручку. Новые бойцы были молодые, сильные парни, в ловкости не уступавшие Салиму. Они принялись наседать на Салима, и тот вынужден был отступить.

В этот момент поблизости оказалась Салони. Опираясь на клюку, старушка отправилась на поиски коровы, которую полицейские угнали от ее хижины. Заметив дерущихся, Салони остановилась, взгляделась, потом сбросила с головы анчал, завязала его потуже у пояса — и пошла отделявать клюкой обоих мясников! Один из парней обернулся и так сильно ткнул ее кулаком, что старуха растянулась на земле. Но Салим сумел воспользоваться этой мгновенной заминкой; он бросился на стоявшего перед ним парня и ударил его кулаком в лицо. Парень осел, держась за голову, из носа у него хлынула кровь. Последний враг Салима, оставшись в одиночестве, предпочел ретироваться под крылышко полиции. Теджмухаммад продолжал сидеть на земле: его не держали ноги. Итак, поле боя осталось за Салимом. Салим решил не тратить зря времени. Он поспешно перерезал веревки, которыми был привязан скот, и хлопнул несколько раз в ладоши. Этого оказалось достаточно. Бедные животные, чувявшие беду, давно уже дрожали и косились по сторонам. Теперь же, почувствовав свободу, все стадо, задрав хвосты, помчалось вперед и вскоре скрылось в лесу.

В этот момент к Салиму подбежал Атмананд. Он был вне себя.

— Дайте мне ваш револьвер! — потребовал он.

— Да что там? Что случилось? — в изумлении спросил Салим.

— Полицейские убили несколько человек. Ну, теперь держись! Я покажу этому Гхошу!

— Вы что, бханга напились? Разве можно сейчас пускать в ход револьвер?

— Не дадите добром, все равно отберу! Этот мерзавец приказал стрелять! Убитых четверо, да человек десять — двенадцать тяжело раненных... Довольно, надо его проучить: пусть умрет!

— Мой револьвер не для того.

Атмананд всегда был горяч, а этот расстрел совсем вывел его из равновесия.

— Убийца проливает кровь невинных, а вы жалеете на него пулю! — заорал он. — Для чего же тогда ваш револьвер? Умоляю вас, брат, дайте мне его на минутку. Помогите утолить жажду сердца!.. Палачи убивают невинных!.. Не могу смотреть, сердце кровью обливается!..

Ничего не ответив Атмананду, Салим бросился к пастухам. Все хижины вокруг были заперты; даже собаки попрятались.

Вдруг дверь одной из хижин резко распахнулась, и молодая женщина, словно перепуганная лань, бросилась к ногам Салима. Волосы ее были растрепаны, голова не покрыта, платье — в крови. Безумными глазами глядела она на дверь.

— Хозяин!.. Полиция... убивают... — только и могла проговорить она.

— Ну, успокойся, успокойся, — принялся уговаривать ее Салим. — Что у вас случилось?

Женщина, все так же с опаской поглядывая на дверь, сказала, что в дом ворвались полицейские. Голос ее пресекся, она замолчала.

— В доме кто-нибудь был?

— Все ушли пасти буйволиц...

— Тебя ранили? Куда?

— Меня не ударили... Я сама убила двоих.

В дверях хижины показались два вооруженных полицейских. Увидев женщину, они подскочили к ней, схватили несчастную за волосы и поволокли к двери.

Салим, преградив им дорогу, закричал:

— Сейчас же отпустите ее! Руки прочь, не то изрешечу обоих!

Один из полицейских с яростью возразил:

— Да, как же, отпустить! Мы отведем ее к сахибу. Она запорола вилами двоих наших, — вон они корчатся!

— Зачем вы вошли к ней в дом?

— Вошли, чтобы отвязать скот. А она на нас с вилами...

— Лжешь! — гневно перебила его женщина. — Зачем вы схватили меня за руки?

Салим окинул полицейского бешеным взглядом и залепил ему оплеуху.

— Сейчас же отпусти ее.

— Мы отведем ее к сахибу.

— Только посмей двинуться!

Полицейские знали Салима: он ведь был их начальником. Привычка подчиняться ему еще не совсем забылась, и они не решились применить силу. Оставалось только пожаловаться мистеру Гхошу, что они и сделали немедленно. Новый чиновник был вне себя: теперь он убедился, что именно его предшественник раздувает бунт. Лучше всего было бы убрать смутьяна; это если и не погасит страсти, то во всяком случае ослабит их. Поэтому, получив новое донесение полицейских, мистер Гхош прищипорил лошадь, подъехал к Салиму и на чистейшем английском языке пустился в разглагольствования о законности. Салим не сробел: английским он владел свободно. Вначале препирались о законах, затем перешли к вопросам морально-этического плана, потом — к философским определениям, и, наконец, полился дождь взаимных упреков. Не прошло и минуты, как слова обрели действенное выражение: мистер Гхош употребил для этого хлыст, который оставил на лице собеседника широкую синюю метку. Салим чудом уберег глаза. Невзвидев света, он схватил мистера Гхоша за ногу и с силой рванул к себе. Сахиб грохнулся с лошади. В мгновение ока Салим оказался на своем оскорбителе и залепил ему кулаком в физиономию так, что мистер Гхош потерял сознание. Второго удара не допустили подоспевшие полицейские: четверо из них навалились на Салима, а четверо остальных занялись приведением в чувство своего начальника.

Стемнело. Ужас, словно дьявол, наложил свою печать на деревню. Охваченные мрачным отчаянием, люди молча уносили тела погибших. Из их уст не вырвалось ни стоны, ни плача: рана была еще слишком свежа и пока не ныла. Плач — сигнал поражения, а эти люди были горды победой. Они не хотели слез, не хотели пока-

зывать свои страдания. Даже дети в этот вечер позабыли, что значит плакать.

Мистер Гхош уселся на лошадь и отправился в гостиницу. Салим был посажен в грузовик и в сопровождении суперинтенданта и нескольких полицейских отвезен в город. Вместе с ним отправили и молодую женщину, ранившую полицейских. В пахар-рат четверо похоронных носилок двинулись к Гангу. Салоны, опираясь на свою клюку, шла впереди и пела:

О святой! Узрев сей мир, ты с ума сойдешь.
Умереть хочу, поверь: в мире только ложь.
О святой...

8

Самопожертвование Кале Хана словно подвело под жизнь Амарканта новый фундамент. До сих пор он жил без определенной цели, не имел идеалов, не давал обетов. Смерть Кале Хана словно озарила светом его душу. Память о Кале Хане ни на миг не оставляла его, какая-то тайная сила рождала в нем энергию и спокойствие. Он стремился выполнить завет Кале Хана так, чтобы душа этого несчастного нашла успокоение на небесах. Он поднимался чуть свет, расспрашивал заключенных об их нуждах, писал для них письма, заботился о лекарствах и уходе за больными, выслушивал всевозможные жалобы и добивался у начальства их удовлетворения. Все это он делал так скромно и мягко, что даже тюремная администрация прониклась к нему доверием. Его любили заключенные, уважали надзиратели.

До сих пор Амар был поборником своего рода рационализма. Хотя и в неосознанной форме, эта философская система крепко засела в нем; с нею он жил, с нею выполнял свой долг. Размышления о сущности вещей не увлекали его. Бездонная глубина, скрывающаяся под реально ощутимым миром, была для него ничем. Он считал, что за миром реальных мелочей нет ничего, кроме пустоты. Смерть Кале Хана будто силой втащила его в эту пустоту, и из ее глубин вся прежняя жизнь показалась Амару жалкой соломинкой,

которая безвольно плавала на поверхности, лишь иногда с помощью волн продвигаясь вперед. В этой прошлой жизни не было самоограничения, не было постоянства, не было твердой воли. Даже в его служении было что-то показное, какое-то высокомерие, к которому примешивалась ненависть. Исполненный слепого самомнения, он пренебрег Сукхдой, не потрудился добраться до той большой правды, которая жила в душе его неженки жены. Да и к чему бы стал он трудиться? Ведь он и не представлял себе тогда, что он должен искать: очевидное стояло преградой перед его внутренним взором. В пароксизме самомнения он разыграл комедию любви к Сакине. Была ли в этой страсти хоть частица настоящей любви? В те дни ему казалось, что сердце его до краев полно любовью, что он жертвует ради нее всем, что у него есть. Сейчас же он понимал, что то был лишь чувственный порыв, даже хуже того, — просто низость... Он хотел воспользоваться горьким положением простодушной девушки и удовлетворить свою похоть. Затем в его жизнь вошла Мунни — безнадежно сломленная судьбой, но переполненная желаниями. Как лицемерил он перед ней! Правда, тут уже не было места чувственности! — убеждал себя Амар. Однако, честно оценив свои действия, он понял, что и здесь он погрешил в том же. Так что же он такое на самом деле? — спрашивал себя Амаркант. Сластолюбец? Он заглянул в свою душу, и ответ, который он нашел там, не порадовал его. А он-то обвинял Сукхду в изнеженности, когда сам повинен в куда более мерзком грехе! С какой радостью склонился бы он сейчас перед ними обоими, — перед Сакиной и Мунни, склонился бы со слезами и мольбой! «Богини, я лицемерил перед вами, я совершил предательство! Я низкий, подлый человек, накажите меня, как знаете, — я отдаюсь на вашу милость».

К отцу у Амара появилось чувство глубокого уважения. Того, кого он всегда считал рабом богатства, корыстолюбцем, неспособным на подвиг самоотречения, увидел он восседающим на троне божества. В своем ослеплении Амар никогда раньше не признавал власти справедливого, милосердного всевышнего; теперь же, при виде всех этих чудесных перевоплощений, в сердце его забурлил океан веры и преданности

богу. Даже в самых незначительных событиях он стал видеть божий промысел. Амаркант переживал новый душевный подъем. Жизнь для него перестала быть мрачным путем в неведомое. Разве может быть место мраку в деяниях всевышнего?

Однажды вечером Амаркант вдруг встретил Салима. До Амара уже дошли слухи о переменах в судьбе его старого товарища, но он и не подозревал, что дело дошло до тюрьмы. С бесконечной радостью обнял Амар друга.

— Как хорошо, что ты здесь! — вырвалось у него. — Теперь я еще раз уверовал в то, что всевышний всегда с нами. И Сукхда и Мунни, — обе здесь в женском отделении. Ты совершил ошибку, но полностью искупил ее. Я был убежден, что рано или поздно ты будешь с нами, но не думал, что это случится так скоро. Расскажи, что нового в районе! Беспорядков больше не было?

— Что ты, какие могут быть беспорядки?! — с иронией ответил Салим. — Люди вкусно едят и на сытый желудок распевают песни холи. Ведь и тебе здесь великолепно живется, не так ли?

И Салим в двух словах поведал другу обо всех событиях последних дней: о конфискации скота, о мясниках, о расстреле в квартале пастухов. С особым удовольствием рассказал он об избииении Гхоша.

Лицо Амарканта вытянулось.

— Ты совершил большую глупость.

— А ты что же думаешь, нашелся бы панчайт, на котором за вином и хуккой разобрали бы это дело?

— Но ведь с просьбами обращаются не так.

— О льготах не могло быть и речи.

— Льгота была. Если землю берут на каких-то условиях, справедливость требует, чтобы условия эти были выполнены. Ведь крестьяне платят не процент с урожая, а годовой налог. Помещику или правительству дела нет до того, будет ли урожай больше или меньше.

— Если с удорожанием цен на рынке налог повышается, то почему бы с падением цен не снизить его? При существующих ценах оставить прежний налог — просто преступление!

— Но ведь налог не понижают с помощью палки. На это существует закон.

Салима поразило спокойствие, с каким Амар выслушал его рассказ. На его месте Салим бы, верно, задохнулся от возмущения, но тюрьма, по-видимому, смирила Амара. И Салим решил не посвящать друга в мероприятия, с помощью которых он и его единомышленники надеялись сломить террор.

Амаркант ждал ответа; Салим молчал.

— Так кто же там сейчас? Свами-джи? — с нетерпением спросил Амар.

Салим, замывшись, ответил:

— Н-нет, Свами-джи, кажется, тоже арестован. Я слышал, туда поехала Сакина.

— Ну! Так и Сакина вышла из-за парды! Вот уж не ожидал от нее!

— А ты думал, что можно раздуть огонь и удерживать его в чашке?

Амаркант с тревогой сказал:

— Я надеялся, что мы обуздали демона насилия и он больше не вырвется на волю!

— Ты хочешь свободы, но не желаешь платить за нее.

— Да разве цена свободы — кровь?! Свободы можно добиться только стойкостью и справедливостью.

Салим вспылал:

— Все это чепуха! Перед насилием стойкость и справедливость — ничто!

— А разве ты не веришь, что порядок в мире основан на справедливости и правде? — спросил Амар. — Не кажется ли тебе, что в душе каждого человека звучит струна, настроенная на жертвенность?

— Ну нет, с этим я никак не соглашусь. Порядок в жизни основан на корысти и силе. Мало найдется таких людей, в душе которых звучала бы эта твоя струна.

Амар улыбнулся.

— Ведь ты был верным слугой правительства, как же это ты попал в тюрьму?

Салим тоже рассмеялся.

— Все из любви к тебе.

— А кого любил дада?

— Своего сына.

— А Сукхда?

— Мужа.

— А Сакина? А Мунни? А все те несчастные, которым приходится терпеть всевозможные насилия и притеснения?

— Хорошо, я согласен: в душе некоторых эта струна звучит. Но много ли таких людей?

— Я убежден, что нет такого человека, в душе которого не звучала бы струна сочувствия. Только на некоторых звук ее действует сразу, на других — постепенно, а есть и такие себялюбцы, которые не желают к ней прислушаться.

Салим, сдаваясь, сказал:

— В конце концов чего ты хочешь? Люди не могут платить налоги. Им говорят: «Мы взыщем». Что же делать? Позволить забрать все? Если мы возражаем — в нас стреляют, если молчим — обрекаем себя на гибель. Есть ли другой путь? Чем больше нас притесняют, тем скорее простой человек превращается в льва. Умиравший, несомненно, может вызвать в сердцах жалость, но убивающий порождает страх, а он куда сильнее жалости.

Этот вопрос месяцами занимал мысли Амара. Он понимал, что в мире царит звериная сила, но и ей приходится искать опору в правде. Ведь теперь даже самое сильное государство не осмелится напасть на слабого соседа, откровенно заявив: «Мы хотим управлять вами, поэтому подчиняйтесь нам». Нет, нынче сильному государству тоже приходится выискивать какие-то предлоги, надевать личину справедливости.

Амар ответил другу:

— Если ты считаешь, что какой-нибудь народ может добиться свободы с помощью убийства и кровопролития, ты глубоко ошибаешься. Какая же это свобода, если власть перейдет из рук одного класса в руки другого, и этот класс в своем управлении тоже будет опираться на меч? Освобождение придет лишь тогда, когда во всех сердцах пробудится человечность. Только человечность — враг насилия, несправедливости, эгоизма.

Это высказывание показалось Салиму лишенным смысла. Скорчив гримасу, он заметил:

— Хузуру должно быть известно, что мир населяют не ангелы, а люди.

Амар с невозмутимым спокойствием продолжал развивать свою мысль:

— Разве тебе не ясно, что человечность, столетиями погруженная в клоаку насилий и убийств, сейчас, наконец, вырвалась на верный путь? Откуда бы иначе обрести ей такую силу? Отныне ее не сломит никто, ибо в ней — само божественное начало. Вся военная мощь мира — ничто перед ней. Подобно сухой земле, укрывающей в глубине своей живые корни трав и начинающей зеленеть при первых каплях дождя, подобно ей, матери нашей, храним мы в сердцах своих эту божественную силу — человечность, и она жива, она действует и бродит, несмотря на наш век — век машин, орудий и корысти. Наступило время, когда голос правды начал заглушать бряцание мечей и рев пушек. Самые большие страны сокращают свои военные и морские силы. Ты чувствуешь приближение великих перемен? Мы — рабы, потому что сами надели на себя оковы. Какие? Наши оковы — взаимная разобщенность. Пока мы не разобьем этих оков, не научимся любить, не увидим свое призвание в служении, — до тех пор мы будем оставаться рабами. Я не говорю, конечно, что идеей служения проникнется обязательно каждый человек, — так, наверное, никогда не будет, но слуга народа должен носить в душе этот свет. А много ли среди нас таких, сердца которых озарены любовью? В нас и сейчас все то же презрение к «низшим», почитание «высших», те же корысть и эгоизм.

Стало совсем холодно, и пришлось разойтись по камерам. Салиму не терпелось продолжить спор, но надзиратель торопил, и пришлось подчиниться.

Дверь захлопнулась. Амаркант тяжело вздохнул и с мольбой устремил взор в потолок. Какая страшная ответственность легла на него! Сколько на нем невинной крови! Руки сирот и вдов тянутся к нему, хватают за плечи... Почему, почему действовал он так опрометчиво? Разве у крестьян оставалось лишь это последнее средство? Разве нельзя было протестовать по-другому? Как бы результат лечения не оказался более плачевным, чем сама болезнь... Нахлынувшие бурным потоком отчаянные мысли словно сбили Амара с пути. И в этот момент

полного упадка душевных сил ему представился облик Кале Хана, прозвучал его голос: «Ступай под защиту всевышнего, там ты найдешь свет».

Склонившись к земле, исполненный чистых помыслов, Амар спросил всевышнего о своем долге: «Я брожу во мраке. Молю тебя, укажи мне прямую дорогу!»

Эта смиренная просьба породила в его душе такое спокойствие, словно перед ним блеснул свет и озарил расстилавшийся впереди гладкий, прямой путь.

9

Весть об аресте патханки вызвала в городе необычайное волнение. Суровое подвижничество старой женщины способно было, казалось, вдохнуть жизнь и в мертвых. На поле битвы оказались даже самые робкие и расчетливые. Правда, много было и осторожных, которые рассуждали так: «А что ей оставалось? Только к смерти готовиться. Не на свободе, так в тюрьме помрет — какая разница? А нам еще жить да жить, сколько дел надо переделать. Зачем же нам прыгать в огонь?»

Был вечер. Рабочие закончили работу, торговцы закрыли лавки, и все устремились к месту происшествия. Патханки там не было: видимо, ее уже увезли в тюрьму. Повсюду расхаживали вооруженные полицейские патрули, казалось, что ни о митингах, ни о речах нельзя было думать; даже сходиться вместе было опасно.

Но никто, по-видимому, не замечал нависшей над городом тревоги: словно влекомый мощным потоком, народ лавиной захлестнул площадь.

Вдруг над толпой поднялась одинокая человеческая фигура; взобравшись на груды кирпича, человек что-то говорил. Все бросились к нему, и вскоре вокруг забуллил безбрежный океан человеческих голов. Кто же был этот оратор? Лала Самаркант! Тот, чья невестка в тюрьме, чей сын в тюрьме!

— Уж этот лала! Если всевышний захочет образумить человека, пусть он сделает это так, как с лалой. Нажил богатство несправедливо — отдай на добрые дела!

— Слава всевышнему!

— Если бы не всевышний, разве лала добился бы в старости такого почета?

— Слушайте! Слушайте!

Лала-джи заговорил:

— Наступит день, когда на этой земле будут воздвигнуты дома для бедняков, а место, где была арестована наша матушка, украсит постамент с ее статуей. Кричите, люди: «Победа матушке патханке!»

Десять тысяч глоток подхватили разом: «Победа! Победа матушке!» Этот мощный клич бедняков звучал так страстно, будто, не найдя сочувствия на земле, они понесли свою жалобу самим обителям небес.

— Слушайте! Слушайте!

— Матушка отдала жизнь ради счастья детей. Это наши и ваши дети. А что мы с вами сделаем для детей? На это мы должны дать ответ сегодня же.

— Забастовка! Забастовка! — послышалось со всех сторон.

— Да, нужна забастовка,— твердо сказал лаладжи.— Но забастовка не на один-два дня. Она должна длиться до тех пор, пока правители города не обратят к нам своего слуха. Мы бедны. Мы терпим горе и муки, но пусть большие люди выслушают нас без гнева, пусть они поймут, что своим величием они обязаны именно нам — бедным людям. В самом деле, кто, рискуя жизнью, возводил эти великолепные дворцы? Кто работает на этих ткацких фабриках? Чьи голоса по утрам на улицах возвещают, что к дверям домов принесено масло и молоко? Кто поставляет фрукты и лакомства к столу больших людей? Кто убирает? Кто стирает белье? Кто разносит письма и газеты? Три четверти города в поте лица трудятся на благо одной четверти, и в награду за усердие этих тружеников лишили даже места для жилищ. Для постройки одной виллы необходимо несколько бигхов земли: большим людям нужен простор и чистый воздух. Они и не помышляют о том, что если рядом, в городе, скопища людей ютятся во мраке и зловонии, умирают от ужасных болезней, разносят повсюду эти болезни, то даже просторные виллы не спасут их самих от опасности заражения. Кто же ответствен за здоровье горожан — всех: и малых, и больших, и бедных, и богатых?

Если муниципалитет не в состоянии выполнить свой долг, его надо разогнать! Почему столь щедро отпускается земля для особняков богачей и знати, для их

садов и дворцов? Потому, что наш муниципалитет не желает думать о бедняках. Ему нужны деньги — платить большое жалованье своим чиновникам. Муниципалитет хочет украсить город роскошными зданиями, хочет сделать его прекрасным как рай; но чего будет стоить эта роскошь рядом со зловонными темными норами, в которых стонет народ? Они хотят уподобиться прокаженному, который скрывает свои гноища под шелком одежд. Добрые люди! Сносить несправедливости столь же грешно, как и совершать их. Скажите же, что отныне вы не потерпите надругательства над собой. Эти дворцы и виллы — нарывы на больном теле города, его опухоли. Их надо удалить. На земле, которую отдают под несколько вилл, можно построить по меньшей мере две тысячи небольших добротных домов, которые будут служить кровом десятку тысяч людей; но муниципалитет получил за эту землю миллион рупий, — разве он от них откажется? Жизнь десяти тысяч рабочих в их глазах не стоит таких денег.

Внезапно в задних рядах поднялся шум.

— Полиция! Полиция пришла!

Кто-то побежал, другие, наоборот, протискивались ближе.

— Не бегите, люди! Не бегите, полиция пришла за мной! — вызывал лала Самаркант. — В их глазах преступник — я, да не только я — весь мой дом! Сын мой в тюрьме, невестка и внук — тоже. Где же еще мне быть, как не с ними? Я иду. Оставляйтесь там, сахибы, я сам иду. Я иду, но клянусь, что если, вернувшись, не найду здесь свежей поросли домов, принадлежащих нашим братьям-беднякам, я сам разожгу на этом месте свой погребальный костер!

Лала Самаркант спустился на землю и, с трудом пробившись сквозь толпу, подошел к полицейскому капитану. Грузовик уже ждал. Капитан усадил в него лалу-джи, и они тронулись в путь.

— Победа лале Самарканту! — взвился над толпой высокий, исполненный сердечной боли голос; будто плененное животное, он бился и трепетал, как бы стремясь разорвать ненавистные узы.

Толпа побежала за грузовиком, — не для того, чтобы освободить своего вдохновителя, нет, ее гнал вперед безотчетный душевный порыв, жажда благослове-

ния. Но вскоре машина скрылась за клубами пыли, и люди остановились:

— Кто это там говорит?

— Кажется, женщина...

— Да, женщина, и из хорошего дома.

— Да ведь это она, свойственница лалы-джи, Ренука-деви!

— Да ну? Та самая, что отдала весь свой капитал на школу?!

— Слушайте! Слушайте!

— Дорогие братья! Лала Самаркант — человек жертвенной жизни, но и его обуревают жажда счастья — большого, светлого счастья. Я же — только женщина, а женщины всегда корыстны, — так ведь учат нас пураны? Как же мне подавить в себе этот соблазн? Я — свойственница богача, вдова богача, я живу в роскоши и удовольствиях, привыкла к почету и поклонению. Откуда мне знать, какие горести у бедняков, что у них за беды? Но этот город взял у меня дочь, и теперь я так же бедна, как и вы. Я хочу построить хижину в этом городе Вишванатха. К кому мне обратиться за разрешением, как не к вам? Этот город — ваш, каждая пядь его земли принадлежит вам. Вы его раджи, и, как истинные раджи, вы полны жертвенности. Подобно радже Харишчандре¹, вы роздали свое имущество, сделали нищих богачами, а сами превратились в нищих. Как же вернуть теперь обманом отнятое у вас царство? Вы низвергнуты в пучину. Обрадуйте же богов, расстаньтесь с Рохитасом и Шайвьей². Моя душа говорит, что боги хотят вернуть вам ваше царство, не сегодня-завтра вы снова вступите во владение им. В тот час не позабудьте обо мне — молю вас об этом в вашем дарбаре.

И снова сзади послышались крики:

— Полиция! Опять полиция!

— Пусть идет! — спокойно сказала Ренука-деви. — Ей же надо ловить преступников, а мы — преступники. Если нас не арестуют — в городе пойдет разбой, начнутся кражи, а то и заговоры! А я утверждаю, что

¹ Х а р и ш ч а н д р а — легендарный царь, отличавшийся добротой и справедливостью.

² Р о х и т а с, Ш а й в ь я — персонажи древнеиндийского эпоса, олицетворяющие злые силы.

власть, которая опирается не на справедливость, а на грубую силу,— власть грабителей. Люди, которые грабят бедняков и сами становятся богачами, которые отбирают права у народа и начинают распоряжаться его судьбой,— вот кто настоящие грабители! Братья мои, я ухажу, но молю вас, исполните мой завет: так прочтите этот грабительский муниципалитет, чтобы он не смел больше душить бедняков. Обратитесь в шипы, вонзитесь в ноги тех, кто вас топчет! С завтрашнего же дня объявляйте забастовку, чтобы богачи и чиновники по-настоящему почувствовали вашу силу, чтобы они поняли, что без вашей помощи они могут наслаждаться лишь своими деньгами, а не властью. Покажите им, что вы — их руки, их ноги, что без вас они — калеки.

Когда Ренука-деви, спустившись с груды кирпичей, направилась к полицейским, вся толпа смотрела ей вслед. Слезы закипали в сердцах, но останавливались на глазах, не проливаясь. Можно ли было дать им пролиться и нарушить суровую торжественность этой минуты? Слезы героев не засыхают на щеках: они бродят в сердце, как животворный сок, помогающий деревьям зеленеть и давать побеги. В этой огромной толпе ни у одного человека не вырвался приветственный крик,— сила порыва была сдержана. Но, когда Ренука-деви уселась и машина тронулась, волна преданности прорвалась и взметнулась высоким гребнем.

— Слишком уж много мы кричали «победа»,— тихо проговорил какой-то старик.— Теперь пойдем домой и позаботимся о куске хлеба, с завтрашнего дня — всеобщая забастовка.

Стоявший рядом поддержал его:

— А как же! Неужели сегодня драть глотку, а завтра разойтись по своим делам!

— А кто это там поднялся?

— Разве вы не узнали? Ведь это же доктор-сахиб!

— И доктор-сахиб здесь? Тогда — победа!

— Как много почтенных людей держат нашу сторону! Что за нужда этим благородным отказываться от уюта и покоя, жертвовать для нас жизнью, вызывать злобу и нарекания равных себе людей?!

— С нами милость аллаха! Недавно, когда началась чума, этот доктор-сахиб пошел служить беднякам. Своя родня у больного сбежала, а он без страха

входит в дом и помогает, чем может: лекарством да уходом, рупиями да пайсами. Наш Хафиз-джи так и зовет его — «ангел аллаха».

— Тише! Слушайте! Болтать можно и ночью!

— Братья! Вспомните, чем кончилась для вас последняя забастовка. Если сейчас повторится то же, что было в прошлый раз, вы только потерпите убытки и ничего не достигнете. Одни из вас наберут в рот воды, другие ударятся в споры и пререкания, а истинную цель забудут. Главари движения устранены, и теперь у вас начнутся старые счета, будете вытаскивать зарытых покойников, — ни организации не останется, ни ответственности, а верх возьмет террор. Поэтому пусть каждый из вас повнимательнее заглянет в свое сердце: если там гнездятся сомнения, — оставьте мысль о забастовке. Тогда лучше погибать в зловонии и грязи. Если же вы уверены в себе, если ваши сердца крепки и в них достанет мужества вынести потерю заработка, голод и несчастье, тогда объявляйте забастовку. Но дайте клятву, что на время забастовки вы забудете свою вражду, не будете тревожиться о прибылях и убытках. Вообразите себе, что вы играете в кабадди. В этой игре, как вы знаете, часто случается так, что все игроки одной стороны, за исключением последнего, выбывают, или «умирают». Но оставшийся продолжает игру. До самого конца у него имеется шанс оживить своих «умерших» партнеров и вместе с ними выиграть. В это время каждым игроком владеет лишь одна мысль — выиграть. В душе его нет места иным чувствам. Он и внимания не обратит, если противник обругает его, вырвет у него бумажный змей или закатит ему оплеуху. Точно так же вы должны настроить ваши души сейчас. Я вовсе не предсказываю вам беспорной победы; все может случиться — и победа и поражение. Об этом мы сейчас не будем говорить. Голодный ребенок плачет от голода, он не думает, помогут ли слезы добыть кусок хлеба. У матери может не быть денег или она захворала, но ребенок остается ребенком — он голоден и плачет. Вот так же и мы. Кто знает, заснем ли мы, утомившись от плача, или мать сжалится и даст нам поесть. Мы не питаем ни к кому вражды, мы — слуги общества, нам не пристало с кем-либо враждовать...

В это время капитан полиции отчитывал тханедара:

— Немедленно вызвать машину! Вы уверяли, что больше речей не будет, откуда же этот вынырнул?

Тханедар с растерянным видом оправдывался:

— Хузур, этот доктор-сахиб свалился на нас неожиданно-негаданно. Мы и не подозревали, что он здесь. Прикажете, я сейчас же арестую его и отправлю на тонге?

— На тонге! Да вы с ума сошли! Вас тут же окружают, и придется открыть огонь. Быстрее бегите за такси!

Доктор Шантикумар продолжал:

— Мы ни к кому не питаем вражды. Однако общество, в котором нет места беднякам, уподобляется дому без фундамента: какой-нибудь легкий удар может свалить его на землю. Я спрашиваю у своих богатых, образованных и могущественных братьев: разве справедливо, что одни из нас живут в особняках, а другие недостойны даже лачуг? Или вас не мучит совесть, когда вы видите бедствия себе подобных? Вы скажете, что добыли свои богатства с помощью ума, почему бы, мол, теперь и не насладиться плодами своих трудов. Имя вашему уму — корыстный расчет! До тех пор, пока он будет владеть миром, справедливость будет попирааться. Поймите, — говорю я им, — в обществе назревает взрыв! После чрезмерной духоты бывает ураган. Нельзя вечно подавлять народ. Сушность жизни — равенство, только оно может укрепить общество. Воздух и свет — дары всевышнего, ничтожная горстка богачей не вправе отнимать их у народа. Бескрайняя толпа, собравшаяся здесь, — гневный протест против несправедливости и беззакония. Если и теперь глаза власть имущих не раскроются, — что ж, им же придется потом жалеть. Наступила эпоха пробуждения. Восставшие ото сна не потерпят несправедливости, в дом к бодрствующим не посмеет проникнуть вор.

Подъехало такси. Капитан в сопровождении нескольких тханедаров и полицейских направился к толпе.

— Доктор-сахиб, ваша речь, вероятно, подошла к концу! — крикнул он оратору. — Теперь извольте пожаловать сюда, или мы будем вынуждены пробраться к вам.

Шантикумар, продолжая стоять на гряде кирпича, ответил:

— Добровольно в тюрьму я не пойду. Если вам так хочется, можете увести меня силой.

И он продолжал речь:

— На что опираются богачи? На полицию. Спросим же и их, наших братьев полицейских: «Разве вы не бедняки? Разве вы и ваши семьи не ютитесь в гнилых, темных, вонючих и переполненных миазмами норах? Но по милости времени вы ради защиты беззакония готовы удушить собственных детей...»

Капитан, продравшись, наконец, сквозь толпу, схватил Шантикумара за руку и потащил к машине. И тут доктор-сахиб столкнулся с Найной.

— Откуда вы, Найна? — встревоженно спросил он. — Вы знаете — сетха-джи и деви-джи увезли, теперь наступила моя очередь.

Найна улыбнулась.

— А после вас — моя, — просто сказала она.

— Нет! Нет! Не поступайте опрометчиво! Ведь сейчас вся надежда только на вас.

Найна ничего не ответила, и капитан с доктором-сахибом двинулись дальше. Кругом поднялся шум — люди не знали, что делать. Толпа напоминала сейчас расплавленный металл, которому можно придать любую форму. Человек, который возглавил, бы толпу в этот момент, мог бы повести ее куда угодно, и всего легче — к разрушению. В этом состоянии взвинченности и раздражения, усугубленном следовавшими один за другим арестами, людям ничего не стоило начать бросать камни в полицию или разбивать лавки. В этот-то момент и появилась Найна. Она выехала на прогулку в своей коляске и по дороге услышала об аресте отца и Ренуки-деви. Не медля, приказала она кучеру ехать на строительную площадку. До сих пор она оберегала честь мужа и свекра и не принимала участия в делах, могущих вызвать их неудовольствие. Но тут она уже не могла сдержаться. Пусть Манирам выходит из себя, пусть лала Дханирам бьет себя в грудь кулаками — Найна и думать о них забыла. Если бы в этот момент кто-нибудь попытался остановить ее, она, наверное, покончила бы с собой. Крайне застенчивая по натуре, в доме свекра она могла умереть с голоду, но ни за что не попросила бы куска хлеба. В последнее время чуть ли не каждый день где-нибудь устраивались митин-

ги, но Найна и не представляла себе, что когда-нибудь выступит с речью. Дело не в том, что у нее не было своих мыслей или она не могла их выразить, просто она умерла бы со стыда, оказавшись одна перед толпой. Иными словами, внутреннее стремление к общественной жизни никогда не было в ней настолько сильным, чтобы оно могло разорвать узы условностей и пассивности. Так, некоторым животным бывает присуща определенная поза, и как бы вы ни старались, вам не удастся заставить их изменить ее. Но троньте слегка какое-то уязвимое место, и бедные зверушки встрепенутся, в них как бы вольется жизнь. Арест лалы Самарканта затронул в сердце Найны это самое уязвимое место. Впервые в жизни выступила она перед народом, стойкая и бесстрашная, воодушевленная чистой мыслью, озаренная светом новой истины. Когда ее легкая фигурка, освещенная серебристыми лучами луны, поднялась над грудой кирпичей и над толпой разнесся ее мягкий, глубокий голос, казалось, сама природа замерла в благоговении.

— Добрые люди, я — дочь лалы Самарканта, невестка лалы Дханирама. Мой дорогой брат — в тюрьме, моя милая невестка — в тюрьме, мой золотой крошка племянник — в тюрьме, а сегодня и отец мой отправлен туда же.

— И Ренука-деви тоже! — слышалось в толпе.

— Да, и Ренука-деви, та, что заменила мне мать. Для дочери родной дом там, где находятся ее родители, ее брат и невестка. Для женщины родительский кров всегда милее дома свекра. Добрые люди! Из той земли, на которой мы сейчас находимся, несколько участков принадлежит моему свекру лале Дханираму. Я уверена, что если бы я проявила достаточно упорства, на этих участках построили бы не виллы, а дома для бедняков. Но цель наша не в этом. Мы ведем борьбу за то, чтобы город, большая часть населения которого погибает в грязных норах, лишен был права продавать землю под строительство дворцов и вилл. Раньше на этом месте были зеленые деревушки. Но муниципалитет образовал «Союз строительства города», который за гроши скупил у крестьян землю, а теперь продает ее на вес золота под виллы для богатых людей. Давайте

же спросим у правителей города, неужели они думают, что жить на земле могут только богачи? Неужели беднякам не надо жить? Разве только богачам нужно здоровье, а беднякам — нет? Народ больше не хочет умирать в грязи и нищете! А если надо встретить смерть, то лучше здесь, на этой площади, под открытым небом, в прохладном блеске луны, а не в грязных, темных норах! Но прежде мы обратимся к правителям города, в последний раз повторим перед ними свою просьбу и спросим, по-прежнему ли тверды они в своем решении. Если они настолько высокомерны и жестоки, что осмелятся заглушить голос бедняков ружейной стрельбой, что ж, их ошибка: каждая капля пролитой крови породит нового борца. Если же правители услышат наш призыв, они легко искупят свою вину: близок час, когда народ выйдет из своего плачевного состояния и возьмет то, что ему причитается по праву,— силу и власть. «Не будите, не дразните зверя протеста,— скажем мы им,— опасно его пробуждение и ужасен гнев. Когда зверь проснется и зарычит,— некуда будет бежать вам, негде укрыться от него». Так мы остережем членов совета. Время настало, братья! Идемте же все вместе к муниципалитету. Мешкать нельзя — члены совета могут разойтись. Забастовка таит в себе опасность мятежа, поэтому к ней следует прибегнуть лишь тогда, когда испробованы все средства.

Найна подхватила флаг и пошла. Двадцатипяти тысячная толпа, бурля, словно море, покатила следом. Но этот людской поток совсем не походил на ярмарочное сборище, крикливое и бестолковое, которое принято под-разумевать под словом «толпа». Народ шел спокойно и организованно, словно воинские колонны. Рядами по восемь человек двигалось это бесконечное шествие; люди шли мерным шагом, слитые воедино общей идеей, общими целями, общей верой, испытывая бурный прилив внутренних сил. Их цепь не обрывалась: она тянулась и тянулась, будто из чрева земли.

Все кровли и балконы по обеим сторонам улиц были усыпаны зрителями. Они изумленно смотрели на шествие: «Смотрите, сколько людей! Все идут и идут!» Найна запела, и песню ее подхватили тысячи уст.

«В наших руках жизнь человечества...»

Единый, живой и мощный хор поднял эти слова до небес:

«В наших руках жизнь человечества...»

— «Почему же нас считают низкими?» — закончила строку Найна.

— «Почему же нас считают низкими?» — гремел хор.

Найна. «Почему со своими слугами...»

Народ. «Почему со своими слугами...»

Найна. «Обращаются так несправедливо?»

Народ. «Обращаются так несправедливо?»

В совете муниципалитета на повестке дня снова стоял тот же самый вопрос.

Хафиз Халим, опустив телефонную трубку, сообщил:

— Доктор Шантикумар тоже арестован.

— Ну, теперь корни движения подрублены, — с жестоким удовлетворением заметил мистер Сен. — Доктор-сахиб был главным вдохновителем.

Пандит Онкарнатх ехидно усмехнулся:

— А виллы на этой земле все равно не придется строить: слишком много дурных предзнаменований.

Мистер Сен, купивший на имя сына несколько участков, взбесился:

— Если совет не в силах проводить в жизнь принятые решения, членам его надо подать в отставку!

Мистер Шафик — профессор университета и друг доктора Шантикумара — возмущенно запротестовал:

— Решения совета — еще не решения всевышнего! Совет постановил распродать земли этого квартала маленькими участками. Что же получилось? Строительный материал, завезенный туда, пропал, тысячи людей днем и ночью стерегут квартал. Я убежден, что вы не найдете ни одного рабочего для этого строительства. Предупреждаю совет: если постановление не будет отменено, в городе могут произойти большие неприятности. Участие в движении таких людей, как сетх Самаркант и доктор Шантикумар, говорит о том, что это не детская игра. Корни этого движения разрослись широко, и подрубить их уже почти невозможно. Совету придется либо изменить свое решение, либо принести в жертву сотню человеческих жизней. Опыт последних дней говорит, что насилия оказали на народ совершенно обратное действие, гото-

вится забастовка, и она будет поистине ужасна. Слишком большую ответственность берет на себя совет муниципалитета.

Мистер Хамид Али был управляющим текстильной фабрики. Дела у него шли неважно, фабрика работала в убыток, и забастовка окончательно погубила бы ее. Несмотря на свою тучность, мистер Хамид Али был очень энергичный человек.

— Не могу понять, почему совет так боится признать справедливость народных требований, — сказал он. — Вероятно, он опасается за свой престиж. Но преклонение перед правдой говорит не о слабости, а о силе. Если сейчас, в связи с этим делом, совет будет переизбран, я убежден, что прежние решения будут отменены как ошибочные. Ведь дело клонится к тому, что ради удобства и благополучия двадцати пяти тысяч людей муниципалитету придется понести убыток в сто — сто двадцать тысяч рупий и огорчить пять — десять своих членов, а это...

Его речь прервал телефонный звонок. Хафиз Халим снял трубку, выслушал сообщение и оповестил:

— Сюда идет двадцатипяти тысячная толпа. Во главе — уважаемая дочь лалы Самарканта и невестка лалы Дханирама. ДСП говорит, что рассеять толпу можно, только открыв огонь, и просит нас принять решение по этому поводу. Я думаю, лучше всего поставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы не ограничиваться законными мерами, прошу поднять руку.

Поднялись двенадцать рук.

— Кто против?

Против было десять. Лала Дханирам воздержался.

— Итак, совет считает, что шестие необходимо задержать, пусть даже для этого придется открыть огонь.

— Какие могут быть сомнения! — буркнул Сен.

Снова задребезжал телефон; Хафиз-джи поднял трубку.

— Большое несчастье! — послышался голос ДСП. — Лала Манирам только что застрелил свою жену!

— Что?! Как это случилось?! — закричал Хафиз-джи.

— До сих пор ничего не известно. Видимо, разъяренный лала Манирам вышел навстречу шестиву и потребовал, чтобы жена его шла домой. Леди отказалась. Произошла ссора. В руках у мистера Манирама оказался пистолет, и он выстрелил в жену. Если бы он не

убежал, толпа разорвала бы его в клочья. Теперь процессия идет к муниципалитету, тело леди они несут с собой.

Известие это было ужасно. Оно подействовало, словно колдовское заклятие: люди онемели и застыли, словно превратились в камень.

Но вот лала Дханирам поднялся и дрожащим голосом проговорил:

— Господа, здание, которое складывал я по камешку в течение почти полувека, рухнуло, рассыпалось в один миг так, что теперь и фундамента его не сыщешь. Я собрал лучшие материалы, нанял самых умелых мастеров, выбрал прекраснейшие проекты, все было готово, оставалось только возвести купол... И вот ураган снес это роскошное здание, словно ворох соломы. Кажется, все это было только сном моей жизни, может быть — черным сном. И этот сон исчез!.. Исчез!..

И лала Дханирам направился к двери.

— Сетх-джи, позвольте мне и членам совета, — я уверен, они присоединятся ко мне, — выразить вам свое глубокое соболезнование, — скорбно сказал Хафиз Халим. Сетх-джи обернулся.

— Если совет сочувствует моему горю, пусть мне дадут полномочия выйти к людям и объявить, что эта земля предоставляется им. Иначе — сколько еще домов обратится в пепел, сколько снов разрушит этот огонь!

— Идите, идите! — раздалось вокруг. — Мы тоже пойдем с вами.

Двадцать членов совета встали и последовали за старым сетхом. Поняв, что дело проиграно, поднялся и Сен, а за ним и три его друга. Последним вышел Хафиз Халим.

Шествие продолжало двигаться по направлению к муниципалитету, неся останки Найны. Откуда только в городе набралось столько народу! На целые мили растянулась эта колонна — спокойная, серьезная, сплоченная, готовая на смерть. Жертва Найны сделала ее несокрушимой.

Навстречу колонне вышли двадцать пять членов совета. Они осыпали цветами тело Найны, а затем Хафиз выступил вперед и громко заговорил:

— Братья! Вы направлялись в совет, а члены совета

сами вышли вам навстречу. На сегодняшнем заседании совет единогласно решил передать все земельные участки вам. Поздравляю вас, а также совет с этим решением. Мы все согласились в одном: здоровье бедняков, их покой, их нужды заслуживают большего внимания, чем комфорт, удовольствия и прихоти обеспеченных людей. Мы признали, что бедняки имеют тут больше прав, чем люди с достатком. Для совета жизнь горожан дороже, чем рупии. Нам стало ясно, что красота города — не в пышных дворцах и роскошных виллах, а в уютных маленьких домиках, которые дадут кров рабочим и низкооплачиваемым служащим. Я сам вначале противился такому решению, да и большинство членов совета не соглашалось с ним. Ваши жертвы и самоотверженность ваших вождей одержали победу над муниципалитетом, и с этим событием я счастлив вас поздравить. Венок же, знаменующий победу, я возложил на чело той, которая сейчас покоится на носилках на ваших плечах. Лала Самаркант — мой давний друг, его славный сын — близкий друг моего сына. И дружба наших детей не оказалась бесплодной: влияние благородного ума Амарканта заставило моего Салима покинуть государственную службу и избрать другой путь — путь служения народу, приведший его в тюрьму. Никто из нас не в силах понять, какую душевную борьбу пришлось пережить Найне-деви. С одной стороны — отец, брат и невестка в тюрьме, с другой — муж и свекор, одурманенные богатством и духом стяжательства. Да простит меня лала Дханирам, я не хочу осуждать его. Он так же, как и я, и вы, и весь мир, связан обстоятельствами. Сейчас сердце его томится, сокрушенное скорбью, горчайшей из всех, что даны нам в удел. Мы все разделяем его горе, все, так же, думаю, как и вы, полны соболезнования. В душе Найны-деви привязанность к родительскому дому боролась с почтением к дому свекра. Борьба эта началась в тот день, когда вспыхнуло ваше движение, и завершилась сегодняшней трагедией. Я верю, пока будет стоять наш город, память об этой чистой жизни не изгладится из сердец его обитателей. Я никогда не поклонялся идолам, тем более я буду стараться, чтобы на этой земле, в центре будущего квартала, был воздвигнут памятник нашей юной деви, который напоминал бы грядущим поколениям о ее щедрой жертве.

Друзья мои, я не намеревался произносить речь, — в данный момент славословия неуместны. Слишком перемешались сейчас свет и тьма, победа и поражение, радость и горе. Соединение света и тьмы являет собой этот прекрасный рассвет, соединение победы и поражения — этот мир. Радостен и печален голос новой эры, и мы молим всевышнего, чтобы эра эта длилась вечно, чтобы не иссяк в нас дух жертвенности и стремления к справедливости, ибо на этом держится мир. Вас же мы просим: победители, обращайтесь с побежденными так, как подобает героям. На нашей святой земле побежденный враг всегда превращался в друга. Едва лишь утихал гром войны, мы изгоняли из сердец печаль и злобу и открывали объятия прежнему недругу. Давайте же обнимем друг друга, порадуем чистый дух деви, которая была нашим истинным вождем, зарей, несущей весть о наступлении утра. Да поможет нам всевышний извлечь из ее жертвы урок служения родине, служения истине.

Едва Хафиз-джи умолк, из тысяч уст, словно единый вздох, вырвалось: «Победа Найне-деви!» Возглас был полон такой скорби, такой глубокой любви и почтения, что, верно, самые небеса содрогнулись. Затем послышались приветственные клики в честь Хафиза Халима, и шествие, вместе с членами совета, направилось к берегу Ганга. А Хафиз Халим вернулся в канцелярию муниципалитета, вызвал полицейских чиновников и порекомендовал им освободить арестованных.

Борьба, которую полгода назад начинала одна богиня; сегодня была завершена другой богиней, принесшей в жертву свою жизнь.

10

К тому времени, когда Сакину привезли в женскую тюрьму, там было получено постановление об освобождении Сукхды, Ренуки и патханки. Одновременно пришло известие о гибели Найны. Подавленная горькой вестью, Сукхда склонила голову и застыла, словно статуя, без мысли, без движения. Победа — но какой ценой!

Ренука-деви, тяжело вздохнув, сказала:

— Есть же на свете люди, из корысти готовые убить родную жену!

— Он не убил Найну, мама! — устало отозвалась Сукхда. — Эта победа вернула ей жизнь.

Старая патханка плакала.

— А братец-то, братец! — причитала она. — Как он будет горевать! Ведь они так любили друг друга...

Вошел начальник тюрьмы и попросил женщин приготовиться: с вечерним поездом они должны покинуть Лакнау.

— Простите, если мы в чем-нибудь виноваты, — почтительно закончил он.

Ему не ответили, словно никто и не слышал его слов. Счастье освобождения, радость победы — все утонуло в великой скорби.

Малыш, поскользнувшись в грязи, шлепнулся и теперь яростно бил ногами — наказывал землю за этот подвох. Плач мальчика разносился по всему тюремному двору. Обе — и Сакина и Сукхда — бросились к ребенку, подняли его, отвели под дерево и принялись утешать.

Сакина шепнула Сукхде:

— Перед отъездом тебе надо бы повидаться с бабушкой. Меня страх берет при одной мысли о нем. Такого горя и зрагу не пожелаешь.

Сакина прибыла в тюрьму еще накануне утром, но до сих пор они с Сукхдой обменялись лишь обычными приветствиями. Сакина боялась, как бы Сукхда не затронула запретную тему, а та, в свою очередь, тоже прятала глаза, словно все годы подвижничества не смыли с ее жизни этого темного пятна.

Однако совет Сакины прозвучал так сердечно, что Сукхда была тронута.

— Да, я уже думала об этом, — призналась она. — От тебя что-нибудь передать?

Глаза Сакины налились слезами.

— Что же передать, сестра? Скажи только: «Найна-деви ушла от нас, но пока будет жива Сакина, считай ее Найной».

Сукхда не смогла подавить ревнивой усмешки.

— У вас с ним, сколько я помню, наметилось другое родство, — уколола она девушку.

Но Сакина сумела отразить удар:

— Тогда ему нужна была женщина, сейчас — сестра.

Сукхда резко заметила:

— Но я-то ведь, кажется, и тогда жила на свете.

Сакина поняла: тот разговор, которого она так боялась, назрел, и у нее нет иного оружия, кроме оправданий.

— Ты не обидишься, если я кое-что скажу тебе? — спросила она.

Сукхда пожала плечами.

— Конечно, нет!

— Тогда слушай. Когда вы выгнали его из дому, получилось так, словно он уехал на запад, а ты — на восток. Но прошло время, и ваши сердца, несмотря на расстояние, слились воедино, так же как и жизни. Ты оказалась способной на все, что он так ценил в жизни, и ему остается только целовать прах твоих ног.

Это признание бывшей соперницы так обрадовало молодую женщину, как радуется поэта похвала собрата. Все сомнения, которые разрывали ее сердце, излились вдруг в искренней исповеди:

— Это ты так думаешь, сестра, а кто знает, что у него на душе? Я больше не верю мужчинам. Пусть он сейчас уважает меня, но на отсутствие уважения я и раньше не могла пожаловаться. А вот забыть тебя он, пожалуй, не сможет. Пусть ты выйдешь замуж за Салима, но в сердце Амара ты будешь жить всегда.

Лицо Сакины дрогнуло, — она испугалась. Словно какой-то враг обманул ее, пытался набросить ей на шею петлю. И как бы оберегая себя от этой петли, она торопливо заговорила:

— Вот ты опять несправедлива к нему! Он не такой, чтобы вынуждать себя на какие-то поступки из боязни перед людьми. Он сам способствовал моей переписке с Салимом. Мне казалось — я поняла его намерение: я думала, что ты признала своего грозного бога. Меня всегда мучило: смогу ли я, простая девушка, дать ему счастье? Я уподобилась нищему, который получил сокровище и обезумел, не зная, где спрятать его, как уберечь. Когда я поняла его намерение, у меня с души словно камень свалился. Ведь божество надо почитать. Если оно войдет к нам в дом, где мы посадим его, как накормим, какое ложе предоставим ему? В храме мы воплощение веры и самообуздания, но что будет, если всевышний узрит нас дома, в обыденной жизни? Он проникнется к нам лишь презрением. Салима же я могу принять: он — человек из этого мира, я понимаю его.

В этот момент дверь, ведущая в женское отделение,

распахнулась и пропустила троих заключенных. Они были одеты в короткие штаны и в рубахи с нелепыми, ниже локтя, рукавами. Один нес на плече бамбуковую лестницу, другой держал на голове мешок с известью, в руках третьего были кисть и ведро. Наступило время ежегодного ремонта тюрьмы, и сегодня предполагалось белить женское отделение.

Едва лишь Сакина увидела прибывших, она ахнула и вскочила с места.

— Да ведь это бабу-джи! Вон тот — с ведром и кистью!

Девушка подхватила малыша и побежала к двери; по дороге она целовала мальчика и приговаривала:

— Идем, идем! Вон твой бабу-джи!

Сукхда медленно пошла за ней: глаза молодой женщины застилали слезы. Сегодня, после стольких дней, они, наконец, встретились, — но где!

Тут подросла Мунни, выхватила из рук Амарканта ведро и принялась кричать:

— Да что это с тобой случилось, лала? От тебя и половины не осталось! Иди, иди отдохни малость, а я пока накачаю воды.

Но Амар крепко вцепился в ведро.

— Нет уж, оставь, ты не сможешь. Если заметит надзиратель, мне влетит.

— Чего там, я сумею ответить надзирателю! — Мунни все-таки завладела ведром. — И что это тебя так перевернуло? Разве ты раньше таким был?

С одной стороны Сакина и Сукхда, с другой — патханка и Ренука, — подошли и обступили Амара. Но ни слова не сорвалось с их уст. Глаза у всех были влажны, горло сжимали спазмы... Порыв радости толкнул их сюда, но с каждым шагом они словно погружались в реку: вода становилась глубже, глубже, и вот уже сомкнулась над их головами...

При виде этих богинь душа Амара исполнилась изумления и гордости. Каким ничтожеством ощущал он себя перед ними! Где взять слова для их прославления, какую жертву принести им?! Даже раньше, с надеждой глядя в будущее, он не представлял его столь прекрасным. Все-го его, с головы до ног, пронизало чувство гордости за свою страну, из глаз брызнули слезы любви. Правда, он уже знал, что все они в тюрьме, все, кроме Ренуки. Уви-

дев же здесь эту почтенную женщину, он словно обезумел и бросился к ее ногам.

Ренука-деви, благословляя зятя, положила руку на его голову:

— Сегодня тебя ждет хороший подарок, сынок. Да исполнит всевышний все твои желания! Нынче уже пятый день, как я здесь, и вот пришел приказ о нашем освобождении. Найна освободила нас!

— Найна? Она тоже здесь?! — Сердце Амара готово было выпрыгнуть из груди. — Но ее домашние, наверное, в ярости?..

На мгновение все застыли в ужасе; затем послышались рыдания. Амар с тревогой переводил взгляд с одного лица на другое, душа его трепетала от страшного предчувствия. На лицах не было сияния победы — на них лежала тень скорби.

— Так где же Найна? — в волнении спросил он. — Почему она не пришла? Заболела?

Ренука-деви мучительным усилием сдержала рыдания и проговорила:

— Сынок, ты увидишь свою сестру на площади — там будет стоять ее изваяние. Найна теперь — рани твоего города. Отныне в каждом сердце она занимает почетный трон.

Амара словно громом поразило. Колени его подогнулись, он сел на землю и, прижав к лицу обе руки, задохнулся в слезах. Ему вдруг почудилось, что жизнь его лишена всякого смысла: Найна, сверкающая в сонме небожителей, звала его покинуть этот мир.

Ренука-деви ласково провела ладонью по его волосам.

— Зачем ты плачешь о ней, сынок? Она не умерла, наоборот, она обрела бессмертие. Это ее жизнь сделала нашу жертву столь бесценной.

Салим, овладев, наконец, голосом, спросил:

— Как это случилось? Она попала под обстрел?

— Какой там обстрел? — с укоризной сказала Ренука-деви. — Мы ни с кем не воевали. Просто народ собрался идти к муниципалитету, и наша девочка возглавила шествие — говорят, тысяч ста. Тут откуда ни возьмись подоспел этот Манирам и выстрелил в нее. Бедняжка упала как подкошенная, слова промолвить не успела... Душа ее всегда жила в брате... Теперь же она ушла на небеса, а нам оставила лишь слезы...

Перед внутренним взором Амарканта одно за другим вставали различные события из жизни сестры, и душу заливали все новые потоки горя. Увы! По отношению к ней он не выполнил своего долга! Эта мысль окончательно сразила его. Ведь если бы не его бегство, разве стал бы отец навязывать сестру этому подлецу Манираму? Разве окончилось бы все так печально?

Но внезапно в этом океане скорби перед ним мелькнула лодка божественного промысла: мог ли человек так страстно стремиться к служению, если его не вдохновлял сам всевышний? Кто сумел использовать свою жизнь прекраснее? Мир погибает в стяжательстве и эгоизме, счастье отдать жизнь за доброе дело выпадает на долю лишь самых чистых. Душа Амара различила вдруг во мраке скорби сияние божественного милосердия — яркое, безграничное, немеркнувшее!..

— Лала-джи, наверное, сильно опечален? — снова спросил Салим.

Ренука-деви гордо ответила:

— Он еще раньше попал в тюрьму, сынок. И Шантикумар тоже!

Амарканту почудилось, что сияние вокруг него стало вдвое ярче, сила рук учетверилась. Он тут же мысленно припал к стопам всевышнего, и жемчужины, катившиеся из его глаз, порожидала уже не печаль, а радость и гордость. Сердце его исполнилось бесконечной преданности всевышнему. Амару казалось, что сам он перестал существовать, осталась лишь одна божественная воля: что бы ни сделал он — во всем было лишь проявление этой высшей воли, именно она даровала успех и счастье! Сакина и Мунни — обе сейчас были перед ним. Ураган чувственных желаний, некогда поднимавшийся в нем при виде их красоты, ныне сменился светлой, спокойной любовью, которая очищала душу от грязи, переполняла ее светом истины. Алчность в его душе уступила место отречению, жажда наслаждений сменилась стремлением к самообузданию. Он вдруг почувствовал себя робким верующим, а обеих красавиц — богинями, достойными поклонения. Прах от их ног сделал бы успешными все его начинания.

Ренука-деви, взяв у Сакины малыша, подвела его к Амару и сказала:

— Вот твой бабу-джи, сынок! Иди к нему.

При виде тюремного одеяния Амара мальчик заплакал, ухватился за бабушку и спрятался в складках ее одежды. Затем, немного успокоившись, он начал потихоньку выглядывать из своего убежища, словно хотел подбежать к отцу, и в то же время боялся, что этот оборванец схватит его и унесет. Очень трудно было представить себе, что человек в такой гадкой одежде — его родной бабу-джи!

Сукхда рассердилась на сына: вот трусишка! Словно его тут съедят! Молодой женщине безумно хотелось, чтобы все, наконец, разошлось и дали ей поговорить с Амаром наедине. Кто знает, когда еще им доведется встретиться?

Амаркант не спускал глаз с Сукхды.

— Вы, женщины, и тут взяли верх над нами, — проговорил он. — Вы сумели завершить дело, за которое взялись, а мы — где стояли, там и поныне стоим. Кто знает, удастся ли нам добиться успеха? Вся слава в нашем небольшом движении принадлежит Мунни и Сакине. Их любовь к родной земле, их смелая самоотверженность заставляли нас выше держать головы.

То, что сделала Сукхда, вы все знаете лучше меня.

Почти три года прошло с тех пор, как я взбунтовался и ушел из родного дома. Тогда я считал, что моя жизнь погибла из-за Сукхды, сегодня же я счастлив тем, что могу приложить ко лбу прах от ее ног. Мать и сестры, перед всеми вами я молю ее о прощении.

Салим, как всегда, не удержался от шутки:

— Ну, нет, что такое слова! Ухвати-ка, брат, себя за уши¹ и сделай сто тысяч приседаний!

Амар, сердито покосившись на него, заметил:

— Не забывай, что ты отрешен от должности. Теперь наказывать людей — не твоя забота.

Но Салим не унимался:

— А ты что молчишь, Сакина? Ведь и у тебя найдется что сказать ему. Или ты ждешь удобного случая? — И тут же поддел Амара: — Ты не должен отступаться от своих слов, джанаб!² Обещания надо выполнять.

Лицо Сакины залила краска стыда. Первым ее побуждением было — оборвать шутку. Но в то же время в

¹ Жест, означающий самоосуждение.

² Джанаб — господин.

глазах ее вспыхнул такой огонь ликования, которого, как ни старайся, — не скроешь. Словно то черное пятно, которое лежало на ней все эти годы, было, наконец, смыто. Она готова была бить в барабан и на весь мир кричать, что она чиста! Девушка метнула на старую патханку полный укоризны взгляд, будто говорила: «Теперь видишь, как ты была несправедлива?» Ей и не снилось подняться на такую высоту! Она представить себе не могла, что достигнет такого почета, такого уважения!

Лицо Сукхды тоже сияло гордостью и радостью. Заносчивость и высокомерие уступили место сердечности. Сегодня она, наконец, получила того, кого так жаждало ее сердце, любимого, без которого жизнь казалась пустыней. Теперь эту пустыню словно увлажнили медом радости, и она зазеленела. Сегодня, согретая любовью мужчины, Сукхда ощутила вдруг всю свою женственность, и душа ее заметалась в стремлении прильнуть к его душе, потерять себя... Сегодня ее подвижничество, кажется, начало приносить плоды.

А Мунни? Она стояла в стороне, склонив голову, казалось, безразличная ко всему... На унылую ограду ее темницы однажды, бог весть откуда, залетела певунья-птичка. Бедная узница насыпала зерен в анчал и, тихонько подбираясь к своей гостье, стала манить ее. И вот — зерна на земле, птичка клюет и поглядывает, словно спрашивает: «А ты и впрямь будешь лелеять меня или, может, слегка позабавившись, подрежешь мне крылья и бросишь беззащитной?» Но едва лишь рука протянулась, чтобы схватить певунью — та вспорхнула на ветку; глаза ее плутовато блестели, будто говоря: «Я — вольная птица, что мне до твоей клетки? В ней — лишь сухие зерна да черепок воды!»

Салим вывалил известь в чан. Сакина и Мунни собрались таскать воду.

— Давайте-ка ведро, я сам буду носить, — сказал Амар.

— Ты будешь носить, а мы — сидеть?! — возмутилась Мунни.

Амар рассмеялся:

— А по-твоему, лучше будет, если носить будешь ты, а я — на тебя любоваться?

Мунни подхватила ведро и убежала; Сакина последовала за ней.

Ренука отправилась хлопотать об угощении для Амара. Здесь, в тюрьме, что он, бедняга, видит? Только хлеб да похлебку! Почтенной женщине не терпелось готовить всевозможных яств, чтобы как следует попотчевать зятя. Надо сказать, тюрьма нисколько не стесняла Ренуку-деви: и начальница и надзирательницы — все наперебой старались услужить ей. Патханка устала стоять и пошла прилечь, Мунни и Сакина таскали воду. Салиму нужно было многое сказать Сакине, и он тоже направился к колонке. Амаркант и Сукхда остались, наконец, одни.

Амаркант подошел к жене и обнял сынишку.

— Веришь ли, Сукхда, эта тюрьма стала для меня раем. В самом деле, здесь я получил больше даров, чем совершил подвиг. Сумею ли я высказать все, что лежит на сердце?! Как много я думал о тебе, Сукхда, как раскаивался в своей ошибке!..

— Ого! Где это ты научился так сочинять? — перебила его Сукхда. — Я прекрасно знаю, что у тебя на сердце: только гнев и гнев! Прощения или сострадания там нет и в помине. Пусть я — неженка. Но заслуживает ли это такого сурового наказания? И притом ты же прекрасно знаешь, что тут виновата не столько я сама, сколько мое воспитание.

Амар сгорал со стыда.

— Будь же справедлива, Сукхда! — взмолился он.

— А ну-ка, погляди на меня! — Коснувшись рукой подбородка мужа, Сукхда заставила его поднять потупленную голову. — В чем я несправедлива? И разве ты сам — воплощение справедливости? Может быть, ты засыпал меня письмами, а я не отвечала тебе? Откуда у тебя эта жестокость? Мы привыкли щадить даже животных, а ведь я — человек. Как же ты мог забыть меня, словно мертвую?

Отвечать было нечего, но все же Амар попытался защищаться.

— Но ведь и ты ни разу не написала мне. И если бы я даже написал, разве ты ответила бы? Скажи откровенно.

— Так ты хотел проучить меня?

Амаркант немедленно отвел такое обвинение.

— Ну что ты, Сукхда! Дело совсем не в том. Я сотни раз хотел тебе написать, но...

— ...но боялся, что я не пожелаю прикоснуться к твоим письмам, — закончила за него Сукхда. — Если

после этого ты претендуешь на знание женского сердца, то, право, напрасно.

Амару пришлось признать свое поражение.

— А разве я когда-нибудь претендовал на это?

Хотя муж ее действительно никогда не высказывал таких претензий, Сукхда в глубине души была убеждена, что он терпит себя этой мыслью.

— Героизм мужчины вовсе не в том, чтобы бросить женщину к своим ногам, — с мягким упреком заметила она. — Я не писала тебе только потому, что считала себя обиженной стороной. Однако оставим этот спор. Скажи лучше, на чьей стороне теперь победа — на твоей или на моей?

— Конечно, на моей, — заявил Амар.

— А я считаю, что на моей.

— Как так?

— Ты поднял бунт, а я добилась своего мирным путем.

— Ну нет! Ты сделала только то, о чем я просил тебя.

В эту минуту на тюремном дворе появился сетх Дханирам в сопровождении самого начальника тюрьмы и чиновников. Все глаза с любопытством обратились на них. Старый сетх был до того слаб, что передвигался с большим трудом, опираясь на палку и поминутно останавливаясь из-за душившего его кашля.

Амаркант пошел навстречу лале Дханираму и склонился перед ним в почтительном приветствии. При виде этого дряхлого старца вся ненависть, скопившаяся в его сердце, вдруг исчезла.

Старый сетх благословил Амара и заговорил:

— Ты, наверное, удивился, увидев меня, сынок. Вот, думаешь, старик все коптит небо, чужой век заживает. Это бы еще ничего, все мое горе в том, что мне не верят, в каждом моем поступке видят только эгоизм да голый расчет. То, что и в моей душе живет любовь к правде и человеку, — этого никто не хочет знать. В глазах людей я — лютый зверь, а все потому, что я говорю: каждому делу — свое время. Зеленая завязь не созреет, если ее положить в солому. Плод из нее получится только тогда, когда она наберется соков. Если кругом мгла, то рассеять ее может лишь восход солнца. Обратитесь в любую контору — без взятки ваше дело не пойдет, войдите в любой дом — всюду гнездится вражда. Эгоизм, невеже-

ство, лень — вот наши оковы, и разбить их может только воля всевышнего. Мы позабыли нашу древнюю культуру, когда над миром царила душа. До тех пор, пока всевышний не смиростивится над нами, эта душа не воспрянет, а без нее мы ничего не можем поделать. Я не верю в движения, подобные вашему: они порождают не любовь, а ненависть. Пока не будет установлена сущность болезни, не найдется и лекарства от нее. Шумом да криком болезни не вылечишь.

Амар, пренебрежительно усмехаясь в ответ на эти разглагольствования, заметил:

— Что же, по-вашему, в ожидании этого знаменательного события мы должны сидеть сложа руки?

Пока продолжался этот разговор, надзиратель принес несколько стульев. Сетх-джи и чиновники поважнее уселись. Старик положил в рот бетель и, пережевывая его беззубыми деснами, принялся обдумывать ответ на вопрос Амара. Наконец, просветлев лицом, он сказал:

— Сидеть сложа руки? Конечно, нет! Оставьте это бездельникам и лентяям. Надо сеять в людях семена сознания и стремления к совершенствованию. Все наши силы должны быть направлены на то, чтобы пробудить душу народа. Я никогда не поверю, что, если правительство сегодня снизит налог вдвое, завтра же наш народ достигнет вершины счастья. В нас еще столько пороков, и общественных и духовных, что даже полная отмена налога ничего не изменит. Не согласен я и с теми методами борьбы, к которым вы прибегли.

Амар горячо возразил:

— Мы до последнего момента просили и умоляли, но нас не слушали. В конце концов нас просто вынудили поднять это движение! — Затем, уже мягче, добавил: — Может быть, мы допустили ошибку, но тогда нам казалось, что это — единственный путь.

Сетх-джи печально покачал головой.

— Да, это была ошибка, и какая ошибка! А в результате — сотни разрушенных деревень... Мне довелось беседовать об этом с губернатором-сахибом, и он также считает, что вы не сумели стать на разумный путь. Вам должно быть известно, что мы с губернатором на короткой ноге. Когда скончалась Найна, он прислал телеграмму с выражением соболезнования... Так вот, на этих днях губернатор лично совершил поездку

по вашему району и беседовал с населением. Вначале никто не хотел идти к нему. Губернатор-сахиб очень смеялся, когда рассказывал: говорит, что такого холодного приема ему еще ни разу не доводилось встречать. Ни щета, у иного на теле и тряпки нет, а держатся так, словно им говорить не о чем с такой важной особой. С большим трудом удалось собрать несколько человек. Сахиб начал уговаривать их, убеждал поверить ему, уверял, что никто не хочет им зла,— бедняги расплакались, как дети. Желая как можно скорее разрешить проблему, губернатор-сахиб распорядился освободить всех арестованных по этому делу и образовать комитет, который занялся бы разрешением наболевших вопросов. В этот комитет войдете вы, ваш друг Салим и еще трое по вашему усмотрению. Со стороны правительства в комитет войдут только два человека. Вот, собственно, причина, по которой я явился сюда. Надеюсь, вы не станете возражать против этого предложения?

Сакина и Мунни оживленно зашептались; Салим расцвел. Но Амар молчал, глубоко погруженный в свои мысли.

— Нам дается право выбрать тех, кого мы находим нужным? — оживленно спросил Салим.

— Полное право.

— И решение этого комитета будет окончательным?

Сетх-джи замялся.

— М-да, полагаю, что так.

— Ваше мнение нас не интересует. Мы должны получить письменные гарантии на этот счет.

— А если вы их не получите?

— Тогда мы не желаем входить в этот комитет!

— В таком случае вам придется остаться здесь, а крестьяне будут разорены.

— Что ж поделаешь!

— Конечно, вам здесь особых горестей терпеть не приходится, но подумайте, каково-то теперь несчастным крестьянам.

— Я уже подумал!

— Нет, не подумали.

— Нет, подумал!

— А вы еще подумайте.

— Я уже достаточно думал!

— Если бы думали, то не стали бы так говорить.

— Вот именно — думал, потому так и говорю!

Амар резко оборвал друга:

— Что это ты, Салим?! К чему споришь? Что пользы от этого?

— Я — спору? — запальчиво ответил Салим. — Вот как ты рассуждаешь! Сетх-джи — человек богатый, он из тех, кто повелевает, поэтому он не спорит, а я — бедняк, я — арестант, поэтому я спору!

— Сетх-джи — пожилой человек.

— Вот новость! В первый раз слышу, что спорить — привилегия пожилых!

Амар не выдержал и рассмеялся.

— Дорогой мой, поэзия ведь не в том, чтобы выбалтывать все, что придет на язык, — сказал он. — Мы сейчас обсуждаем дела, от которых зависит судьба сотен и тысяч людей. Уважаемый сетх пришел нам на помощь так, как ему подсказало его понимание долга. Нам следует только благодарить его. Чего мы хотим? Справедливого отношения к крестьянам. Если же организуется комитет, который, по всей видимости, сможет установить справедливость, — нам остается только приветствовать его создание.

— Вот великолепное рассуждение! — восхищенно проговорил старый сетх. — Сам губернатор одобрил бы его!

За воротами раздался автомобильный гудок.

— Прибыла машина для деви, — сказал начальник тюрьмы. — Пойдемте, сетх-джи, дадим возможность деви собраться. Сестры, если я в чем-нибудь был неправ, простите меня. Поверьте, лично я меньше всего хотел причинить вам какие-нибудь затруднения, но служба остается службой.

Было решено, что все поедут в одной машине, — на этом настояла Ренука-деви. Начались сборы. Сюда же, в женское отделение, затребовали и одежду мужчин — Амарканта и Салима. Через полчаса все покинули стены тюрьмы.

В этот момент к воротам подкатила другая машина; из нее вышли лала Самаркант, Хафиз Халим, доктор Шантикумар и Свами Атмананд. Амар бросился к ногам отца. Сердце его было полно бесконечного почтения к старику; он словно слышал последний завет Найны: «Брат, никогда не огорчай даду! Если даже в его поступках и словах что-нибудь окажется не по душе тебе, найди

в себе силы промолчать». Амаркант омывал слезами ноги лалы-джи, старый сетх всхлипывал.

Хафиз-джи благословил Салима, обнял его и сказал:

— Сто тысяч благодарений аллаху за то, что он принял благосклонно ваши жертвы! Но где же Сакина? Я хочу взглянуть на нее — успокоить сердце.

Девушка подошла и склонила голову перед стариком. Окинув ее ласковым взглядом, Хафиз Халим шепнул лале Самарканту:

— А выбор Салима не плох! Как по-вашему?

Старый сетх улыбнулся.

— В приданое за этой девушкой идет не только красота, но и сокровища богинь, — заметил он. — Радость заставляет забыть о горе. Ваша печаль, Хафиз-джи, по поводу ухода Салима с гражданской службы, мое горе из-за смерти Найны, отчаяние лалы Дханирама, вызванное преступлением сына, — все это по-прежнему лежит тяжестью на сердце. Но сейчас пришла радость, а после победы не льют слез о погибших. Наступило время для празднеств, музыки, пиров и поздравлений. Горе прячется в уединении, радость ищет друзей.

Все ликовали, один Амаркант сидел грустный, убитый. Уже на вокзале Сукхда улучила минутку и тихо спросила мужа:

— Почему ты так печален?

Амар как бы очнулся.

— Я? Н-нет, я не печален...

— Ты стараешься скрыть тоску, но я вижу...

— Это не тоска, нет... — Голос Амара звучал серьезно, проникновенно. — Я просто все время думаю о том, что из-за меня погибло столько людей, разорено столько гнезд! Разве мы не могли раньше избрать тот путь, которым идем сейчас? Меня давит сознание вины...

Сукхда тихо, мягко отозвалась:

— Все, что ни сделано, — все благо. Каждое дело, задуманное с добрым намерением, подсказано всевышним, каков бы ни был результат. Пусть жертва не окупится, — все же останется благодать жертвоприношения. Но исход нашего дела я считаю победой, небывалой победой. Все наши жертвы — ничто в сравнении с самым важным — пробуждением народа. Жертвы пробудили

народ, и это заставило правительство пойти на уступки. Нет, тут рука всевышнего!

Амаркант устремил на жену взгляд, полный обожания. Ему показалось, что сам всевышний, вселившись в сердце Сукхды, заговорил ее устами. Печаль и томление в его душе исчезли, поглощенные пламенем веры, подобно тому как куча мусора от одной лишь искры обращается в жаркий сияющий столб огня. Такое ослепительное спокойствие впервые снизошло на душу Амара.

Прерывающимся от любви голосом он сказал:

— Сукхда, ты действительно светоч моей жизни!

В это время лала Самаркант, держа малыша на плече, подошел к ним.

— Так как же вы решили? Едем в Каши? — спросил он.

— Мне надо в Харидвар, — отозвался Амаркант.

Сукхда поддержала мужа:

— Да, да! Мы все едем туда!

Старый сетх на секунду растерялся, но тут же одобрил:

— Ну и прекрасно! Тогда надо сходить на базар и купить для Салони несколько сари.

Сукхда улыбнулась.

— Почему же только для Салони? А о Мунни забыли?

Молодая женщина, услышав свое имя, с любопытством спросила:

— Ты мне что-то сказала, сестра?

Сукхда, обняв ее за шею, сказала:

— Я говорю, что теперь Мунни-деви будет жить с нами в Каши.

— А разве вы едете в Каши? — разочарованно протянула Мунни.

Сукхда рассмеялась.

— А чего бы тебе хотелось?

— Я поеду к себе в деревню.

— Значит, с нами ты жить не хочешь?

— И лала едет в Каши?

— Конечно. А ты как думала?

Лицо Мунни сразу как-то потемнело.

— Н-нет, что же... Я просто так спросила...

Амаркант поспешил успокоить молодую женщину:

— Не горюй, Мунни! Она же шутит с тобой. Мы все едем в Харидвар.

Мунни просияла.

— Вот радость-то будет! — воскликнула она. — Бабушка Салони пестом в барабан ударит!

— А ты поняла, почему мы так поступаем? — спросил Амар.

— Чего же тут не понять? Будет созван комитет из пяти человек, и то, что он решит, признает правительство. Вы с Салимом войдете в этот комитет. Что может быть лучше?!

— Остальных трех членов мы подберем сами.

— Тогда и совсем хорошо!

— Видишь, как благородно решил губернатор-сахиб.

— Значит, люди зря его порочили?

— Конечно, зря.

— После стольких дней снова вернуться домой! И всех наших освободят?

— Думаю, что так. А с теми, кто не вернется, надо установить переписку.

— Хорошо, кто же еще войдет в комитет?

— Кто бы ни вошел, ты-то уж обязательно в нем будешь.

— Послушай только, сестра, как он надо мной смеется!

Мунни в смятении отвернулась. Глаза ее были полны слез.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман «Поле битвы» принадлежит перу классика литературы на языках хинди и урду, одного из основоположников реалистического направления в индийской литературе Прем Чанда.

Дханпатрай, известный под литературным псевдонимом Прем Чанд, родился в июле 1880 года в деревне Ламхи, близ города Бенареса. Отец будущего писателя — мелкий почтовый чиновник — зарабатывал около двадцати рупий в месяц, и семья жила немногим лучше, чем окружавшие ее крестьяне.

Дханпатраю не было еще и семи лет, когда умерла его мать и отец женился вторично. Жизнь с детства не баловала Дханпатрая нищета, отсутствие материнской любви и ласки, холодность и пренебрежительное отношение отца оставили горький след в его душе. Учиться он начал у деревенского маулави (учителя) языкам урду и персидскому, а затем мальчика отдали в школу в городе Горакхпуре, куда отца перевели по службе. Но занятия в школе не увлекли живого мальчика: он считал, что в арифметике слишком много цифр, и все они холодны и невыразительны, а история, представлявшая огромный перечень дат рождений королей и названий битв, скучна. Зато книги увлекли Дханпатрая. Мальчик свел знакомство с владельцем книжной лавки, помогал в торговле, за что хозяин платил ему «натурой» — разрешал читать книги. За два-три года будущий романист прочел много произведений популярных в то время писателей: Шарара, Мирзы Русвы, Мухаммада Али Хардои, Ратаннатха Саршара, Хазрата Риаса, Саджада Хусейна и других.

Однако вскоре отец возвратился в деревню Ламхи, и Дханпатраю пришлось ежедневно ходить в школу, которая находилась в Бенаресе, за десять километров от деревни.

Дханпатраю было всего пятнадцать лет, когда отец, следуя старым индийским традициям, женил его. А через год отец умер, и на плечи юноши легло тяжелое бремя — содержание жены, мачехи и ее двоих детей. Дханпатраю удалось найти работу репетитора в семье одного бенаресского адвоката. Ночевать юноше разрешили на чердаке адвокатской конюшни; стирать, готовить себе пищу он должен был сам, а из жалованья в пять рупий три рупии приходилось посылать семье. В таких условиях будущий писатель учился последний год в школе.

Но вот экзамены наконец сданы, и Дханпатраю посчастливилось найти место помощника учителя начальной школы. Жалованье в восемнадцать рупий в месяц! Это превзошло самые смелые его мечты. Начался долгий период учительской деятельности Дханпатрая, продолжавшийся свыше тридцати лет. Его страстное стремление учиться дальше долго не могло осуществиться. Только в 1919 году, в результате огромного напряжения сил, ему удалось экстерном сдать экзамены за курс Аллахабадского университета по специальности «английский и персидский языки и история».

Нелегкий труд учителя, материальные лишения, трудности, связанные с получением образования, — все это не смогло убить в Дханпатрае стремления к литературной деятельности. Начал он с перевода на урду рассказов бенгальского писателя Рабиндраната Тагора. С 1902 года начали появляться в печати первые произведения Дханпатрая. В 1907 году на страницах канпурской газеты «Замана» был напечатан его рассказ «Самый драгоценный капитал в мире», который привлек большое внимание. Это был рассказ о патриотизме: самый драгоценный капитал — это родина.

В 1908 году вышел первый сборник рассказов Дханпатрая, называвшийся «Любовь к родине», куда вместе с четырьмя другими рассказами вошел и рассказ «Самый драгоценный капитал в мире». Имя автора было скрыто под псевдонимом Наваб Рай. Опубликование этого сборника совпало с пробуждением народных масс Индии под влиянием русской революции 1905—1907 годов. Английские власти, встревоженные начавшимся подъемом национально-освободительного движения, отвечали репрессиями на проявление всякой свободолобивой мысли. Сборник «Любовь к родине» был признан «мятежным», весь тираж его конфискован и сожжен. Когда же в результате расследования была установлена личность автора, Дханпатрай только случайно избежал тюрьмы. Департамент просвещения запретил ему в дальнейшем заниматься литературной деятельностью, однако подчиниться этому запрету Дханпатрай был не в силах. Он продолжал писать, скрывшись под псевдонимом Прем Чанд.

Один за другим появляются в печати рассказы, очерки, публици-

стические статьи Прем Чанда. Сначала он писал на урду, а затем перешел к другой литературной форме языка хиндустан — хинди, более понятной простому народу.

В 1914 году был опубликован первый роман Прем Чанда «Приют» («Севасадан»), повествовавший о тяжелом положении женщины в индийском обществе. Прем Чанд страстно выступал против такого дикого предрассудка индуизма, как обычай пожизненного вдовства. Согласно этому обычаю, вдовам запрещалось выходить замуж, они занимали самое униженное положение в семье и обществе, должны были выполнять самую черную работу. Прем Чанд боролся с этим позорным пережитком не только пером художника. В дальнейшем, женившись вторично, он сделал своей избранницей вдову, бросив этим неслыханный в те годы вызов поборникам индуизма.

Великая заслуга Прем Чанда заключается в том, что он впервые в литературе хинди и урду вывел на страницы своих произведений нового героя — крестьянина, жизнь которого он хорошо узнал еще в детские годы, а затем будучи учителем. От рассказов из жизни крестьян Прем Чанд переходит к написанию больших романов.

Первый роман из крестьянской жизни, «Обитель любви» («Прем ашрам»), был опубликован в 1922 году. Написан роман в годы мощного подъема национально-освободительного движения индийского народа после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России. Это и определило содержание произведения. В романе «Обитель любви» Прем Чанд на примере одной деревни, которую он называл Лакханпур, показывает тяжелое положение индийского крестьянства, доведенного до крайности колониальным грабежом. Стремясь сохранить свои доходы, индийские помещики и ростовщики также усилили эксплуатацию крестьян. В деревне вспыхивают стихийные выступления против угнетателей, но «бунт» жестоко подавляется.

Так было всюду в Индии.

Пытаясь запугать народ и остановить поднимающихся на борьбу рабочих, крестьян и национальную буржуазию, колониальные власти организовали массовый расстрел участников антианглийского митинга в городе Амритсаре в апреле 1919 года, однако этот жестокий акт вызвал еще больший подъем национально-освободительного движения. Миллионные массы городской мелкой буржуазии и учащихся по призыву Ганди, лидера партии Национальный конгресс, приняли участие в «ненасильственном сопротивлении»: демонстрациях протеста, бойкоте магазинов с английскими товарами, отказе от работы в английских учреждениях и учебных заведениях и т. п. Под влиянием выступления Ганди на митинге в Горакхпуре Прем Чанд ушел в отставку с поста школьного инспектора.

Отсутствие должной организованности рабочего класса и крестьянства, слабость возглавлявшей национально-освободительную борьбу индийской буржуазии обусловили поражение движения 1918—1922 годов. Где же следовало искать выход? Прем Чанд в тот период видел его в осуществлении гандистских идей нравственного самосовершенствования и всеобщего равенства. Роман «Обитель любви» заканчивается тем, что героям удается осуществить утопический проект — создать земледельческую коммуну, где в общем труде объединяются крестьяне и их бывшие эксплуататоры. Подобные идеи проповедуются и в следующем романе Прем Чанда «Арена» («Рангбхуми»).

После того как в 1920 году Прем Чанд ушел в отставку, его и без того нелегкая жизнь еще более усложнилась. На плечах писателя была большая семья, а здоровье, подорванное годами неустанного труда и полуголодного существования, сильно пошатнулось.

Издатели журналов на языке хинди, как правило, не платили авторам гонорара, а издатели журналов на языке урду даже требовали от писателей, чтобы они сами оплачивали расходы по публикации своих произведений. По признанию самого Прем Чанда, его заработок в то время не превышал пятнадцати рупий в месяц. Материальные лишения вынудили Прем Чанда искать другие источники существования. Прем Чанд нашел компаньона, вместе с которым открыл лавку по продаже ручных прялок, но «коммерсанты» быстро прогорели. Столь же неудачной оказалась попытка организовать в Бенаресе мастерскую ручного ткачества. Однако, несмотря на тяжелые материальные условия, Прем Чанд отклонил предложение одного из своих почитателей — раджи княжества Альвар, который приглашал писателя к себе, обещая «400 рупий в месяц, автомобиль, дачу и сколько угодно времени для творчества».

Только к концу двадцатых годов, когда Прем Чанд получил уже всеобщее признание как ведущий писатель литературы на языках хинди и урду, его материальное положение несколько улучшилось.

В 1928 году Прем Чанд занял должность редактора газеты «Мадхури», выходившей в Лакнау. Благодаря стараниям нового редактора, эта прогрессивная газета быстро завоевала популярность. В январе 1930 года Прем Чанд начал издавать свой собственный литературный журнал «Ханс».

Начинающие писатели всегда находили дружескую поддержку в редакции журнала. Прем Чанд прочитывал сотни рукописей, вел переписку с авторами, давал им советы. Одним из молодых авторов, которым Прем Чанд помог в их творческом становлении, был популярный ныне писатель Упендранатх Ашк, известный и советскому читателю. Редакторская и публицистическая деятельность Прем Чанда благотворно сказалась на его художественном ма-

стерстве: язык писателя стал более простым и доходчивым, а его произведения — более реалистичными.

Начало публицистической деятельности Прем Чанда совпадает с новым подъемом национально-освободительного движения в Индии. Разразившийся в эти годы мировой экономический кризис принес новые страдания индийскому народу, на который английские монополии старались переложить всю тяжесть кризиса. Экономическое положение рабочего класса, крестьянства, ремесленников резко ухудшилось, усилилось недовольство и национальной буржуазии, которой на сузившемся внутреннем рынке приходилось вести трудную борьбу с иностранными фирмами.

Английское правительство, пытаясь создать иллюзию «заботы» иностранных правителей об индийском народе и ослабить недовольство национальной буржуазии, послало в Индию комиссию по выработке конституции («комиссия Саймона»). Однако прибытие в Индию в начале 1928 года этой комиссии, в которую не был включен ни один индеец, явилось толчком для мощных антианглийских выступлений по всей стране. По призыву партии Национальный конгресс комиссию повсюду встречали харталами (закрытие лавок и прекращение всякой деловой активности) и демонстрациями протеста. Участников демонстраций не пугали ни избиения, ни даже расстрелы; при арестах демонстранты, следуя учению Ганди о «ненасильственном сопротивлении», безропотно шли в тюрьмы. Большое возмущение в народе вызвала смерть старейшего деятеля антианглийского движения лалы Ладжпат Рая, последовавшая от побоев, полученных во время избиения полицией демонстрантов в городе Лахоре.

В округе Бардоли Бомбейской провинции, где большинство крестьян были держателями земли от государства, под руководством партии Национальный конгресс была проведена кампания по отказу крестьян от уплаты увеличенного земельного налога. Стойкость крестьян вынудила правительство провинции пойти на уступки; успех кампании весьма способствовал повышению авторитета партии Национальный конгресс.

Огромный размах получило и рабочее движение, повысилась его организованность. Это ярко проявилось во всеобщей забастовке бомбейских текстильщиков, продолжавшейся с апреля по октябрь 1928 года. На конференции коммунистических групп в 1929 году был избран Временный центральный комитет Коммунистической партии Индии. Сразу же после конференции весь состав ЦК, ряд рабочих лидеров и левых конгрессистов были арестованы, и в городе Мируте был организован антикоммунистический процесс, длившийся четыре года. Но, несмотря на репрессии, национально-освободительное движение приобрело небывалую силу и охватило всю страну.

В декабре 1929 года руководство партии Национальный конгресс приняло резолюцию, требовавшую предоставления Индии полной независимости. Было решено ежегодно отмечать 26 января как «День независимости». 26 января 1930 года по всей стране проходили митинги, участники которых давали клятву бороться за независимость своей родины. В передовой статье вышедшего в этот день первого номера журнала «Ханс» Прем Чанд отметил, что родиться в такой знаменательный день — счастье для журнала.

Немедленно после проведения первого «Дня независимости» Ганди предъявил вице-королю Индии одиннадцать требований (снижение на половину земельного налога, запрещение продажи спиртных напитков, введение покровительственных тарифов на некоторые виды товаров, отмена налога на соль, освобождение политических заключенных и др.), а после отказа вице-короля выполнить эти требования призвал массы к «гражданскому неповиновению». Оно заключалось в нарушении соляной монополии, в замене одежды из тканей иностранного производства на домотканую, в бойкоте магазинов, торгующих английскими товарами, в отказе от всяких ограничений в отношении так называемых «низших» каст. В качестве крайней меры предусматривался отказ от уплаты налогов.

Весной 1930 года были арестованы М. К. Ганди, Дж. Неру и другие лидеры партии Национальный конгресс, а также десятки тысяч членов и сторонников партии; партию объявили вне закона. Однако массовое движение не прекращалось.

Крестьянская борьба в Соединенных провинциях охватила огромные массы арендаторов и мелких собственников и была направлена не только против правительства, но и против местных крупных помещиков — заминдаров. В этой провинции крестьяне подвергались жесточайшей феодальной эксплуатации и, кроме уплаты земельного налога правительству и ренты заминдару, обязаны были нести многочисленные феодальные повинности. Падение цен на продукты сельского хозяйства, повышение земельного налога и сгон арендаторов с земли за недоимки сделали положение крестьян невыносимым и вызвали мощное движение протеста. Потребовав снижения на половину земельного налога и сокращения арендной платы, крестьяне приостановили выплату налога. Особенно упорный характер кампания неуплаты налога приняла в области Аудх.

В некоторых районах страны национально-освободительное движение стало выходить за рамки «ненасильственного сопротивления». Летом 1930 года крупные антианглийские восстания произошли в Читтагонге (Бенгалия), Пешавере (Северо-Западная пограничная провинция) и Шолапуре (Бомбейская провинция). Хотя эти не имевшие твердого единого руководства восстания были подавлены, они

ясно показали английским колонизаторам всю серьезность положения.

В конце 1930 года английское правительство созвало в Лондоне «Конференцию круглого стола». На конференции были начаты переговоры с представителями князей и религиозных общин Индии; в основу переговоров был положен отчет комиссии Саймона, предусматривавший лишь некоторое расширение избирательных прав индийцев. Однако конференция не улучшила политической обстановки в стране. Тогда английские власти в Индии освободили из тюрьмы М. К. Ганди и подписали с ним соглашение, предусматривавшее некоторые уступки индийской буржуазии (покровительственные тарифы на ряд товаров, производимых в Индии, снижение кое-где земельного налога, освобождение политических заключенных и др.), взамен чего Национальный конгресс должен был прекратить кампанию неповиновения и принять участие в «Конференции круглого стола».

На второй «Конференции круглого стола» в 1931 году представители английского правительства всячески обостряли противоречия между религиозными общинами Индии, пытаясь расколоть и ослабить национально-освободительное движение, Ганди же тщетно добивался признания требования о самоуправлении Индии.

В начале 1932 года была объявлена вторая кампания гражданского неповиновения, главным образом индивидуального. Особое внимание уделялось объединению всех религиозных общин и каст в борьбе за самоуправление, за право индусов низших каст посещать храмы и т. д. Несколько раньше, в конце 1931 года, в Соединенных провинциях возобновилась кампания неуплаты налогов. Партия Национальный конгресс не приняла участия в третьей «Конференции круглого стола», созданной в конце 1932 года для утверждения сфабрикованного английскими колонизаторами «Акта об управлении Индией».

Вторая кампания гражданского неповиновения не имела столь массового характера, как первая, и весной 1933 года по призыву Ганди была прекращена.

Подъем национально-освободительного движения в Индии в 1928—1933 годах не привел к завоеванию независимости. Сознательность и организованность рабочего класса и крестьянства по сравнению с 1918—1922 годами возросли, но не настолько, чтобы выйти из-под влияния буржуазного руководства. Индийская национальная буржуазия к этому времени значительно окрепла, ее противоречия с английским империализмом обострились, но пойти на разрыв с империализмом она не осмеливалась, боясь национальной революции. Стремясь к независимости своей страны, индийская буржуазия опасалась в то же время за целостность системы капита-

лизма в Индии. Это признавал и Дж. Неру, писавший в 1944 году: «Этот класс — буржуазия — чувствовал себя скованным и ограниченным в действиях. Он хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства против этого владычества, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее и овладеть ею, вытеснив англичан. Наша буржуазия в слишком большой степени была порождением этой самой системы, чтобы бросить ей вызов и добиваться ее уничтожения»¹.

Двойственная природа индийской национальной буржуазии получила свое отражение в ее идеологии — гандизме. Ставя целью добиться независимости Индии мирным путем и использовать для давления на английских колонизаторов массовое движение, М. К. Ганди считал не менее важным сохранение национальной буржуазией контроля над массами. Эти принципы явились исходными при создании Ганди целой системы религиозно-этических и философских взглядов.

Говоря о мировоззрении Ганди, следует прежде всего остановиться на его взглядах по таким жизненно важным проблемам, как политическая независимость Индии и ее экономическая самостоятельность. Ганди проповедовал, что «сварадж» (самоуправление) означает свободу для всех соотечественников, свободу не только от гнета английских колонизаторов, но и от всякого гнета вообще. Он призывал предоставить низшим кастам, так называемым «неприкасаемым», такие же права, как остальным индусам (учиться в школах, посещать храмы, избирать любую профессию). Утверждая, что государство представляет собой насилие в концентрированной форме, Ганди в то же время считал, что насилие частного предпринимательства причиняет меньший вред, чем насилие государства. Ганди выступил с проповедью гармонии труда и капитала; по его мнению, классовая борьба чужда Индии, а социализм и коммунизм Запада основаны на концепции совершенно отличной от индийской.

В системе взглядов Ганди на проблему достижения Индией экономической самостоятельности большое внимание уделялось требованию «свадеш» (собственное производство). По определению Ганди, «свадеш» означало использование всех вещей местного изготовления и отказ от вещей, произведенных за границей, в той мере, в какой это необходимо для развития отечественной промышленности. Однако Ганди не понимал, что основой экономической независимости любой страны является современная промышленность

¹ Дж а в а х а р л а л Н е р у, Открытие Индии, перевод с английского, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 55.

(прежде всего тяжелая индустрия), и выступал за ограничение применения машин. Ганди проповедовал, что «чаркха» (ручная прялка) — необходимая вещь в каждом доме; в ручном прядении он видел не только средство «экономической самопомощи», но и символ самоконтроля.

Ганди призывал создать в Индии «Рам раджья», («царство Рамы», т. е. «царство бога на земле»). Каким же путем попасть в это царство? По учению Ганди, этого можно добиться методами «ахимсы» («ненасилия»), самосовершенствованием, занятием ручным прядением и т. п.

Особенно настойчиво Ганди подчеркивал необходимость использовать только «ненасильственные методы». Когда движение начинало выходить за рамки «ненасилия», он не останавливался перед тем, чтобы прекратить борьбу масс, если это было в его силах. Убедительным подтверждением этого является так называемая «Бардолийская резолюция» Национального конгресса. Немедленно после событий в начале 1922 года в местечке Чаури-Чаура, где восставшие крестьяне убили более двадцати полицейских и сожгли полицейский участок, Ганди настоял на заседании Исполнительного комитета Национального конгресса в Бардоли, чтобы была принята резолюция о прекращении кампании гражданского неповиновения по всей Индии. Это вызвало замешательство даже среди ближайших соратников Ганди и негодование некоторых из них.

Вырабатывая свое мировоззрение, Ганди опирался на древнеиндийскую идеалистическую философию и индуистскую религию, а также на ряд положений некоторых американских и европейских философов, в том числе Льва Толстого. В своем руководстве национально-освободительным движением Ганди придавал очень большое значение религиозной стороне движения.

Едва ли не главной причиной быстрого распространения и огромного влияния гандизма в Индии, особенно среди крестьян, является использование Ганди основных принципов индуизма — религии, силу которой в Индии трудно переоценить. Призывы Ганди отказаться от «современной искусственной жизни» и возвратиться к патриархальной простоте, от машин перейти к ручной прялке были понятны и близки миллионам ремесленников, более всего страдавших от иностранной конкуренции. Наконец проповедь кастового равенства обеспечивала поддержку десятков миллионов «неприкасаемых». Гандизм как идеология вполне устраивал индийскую национальную буржуазию и выражал ее интересы.

В результате широкого распространения этого учения в Индии и искусного руководства национально-освободительным движением Ганди сумел пробудить национальное самосознание индийцев и во-

влек их в борьбу за свободу. В этом заключается большая заслуга М. К. Ганди. Воздавая ему должное, не следует, однако, забывать и о реакционных сторонах его учения — таких, как проповедь «классовой гармонии», осуждение революционных методов борьбы, укрепление некоторых религиозных предрассудков, непонимание роли индустриализации в завоевании полной независимости Индии и других.

Гандизм оказывал заметное влияние на творчество Прем Чанда, в особенности в двадцатые годы. Это влияние ощутимо и в «Поле битвы», опубликованном в 1932 году. В романе мы слышим отзвуки многих событий тех лет: борьбу за демократическую систему образования и бойкот магазинов, торгующих английскими товарами, движение за допуск «неприкасаемых» в храмы, «ненасильственное сопротивление» горожан. В главах, описывающих борьбу крестьян за снижение земельного налога, прямо отражено крестьянское движение в Соединенных провинциях в 1930—1931 годах. Это и является главной темой произведения.

Прем Чанд почти не пользуется портретными характеристиками, но характеры героев полностью раскрываются в их переживаниях и действиях; очень часто психологию персонажей автор показывает и в диалогах, которые занимают в романе значительное место. Следует подчеркнуть, что в обрисовке героев, как и в своем творчестве вообще, Прем Чанд совершенно отходит от канонов старой литературы на хинди и урду, согласно которым каждый литературный персонаж был носителем только положительных или только отрицательных черт. Прем Чанд создает полнокровные, живые образы главного героя романа Амарканта, его отца Самарканта и жены Сукхды, его друзей Салима и Шантикумара.

Столь же рельефны образы крестьян: Мунни, старосты крестьянской общины Гудара и его сыновей, старухи Салони и других. Разве можно, например, забыть старуху Салони, которая, несмотря на присущую ей скупость, решила отдать свой дом под сельскую школу и сразу почувствовала себя не такой одинокой: «Этот день принес Салони такую радость, какой она не испытала за всю свою жизнь. Старуха вечно воевала с ребятишками, затевавшими шумные игры возле ее порога, а уж тому, кто осмелился бы привязать у ее дома быка (символ владения домом.— Ю. Н.), Салони наверняка перегрызла бы горло. И вот теперь она отдавала им дом своих предков и чувствовала себя самой счастливой в мире».

Еще более ярким получился образ Мунни, у которой, как и у самого Прем Чанда, отличительными чертами были любовь к жизни и вера в будущее. Много несчастий выпало на долю Мунни: она была обесчещена английскими солдатами, находилась под судом — на во-

лосок от виселицы, потеряла мужа и ребенка; но она сохранила жизнерадостность, гордость и стремление к независимости.

Много слабее та часть романа, которая показывает борьбу городской бедноты. Жизнь городского люда Прем Чанд знал значительно хуже, поэтому он выступает в романе как совершенно безликая масса. Единственные образы из низов городского общества, выведенные Прем Чандом — старая патханка и ее внучка Сакина, — получились довольно бледными.

На протяжении всего романа англичане появляются только мельком: в лице солдат, совершивших насилие над Мунни, и тех двоих, которых она убила, — «из разряда проходимцев, пьянчужек и игроков, из тех, которые норовят прокатиться без билета в первом классе, удирают из гостиниц, не заплатив по счету, а в трудные минуты прикидываются попавшими в беду аристократами и выклянчивают подачки». Прем Чанд использует также прием косвенного разоблачения и создает сатирический образ англomана Манирама. Однако, несмотря на то, что англичан почти не видно в книге, критикой насажденных английскими колонизаторами порядков дышит каждая ее страница.

Как мы уже говорили, в «Поле битвы» Прем Чанд находится под значительным влиянием гандизма. Достаточно вспомнить, какое место в романе уделяется показу просветительской деятельности Амарканта и доктора Шантикумара, как описывается «ненасильственное сопротивление». Особенно характерно в этом отношении превращение бенаресского вора Кале Хана, в результате самосовершенствования, в святого подвижника. Это так же неправдоподобно, как и чудодейственное превращение в «борцов за счастье народное» старого ростовщика Самарканта, карьериста Салима, богатой избалованной женщины Ренуки-деви и других. Талант Прем Чанда слишком велик, и созданные им образы столь реалистичны, что появление их в конце романа в новой, гандистской ипостаси совершенно неубедительно.

В то же время у Прем Чанда уже начинает проявляться критическое отношение к гандистам. Это видно, например, из отношения автора к доктору Шантикумару. Несмотря на то что Прем Чанд ему в общем симпатизирует, он в то же время обращает внимание читателя на то, что Шантикумар на суде, когда все охвачены тревогой за судьбу Мунни, обдумывает план лекции на тему «насилие мужчины над женщиной». Шантикумар завидует славе Сукхды, возглавившей движение горожан после его болезни. Более важным свидетельством начала отхода от гандизма является то, что автор, как и его герой Амаркант, начинает сомневаться в правильности избранного метода борьбы и задумывается над тем, не лучше ли вместо

«ненасильственного сопротивления» взять в осаду дом помещика, как предлагал это один из героев романа Свами Атмананд. Наконец если прежние романы Прем Чанда из крестьянской жизни заканчивались идиллическими картинами создания «обитателей любви», то теперь, поняв нереальность этого, автор заключает «Поле битвы» тем, что массовое движение вынуждает губернатора пойти на уступки крестьянам. Правда, при этом Прем Чанд высказывает еще сомнение в том, что такие пути борьбы являются оправданными.

Дальнейший отход Прем Чанда от гандизма виден в романе «Жертвенная корова», известном советскому читателю, и в особенности в автобиографической повести «Нить счастья» («Мангал сутра»). Если до этого Прем Чанд не понимал и не признавал классовой борьбы, и тем более с оружием в руках, то в повести «Нить счастья» главный герой говорит: «Живя с людьми, надо быть человеком. И если ты оказался среди диких зверей, то для борьбы с ними придется браться за оружие. Стать жертвой их когтей — не добродетель, а глупость». Повесть «Нить счастья» не была завершена из-за смерти писателя в октябре 1936 года.

Прем Чанд оставил значительное литературное наследство: семь романов, четыре повести, большое количество рассказов, вошедших впоследствии в восьмитомное издание «Манасаровар», несколько пьес, публицистические статьи. Он выступал и как детский писатель, избирая сюжетами своих рассказов народные сказания и мифы.

Прем Чанд был одним из инициаторов создания Всеиндийской ассоциации прогрессивных писателей и ее первым председателем. Выступая на первом съезде Ассоциации в Лакнау, за полгода до смерти, Прем Чанд говорил: «Только та литература с честью выдержит испытание, в которой есть высокие идеи, есть чувство независимости, есть прекрасное, есть творческий дух, есть сверкание жизненной правды, которая порождает бы в нас движение, толкала бы на борьбу, тревожила бы нас, не усыпляла, ибо продолжать спать и сейчас — было равносильно смерти».

Эти замечательные слова Прем Чанда о целях и задачах литературы были в сущности девизом не только его творчества, но и девизом всей его жизни, жизни крупнейшего писателя Индии.

Ю. Насенко

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Почтительное обращение автора</i>	<i>5</i>
<i>Часть первая</i>	<i>9</i>
<i>Часть вторая</i>	<i>145</i>
<i>Часть третья</i>	<i>191</i>
<i>Часть четвертая</i>	<i>279</i>
<i>Часть пятая</i>	<i>325</i>
<i>Ю. Насенко. Послесловие</i>	<i>404</i>

Прем Чанд

ПОЛЕБИТВЫ

Редактор *И. Кудрявцева*. Художественный редактор *Д. Ермоленко*
Технический редактор *Т. Гончарова*. Корректор *М. Доценко*

Сдано в набор 19/VI 1958 г. Подписано к печати 17/IX 1958 г. А08336
Бумага 84×108¹/₂—13 печ. л.—21,3 усл. печ. л. 22,16 учет.-изд. л.
Тираж 75 000 экз. Зак. 3659. Цена 7 р.

Гослитиздат, Москва, Б-69, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Якуба Коласа, г. Минск, Красная, 23.

Larisa_F

